

АЛЕКСАНДР КОСЕНКОВ

ЗОНА ОБЕТОВАННАЯ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Annotation

Когда после смерти «вождя народов» стала распадаться и исчезать громадная империя ГУЛАГа, его лагеря стали в спешном порядке закрываться один за другим. Одни исчезали бесследно, от других остались на долгие годы по всей Сибири вышки, бараки, колючая проволока и даже ведущие в никуда дороги. Но один из этих лагерей сохранился и просуществовал до наших дней... Именно в такой лагерь, в таинственную загадочную зону, попадают герои повествования. Для одних это обернулось крахом многолетней погони за несметными сокровищами и возмездием за совершенные преступления, для других – встречей с, казалось бы, навсегда исчезнувшими людьми и удивительными открытиями.

- [Александр Федорович Косенков](#)
 -
 -
-

Александр Федорович Косенков

Зона обетованная

© Косенков А.Ф., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2019

В аэропорту я узнал, что груз отправлен еще вчерашним рейсом. Ждать оставалось чуть больше часа. Выкупив билет, я подкинул рюкзак к груде чьих-то чемоданов, вышел на грязное крыльцо аэровокзала, недовольно отвернулся от порыва пыльного ветра, а немного погодя с раздражением в очередной раз убедился, что рассказы старожилков о непредсказуемых капризах здешней погоды не досужая болтовня, а уважительная констатация фактов, один из которых наблюдался сейчас в окрестных пространствах.

Это была самая настоящая метель. Правда, сентябрь только начинался, и даже в здешних местах метелям было ещё рановато фигурировать в метеосводках. Буквально за несколько минут снег наглухо занавесил скучные аэропортовские окрестности. А вскоре объявили о переносе всех намечавшихся на ближайшие часы рейсов «в связи с местными метеоусловиями». Так неожиданно у меня в запасе оказалось неопределенное количество времени. Поневоле пришлось вспомнить о настоятельной просьбе Арсения обязательно заглянуть к нему перед вылетом. Просьбу эту с многозначительным видом передавал мне каждый, с кем я успел пообщаться, перед отъездом, забежав на минутку в институт.

Несколько минут я протоптался в нерешительности, потом прихватил рюкзак и кинулся к подъехавшему такси. В ответ на вопросительно поднятые брови таксиста назвал адрес Арсения.

В глубине души я надеялся, что его не будет дома. Но он открыл дверь, и я заметил, что он обрадовался моему появлению. Честно говоря, на подобный вариант я не рассчитывал. Дело в том, что мы с Арсением не разговаривали уже почти месяц. Вернее, почти не разговаривали. Для работы это было, прямо скажем, не очень

продуктивно, но эти, безусловно, отрицательные моменты, сглаживались тем, что свели на нет повседневное ворчливое и внимательное вмешательство Арсения во все, что бы я ни затевал в связи с предстоящим отъездом. В институте считали его «трудным человеком». С этим надо было либо мириться, либо брать себе другую тему и уходить из его лаборатории. А вот этого мне совсем не хотелось. Я давно уже приглядел себе тему о здешних птицах. Постоянно живущих именно здесь, на границе тундры и лесотундры, можно считать, на грани выживания. Но в то же время именно эти места для них, пожалуй, самые безопасные на Земле. Потому что там нет или почти нет людей. С незапамятных времен и до нынешних. Такие уж эти места... В общем – материал уникальный. Поэтому, когда Арсений отказался поехать на стационар, в первое мое здешнее «поле», то я сначала растерялся, а потом перестал с ним разговаривать.

Первоначальная моя гипотеза основывалась на том, что Арсений понял – я для него буду обузой в далекой Омолонской тайге, откуда до ближайшего человеческого жилья двести с лишком километров. Все, чем мы располагали в тех местах, – старая палатка, наверняка разорванная за прошедшие годы ветрами или гуленой-медведем, да сруб небольшой избушки. Вот и весь наш стационар. Будущий, конечно. Надо было добраться туда почти с тонной груза, достроить избушку, ходить в маршруты по окрестной тайге, фотографировать, снимать показания приборов, вести наблюдения. Кроме того, уметь быстро приготовить любую еду, зачастую в самых неподходящих условиях, уметь почти профессионально держать в руках топор и ружье, быть спокойным ненавязчивым собеседником и помощником на все руки. Где мне, типичному городскому жителю, набраться таких достоинств, без которых вряд ли удастся успешно просуществовать почти три месяца в экстремальных условиях подобного поля! Он, конечно, вправе был так думать, поскольку мог не знать или не принимать всерьез мою практику в Саянах, на Нижней Тунгуске и на Таймыре. Я же, ошалев от неожиданности его «измены» им же самим затеянной экспедиции, не стал его ни в чем разубеждать, не стал рассказывать, что умею не так уж и мало даже по самым высоким местным меркам, и, изнывая от гордости, продолжал как ни в чем не бывало собираться в предстоящую дорогу.

В это время с помощью одного из «доброжелателей» Арсения Черепкова появилась еще одна гипотеза.

– Старик, не ломай голову, – сказал он, когда никого не было рядом. – Все просто, как два пальца. Ему нужно добрать материал, и этот материал привезешь ему ты. А он за эти два месяца окончательно протолкнет свою монографию. Зачем корячиться, когда есть негр. Обычная история в научных кругах, привыкай.

К чести своей могу сказать, что не поверил ему и разговора не поддержал. Не тот человек был Арсений. Кроме того, уже тогда я почувствовал в его отказе нечто вовсе не подходившее под эти гипотезы. Что-то тут было не то.

И вот мы сидим с ним за столом, захламленным разобранными фотоаппаратами и кинокамерами, проводами, аккумуляторами, паяльниками, датчиками и невообразимым количеством запчастей, деталей и прочего, на первый взгляд, никуда не годного хлама. Снег за окном и не думал редеть. В комнате было почти темно. Арсений докуривал сигарету. Вся квартира была насквозь пропитана застоявшимся запахом пыли и табачного дыма, безошибочно выдающими мужское одиночество и неустроенность. В доме, где есть женщина, никогда так не пахнет.

– Понимаю, ты обижен на меня... – сказал наконец Арсений.

– Давайте не будем, – торопливо перебил я. – Какие теперь обиды? Честное слово, не обижен. Сначала только...

Я запутался и стал сосредоточенно рассматривать прибор, над которым трудился мой шеф.

– Я знаю, ты хороший полевик, – выдал он наконец и замолчал, словно вслушивался в свои слова. – Но не думал, что ты решишься... один.

«Ага, разузнал все-таки. Лучше поздно, чем никогда», – подумал я, а вслух зачастил:

– Начинать так начинать. Одному даже лучше. Не будет давить ваш авторитет, – и попытался улыбнуться, чтобы подчеркнуть несерьезность последних слов. Но Арсений смотрел в окно и, возможно, принял мои слова за чистую монету.

– Я тебе тут все написал и расписал, – продолжил он после явно затянувшейся паузы. – Хотел поехать к рейсу, смотрю – снег пошел.

Подумал – может, сам приедешь? Если бы не приехал, послал бы с кем-нибудь. Или сам смотался.

Он некоторое время вслушивался, повернув ко мне голову, потом неожиданно улыбнулся.

– Впрочем, был уверен – приедешь. Вычислил.

Из солидной стопки потрепанных блокнотов «Полевого дневника» он взял лежавший сверху и с многозначительным видом положил передо мной на стол.

– Как вы могли вычислить? Я сам до последней минуты не знал...

– Ты, может, не знал, а я подумал и решил, что приедешь, – словно не заметив моей последней попытки сопротивления, спокойно сказал он и, придвинув блокнот, сел рядом. Поневоле я взял его, но так и не раскрыл. – Первая запись там... – сказал Арсений и замолчал. Некоторое время мы оба вслушивались в гнетущую тишину квартиры. – Гласит: «Найти сейчас рабочего, когда вот-вот начнется охотничий сезон, мертвое дело». Послушав, как это прозвучало, он поправился: – Почти мертвое.

– Может, все-таки без рабочего? – безнадежно спросил я, поскольку вылетать на стационар без рабочего мне было категорически запрещено директором. Запрещено, как я теперь догадываюсь, не без активного вмешательства Арсения. Судя по тому, как раздраженно прореагировал он на мой вопрос, в своих предположениях я не ошибся.

– Ты можешь, конечно, просидеть эти месяцы в палатке. Но тогда тебе двадцать четыре часа из двадцати четырех придется топить печку. Знаешь, какие там будут морозы через месяц? А чтобы ее топить, надо будет еще часов по восемнадцать-двадцать заготавливать дрова. На еду, на сон, на маршруты, на научную работу у тебя останется... – он показал мне кукиш.

Он, конечно, преувеличивал. Я понимал, что это для пользы дела, но...

– Это только одна сторона медали, – продолжал Арсений. – Другая, не менее важная: к весне мы должны иметь полноценную базу. Кузьмин согласился на поле только при этом условии. Тебе одному избу не достроить. Это исключено даже при твоих физических данных.

Я обиженно молчал и мысленно подбирал возражения, что «если все так сложно и неразрешимо, то не лучше ли ему просто-напросто полететь со мной». Но Арсений, кажется, догадался о моих размышлениях. Пробормотал:

– Только не думай ничего такого. Я еще никому не говорил...

«О чем не говорил?» Я лихорадочно соображал – что он скажет дальше? От неприятной догадки, от невыносимо густого запаха дыма у меня вдруг заболела голова. Противное ощущение собственного бессилия мешало сказать что-нибудь, беспечно улыбнуться хотя бы. Такого со мной не случалось давно. Настолько давно, что я не сразу вспомнил, когда же это было. Кажется, в Саянах. Когда я очутился в самой середине заскользившей к обрыву осыпи. Бежать, кричать, даже шевельнуться – смертельно опасно. Оставалось только одно – ждать, когда водопад камней вместе со мной обрушится вниз...

Я вдруг понял, что последние слухи об Арсени, шепотом передававшиеся в институте, кажется, имеют место быть. И эта очередная неожиданность окончательно выбила меня из состояния острожно-снисходительной вежливости.

– Придется ложиться на операцию, – нехотя выдавил наконец Арсений.

Я устало подумал, что слухам в научной среде иногда стоит доверять, мысленно уничтожая себя за все свои прежние гипотезы и трусливое желание избежать этой последней встречи. Не глядя на Арсени, пробормотал:

– Может не так все страшно? обойдется...

– Конечно обойдется! – с неожиданным раздражением оборвал меня Арсений. Очевидно, он что-то рассмотрел в моих глазах, потому что торопливо отвернулся к окну. Мне даже показалось, что он улыбается. Хотя вряд ли. С чего бы ему улыбаться? К тому же, когда он снова заговорил, голос его был ровным и бесстрастным.

– У меня к тебе просьба. И в службу, и в дружбу... Сделаешь?

– Арсений Павлович, о чем речь, – незнакомым самому себе голосом торопливо выдавливал я слова. – Все, что надо... Какие могут быть сомнения? То есть, конечно, сделаю.

– Захвати, пожалуйста, с собой вот этот прибор...

Арсений наклонился и достал из-под стола продолговатый черный ящик. Он, кажется, догадывался и о моем волнении, и моей

растерянности, и моей готовности сделать для него все, что угодно. Он улыбнулся. А я подумал: «Интересно, смог бы я улыбаться на его месте?»

– Что к чему, ты тут легко разберешься, – сказал он. – Где установить, я там написал, нарисовал даже. Главное, укрепи понадежнее.

– Будет сделано, – заверил я.

– У каждого свои слабости, – решил он все-таки объяснить, в чем дело. – До сих пор ни одного толкового снимка россомахи в моих архивах. Тут у меня небольшое приспособление – разберешься на досуге – можно будет ночной снимок сообразить. Россомаха на ночной охотничьей тропе! Представляешь? Если получится, конечно. Договорились?

– Да я сам на этой тропе засяду, если что, – бодро пообещал я, стараясь всем своим видом убедить его в том, что сделаю все возможное, лишь бы он был доволен.

– Самому не надо, – снова улыбнулся Арсений. – Самому тебе делов выше головы, да еще с привеском. Кстати, если кедровки поблизости объявятся, понаблюдай. Я все еще никак со схемой их дневных перелетов не разберусь.

– Понаблюдаю, – как можно увереннее сказал я и встал. Снегу за окном вроде бы поубавилось, в комнате заметно посветлело.

– Подкину, – объявил Арсений и пошел в коридор одеваться.

Я отнекивался, отказывался, упрашивал, но Арсений, не обращая на мои слова ни малейшего внимания, подождал, когда я оденусь, и, забрав у меня прибор, легко сбежал по лестнице. Я заторопился следом. Пришлось, правда, вернуться за забытым блокнотом. В спешке я задел стол, стопка полевых дневников рухнула, разбираться, какой из них был предназначен для меня, не было ни времени, ни желания. Схватив первый попавшийся, я поспешил к выходу.

Минут через десять мы уже ехали к аэропорту в его машине. Дворники торопливо сгребали со стекла мокрый снег, скользкая хлюпающая дорога петляла между голыми сопками и, огибая не видную за пеленой несущегося снега бухту, долго поднималась к перевалу.

– Не улететь сегодня, – констатировал я, упираясь взглядом в задний борт грузовика, который Арсений пытался обойти, не

дождавшись окончания подъема.

– Через час будет солнышко, – пообещал Арсений и, обогнав грузовик, увеличил скорость. На подобный маневр я бы не рискнул. Арсений, поймав в зеркале мой взгляд, успокаивающе улыбнулся.

В последнее время ни о ком я не размышлял столько, сколько об Арсении. Меня лично общение с ним всегда приводит в состояние какой-то повышенной готовности. Наверное, это происходило от его абсолютного превосходства надо мной буквально во всем. Можно приплюсовать сюда еще и то, что до сих пор непонятны для меня ни ближайшая, ни отдаленная цель его жизни. Непонимание это, возможно, поселилось во мне от ощущения полной несовместимости того, чего мог добиться этот человек, и того, чем он довольствовался. В общем, никак не подходил Арсений Павлович ни под одну из категорий ранее встречавшихся на моем жизненном пути человек. На собственном примере я чувствовал, как, должно быть, непросто с ним и всем остальным, кто вольно или невольно оказывался рядом. Но свое отношение к нему я тщательно старался отделить от отношения к нему других. В институте одни были к нему равнодушны, другие вежливо почтительны. Некоторые не любили его, а кое-кто ненавидел за проявляющееся на каждом шагу превосходство и не всегда маскируемую насмешливость. Те, кто не зависел от него или редко с ним сталкивался, заявляли о неизменном к нему уважении. Многие ценили в нем «золотые руки», «прекрасную голову», «отличного полевика», «неплохого исследователя» и даже «серьезного ученого». Но совершенно уверен, что почти никто, положив руку на сердце, не признался бы в симпатии к этому человеку. Если быть объективным, испытывать к нему дружеские чувства, действительно, было непросто. Может быть, даже невозможно. Я был исключением. Мне нравилось в нем все, даже его недостатки. Слишком во многом я хотел походить на него, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как насмешливое ощущение собственного превосходства, привычка вслушиваться в свои слова или раздраженное неприятие возражений, с которыми иногда рисковали к нему обращаться. «Совершенно не похож на больного», – думал я, украдкой рассматривая в зеркале его сосредоточенное лицо. «Что за болезнь? Что за операция? Обидится, если спросить? Или не ответит? Скорее всего, не ответит, если сам не сказал. Может, все-таки спросить?»

– А с рабочим попробуй так... – неожиданно сказал он, поймав в зеркале мой взгляд. – Помнишь, я тебе говорил о тамошнем егере? Птицын Сергей... Если он в тайгу еще не ушел, поговори с ним. Скажи, что я прошу. Если не согласится, тогда иди к Омельченко. Лесник тамошний. Личность примечательная во всех отношениях. Поговори с ним. Объясни, почему я не смог приехать. К нему там прислушиваются. Если он порекомендует или скажет кому, будет у тебя рабочий. Постарайся понравиться.

Впереди показался аэропорт. Дворники еще монотонно скребли по мокрому стеклу, но снега уже не было. А когда я вышел из машины, то на белых вершинах дальних сопков, проглянувших из-за серой мути стремительно откатывающейся непогоды, разглядел первые ослепительные пятна солнечного света. Арсений, как всегда, был прав. Знанием движет практика. А уж он-то много лет сталкивается со здешней погодой. Интересно, нравится она ему? Или привык? Может, спросить?

– До свидания, Арсений Павлович... Спасибо вам за все...

Он улыбнулся, словно через силу, и резкое лицо его потеплело.

– Ничего, Леша. Все будет хорошо. Ты, главное, рабочего найди. Без рабочего в тайгу ни шагу. За нарушение – самые страшные санкции. В общем, сам понимаешь...

Он крепко пожал мне руку, машина круто развернулась, и я остался один. Через час объявили мой рейс.

* * *

Ненастье катилось за мной по пятам, и когда я прилетел в поселок, там почти сразу повалил снег. Крошечное здание аэровокзала было забито под завязку. Кого тут только не было. Оленеводы, рыбаки, старатели, охотники, геологи, снабженцы и прочий, с первого взгляда трудно определяемый в своей профессиональной принадлежности командированный и некомандированный люд. Почти все с грузом, все в нетерпении и раздражении от всяческих задержек, а главное, от полного незнания того, когда же они смогут наконец покинуть эти осточертевшие от ожидания и непривычного безделья места. Непроглядный снегопад одних успокоил на время, других, наоборот,

довел до белого каления, и я, окунувшись в эту атмосферу, почувствовал себя лишним. Мне-то пока спешить было некуда. На поиски рабочего, по предсказаниям Арсения, могло уйти два-три дня. А если не повезет, то и вся неделя. Но до недели доводить не следовало. Неделя – это уже излишества на грани срыва всех моих обширных планов. Впрочем, я был совершенно уверен, что как только прекратится снег, я благополучно отбуду в нужном мне направлении. Либо с рабочим, либо без него. Вариант своего единоличного отбытия я, несмотря на самые строгие запреты, все время держал в запасе, ни капли не сомневаясь, что справлюсь со всеми своими делами в полном одиночестве. Ну а потом... Победителей не судят. Удостоверятся, что все обстоит как нельзя лучше, что материалы собраны, наблюдения проведены, избушка достроена, успокоятся и простят. Я даже был согласен на выговор, на строгий выговор, если на то пошло, только бы доказать свои возможности к самостоятельной работе. За минувший месяц я основательно прокрутил в воображении ситуацию победоносного возвращения из многотрудной экспедиции. Оно бы безоговорочно доказало мою стопроцентную пригодность как полевика. Свои научные способности я собирался доказать чуть позже. Пока мне нужен был материал. Обширный и разнообразный. Я мог получить его только в тайге, в тундре, на озерах и реках. И чтобы быстрее его заполучить, чтобы собрать его не за десять лет, а за два-три года, я должен получить возможность самостоятельной работы в самых сложных условиях. Надо было добиться, чтобы меня отпускали в поле одного, а не в составе многолюдных, шумных, медлительных и малоэффективных в научном отношении экспедиций, которые почему-то до сих пор еще не доказали свою полную несостоятельность в нашей профессии. Добиться этого я мог, нормально закончив предстоящую экспедицию. И если уж быть совершенно честным, отказ Арсения был мне даже на руку. Мне необходим был именно одиночный вариант. Я на него не рассчитывал в таком скором времени. И если уж он мне подвернулся, упускать его было бы непростительной глупостью. Нет, окончательно от рабочего я не отказывался. Постараюсь сделать все, чтобы найти его. С рабочим – это, по сути, тот же одиночный вариант. Но не буду же я месяц его разыскивать. Отменять, что ли, экспедицию из-за того, что рядом со мной не будет

человека, который должен топить печку, готовить еду и помочь сделать крышу над избушкой? Сам прекрасно со всем справлюсь.

Прогулявшись до вертолетной площадки, я убедился, что груз мой аккуратно сложен и прикрыт от снега. Избавившись от беспокойства за него, я неторопливо отправился в диспетчерскую выяснять, что и когда мне смогут выделить для заброски.

– Из института? – переспросил хмурый диспетчер, внимательно меня разглядывая. – Будет погода, закинем, об чем речь. Хоть завтра. Только погоды не будет. Ни завтра, ни послезавтра, так что ты это поймей в виду. Синоптики там, знаешь, что наобещали? Темная ночь! Рабочего-то нашел? – неожиданно огорошил он меня вопросом.

– Рабочего? – сделал я удивленное лицо.

– Указание от твоего начальства имеется, – и он ткнул пальцем в пространную телеграмму, лежавшую под стеклом на его столе. – Не давать борт, если будешь один. Так что – давай. Найдешь, оформишь, установится погода – закинем как миленького. Усек? Впервые в наших краях?

Это, конечно, Арсений сообразил. Кузьмину, в сущности, начхать – будет рабочий или нет. Нет – даже лучше, экономия средств. Это Арсений собирается сгладить свое отсутствие телеграфными заботами о моей безопасности. Теперь хоть наизнанку вывернись, а рабочего надо находить.

Пообещав диспетчеру вернуться в самое ближайшее время с завербованной рабочей единицей, я вышел из диспетчерской, спустился по лестнице в битком набитый зал ожидания и остановился в раздумье. Надо было поесть, устроиться на ночлег, найти Птицына, сходить к Омельченко. Я стоял и решал – с чего же начать?

В полутьме под лестницей небольшая компания бичей меланхолично допивала последнюю бутылку краснухи. Я прошел было мимо, но неожиданная мысль (очень удачная, как мне тогда показалось) тормознула меня. Еще раз оглядел бичей, быстренько сварганил удобоваримую модель будущего своего поведения и кинулся в ближайший магазин. В магазине торопливо заплатил за две бутылки «Агдама», рассовал их по карманам и побежал к аэропорту.

Бичи сидели на месте. Один уже спал, а двое о чем-то негромко бубнили, кажется, совсем не слушая друг друга.

– Мужики, примите в кампанию? – спросил я, присаживаясь рядом на корточки.

Они с сонным безразличием оглядели меня с ног до головы, и, наконец, тот, что поближе ко мне и поздоровее, прохрипел:

– Катись.

Прием был не из лучших, но надо было настаивать на своем. Я выставил на пол купленные бутылки и деловым тоном объявил:

– Для разговору... Есть предложение. Ваше дело – принять, не принять. В обиде не буду.

Ставка на интерес помогла. Хриплый, не открывая глаз, потянулся к бутылке, но тот, который вроде бы спал, не открывая глаз оттолкнул его руку.

– Выкладывай, – приказал он мне.

Видимо, и в их узком кругу существовала определенная иерархия, поэтому я решил в последующем адресоваться именно к тому, кто, кажется, был за старшего. Свое предложение я изложил с телеграфной краткостью.

– Еду в научную экспедицию. Один. Нужен рабочий – топить печку, готовить еду, помочь достроить базу. Ставка стандартная, плюс все коэффициенты и полевые. Срок – до Нового года. Вернее, почти до Нового года.

Бичи, переглянувшись, молчали. Старшой, видимо рассудив, что временное общение со мной не грозит пока никакими неприятностями, а быстрое согласие или отказ могут свести перспективы дарового выпивона к нулю, зубами содрал пробку с ближайшей бутылки, для приличия вытер рукавом неизвестно откуда извлеченный стакан, наполнил его и протянул мне. Отоварились и остальные.

– За успех научной экспедиции! – резюмировал Хриплый.

Пришлось выпить. Ни согласие, ни отказ еще не прозвучали. Надежда расплывчатым силуэтом маячила за неразборчивыми физиономиями моих собутыльников.

– Ну и как? – спросил я, внутренне передернувшись от влитого в себя пойла. – Согласные будут?

– Один что ль нужен? – спросил Старшой, и по его тону я понял, что он просто тянет время. Но поскольку еще ничего не было сказано окончательно, я терпеливо и вежливо кивнул в знак подтверждения.

– Где же твои апартаменты будут располагаться? – вмешался еще один из его дружков, интенсивно рыжей, как мне показалось в подлесничной полутьме, масти. – Место деятельности?

– Верховья, – объяснил я. – Двести километров в верховья.

Старшой презрительно хмыкнул:

– Верховья... Верховья – это треп. Конкретно говори. Тут тебе не студенты.

– Да он сам ни хрена не знает, – хмыкнул Рыжий. – Не видишь, что ли?

Я вспомнил настоятельный совет Арсения не называть место нашего стационара. Во всяком случае, временно не называть, пока договор не заключен. Но сейчас меня почему-то задело за живое. Надо было доказать этой братии свою компетентность, иначе они меня бог знает за кого примут. У меня была цель, и я пер к ней напролом.

– А вы что, знаете те места? – нахально спросил я, адресуясь к Старшому.

– Мы-то знаем, – сказал тот, разливая оставшееся вино. Тон его во время этой процедуры несколько смягчился.

– Ты лучше спроси, чего мы тут не знаем, – с какою-то вызывающей ласковостью, должной обозначать не то юмор, не то презрение к не оценившему их высоких достоинств нахальному пришельцу, хрипло хохотнул самый здоровый из моих собутыльников. – Охотничать, плотничать, лес валить, траву косить, по рыбке вдарить, золотишко пошарить... Молодой человек считает, судя по всему, что мы элементарные бичи, – обратился он к товарищам.

– Не разбирается в людях, – констатировал Рыжий.

– Поехали, – приказал Старшой. – А после объяснишь свое место, если знаешь.

– Протока Глухая, – сказал я. – Озеро Абада. Если слышали, конечно.

Рука Хриплого с кружкой замерла в воздухе. Рыжий неопределенно хмыкнул. Старшой с интересом и даже, как мне показалось, с испугом посмотрел сначала на меня, потом зачем-то за мою спину.

– Ну, ты даешь, – не сразу прореагировал он. После чего все-таки расправился со своей порцией. Остальные торопливо последовали его

примеру. Я, воспользовавшись непонятым их замешательством, решил на этот раз воздержаться.

– Чего делать-то будешь на Глухой?

Реакция моих собутыльников насторожила меня, но отступить было уже поздно.

– Я орнитолог, – пустился я в разъяснения, надеясь, что незнакомое слово придаст мне вес в их глазах. – Буду вести научные наблюдения, ходить в маршруты, фотографировать, записывать...

– На Глухой фотографировать? – испуганно спросил Рыжий.

– На Глухой тоже, – подтвердил я.

– Это самое... Орнитолог... – спросил Хриплый. – По золоту или по другому чему?

– Птички, – объяснил ему Старшой.

– Что «птички»? – не понял Хриплый.

– Птичками он интересуется. Орнитолог. Если не врет, конечно.

– Зачем мне врать? – удивился я эрудиции окончательно проснувшегося бича и неожиданному его сомнению.

– Кто тебя знает? – сказал тот. – На опера ты, конечно, не тянешь. Опять-таки, какие сейчас птички на Глухой? Какие были, все на юг подались.

Все трое смотрели теперь на меня с явным недоверием. Я ничего не понимал.

– Меня лично интересуют те, которые остаются. – Я безуспешно пытался нащупать ускользающую почву. – Глухари, рябчики, кедровки...

– Сильно интересуют? – спросил Рыжий.

– В пределах адаптации к здешним условиям, – чувствуя, что терять мне уже нечего, нахально заявил я.

– Здешние условия для кого как, – согласился Старшой. – Одни живут, а другие никак не живут. Если не улетят, помереть могут. – Он внимательно посмотрел на меня и добавил: – Птички, естественно.

Хриплый хмыкнул, Рыжий отодвинулся в тень.

Я решил использовать запасной вариант.

– Тогда, мужики, есть другое предложение. Одного из вас – кто согласится – я оформляю...

Хриплый снова хмыкнул.

– Подождите... Я оформляю, и он летит со мной. Долетаем до места, разгружаемся. Во время разгрузки у него заболит живот: застарелый аппендицит, или схватит сердце, вплоть до инфаркта. Этим же рейсом он отправляется назад. За беспокойство оплачиваю по договоренности.

По этому варианту, на котором покоились мои надежды, я получал вертолет и оставался один. Что, в конце концов, и требовалось доказать.

– Видать, сильно тебе на Глухую надо? – спросил Хриплый.

– Сильно, – подтвердил я.

– Агдамчик из командировочных брал? – поинтересовался Старшой.

– Зачем из командировочных? Из своих.

– Много получаешь?

– Мне хватает.

Я еще пытался сохранить лицо и поэтому отвечал почти спокойно.

– Все-таки интересно, сколько сейчас получает молодой научный работник? – не отставал Старшой, и в его внезапно протрезвевших глазах я разглядел откровенную издевку.

«Посмотрим, что будет дальше», – решил я про себя и постарался изобразить самую широкую улыбку.

– Сто двадцать. Плюс коэффициент, конечно.

– Не густо, – серьезно посочувствовал Старшой и, достав из недр своей замызанной куртки толстую пачку купюр, отделил одну и протянул мне.

– Сдачи нет, – отказался я.

– Возьми себе. За то, что в магазин сбегал, – сказал он, припечатывая купюру к моему колену.

Хриплый заржал. Рыжий, высунувшись из темноты, тоже ощерил зубы.

«Пререкания грозят взаимными неприятностями», – оценил я сложившуюся обстановку и, неторопливо сложив купюру, сунул ее в карман, поднялся.

– Извиняюсь за беспокойство. Думал, понравимся друг другу. Не получилось.

– Не получилось, – подтвердил Старшой, внимательно глядя на меня.

Буквально несколько минут назад, рассматривая его, я был совершенно уверен, что он пьян и с трудом разбирается в окружающей обстановке. Сейчас передо мной сидел трезвый, настороженный и явно неглупый человек. Судя по всему, он мне не поверил. Или принял за кого-то другого. Почему? Выяснение этого, ввиду сложившихся обстоятельств, я решил отложить до лучших времен. Оставалось только попрощаться и уйти. Так я и сделал. Но даже в другом конце плотно набитого людьми здания я чувствовал из-под лестницы внимательный взгляд Хриплого. И еще краем глаза успел заметить подавшегося куда-то Рыжего.

У одной из лавок я отыскал минимум свободного пространства, перетащил туда рюкзак и, усевшись на него, крепко задумался. И так, в самое ближайшее время мне надо было устроиться на ночлег, поесть и разыскать Птицына. Я решил сначала сходить в столовую, потом найти Птицына и с его помощью побеспокоиться о ночлеге. Но все мои планы тут же рухнули. Кто-то положил руку мне на плечо. Я оглянулся. Надо мной возвышался здоровенный красавец-мужик лет тридцати пяти с серыми смеющимися глазами.

– Здорово! – громыхнул он на все задыхающееся от спертости пространство зала. – Алексей ты будешь?

Я смотрел на него снизу вверх и от растерянности молчал.

– С института? – продолжал вопросительно грохотать он, обратив на нас внимание почти всех ожидающих. Глаза его лучились насмешливо-покровительственной и доброжелательной улыбкой.

– Опоздал, понимаешь. Пока машину выбил, звоню – прилетел, говорят, рейс. Я с ходу сюда. Груз твой где?

Совсем рядом мелькнуло удивленное лицо Рыжего. Он явно заинтересовался нашим разговором.

– Здравствуйте, – сказал я наконец и поднялся, все еще теряясь в догадках насчет того, кто же это все-таки такой. – Груз на площадке... А в чем, собственно, дело?

– В чем оно может быть? Забираем твой груз и ко мне. А там видно будет. Или не устраивает чего?

– Почему не устраивает... – я все еще боролся с растерянностью и не знал, что мне говорить и делать.

Незнакомец, перестав улыбаться, внимательно посмотрел на меня, и мне на мгновение показалась в его глазах едва уловимая

напряженная настороженность. Но, видимо, все уразумев, он снова широко улыбнулся, и снова залучились, засверкали добрейшие серые глаза.

– А мне Арсений Павлович названивает. Помоги, говорит, моему парню. Сам-то он что? Болен? – И снова, перестав улыбаться, внимательно посмотрел на меня.

– Вы – Птицын! – с облегчением догадался я.

– Кто? – удивленно спросил незнакомец, приподняв в шутливом изумлении широкие брови. И сразу раскатисто захохотал. – Все бывало, – обратился он к следящим за нашим разговором соседям. – Но чтобы Омельченко за Серю Птицына приняли – кому расскажи, со смеху помрет.

Многие вокруг, очевидно, хорошо знали и Омельченко и Птицына, поэтому с готовностью засмеялись. И снова рядом мелькнуло хмурое лицо Рыжего.

– Извините, – сказал я. – О вас я тоже наслышан. Арсений Павлович о вас много говорил.

– Ну и как он говорил? Ничего? – спросил Омельченко и снова поглядел на стоящих вокруг людей, словно приглашая их принять участие в нашем разговоре.

– Говорил, если вы захотите помочь, то можно считать, дело в шляпе.

– Так и сказал? – почему-то чуть ли не шепотом спросил Омельченко.

– Что сказал? – не понял я.

– Про шляпу.

– Про шляпу – это я сам.

– Ясненько. А дело-то какое? – еле слышно спросил Омельченко.

– Он вам разве не говорил? – удивился я.

– Мне? – тоже удивился Омельченко. – Когда?

– Он же с вами по телефону говорил.

– А... а... – снова захохотал Омельченко. – Так это он просил вообще помочь. А конкретно, мол, ты сам скажешь. Если захочешь.

– Почему не захочу? Еще как захочу.

– Вот и ладушки, – обрадовался Омельченко. И тут же спросил: – Ел?

– Собирался.

– Ночевать где-нибудь устроился?

– Тоже собирался.

– А груз, значит, на площадке?

Я согласно кивнул.

– А говоришь, помогать не надо, – засмеялся Омельченко. – Двинули?

* * *

Через полчаса мы ехали к поселку в грузовике, загруженным моей экипировкой. Омельченко тесно придавил меня к дверке кабины и неожиданно надолго замолчал. Перед этим он говорил не переставая, смеялся, шутил. Но когда мы поехали, прочно замолчал, и я, используя это неожиданное молчание, попытался разобраться в навалившихся на меня за последний час впечатлениях.

С бичами, например, совершенно неясно. Чего они испугались? Вздернулись как ошпаренные, даже протрезвели. Особенно, когда я упомянул о Глухой. Может, действительно, прав Арсений – не надо было говорить о месте стационара? Но почему? Непонятно. Ладно, оставим выяснение этого вопроса на будущее и двинем дальше. Омельченко! Интересный мужик. Жизнерадостный, разговорчивый. Наговорил-то он много всего, а в голове почти ничего не осталось. Все о каких-то незнакомых мне людях, о каких-то событиях, может, и значительных с его точки зрения, но мне абсолютно ничего не говорящих. Сам я, по-моему, выложил ему гораздо больше. И про свои затруднения, и про работу, и про Арсения. Трудно быть не откровенным с таким жизнерадостным и доброжелательным человеком. Но, честно говоря, от его метаморфоз у меня голова шла кругом. То хохот, шум, слова льются безостановочно. То настороженная внимательность, задумчивое молчание. Вот как сейчас. Нервишки пошаливают? Странновато для такой мощной фигуры и для столь отдаленных, наверняка спокойных мест. Хотя кто его знает, может, характер такой?

Неожиданно из пелены густеющего снега, с трудом пробиваемого светом фар, возникли два человека с автоматами. Один из них поднял руку. Машина остановилась.

– Что везем? – спросил низенький краснолицый сержант приоткрывшего дверку шофера. – Документы.

– Своих не узнаешь? – очнулся Омельченко. – Ты меня сегодня уже проверял, сержант.

– Что за груз? – строго спросил тот, не меняя выражения своего курносого, мокрого от снега лица.

– Ученого вот встречали. Из города, из института. Вещички экспедиционные. Да ты не бойсь, в порту проверяли.

– Чернов, проверить груз, – приказал сержант своему напарнику.

– С чего это у вас такие строгости? – спросил я.

– Взрывчатка не так давно со склада на прииске пропала. Несколько ящиков увели деятели. Опять-таки, если подумать, кому она тут нужна?

– Может, рыбу глушить? – высказал я предположение.

– А чего ее глушить? – удивился Омельченко. – На протоку отъехал – руками бери. Понагнали милицию, солдат. Мое мнение – по документам что-то не сошлось. Кому она нужна, скажи на милость?

В кузове, судя по всему, крепко перешуровывали мою экипировку. Не побили бы приборы.

– Не скажите, Петр Семенович, – неожиданно подал голос до этого ни слова не сказавший шофер. – Взрывчатка, если где на шурфах старателю, да еще в зимнее время, так она на вес золота. Говорят, чуть ли не машину увезли.

– Так уж и машину! Наговорят теперь. Скоро пять машин окажется. Бесхозяйственность наша – и все дела. Поселок, как на ладони, – обратился он ко мне. – Все друг друга, можно считать, достоверно изучили. На кого будешь думать? Как скроешь? Вот то-то и оно. В основном приезжих шерстят. Старателям, которые выбирают или прибывают, тем вообще ступить не дают.

– Много их у вас? – поинтересовался я.

– Имеются. Не то чтобы очень, но есть. Сам подумай – как пришлому человеку на склад забраться, да вывезти, да спрятать? Все на виду. Это тебе здесь всё незнакомое пока. А я, к примеру, про каждого – что и как... Просто быть не может, чтобы стащили. Выдали проходчикам на перевыполнение, а списать забыли. Это у нас сплошь и рядом.

– Езжай! – махнул рукой неожиданно появившийся перед капотом сержант.

– Полмесяца, считай, никакого покоя, – проворчал шофер. – Туда едешь – проверяют, оттуда – шарят. Чего шарят? Не видишь, машина чья...

Мы поехали дальше. Омельченко снова замолчал. Я уже начал привыкать к резким переменам его настроения. Снова стал думать про бичей.

Просто не вовремя я им подвернулся. Обстановка для них не очень веселая. Нелетная погода, минимум комфорта при больших деньгах, а тут еще научный сотрудник со своими нелепыми, на их взгляд, предложениями. В общем – наплевать и забыть. Бичи как бичи. Хотя нет, явно не те птички. Слишком уж самостоятельные...

– На операцию он в городе ложится или как? – неожиданно спросил Омельченко.

«Выходит, Арсений ничего ему толком не рассказал?» – подумал я, а вслух сказал:

– В институте слухи, что собирается в Москву. Там у него профессор знакомый. Судя по всему, так оно и есть – слухам в нашей среде следует доверять.

– Да? – оживился Омельченко и даже сделал попытку заглянуть мне в лицо. – Это как, если по-простому, а не по-научному?

– Давно уже разговорчики проскальзывали на эту тему, а я их мимо ушей. Даже в голову не приходило, что Арсений Павлович может заболеть. Теперь сам убедился.

– Как, если не секрет?

– Еду вот с вами... Рабочего ищут. А мог бы уже с ним, в тайге...

– На Глухую, значит?

– На Глухую.

– Далеко.

– А ближе нам смысла нет.

* * *

Машина остановилась у большого дома, окруженного солидными деревянными пристройками. Жилье было сработано несколько

тяжеловесно, но зато добротню.

– Приехали? – поинтересовался я, покосившись на Омельченко.

А тот словно позабыл и о моем существовании, и о том, что машина уткнулась в громадные ворота. Шофер, видимо привыкший к перепадам в настроении Омельченко, сидел с безразличным видом. Неподвижный Омельченко с какой-то тупой задумчивой покорностью смотрел перед собой. Но вдруг передернулся весь, разом сбросил свое немощное оцепенение и громко спросил:

– Как насчет баньки? Уважаешь?

– С дороги разве... – заколебался я. Но, подумав, что бог еще знает, когда придется мне побывать в баньке, решил не стесняться и добавил: – Уважаю. Очень даже.

– Такой бани, как у меня, Алексей, больше ни у кого, – серьезно сообщил Омельченко. – Мать! – весело закричал он на всю улицу.

Из дома, приоткрыв дверь, выглянула красивая женщина.

– Чего орешь? До дома дойти некогда? Чего тебе?

Она улыбалась, придерживая на груди полы накинутого на плечи тулупчика.

– Топи баню! – по-прежнему на всю улицу приказал Омельченко. – Гость у нас баню уважает.

– Чего это посеред недели? – удивилась женщина.

Я попытался вмешаться:

– Вы не беспокойтесь, пожалуйста. Какая сейчас баня?

– Разговорчики! – прикрикнул на меня и на жену, раскрывавшую перед машиной ворота, Омельченко. – Чтобы одна нога здесь, другая там.

Женщина скрылась, машина въехала во двор. Мигом поскидали мы в какую-то из пристроек мой груз. Потом Омельченко потащил меня и шофера в дом. Завертелась обычная в таких случаях карусель слов, ответов, расспросов, взаимных неловкостей и взаимного усердия с этой неловкостью справиться. Шофер вскоре, сославшись на дела, ушел, а немного погодя приспела баня. Помню, я еще подумал: «Что-то больно быстро истопили. Наверное, на скорую руку, кое-как».

Баня оказалась отменной. В предбаннике густо пахло устилавшими пол пихтовыми лапами, березовым веником, раскаленными до пузырящейся смолы лиственничными бревнами. А когда Омельченко, гоготнув от жара, плеснул на камни из какого-то

особого ковша маслянистой зеленоватой жидкости – явственно и горячо запахло травами, медом и чем-то летним, невообразимо далеким от этих притундровых, заносимых снегом мест...

Я орал от восторга и жара, хлестал веником по огромному малиновому телу Омельченко, потом он хлестал меня; мы выскакивали, задыхаясь, во двор, бегали под плотно несущимся снегом, ложились в него в блаженном изнеможении, соскакивали, возвращались в обжигающее пахучее нутро баньки и снова махали вениками. Наконец Омельченко сдался.

– Ну, ты здоров, – уважительно сказал он, выплескивая на меня тазик холодной воды. – Что значит годы. Сердце крепче, кровь чище. А у меня голова закружилась. Ты домывайся, я пойду.

Он ушел, а я, донельзя довольный, что пересидел такого великана, принялся неторопливо мыться в пахучей полутьме. Сонное безразличие навалившейся усталости начисто отбило мое недавнее желание еще раз поразмышлять надо всеми сегодняшними событиями. Утренний разговор с Арсением я уже вспоминал как нечто давнее и незначительное. Трудный перелет тоже забылся, встреча с бичами казалась смешным недоразумением. Пожалуй, только Омельченко своей могучей плотью заполнил сузившееся пространство моего засыпающего воображения. «Интересно... – лениво раздумывал я, одеваясь. – Живут же такие люди... Им бы где-нибудь на виду, в центре делами ворочать. У них силы черт знает на что хватило бы. А он – здесь... Что у него здесь? Дом, заработок, жена красивая. Немало, конечно. Но ведь человечие какой! С его силами... Неужели он уже ничего не хочет? А может, хочет, да только я этого не знаю?» Я вспомнил его неподвижность и задумчивость, которая внезапно стирала его оглушительную жизнерадостность, и решил, что мужик он все-таки далеко не однозначный и вовсе не годится для скоропалительного прочтения. Почему я так решил, и сам толком не понял, но решил пока придерживаться именно этой версии.

Выйдя в просторный двор, я невольно отвернулся от несущихся навстречу снежных хлопьев. Предсказанное диспетчером долгое ненастье торопилось заявить свои права. Судя по всему, привычно опережая сроки, начиналась бесконечная здешняя зима. Ждать несколько суток в переполненном аэровокзальчике – та еще перспективка. Как тут не порадоваться заботе Арсения, поручившего

меня покровительству Омельченко. Не было бы Омельченко, не было бы баньки, не было бы этого уютного теплого дома, где так вкусно пахло едой и травами.

Следы Омельченко уже занесло снегом, поэтому я двинулся к дому наугад. Зашел за угол не то гаража, не то сарая и оказался у самых окон дома. Яркий свет из них освещал сумасшедшую круговерть снега. В одном из окон я разглядел хлопотавшую у стола хозяйку. Тут же стоял Омельченко и что-то рассказывал. Мне даже послышался его громкий голос, что было, конечно, очень сомнительно, ввиду толстенных бревенчатых стен и наглухо законопаченных двойных рам. Омельченко засмеялся, запрокидывая голову. Засмеялась и жена. Удивительно подходили они друг к другу. Во всяком случае, в этом отношении задумываться ему, кажется, причин не было.

Я двинулся дальше. Мелькнули яркие, увешанные коврами стены другой комнаты. «Спальня хозяев», – решил я. Следующим было окно комнаты, в которой Омельченко устроил меня. Я узнал «веселенький», изображавший груду настрелянной неведомым охотником дичи, натюрмортик на стене, огромный тяжелый шкаф справа от дверей, стол посередине комнаты. У стола спиной ко мне стояла женщина и что-то внимательно рассматривала. Ладная фигурка, светлые, рассыпавшиеся по плечам волосы. Женщина нагнулась. На спинке стула у стола висела моя кожанка. В одном из ее карманов был бумажник, в другом документы. Мельком посмотрев документы, она положила их на место и достала бумажник. Я с тревогой подумал о командировочных и подотчетных на непредвиденные расходы. Да еще моя двухмесячная зарплата была там же. Хорош я буду. Но она только заглянула в бумажник и положила его на место. Деньги ее, судя по всему, не интересовали. А что ее интересовало? Кто она? Откуда? Омельченко о ней ничего не говорил. О её присутствии в доме я даже не подозревал. Словно почувствовав мой взгляд, она неожиданно обернулась, и я невольно отпрянул назад, не сообразив, что с яркого света меня, притаившегося в темноте, ей нипочем не разглядеть. И все-таки она внимательно и долго смотрела в окно, словно прислушивалась к чему-то или пыталась что-то увидеть. Показалась она мне очень красивой. Снег, слезивший окна, отблески красноватого света, падавшего на нее из-под абажура, наверное, приукрашивали мои впечатления. Но даже со всеми скидками на преувеличения,

оптические эффекты и ошеломленность было совершенно очевидно, что основания для подобных впечатлений у меня были. Буквально все – глаза, овал лица, поворот головы, фигура... В таких влюбляются мгновенно и серьезно. Женщина отвернулась от окна и отошла в дальний конец комнаты. Там стоял мой рюкзак. Она присела перед ним... Судя по всему, со мной знакомилась основательно. Правда, пока заочно и, мягко скажем, не совсем дозволенными методами. Особого восторга у меня это не вызвало. Я лихорадочно размышлял, что же мне делать? Зайти и застать ее? Спросить про нее у Омельченко? Она не признается или придумает что-нибудь. Может, зайти, молча забрать вещички, поблагодарить за баньку и отправиться в тот же аэропорт? Далековато. И груз мой уже здесь. Все-таки надо зайти и поинтересоваться – в чем дело?

Я двинулся было к дверям, и тут раздался выстрел. Звякнуло разбитое стекло окна, и почти тотчас во всем доме погас свет. Прижавшись к стене, я оглянулся в сторону выстрела. Глаза от недавнего света еще ничего не различали, в лицо хлестал снег. Почему-то пригибаясь, я побежал к баньке – показалось, стреляли с той стороны. За банькой, действительно, кто-то недавно стоял – снег быстро заносил чьи-то следы. Следы вели к забору. Во всех соседних дворах надрывались собаки. Я посмотрел в сторону дома. Окно, сквозь которое я разглядывал Омельченко, было отсюда как на ладони. Очевидно, стрелявший дождался, когда я скроюсь за углом сарая, и считая, что вот-вот войду в дом, выстрелил. Дела! Не подстрелили ли Омельченко? Веселенькие события. Да еще мои следы под самым окном. В лучшем случае попаду в свидетели, в худшем – в подозреваемые. Что же теперь делать?

В это время раздался негромкий голос Омельченко:

– Алексей, а Алексей?

– Здесь, – отозвался я, делая шаг на голос.

Мы встретились посреди двора, и я невольно подумал, что если стрелявший, вместо того, чтобы убежать, залег где-нибудь поблизости, мы представляем для него неплохую мишень даже в этой снежной круговерти и темноте. Неприятное ощущение враждебного взгляда, упершегося в спину, заставило меня невольно поежиться.

– Ничего не слышал? – спокойно спросил Омельченко.

– Вроде стреляли? – ответил я вопросом на вопрос, решив пока не выдавать, что знаю про этот выстрел немного больше.

– Было дело, – подтвердил Омельченко и двинулся к дому.

Я подумал, что сейчас он увидит мои следы под окном, и кто знает, что придет ему тогда в голову.

– Кажется, совсем рядом стреляли, – сказал я, оставаясь на месте. – Только вышел – бац! Я даже испугался.

– Чего тебе пугаться? – остановился Омельченко. – Не в тебя, в меня стреляли.

– В вас?

– Ну. Я же лесник. По должности в этих местах не раз кому-нибудь поперек окажешься. А народ здесь крутой: чуть что – за ружьишко. И раньше так было, а сейчас того хуже.

Ветер рванул с какой-то неистовой силой. Снег хлестко лепил в лицо. Омельченко, стоявшего в нескольких шагах от меня, почти не было видно. «Какие там теперь следы? – подумал я. – Никаких следов. Ничего не надо объяснять... Впрочем, и про незнакомку, изучавшую мои документы, теперь не спросить. Откуда, скажет, у тебя такие сведения? Как разглядел? Из баньки? Надо каким-нибудь другим путем разобраться в этом вопросе». Я шел за Омельченко, думал обо всем этом и чувствовал, что снова проникаюсь к нему симпатией. Наверняка он не знал про то, что творилось в «моей» комнате. Может, подруга жены какая-нибудь? Он и знать не знает, чем она там занималась.

«Вообще-то многовато событий для одного вечера, – решил я. – И загадок тоже».

На крыльце Омельченко остановился и крепко взял меня за плечо.

– Понимаешь, Алексей, – тихо сказал он, – жинка у меня там... Надежда Степановна. Баба есть баба. Боится, плачет. А что я могу поделывать?

Он замолчал.

– Может, уехать вам отсюда, если так все? – неуверенно предложил я, не зная, к чему он клонит разговор.

– Уехать? – удивился Омельченко. – Да нет, Алексей. Такие, как я, не уезжают. Таких или ногами вперед выносят, либо они по-своему все поворачивают. Понял?

Скрытая сила и даже угроза прозвучали в его тихом голосе. «А ведь я недавно именно так о нем и подумал, – вспомнил я. – Такие не бегают».

– Скажем, сосед пьяный во дворе шебутится, – предложил Омельченко. – Стрельнул по пьянке в белый свет. Ты подтверди. Не то всю ночь реветь будет. А, Алексей? Как человека прошу.

– Так она завтра узнает, что не сосед.

– Узнает, – согласился Омельченко. – Хреновато это я придумал. Другое что надо.

Я искренне сочувствовал ему сейчас. Понравилось, что переживал он не за себя, а за жену. «Нелегко дается мужику здешняя жизнь...»

– Ладно, – вдруг сказал Омельченко. – Чего придумывать. Что было, то было. Пошли. Обойдется, перемелется.

Мы вошли в дом.

* * *

Разбитое выстрелом окно было плотно завешено одеялом. И больше никаких следов, которые могли бы выдать недавнее происшествие.

Вопреки предсказаниям Омельченко, жена и слова не сказала. Ни слез, ни истерик, ни объяснений. Поставила на стол огромное блюдо дымящихся пельменей и совершенно спокойным голосом сказала:

– Наваливайтесь, пока горячие.

Села рядом, посмотрела на мужа, на меня и неожиданно улыбнулась, видимо, по-женски угадав мою растерянность.

– Видите, как у нас... – сказала она. – Не сказать, чтобы скучно живем. Конечно, не как в городе...

Не dokonчив фразу, она замолчала, глядя, как муж сноровисто разливает из графина золотистую настойку.

– Я их все равно достану, – с неожиданной угрозой и злостью сказал Омельченко.

– Ну, достанешь, – спокойно согласилась жена.

– Достану, достану, – уверенно подтвердил Омельченко.

– А потом еще кто-нибудь... – тихо сказала она, глядя в сторону.

– И потом достану, – с грозной уверенностью сказал Омельченко. – У меня силы хватит.

– Хватит... – подтвердила жена.

– И все! – провозгласил Омельченко и поднял стакан. – Выпьем, Алексей. Чтобы всем нашим врагам сейчас икалось.

Серые глаза его сощурились, смотрели пристально и насмешливо, с каким-то затаенным и в то же время показным превосходством надо мной. Словно и я был одним из тех врагов, за гибель которых он предложил выпить. Выпили, и только было принялись за пельмени, как из сеней послышался сильный стук в закрытые двери.

– Сиди! – прикрикнула жена на поднявшегося было Омельченко. – Сама открою.

Она вышла.

– Кто? – раздался из сеней ее голос.

Ей громко и неразборчиво ответили из-за двери. Омельченко, видимо, узнал голос. Он шагнул к двери, слева от которой рядом с ворохом одежды висели карабин и ружье, достал из висевшего тут же патронташа два патрона, снял ружье, переломил, торопливо зарядил и сел на прежнее место лицом к двери, положив ружье на колени.

– Не бойсь, Алексей, – спокойно сказал он мне. – Хлесткину, помимо меня, в настоящий момент ни к кому интереса не будет. А он такой мужик, что если начнет стрелять, то и в темноте не промахнется. Запускай его, Надежда, – крикнул он жене. – Пускай, пускай, мы к разговору вполне готовые.

Звякнул запор, в дверях, щурясь от света, появился облепленный снегом невысокий человек с карабином на плече. Очевидно, это и был Хлесткин. Он рассмотрел Омельченко, пятерней смахнул с бровей, ресниц и реденькой светлой бородки снег, снял и стряхнул лохматую, необыкновенных размеров шапку, а затем, с неожиданным спокойствием и неторопливостью, уселся на широкую лавку у входа. Карабин он положил на колени и только тогда снова посмотрел на Омельченко. Шальная вызывающая полуулыбка чуть тронула его потрескавшиеся губы. Омельченко принялся за еду, жена осталась стоять в дверях рядом с Хлесткиным, а я в растерянности поочередно смотрел на всех, не зная, что делать.

– Стучал, ломился, а теперь молчишь? – спросил наконец Омельченко. – Садись лучше к столу.

- Зимовьюшки-то мои, Петро... все... Все, как одно.
- Что все-то? – спросил Омельченко, перестав жевать.
- Под корень. В точности, как ты сулил.

Омельченко потянулся за пельменем.

– Я тебя вообще предупреждал. «Вообще» – понимаешь? – стал объяснять он, внимательно следившему за ним Хлесткину. – Будешь соболишек налево гнать – я так и сказал, – прекратим твой промысел. Я тебя официально предупреждал.

– Он в тайге-то уже месяца два или боле того не был, – неожиданно вмешалась жена. – Иди к столу, недотепа чертова! – прикрикнула она на Хлесткина. – Раздевайся. Сидит тут, вооружился...

Она забрала у него из рук огромную шапку, потянула к себе карабин. Хлесткин придержал было карабин, но она дернула посильнее, и тому пришлось выпустить из рук свое оружие. Хлесткин поднялся. Неловкая злая улыбка исчезла с его морщинистого лица, и оно сразу стало растерянным и усталым. Медленно стянул он с себя старенький полушубок и пошел к столу. Сел напротив нас с Омельченко, внимательно посмотрел мне в лицо, хотел что-то спросить, но промолчал, увидев, что Омельченко взял с колен ружье и протянул жене.

– Приготовился? – кивнул он на ружье.

– А что делать? – весело отозвался Омельченко. – Не ты первый. Сегодня уже окошко продырявили. Налить?

– Давай, – согласился Хлесткин. Растерянность его проходила. Он снова внимательно посмотрел на меня и спросил: – Занятные для постороннего человека обстоятельства. Как?

– Не то чтобы занятные, скорее непонятные, – неуклюже сострил я.

– С чего стреляли? – спросил Хлесткин.

– С мелкашки, – сказал Омельченко и неожиданно оглушительно захохотал. – Захотели Омельченко с малопульки уложить. Ну, деятели...

– Несерьезно, – подтвердил Хлесткин. – Тебя если бить, так только с карабина... – Резко выдохнув, он выпил налитый хозяином стакан и, закусив, сказал: – Видать, не наши стреляли. Наши бы не промахнулись.

– А снег? – возразил Омельченко. – А стекло? А шторка? Опять-таки, я не столбом стоял. Не очень простая задача, Хлесткин, не очень. Я соображаю, попугать хотели.

– Товарищ по лесу будет или откуда? – неожиданно спросил про меня Хлесткин.

– Товарищ будет по птичьей науке. На Глухую собирается. Рабочего ищет. Может, тебе с ним? Охота теперь твоя все равно порушена, а так хоть на табачишко наскребешь.

Омельченко явно издевался над своим гостем. Впрочем, мне показалось, что и надо мной тоже. Хлесткин сидел, опустив голову. Дождавшись, когда Омельченко замолчал, тихо сказал:

– На табачишко у меня, Петро, хватит. Нужда будет, и тебе одолжу. А поскольку в тайге ты давно не был, объясню сейчас тебе, каким образом мои зимовьюшки уничтожили.

– Сожгли, что ль? – спросил Омельченко и подмигнул мне на Хлесткина. – Или раскатали? По бревнышку. Может, медведь? – и он снова оглушительно рассмеялся.

– Серьезный медведь, Петро. Хитрый. Враз все сыскал, враз все под корень снес. Только если серьезно приглядеться, то вот где взрывчатка пропащая отыскалась. Медведь ее использовал.

– Какая взрывчатка? – сразу посерьезнел Омельченко. – Чего несешь?

– Что имею, то и несу. Завтра заявлять пойду. Официальным образом.

– Конечно, заявить надо, если такие соображения. Если доказательства, конечно, имеются, – осторожно поддержал Хлесткина Омельченко.

Мне показалось, что Хлесткин с интересом глянул на него.

– Есть и доказательства.

– Значит, надо заявлять, – снова повторил Омельченко. – Может, старатели?

– На кой я им? Мы с ними еще нигде на узкой тропке не сходились. А вот твое заявление я полностью помню.

– Так это я так – для острастки, для порядку. Ты же все места по тайге захватил, где самый соболь. Жалобы на тебя соответственно были. Не меньше, чем полсотни добываешь, а сдаешь от силы десятков. Завистников, Степа, на свете всегда хватает.

Хлесткин, не ответив, налил себе стакан, выпил, ни на кого не глядя и сразу как-то осев и постарев, неуверенным движением потянулся за закуской. Не дотянулся, встал.

– На закон давишь? – вдруг, взвизгивая, закричал он, склоняясь к улыбающемуся Омельченко. – Указываешь?! А сам?! Сам-то что?!

– Что сам? – вроде бы искренне удивился Омельченко. – Я на должность такую поставлен – закон защищать. А ты как думал?

– Защищать... – прошипел Хлесткин, словно задохнувшись. – Ты... Защищать... Думаешь, никто ничего не знает? Думаете, слепые все? Я еще дойду до твоего гнезда...

– Ну, ладно, – тоже поднялся Омельченко. Огромный, тяжелый, он угрожающе возвышался над Хлесткиным. – Думал по-хорошему с тобой... А ты даже в чужом доме, за столом, за который тебя как человека пригласили... При госте, вот, при моем и кусаться норовишь. Больше я с тобой, Хлесткин, говорить не желаю. Уходи!

– Гонишь? – тихо и совсем трезво спросил Хлесткин.

– Не гоню, а уходи лучше.

Хлесткин медленно пошел от стола, прихватил свой полушубок, шапку, снял со стены карабин и, не одеваясь, шагнул за дверь.

– Первый браконьер в наших местах, – повернулся ко мне Омельченко и сел, придвинув свой стул поближе к моему.

– Выходит, зимовьюшки его в защиту природы подорвали? – спросил я. – Есть у вас такие борцы?

– Да брешет он! Думаешь, правда? – сказал Омельченко. – Старатели, наверное, сожгли одно-два. А он – все! Всех он и сам не знает. Всю тайгу уставил своими капканами, паразит. Ты его слушай больше, он тебе наговорит. Выпьем, – придвинул он мне полный стакан. – После баньки самое то.

Я отодвинул стакан:

– Мы еще не договорились...

Омельченко тоже поставил поднятый было стакан.

– Не договорились? О чем? Напомни, если не трудно.

Мне показалось, что он слишком уж откровенно валяет дурака, и решил идти напролом.

– И Арсений Павлович говорил, я сам теперь убедился – вы тут можете если не все, то почти все. Петр Семенович, от своего имени и

от имени науки прошу... Помогите с рабочим, чтобы в самое ближайшее время мне на Глухой оказать помощь.

Омельченко долго молчал, глядя мимо меня сузившимися глазами, потом тихо сказал:

– Не хотел я тебя, Алексей, расстраивать, сразу не стал говорить. Но раз так вопрос ставишь, то, как ни пытаюсь, разговора не миновать. Скажу по-простому – дело твое хреновое: на Глухую тебе никак не попасть.

– Разве сейчас согласится кто? – вмешалась Надежда Степановна. – Люди только что из тайги повозвращались, по домам рвутся. Какие, наоборот, на охоту подались или собираются. Тут лишнего человека не найдешь, не город.

– Не только в этом дело, – подхватил Омельченко. – Я летунов наших наизусть изучил. Снежок сейчас на неделю наладился. После него, думаешь, сядешь на Глухой? Ни в жизнь. Не будь снега, на косе бы сели. А под снегом ее разве разберешь? То ли коса, то ли ледок. Прوماхнешься и на реку. А она, считай, до января не мерзлая. Наледь на наледи. Ни один летун рисковать не будет.

Я ему поверил. Говорил он убедительно. Но и мне тоже ничего не оставалось, как стоять на своем.

– Можно высадиться на островке, – сказал я. – У мыска.

Омельченко пристально посмотрел на меня. Мой ответ его явно озадачил.

– У мыска? – переспросил он. – Арсений Павлович посоветовал?

Я промолчал. Совет действительно исходил от Арсения.

– А как через протоку переберешься? Вещички как перетаскивать будешь? У тебя их не так чтобы мало. Река дуром прет. Шуга вот-вот. Гроб с музыкой получится,дохлое дело. Даже думать не над чем. Еще ежели, так рабочего сейчас точно не сыщешь. Днем с огнем. А без рабочего, как я понимаю, тебе строгий приказ – растереть и забыть. Так?

В том, что он говорил, все было правильно. Именно это мне и не нравилось. Слишком все складывалось против меня. И Омельченко, похоже, это вполне устраивало. Почему? Или мне показалось? С такой готовностью кинулся помогать, а теперь сообщает, что все зря. И явно доволен, сообщая об этом.

– Не согласен? – не дождавшись от меня ответа, спросил Омельченко.

– Не согласен. В экстренном случае, если все срываться будет, мне предоставлено право самостоятельного решения. Вещички я перетаскаю. И через речку, и через протоку. Не в первый раз. У нас экспедиции из-за такой ерунды не отменяют.

– Из-за ерунды, говоришь? – переспросил Омельченко. И вдруг широко улыбнулся. – А что? Вдруг сладится? Нравятся мне такие, которые на рожон прут. Я и сам такой. Верно, Надюха?

– Нашел чем хвалиться, – буркнула та. – Вы бы ели. А то как этот дуrolом заперся, все настроение спортил.

И тут бесшумно, и совершенно неожиданно вошла она. Я почти забыл про нее среди следовавших почти без передышки событий и разговоров, не то чтобы совершенно меня ошеломивших, но все-таки достаточно захватывающих, чтобы отодвинуть на второй план смутное видение роющейся в моих вещах красавицы. Я помнил про нее и не помнил. А еще вернее, как это иногда случается почти с каждым из нас, мучительно старался вспомнить, что же такое важное я забыл. Ни с кем не поздоровавшись, она тихо спросила, глядя на занавешенное окно:

– Кажется, баню топили?

Омельченко крикнул, со стуком поставил поднятый было стакан.

– Видал, какие в моем доме бабы? Одна другой краше, – громко, но, кажется, не очень весело спросил он у меня.

Я только оторопело пробормотал:

– Да уж...

– Топили, Ирочка, топили, – словно спохватилась Надежда Степановна. – Не должна еще выстыть. Пойдешь?

– Пойду, – так же тихо сказала незнакомка и, повернувшись, скрылась в комнате, которую вроде бы отвели под мое местопребывание. Других комнат, кроме спальни хозяев, кухни и той, в которой мы находились, в доме, кажется, не было. Только я было рот раскрыл, чтобы спросить, как она снова появилась. На плечи накинута дубленка, в руках пакет, голова непокрыта. Подошла уже к входной двери, за ручку взялась и вдруг обернулась.

– Извините, что не поздоровалась. Никак проснуться не могу. Весь день сплю, сплю. Погода, наверное. Проснулась – снег, ветер,

тоска. Подумала еще – хорошо бы в баню. Вы Леша Андреев, да? – неожиданно спросила она меня.

– Вроде так... по паспорту, – буркнул я, неуклюже намекая на подсмотренное знакомство с моими документами. И для чего-то пожал плечами, что выглядело совсем уже глупо.

Не знаю, что она там подумала по поводу моего ответа, может быть, даже о чем-то догадалась. Посмотрела на меня внимательно – не улыбнулась, не удивилась, не насторожилась, а просто посмотрела внимательно, слегка наклонила голову, словно соглашаясь, и, толкнув бедром дверь, вышла.

– Что, произвела? – прекрасно разобравшись в моем задержавшемся на закрытой двери взгляде, спросил Омельченко, предварительно многозначительно кашлянув, дабы привлечь внимание. – Такие, Алексей, своим существованием наотмашь бьют. А там как сложится. Устоишь на ногах, может, и оклемаешься. Не устоишь, на карачках вслед поползешь.

– Не мели, – резко и хмуро вмешалась жена. – Баба как баба. Только что вашему брату угодить не торопится. Я тебе забыла сказать, – обратилась она к мужу. – Птицын утром к ней заскакивал. С полчаса шушукались, потом подались куда-то. Незадолго до вас вернулась. А говорит – спала.

Омельченко снова поставил стакан, который все никак не мог донести до рта, и я заметил, что он насторожился и явно озадачен.

– Интересничает, – сказал он наконец. – Видать, Алексей ей показался. Да откуда она фамилию твою разузнала? Птицын сообщил? Он-то откуда знал, что ты здесь окажешься?

Загадку насчет того, как она с моими данными разобралась, я мог бы ему в два счета разъяснить, но что-то остановило меня. Не захотелось рассказывать, как в окна подглядывал. Остановило и еще кое-что. Какая-то звериная вскинутость Омельченко, как только он услышал о приходе Птицына. Я решил продолжать валять дурака, делая вид, что мне до лампочки все эти недоговоренности и задачи на местную тематику. Взял свой стакан, чокнулся со стаканом Омельченко, который стоял на столе, с пьяноватой многозначительностью приподнял его в сторону расстроенной хозяйки и, проглотив содержимое двумя глотками, задыхаясь, потянулся за закуской. Лишь тогда спросил:

– Родственница ваша? Или квартирантка?

Омельченко снова хотел было поставить поднесенный к самому рту стакан, но передумал и, махом опрокинув его, закрыл глаза и замер, словно прислушиваясь, как разбегается по жилкам и сосудикам тепло настоящей на каких-то травах и кедровых орехах водки. Наконец он открыл глаза и, посмотрев на супругу долгим внимательным взглядом, сказал:

– История эта, Алексей, таинственная и до сих пор для всех совершенно непонятная.

Я приготовился слушать, но Омельченко надолго замолчал, тщательно и, по-моему, без особой надобности пережевывая отправленный в рот пельмень.

– Не придумываешь, с чего и начать, – сказал он наконец. – Может, сам чего слышал?

Внутренне я даже вздрогнул от его острого и, как мне показалось, тревожного взгляда. Или спрашивающего? Даже угроза почудилась в сведенных бровях, плотно сжатых губах, руке, с силой сжимавшей вилку. Смотрел в самые глаза, словно заранее не верил ни одному моему слову. Холодный выпытывающий взгляд трезвого, умного и чем-то очень испуганного человека. Мне даже не по себе стало, так все это не вязалось с громкогласым, сильным, веселым, ничего на свете не боящимся человеком. Я вспомнил, что недавно испытал нечто похожее, рассмотрев перед собой вместо пьяного, ничего не соображающего бича, волевого, собранного и тоже, кажется, чем-то напуганного человека. Хотя говорили мы с ним совершенно о другом.

«О чем это он?» – подумал я и в недоумении пробормотал: – Не понял, вы о чем?

Недоумение мое было вполне искренним, он мне поверил. Я сразу это заметил. Взгляд потеплел, снова стал пьяновато рассеянным, губы снова задвигались, вилка потянулась за куском крупно нарезанного малосоляного хариуса.

– Не морочь голову человеку, – сказала Надежда Степановна с какой-то безнадежной болью в голосе. – Зачем ему? У него своих хлопот полон рот.

Но я уже твердо решил, не нытьем, так катаньем допытаться до всего, чего до сих пор никак не мог объяснить себе, что не укладывалось в казалось бы незамысловатый перечень событий,

которые произошли со мной в сегодняшней ненастный вечер. Чего бы проще – прилетел, встретили. Могли бы и не встретить, но Арсений дозвонился, попросил помочь. Поэтому встретили, предложили ночлег, баньку, ужин по высшему классу, о котором только мечтать, останься я в забитом под самую крышу аэровокзальчике. То, что рабочего в это время с собаками не отыщешь, тоже нормально, предполагалось почти со стопроцентной уверенностью. А вот все остальное... Красавица, ловко обшарившая мои вещички за время моего подзатянувшегося кайфа в баньке... Неожиданные задумчивости и тревоги Омельченко, его то и дело проскальзывающее недоверие ко мне. Выстрел в окно, странно совпавший с моим любопытством... Появление озлобленного Хлесткина и его откровенные угрозы... А бичи? Правда, это, кажется, из другой оперы, но все-таки, все-таки...

– У нас об этом в то время на тыщу километров окрест гудели. Из самой Москвы оперативная группа заявила. Такой тарарам подняли – ни дохнуть, ни шевельнуться. На сто рядов каждого обтрясли, просветили, отчет составили.

– Он тебя об Ирине Александровне, а ты об чем? – все с той же тоскливой безнадежностью перебила его жена. – Чего сейчас старое вспоминать?

– Фиг ли ей тогда тут понадобилось? С какой такой целью она объявилась? – не выдержав, повысил голос Омельченко.

– Сама она, что, не сказала? – с деланной непонятливостью поинтересовался я.

– Сама... Сама она все, что желаешь, объяснит. Наслушаешься еще. Говорить они все мастера, – с какой-то детской обидой неизвестно на кого сказал хозяин и надолго замолчал.

Жена жалостливо поглядела на него, тяжело ворохнулась на заскрипевшем стуле и, обращаясь только ко мне, словно тот, про кого она говорила, находился за тридевять земель, стала рассказывать:

– Его это тогдашнее чуть до белой горячки не довело. Поболее года чуть ни каждую ночь соскакивал. Вскинется и сидит как полоумный, ничего не соображает. Пока стакан водки не приговорит, ни за что не уснет. Думала, все, сопьется мужик. Это он с виду такой шумный да здоровый, а коснись – хуже пацана малолетнего. Так и водка не брала. Выпьет – и ни в одном глазу. Но, правда, засыпал. Полежит, полежит, потом, смотрю, захрапел. Извелась я с ним тогда.

– Тебя изведешь, – с неожиданной злостью сказал Омельченко и вдруг, повернувшись ко мне, протянул руку, с силой сжал мое плечо.

– Ты вот что, Алексей... Вот что мне скажи... Я, конечно, тоже не валенок, слежу. И книжки, и газеты всякие. Только мой техникум лесной, сам понимаешь, не та база. Правда, что ль, чужие мысли сейчас запросто разбирать могут?

– Ну уж и запросто, – растерявшись, хмыкнул я. – Опыты, конечно, проводятся. Только результат, как говорится, не очень убеждает. Есть, говорят, отдельные непонятные феномены...

– Вот! – он еще сильнее сжал мое плечо. – Есть, значит, сволочи. Влезут тебе в башку и начнут копать, как мышь в крупе. Нагрызают по мыслишке себе в доказательство. Так ведь там, в голове, такое... Что хочешь можно сообразить из этих огрызков. Залезу я к тебе, к примеру, а там полная дребедень, особо после стаканá-другого. Баба у меня красивая? Впечатляет. И в теле. Ты же не можешь не подумать – вот бы, а? Любой подумает – и я, да и она насчет тебя или другого кого. На то и человек, чтобы думать и представлять. А я, не разобравшись, за одну эту твою мыслишку, если доберусь до нее, по башке тебя чем потяжельше: – А, гад, бабу мою захотел!

– Дурак! – сказала жена.

– Я к примеру, ты не обижайся. Это какая тогда жизнь начнется? А? Вот и эта заявилась. Я, говорит, могу и прошлое, и будущее, если стечение обстоятельств какое-то выпадет. Мысли, говорит, самые тайные могу угадать. Я, говорит, этот... Как его?

– Экстрасенс? – улыбаясь, подсказал я.

– Да нет, этот...

– Парасих какой-то, – подсказала Надежда Степановна.

– Во! – парасихолог. Разбираться приехала.

– В чем?

– В том, что произошло. Тогда.

– Ерунда! – категорически заявил я.

– И я говорю – полная хренотень. Два года вон какие лбы разбирались, не разобрались, а эта заявилась – фу ты, ну ты – разобралась. Иди тогда, разбирайся! А то сидит вторую неделю – ни бе, ни ме, ни черту кочерга. Все сны свои рассказывает. Позволь еще спросить: – А на хера это все тебе надо?

– Ей, – поправил я.

– Ну да, ей.

Я налил ему и себе, и в предвкушении возможности внести некоторую ясность относительно парапсихологических возможностей таинственной незнакомки, рискнул было озвучить предложение, могущее подвинуть Омельченко на дальнейшие откровения:

– Выпьем еще по одной, потом все по порядку. Мне, как человеку в ваших прошлых событиях совершенно несведущему, ничего пока не понятно. Кроме одного... – Я оглянулся на входную дверь. – Могу поспорить на что угодно, что ни до одной, самой вот такусенькой мыслишки, ни моей... ни вашей... ни вашей... эта красавица никогда не доберется. А если все-таки возникнут сомнения, могу продемонстрировать, как дуракам лапшу на уши вешают.

Омельченко с интересом посмотрел на меня и спросил:

– Чего ей тогда вообще тут надо?

– Чтобы ответить на этот вопрос, желательно сначала понять, почему вы ее боитесь?

– Кто боится? Я боюсь? Я?!

Омельченко выпрямился во весь свой внушительный рост и угрожающе навис надо мной, по-прежнему сжимая в руке вилку.

– А то нет! – не выдержала вдруг Надежда Степановна и ударила по столу ладонью. – Ирочка, Ирочка, Ирочка, Ирочка... Так и вертится вокруг, как бес, чуть пополам не гнется. Я поначалу даже перепугалась. Думала – никак глаз положил? Потом гляжу – нет, не то, вовсе не то. Глядит на нее, как, к примеру, на Хлесткина, когда у того карабин в руках. Опять по ночам вскидываться стал.

– Не городи, Надька, не городи, – Омельченко тяжело опустился на табурет. – Сама не знаешь, что несешь. Он еще подумает... Чего мне ее бояться? Меня другое с толку сбивает: почему она не скажет ничего толком? Я что, без глаз или дурачок какой, как он вот объявил.

– Да чего она тебе сказать-то должна? Сам-то ты знаешь про то или нет?

– Я тебе, Алексей, как человеку постороннему и научно образованному, все сейчас расскажу. А ты подумай и выскажи: все тут на местах стоит или совсем наоборот? А если наоборот, тогда, понятное дело, вопрос возникает – по какой причине? Честно тебе говорю – голову сломал. Вроде бы одно за другим, а вместе – полная

хренотень получается. Поговорить, посоветоваться – ни души. Что я, Сереге Птицыну или Хлесткину, вон, объяснять буду?

Он налил себе и мне настойки, выпил и стал рассказывать.

– Я почему про ту историю начал? Потому что она сразу заявление сделала: – Пока в том, что тогда случилось, не разберусь, буду здесь жить. Хоть всю жизнь буду проживать, а разберусь.

– У вас жить? – воспользовавшись случаем, решил я выяснить очень занимавший меня вопрос. – Кстати, где она тут у вас располагается, если не секрет?

Последовало довольно продолжительное молчание.

– Здесь и располагается, – буркнул наконец Омельченко. И добавил неопределенно: – Разберешься.

– Давай лучше я ему все расскажу, – снова не выдержала Надежда Степановна. – А ты ешь, пей да слушай, – приказала она недовольно зашевелившемуся мужу. – Понесешь опять невесть что. Он попросту ничего не расскажет, чтобы все по порядку. Как якут на олене – что в голову придет, то и поет.

– Рассказывай, – с неожиданной покорностью согласился Омельченко. Но вдруг что-то в нем сорвалось, он выпрямился и почти закричал: – Что, скажешь, не похожа она на Ольгу? Не похожа? Даже говорит, как она, словно отдышаться не может.

– А я помню твою Ольгу? – оборвала его жена. – Только раз и видела издали.

По ее гневно сдвинутым бровям я понял, что по неведомому мне поводу назревает нешуточная семейная ссора. Пришлось вмешаться.

– Хоть убейте, ничего понять не могу. Начали про вашу постоянщицу и ее необыкновенные способности, теперь про что-то другое. Предлагаю еще по одной, а про это другое совсем не будем.

Я, конечно, кривил душой. Очень мне хотелось узнать, из-за чего когда-то чуть не спился могучий Омельченко. Смутно догадываясь, что эти так напугавшие его события каким-то образом связаны с тем, что происходило сегодня, а может, даже с тем, что произойдет в ближайшем будущем, я, одновременно, понимал, что мое чрезмерное любопытство или настойчивость в вопросах, которые мне еще совершенно непонятны, могут оборвать так непросто начинающийся рассказ.

Выпили еще по одной. Несмотря на мою не раз проверенную невосприимчивость к воздействию алкоголя (я только никак не мог разобраться – то ли эта невосприимчивость вызывала мое к нему равнодушие, то ли равнодушие обуславливало невосприимчивость), на этот раз в голове у меня зашумело, окружающее окончательно замкнулось уютным пространством теплой комнаты и обильного стола, сидевшие рядом люди теперь уже безоговорочно казались добрыми, простыми и по непонятной причине очень несчастными. Надо было во что бы то ни стало им помочь. С трудом удерживая себя от желания тут же высказать свои самые теплые к ним чувства, я с преувеличенной сосредоточенностью занялся едой и скоро поймал себя на том, что вот уже несколько раз неудачно пытаюсь подцепить вилкой ускользающий остывший пельмень. Я поднял глаза на Омельченко – он следил за моими действиями с каким-то оцепенелым равнодушием. Только после этого я расслышал, что Надежда Степановна уже начала свой рассказ.

* * *

Старательская артель, видимо из новичков в этих местах, согласилась на участок между двумя кряжами Отойчанского хребта. Вероятность удачи, на взгляд знатоков, была почти нулевой – места дальние, гиблые, для существования почти непригодные и, по оценкам геологов, едва ли сулившие даже минимальный навар. Деваться мужикам, видать, было уже некуда, отказ и вовсе оставил бы их без работы. Зимой с великими трудами забросили кое-какую технику, весной – людей. А после первых оттепелей в те края кроме как вертолетом и пытаться нечего было. Да и то тогда только, когда ветер сдувал с высоких заснеженных гольцов тяжелые холодные облака. Лето же в тот год выдалось, можно сказать, беспросветное – обложные ледяные дожди со снегом, туманы, морось. Говорят, даже пушица не зацвела от такой напасти, и голодные охудавшие звери чуть ли не стадами подавались на северо-запад, где за зубцами удерживающих дожди гольцов простиралась бескрайняя лесотундровая низина, над которой, хоть и редко, но нет-нет и проглядывало скупое колымское солнце.

Рация у них почему-то почти сразу вышла из строя, а вертолет не мог пробиться через облака почти два месяца. Ни пешком, ни на лодке туда без сверхсособого на то резона не рискнул бы и самый отчаянный промысловик. Даже Хлесткин, которого долго и очень убедительно уговаривало самое различное местное начальство смотаться налегке туда и обратно для приблизительного хотя бы выяснения обстановки, несмотря на обещанную немалую мзду и свою, всем известную жадность, не очень долго раздумывая, отказался, сославшись на застарелый радикулит, который в такую погоду мог свалить его на первом же полушаге. В общем, почти все лето об артели ни слуху ни духу. И только в середине августа от кочевавшей мимо тех мест бригады оленеводов узналось наконец что на небольшом, за малостью оставленном геологами без осмотра, ручье наткнулись старатели на совершенно невероятное, «бешеное» золото и, забыв обо всем на свете, выгребают свой фарт всеми подручными средствами. Такое в этих местах нет-нет да случается. Но и после этого ошеломляющего сообщения, несмотря на заклинания, уговоры и даже угрозы тех, кто по долгу службы был кровно заинтересован в немедленном прояснении обстоятельств и в столь же немедленном вывозе и учете добытого за прошедшие месяцы драгоценного металла, еще дней двадцать не случилось ни малейшей возможности добраться до словно растворившейся в таинственной неизвестности и дождливой хмари артели.

Несмотря на то что случившееся старались изо всех сил удержать под строжайшим секретом, слухи все-таки просочились, расползлись по поселку и подняли на ноги немалое количество людишек, бог знает с какими целями проживавшими и шуровавшими в окрестных местах. Некоторым захотелось оказаться у отрогов хребта из чисто охотничьего азарта и неумемного любопытства к самой возможности такой невероятной удачи. Некоторые с осторожным оптимизмом надеялись хотя бы кончиком пальца прикоснуться к счастью, старательно до сих пор от них ускользавшему. Кто-то из не боявшихся ни Бога, ни черта одиночек хотел втихаря пошарить в удачливых окрестностях, пока не появились там те, кому по должности полагалось сберегать не вычерпанные еще до конца государственные недра. И, как потом уже выяснилось, отыскиались и такие, которые, не

полагаясь на обманчивый фарт, просчитав все возможные случайности, решили действовать наверняка.

Как они сумели появиться там несколькими днями раньше остальных, с кем из старателей оказались в заранее оговоренной связи или сумели стукнуться в считанные часы, выяснить так и не удалось. Но то, что без помощи кого-то из своих среди артельцев не удалось бы это беспримерное по жестокости и стремительности совершенного дело, сразу стало ясно даже самому лопухому следователю. А следователи потом туда заявили далеко не новички, скорее даже высшего, а еще точнее – высочайшего класса. Но оказались они там после того, как к старателям, обойдя по большой дуге хребет и зацепившееся за него с севера ненастье, прорвался один из лучших экипажей базировавшегося в Билибино отряда вертолетчиков.

На месте стоянки старателей ни одной живой души они не застали. Тела всех шестнадцати человек были в наличии, но признаков жизни ни в одном из них обнаружить уже не удалось. Сработано было чисто – без выстрелов, без резни, без кровищи, без погони за разбежавшимися по кустам стланика свидетелями. Судя по всему, с помощью одного из этих шестнадцати бухнули в ведро с горячим сладким чаем какое-то необычное зелье. Следователи потом его формулу по крупинкам, по микронам восстанавливали, удивляясь невероятной редкости и сложности доставленного в столь отдаленные места препарата, а главное, словно заранее предполагавшейся возможности подобного его применения. Хотя вряд ли хоть один человек на свете мог предсказать, что бедолаги-старатели наткнутся в тех местах на такое невероятное золотишко.

Поскольку пострадавшие, как выяснилось, были в полном составе, то из этого следовало, что помогавший убийцам тоже находился среди них, вылакав, очевидно, под угрозой насилия, остатки им же отравленного чая. Правда, могло случиться и так, что по глупости или невероятной доверчивости он поверил, будто высыпавшее им в общий котел зелье носит характер снотворный, а вовсе не смертельный и, уступив уговорам или угрозам, решил, дабы не возбуждать подозрений, до поры до времени оказаться среди временно, как он думал, пострадавших. И оказался среди них на веки вечные. В общем, версий предполагалось несколько, но ни одна из них впоследствии не стала единственной и бесповоротной. По очень

простой причине – ни один из преступников не рассказал и теперь уже никогда не расскажет о том, что произошло на самом деле.

Было их, как скоро узнали, четверо. Трупы двоих из них отыскивали уже через несколько дней в ходе обвальных розыскных мероприятий, охвативших огромные пространства этих почти безлюдных мест непроницаемым кольцом засад, прочесываний, облав и погонь. Тысячу раз пожалели те, кто не стерпев, кинулись к безымянному ручью, на свой страх и риск преодолевая почти непроходимые гибельные пространства. Их задерживали в дороге, во время сна у догорающего костра, затаившихся в замшелых зимовьюшках, а некоторых, почувавших недоброе, даже в ямах, под кучей торопливо срубленных ветвей. Кое-кто уже почти добрался до хребта. Словно им назло, именно в эти последние дни заненастившегося лета сильными ветрами со слегка отогревшегося Охотского моря разорвало и разметало к югу холодные тучи, и солнце, словно обрадовавшись освободившемуся пространству, обрушило на него последние остатки своих летних щедрот, торопливо окрашивая тусклую зелень в светящуюся желтизну и просвечивая до последней травинки скупую местную растительность. Воздух, освободившись от мороси, туманов и непроницаемой пелены дождей, стал сухим и до того прозрачным, что с вертолета легко было разглядеть любые движущиеся и даже неподвижные предметы: лодки, дым костра, следы, оставленные на песчаных берегах... Одиноких искателей счастья, не говоря уже о небольших группах, отыскивали и задерживали с быстротой, свидетельствующей о весьма высоком качестве затеянного поиска. Говорят, такого не только тут, но за несколько десятков лет по всему краю не случалось. Кто-то не поленился подсчитать, что сумма затрат, отведенных властями на всю эту розыскную панику, намного превосходила вес золота, которое мог унести один человек. Безвестный счетовод ошибся. Человек, который уносил золото мертвых старателей, нес его гораздо больше, чем можно было предположить в самых смелых расчетах. Правда, вначале они несли золото вчетвером. Но двоих из них, как уже было сказано, отыскивали довольно быстро. Убиты они были выстрелами в спину и лежали рядышком среди белых стволов плавника, головами к воде, едва прикрытые полусгнившими ветвями, собранными тут же на берегу. Продолжайся в те дни прежнее ненастье, вероятность того, что их

отыскали так скоро, была почти минимальной. Не за горами был осенний паводок. Подельники, видимо, и рассчитывали на это, не приложив чуть больше усилий и усердия для сокрытия следов. Но прорвавшееся наконец солнце высветило на месте покинутой стоянки суший пустык – крышку консервной банки, отброшенной за ненадобностью в сторону. Отраженный блик короткой вспышкой привлек внимание сверхбдительных поисковиков, и скоро окрестный эфир захлебнулся торопливо сообщаемыми данными и приметам.

Опознали их почти сразу. Почти сразу обозначилось и возможное число остальных. Сначала предположили, что их осталось трое, но по скоро обнаруженным следам стало ясно, что их всего двое. Они уходили на юг, к хребту. Это было либо невероятной глупостью, из-за явной невозможности преодолеть предстоявшее расстояние, либо тонко рассчитанной хитростью, в ходе разоблачения которой преследователи предполагали столкнуться или с каким-нибудь заранее припасенным средством передвижения, или с тщательно замаскированной схоронкой, в которой бежавшие собирались пересидеть самый тщательный поиск. Перед оперативниками наконец забрезжил призрак скорой удачи. Кольцо поиска было настолько плотным и стремительно сужавшимся, что преступники могли продержаться не больше четырех-пяти дней.

А вскоре наткнулись и на третий труп. Так же, как и у тех двоих, пуля с безукоризненной точностью вошла в спину и, разорвав сердце, вырвалась наружу со сгустками искромсанной плоти и струей обильно хлынувшей и еще не успевшей засохнуть крови. Следы убийцы уходили к озеру Абада. К этому времени уже стало известно его имя и до мельчайших подробностей изучена биография. Это был Григорий Башка, несколько месяцев назад бесследно исчезнувший не только из своего очередного строгорезимного пристанища, но и из оперативных сводок, до того довольно часто с прямолинейной беспристрастностью фиксировавших каждое совершенное им преступление. Бежал, а, вернее, исчез он не один. Исчезли сразу пятеро. У тех, кто занимался этим весьма громким в то время ЧП, руководящая и организующая роль Башки в этом исчезновении не вызвала ни малейших сомнений. Почему все-таки исчезновения? Никаких следов побега, кроме самого побега, ни в лагере, ни в его окрестностях, ни тогда, ни много времени спустя так и не обнаружили. И только вот эта, невероятная по

масштабам погоня, час за часом приближающаяся к озеру Абада, оказалась первым следом Башки и его товарищей, неизвестно где скрывавшихся после своего исчезновения, неизвестно чем промышлявших и живших. В общем, было слишком много темного и до сих пор неразгаданного в этом исчезновении пятерых человек из более чем строго охраняемого места заключения и последующего их почти годичного, без всяких следов и слухов, бытия, что для такого количества и качества преступников, каковыми числились бежавшие, было, по мнению специалистов, делом не только неслыханным, но и совершенно невозможным. Предполагали даже их одновременную гибель буквально в первые часы побега, ибо за большее количество времени они обязательно должны были оставить хоть какой-нибудь след.

То, что Башка одного за другим устранял своих поделщиков, никого из преследователей не удивило. С такой безжалостной бандитской методикой они сталкивались неоднократно. Удивляло другое – на что мог надеяться этот волчара, за плечами у которого было, по самым скромным подсчетам, не менее двух пудов золота, оружие, кое-какая еда, да несколько суток почти бессонного, жуткого, до последней степени выматывающего движения по непроходимым топям, заросшим стлаником распадкам, по скользким зыбким осыпям на крутых склонах гольцов. Даже наслышанные о неимоверной силе и выносливости Башки, о звериной злобе, способной удвоить эти силы, с часу на час ждали, что он не выдержит и либо свалится без сил, либо в отчаянии заляжет в последней засаде и будет отстреливаться до последнего патрона. На то, что последнюю пулю он оставит себе, никто не рассчитывал, знали – будет цепляться за жизнь до последнего.

По гулу утюживших взад-вперед места его предполагаемого продвижения вертолетов, по эху выстрелов, которыми давали знать о своем местонахождении поисковики, по все более многочисленным в прежде совершенно безлюдных местах дымам костров, по надсадному реву лодочных моторов на доступных для плавания участках реки, этот опытнейший и по-своему неглупый мужик давно должен был понять, что не только дни, но и часы его сочтены, и надеяться ему не на что. Разве что на чудо. Впрочем, такие, как Башка, в чудеса не верят. Такие надеются только на себя или под угрозой неизбежной расправы

вырванную у кого-то помощь. И если он все еще продолжал идти, значит, на что-то надеялся.

Подумали было еще про одного бежавшего с Башкой и до сих пор ничем себя не обнаружившего. Не он ли поджидал в каком-то условленном месте выдыхающегося, обессиленного главаря. Но даже если ждал, то это не могло надолго отсрочить почти неизбежный конец. Кроме того, в личном деле этого пятого значились чуть ли не дебильная пассивность и полная непригодность к таежной жизни. Как он попал в число исчезнувших, да и попал ли вообще, осталось загадкой. Но уж наверняка не поставил бы его Башка на самый ответственный участок своего побега, не доверил бы ему не то что свою жизнь – сухаря заплесневелого не доверил, плевать бы пожалел. В этой версии тоже не сходились концы с концами.

* * *

– Наших с поселка, считай, всех на облаву эту кинули, – продолжала рассказ Надежда Степановна. – Кого на вертолетах, кто так подался. Ну а без него, – она кивнула на застывшего в задумчивой неподвижности мужа, – разве что обойдется? В каждую дырку затычка – надо, не надо... Как услышал, так сразу подался. Свистнул Карая, мне даже слова не сказал, и чуть не бегом... Очень он тогда за Арсения Павловича напугался.

Услышав про Арсения, я внутренне вздрогнул. Холодок предчувствия, что вот-вот услышу что-то очень важное для себя, ознобом пробежал по плечам и спине. Недавнего тумана в голове, благодушной расслабленности как не бывало. Я с жадностью вслушивался в каждое слово. И черт тут дернул меня за язык. Желая подчеркнуть свою внимательность, я с деланной заинтересованностью спросил:

– Так у вас все-таки есть собака? – И чуть все не испортил.

Лицо Омельченко передернула болезненная гримаса, а жена его, укоризненно поморщившись в мою сторону, словно не поняв вопроса, спросила:

– Какая собака?

Я понял, что сделал что-то не то, но идти на попятную уже не было смысла.

– Ну, вы сказали «Карая свистнул». А я еще удивлялся – во всех дворах собаки, а у вас никого. Без собаки какая охота?

Омельченко медленно развернулся ко мне.

– А кто вам, молодой человек, сказал, что я охотой интересуюсь?

Я растерялся. В голосе Омельченко звучала неприкрытая враждебность.

– Не знаю. В тайгу без собаки, по-моему, никак. А Надежда Степановна сказала – «Карая свистнул». Я думал, собака...

– Правильно думал. Только не собака, а кобель. Друг неразменный. Не было лучше его и не будет. А раз не будет, то и не надо больше никого. Близко не подпущу.

Омельченко отвернулся, но я успел заметить на его глазах слезы. Это окончательно сбilo меня с толку.

– А мне собаку нельзя, всех птиц пораспугает, – совсем некстати пробормотал я, не зная, как выкрутиться из создавшегося положения.

Казалось, никогда не кончится наступившая после этих моих слов тишина. Не понимая, что произошло, я тоже растерянно молчал. Из-за разбитого окна, занавешенного тяжелым одеялом, доносились завывания ветра. Было очень поздно. Я невольно посмотрел на часы. Заметив это, Омельченко огромным кулаком вытер слезы сначала на одной, потом на другой щеке и тихо сказал:

– Закругляйся, мать, а то нашего гостя завтра пушками не разбудишь. Какой ему на самом деле интерес в наших болячках разбираться.

– Да вы что! – я даже привстал со стула. – Вы еще и не сказали ничего! При чем тут Арсений Павлович? Он что, был тогда здесь?

Омельченко с интересом, словно впервые видел, стал рассматривать меня. Потом посмотрел на жену, многозначительно хмыкнул, неловко придвинул к себе графин с остатками настойки, вылил их в свой стакан, залпом выпил и, задохнувшись, затряс головой. Только сейчас я заметил, что он крепко пьян и ждать от него в таком состоянии связного продолжения дело, кажется, безнадежное.

– Все, – сказал он, сам признаваясь в этом. – С меня теперь толку, как подарков с волка. Отваливаю на боковую. А ты, Надеха, с ним осторожней. То ли правда дурак, то ли прикидывается.

Он вдруг рывком, одной рукой обнял меня, прижал к себе с какой-то невероятной пьяной силой – мне даже стало трудно дышать – и тихо, на самое ухо прошептал: – Думаешь, поверю, что Арсений тебе ни-ни? И про Ольгу? И про то, что Карай ему тогда жизнь, считай, спас? Чего ж он тогда тебя на Глухую выпнул? Теперь тут за тобой сотни глаз... Понял? Башку-то на Глухой нашли. На Глухой, на Глухой. Не знал, да? Вот и шевели теперь своими научными мозгами, стоит тебе туда подаваться или как? А я – баиньки.

Опираясь на меня, он с трудом поднялся. В это время в сенях стукнула дверь, звякнул закрываемый засов, скрипнула вторая дверь, и вошедшая женщина снова ошеломила меня своей хрупкой красотой.

«Ерунда какая-то... Не должна здесь оказаться такая женщина, – подумалось мне. – Какая-то ошибка... Чья ошибка?»

– Я, Ирина Александровна, все, готов! – громко провозгласил Омельченко. – Ни для научных исследований, ни для научных разговоров не пригоден. Чем в настоящий момент доволен и прошу недобрым словом не поминать. Пусть вас теперь научный сотрудник развлекает. Или вы его. Как сговоритесь. Все, все, все, пропадаю...

С нарочитой, но вполне правдоподобной неловкостью, он боком, боком протопал мимо улыбающейся Ирины, толкнул дверь в спальню и, чуть не сорвав дверную занавеску, исчез в темноте. Слышно было, как тяжело скрипнула кровать, и в доме стало невыносимо тихо. На этот раз даже ветра не было слышно, словно и он замер в ожидании, кто из нас первый шевельнется, скажет слово. На ее месте я бы не выдержал и секунды подобной неподвижности. А она как ни в чем не бывало стояла, улыбалась и словно выжидала, кто из нас первый не выдержит. Первым не выдержал я.

– Вы, кажется, умеете разгадывать чужие мысли?

Мне самому показался неуместным тон моего вопроса, но меня уже понесло.

– Как меня зовут, вы уже отгадали. Может быть, отгадаете, чего мне сейчас больше всего хочется?

Лицо ее стало серьезным. Она внимательно посмотрела на меня и кивнула:

– Если вы немного подождете. Я переоденусь и приведу себя в порядок.

Она скрылась в комнате, которая предназначалась для моего ночлега. Я повернулся к хозяйке. Без Омельченко я чувствовал себя гораздо увереннее.

– Надежда Степановна, я не понял. Мы что там, с ней вместе будем?

Жена Омельченко неожиданно рассмеялась.

– Испугался?

– Не испугался, но определиться не помешает. Еще подумает чего-нибудь.

Хозяйка продолжала смеяться.

– Она-то не подумает, а ты, гляжу, извелся уже.

– Ничего не извелся, просто странно несколько.

– А ты у нее спроси: вместе или по отдельности проживать будете? Мне самой интересно, какой она тебе ответ даст.

Я понял, что надо мной смеются, и обиженно замолчал.

Она так стремительно вышла к нам, что я невольно вздрогнул. На ней было сверкающее просторное платье, густые светлые влажные волосы тяжело падали на плечи. Подойдя ко мне вплотную, она подняла обнаженные руки. Ладони почти касались моих висков. От неожиданности я замер. Теплый, влажный, нежный запах ее тела и каких-то очень тонких духов совершенно перебил острые, назойливые запахи стола, догорающих в печи дров и даже запахи трав, которыми был насквозь пропитан этот дом. Забыв обо всем, я до головокружения вдруг захотел притянуть ее к себе и уткнуться лицом в завораживающе сверкающее платье.

– Спокойно, спокойно, – быстро и тихо сказала она и, отступив на шаг, бесшумно опустилась на стул Омельченко.

– У вас сейчас, Леша, такая каша в голове, что все мои усилия будут абсолютно безнадежными. К тому же, я была, кажется, неосторожна.

– Да уж, – пробормотал я, облизав пересохшие губы.

– Меня удивляет другое, – быстро сказала она. – Вы, оказывается, совершенно трезвый. Не пьете?

– Это он от тебя протрезвел. Пил наравне с моим, а моего так просто с ног не собьешь. Действуешь ты, Ирина, на мужиков, как электричество.

– Значит, отгадывание мыслей откладывается? – поспешил я перебить не очень приятный для себя разговор.

– Обстоятельства благоприятные, но вы не в форме. Слишком много впечатлений. Не можете сосредоточиться. Что-то вас очень сильно взволновало. Кажется, беспокоит какой-то человек. Не можете понять его. Правильно?

– Всегда есть человек, которого не можешь понять, – не сдавался я. – Для волнений тоже поводов достаточно.

– Да я тебе без всякого угадывания скажу, о чем он сейчас больше всего беспокоится, – снова засмеялась хозяйка. – В одной комнате ты с ним ночевать будешь или мы его на сеновал определим, подальше от соблазна?

– Ой, Леша, ради бога, не беспокойтесь. Я думала, вам все рассказали. Совершенно не могу спать в тепле и духоте. Напросилась в летник. Вы, наверное, не заметили – там, через комнату, вторые сени и летник.

Чувствуя себя полным дураком, я пожал плечами.

– Действительно, не заметил. Странные у вас привычки.

– Неважные у меня привычки, – глядя в сторону, сказала она. – Вас не было, я проснулась, выхожу – чьи-то вещи, куртка. Должен был приехать один человек. Я подумала – может, он? Посмотрела документы – увидела вашу фамилию, фотографию. Растерялась. Нехорошо получилось, вдруг увидит кто-нибудь?

Она внимательно посмотрела на меня. Я отвел глаза.

– Почему-то мне показалось знакомым ваше лицо. Говорят, это бывает, когда предчувствуешь, что человек сыграет важную роль в твоей жизни. Так что приготовьтесь, вы уже вошли в мою жизнь.

Что-то словно подтолкнуло меня. Хотел промолчать, но не смог.

– А вы в мою. И, кажется, не только в мою. Говорят, вы очень похожи на Ольгу...

Она так резко встала, что я отшатнулся. Как-то брезгливо, как мне показалось, обошла меня и исчезла. Ни звука шагов, ни скрипа, ни стука закрываемой двери. Словно растворилась в полутемном пространстве большого незнакомого дома.

– Зря ты это, – недовольно сказала хозяйка. – Если вправду ничего не знаешь, молчи, слушай, что другие говорят. А знаешь и утерпеть не мог, лишь бы её зацепить, тогда не знаю... Может, у вас так принято...

Я-то, дура, подумала, не из таких ты. Петру еще попеняла, что мудрит на пустом месте.

– Да что знаю-то, что знаю?! – чуть заорал я. – Тычусь, как щенок, в ваших проблемах, недомолвках. Не знаю я ни черта! Не знаю! Как с собакой. Вы сказали, я повторил. Про Ольгу ваш муж сказал, я про нее и понятия не имел. Только и сказал, что похожа. Не понимаю, что здесь обидного?

– Обидного ничего, – не сразу сказала Надежда Степановна. – Не в обиде дело.

– А в чем? – спросил я и оглянулся на дверь, за которой скрылась Ирина.

– Так если бы знать, – с какой-то безнадежной тоской сказала моя собеседница и тоже посмотрела на дверь. – Вылитая. И волосы, и глаза, и голос. Фигурой, разве, та покрупнее, и то сейчас сомневаюсь. Я так думаю, – заговорила она шепотом, – родственница ее какая-нибудь. Может, и сестра, как мой толдычит. Так ведь не говорит ничего, не признается. И фамилия другая, и отчество. Вот и думай, что хочешь. Конечно, если бы Арсений Павлович объявился, тогда другое дело. Мы ведь его ждали. И она, как я примечаю, ждала.

– А при чем тут вообще Арсений Павлович? – устало пробормотал я, отчаявшись в чем-либо разобраться.

– Так ведь он... она... Ольга то есть... Правда, что ль, не знаешь?

Очевидно, выражение моего лица окончательно убедило хозяйку, что все сказанное ею полнейшая и ошеломляющая для меня неожиданность.

– Еле его тогда в чувство привели. Думали, руки на себя наложит. Хорошо, что совсем без сил был. Может, тогда и началась у него эта болезнь поганая? Говорят, с тоски она начинается. Когда человек жить не хочет.

Потрясенный, я молчал. Неожиданно подумалось, что мне иногда все-таки приходило в голову – ничего я не знаю о своем любимом начальнике орнитологической лаборатории. Я всегда отмахивался от этих мыслей, приписывая их слишком очевидной незаурядности этого человека и своему слишком короткому с ним знакомству. Надеялся, что когда-нибудь узнаю его лучше. И вот теперь, кажется, начинаю кое-что узнавать. Пока только кое-что. Зато какое! Впрочем, внимательнейшим образом вслушиваясь в каждое слово рассказа Надежды Степановны, я

почему-то думал, что всего я так никогда и не узнаю. В том, что мне открывалось в эти минуты, было гораздо больше непонятого и необъяснимого, чем если бы я вообще не знал ничегошеньки. И самой необъяснимой во всем этом была Ольга.

* * *

В поселке она появилась вместе с Арсением два года назад, в начале того самого проклятого лета. Птицын, который заранее был извещен о прилете Арсения и необходимости сопровождать его до озера Абада и уже загрузивший под завязку лодку, в которой едва осталось место для двоих, был неприятно поражен появлением веселой, энергичной и очень красивой женщины, которая выглядела в этих местах, по его выражению, «как бантик на мушке», и сгоряча, несмотря на свое благоговение перед Арсением, чуть вовсе не отказался от этого, давно подготавливаемого нелегкого путешествия. А тут еще зарядивший без передышки дождь со снегом, черная, ошалевшая от половодья река, смывающая с островов и низких берегов весь накопившийся за несколько лет мусор. Стремительная, взерошенная, страшная вода несла грязь и вырванные с корнем деревья.

– Мы сошли с ума, – улыбаясь, сказала женщина. – Нас перевернет на первом же перекате.

– Может, переждете, пока распогодится? – с плохо скрытой надеждой спросил Птицын. – А мы с Арсением Павловичем двинем осторожненько. Пока доберемся, пока то, другое, а там и вы подгадаете. Лодке троих все одно не потянуть.

Женщина внимательно посмотрела на Птицына, потом повернулась к Арсению.

– Видишь, Сергей тоже не хочет, чтобы я ехала с тобой. И погода против, и река. Может, все-таки не судьба?

– А ты и не поедешь со мной, – решительно сказал Арсений. – Поедешь с ним. Лучше него никто этой реки не знает. Доставит, как пушинку.

– А ты? – встревоженно нахмурилась женщина. – Я тебя не понимаю... Будешь ждать вертолет?

– Буду ждать вас.

– Что ты имеешь в виду?

– Я тут сговорился... Сторож с базы дает на неделю «казанку». Налегке обгоняю вас и жду. Сергей потом угонит «казанку» обратно. За это я починил старику телевизор и собрал старый мотор. Все довольны, все счастливы.

– Вот где ты пропадал вчера весь день. А я на тебя обиделась.

– Не дело это, Арсений Павлович, – проворчал Птицын. – Вас на шивере, как пить дать, замотает. «Казанка» волну рубит. Зароется носом – и хана.

Женщина снова встревоженно нахмурилась и, ничего не сказав, внимательно посмотрела на Арсения.

– Ты мне веришь? – спросил тот и улыбнулся.

Порыв мокрого ветра хлестнул по лицам и, вывернув наизнанку росшие неподалеку кусты, помчался наперерез течению к далекому правому берегу.

– След ветра на воде... – непонятно и грустно сказала она и отвернулась. Потом тихо добавила: – Я стала верить предчувствиям. Это не к добру.

– Что же ты предчувствуешь? – все еще улыбался Арсений.

– То, о чем я думаю, почему-то не имеет продолжения, – с испугавшей Птицына тоской сказала она и надолго замолчала.

Птицын помнил каждое слово этого разговора и не раз потом говорил, что если бы они послушали тогда его, а не Арсения, все сложилось бы иначе. А в разговорах с людьми, которым безоговорочно доверял, добавлял, что и сам он почувствовал в те минуты отчетливую тень непонятной страшной беды, которая вплотную подобралась к стоявшим рядом с ним людям.

– Правильно она соображала: какое продолжение при таком раскладе? Еле докултыхались. Не лето, а сплошная катастрофа природы. Всемирный потоп подобным образом должен начинаться. Дождь со снегом с утра до ночи, зверь ушел, в тайге воды по колена, река не шумит даже, а воет, как падла какая... А у них в полном противоречии с происходящим – любовь. Ну какая, подумай, любовь в таких условиях? Палатка, нары, дым от сырых дров день и ночь. Тут люби, не люби, через неделю не хуже моей дурной сучонки взвоешь. Была у меня лайка... Посмотрел я на них, посмотрел, да и говорю сам

себе: «Он-то ладно, ко всему привычный, а вот если эта московская дамочка хотя бы с полмесяца выдержит, не сорвется, в голос не заголосит, может, и сложится у них это дело».

– А они? – не выдержав, спросил я Птицына, когда он рассказывал мне об этом.

– Они? – переспросил тот, и его лицо сначала застыло, а потом исказилось болезненной гримасой. – Чего они тогда понимали? Кроме друг дружки ничего. Может, потому и случилось все. Конечно потому. В жизни, когда по сторонам не глядишь, концовка, как при автомобильной катастрофе. Чем больше скорость, тем тяжелее последствия.

Птицын и недели не пробыл с ними. Помог на первых порах устроиться. Спилили с Арсением несколько лиственниц для более основательного жилища, разнесли и установили по маршрутам приборы. Постепенно предубеждение Птицына против совершенно неуместной в этих местах и в этих условиях женщины проходило. Она ни разу ни на что не пожаловалась, всегда была чем-то занята, по тайге ходила легко и бесшумно, что не всегда удается даже опытному таежнику. Еда на маленькой печурке в палатке всегда устраивалась без особых хлопот и суеты, как всегда бывает у хороших хозяек. Даже обычный суп из консервов получался у нее по-особому вкусным, а процесс принятия пищи неожиданно превратился в ритуал приобщения к чему-то почти домашнему, во что трудно было поверить, сидя на наспех сколоченных нарах и прислушиваясь к шуму дождя, скрипу и шороху ветвей, гулу все более и более сатанеющей реки. Птиц в то лето не было слышно, потому что почти не выпадало дней не то чтобы солнечных и теплых, а просто хотя бы притихших, не пропитанных насквозь моросью или проливными дождями. Лишь изредка с хриплым карканьем тяжело летел через реку ворон, да в редкие безветренные часы простуженно верещала в кустах стланика кедровка, негодующая не то на погоду, не то на торчащую из палатки и нещадно дымившую трубу.

С какой-то пугающей меня отчетливостью, вплоть до запахов и красок, я представил себе эти несколько дней, которые пробыл с Арсением и его таинственной спутницей Сергей Птицын, вплоть до того, как, наверное, неловко и неуютно было им забираться в отсыревшие холодные спальные мешки и подолгу лежать без сна,

прислушиваясь к монотонному шуму и стону непогоды, потрескиванию дотлевающих углей в печурке и сдерживаемому дыханию друг друга. Но стоило мне попытаться представить себе дни, когда они наконец остались вдвоем, у меня ничего не получилось. Воображения хватило лишь на мечущиеся отблески догорающего огня, чуть освещающие лица, и в этом тревожном погасающем свете женщина в серебристо-сером платье медленно приподнимала тяжелую мокрую полу палатки и, шагнув вперед, навсегда исчезала в беспросветном, холодном, задыхающемся от ветра пространстве ночи...

– Мой ведь как? – тихим монотонным голосом рассказывала хозяйка. – Что поперек или другим не под силу, обязательно на рожон попрет. Так и тут – побежал напрямки помощь оказывать. Будто бы без него не обошлись. Сколь народу на ноги подняли – подумать страшно.

– Сразу на Глухую, к Арсению? – спросил я.

Этот, казалось бы, совсем простой вопрос подействовал на хозяйку самым неожиданным образом. Она замолчала и, похоже, решила не продолжать свой рассказ. А мне всего-навсего хотелось уточнить, почему именно к Арсению решил поспешить на помощь Омельченко? И хотя моя твердая уверенность во всемогуществе Арсения была уже слегка поколеблена невнятно тягостными намеками на случившуюся трагедию, я, тем не менее, все еще был совершенно уверен, что уж кто-кто, а Арсений способен найти выход из самого безвыходного положения, и помощь Омельченко вряд ли была так ему необходима. По моему разумению, и Омельченко, хорошо зная моего шефа, должен был рассуждать примерно так же, и поэтому я невольно высказал свое сомнение.

Молчание, казалось, никогда не кончится, и я уже хотел встать, извиниться за доставленные хлопоты и глупые вопросы, но Надежда Степановна, очевидно, что-то решив для себя, очень тихо, почти шепотом сказала:

– Так разве угадаешь... Покойников одних целый вертолет доставили. Когда у нас еще такое бывало? Места у нас, конечно, серьезные, но чтобы так-то... Ну, мой и вздернулся. Я, говорит, сам разберусь, что тут к чему. Считал, что пришлому человеку без помощи или без подсказа в местах здешних ни в жизнь не разобраться. Кто-то свой их наводил – в этом даже сомнения не было.

- А этого так и не поймали? Башку.
- Считай, поймали, да толку-то...
- Как это?
- Так. В том же самом виде и поймали, как дружков его.
- В каком виде? – все еще не понимал я.
- В каком, в каком... В каком побросал их, когда не нужны стали.

Только он их в спину, а его спереди приложили. От башки у этого самого Башки и половины, сказывали, не осталось. Так что, кто помогал, кто его самого, поди теперь, разбирайся. Кто только голову не ломал, чего только не придумывали и не выдумывали, все без толку. До сей поры ночь темная. Разве теперь что стронется.

- Почему вы так считаете?
- Тебя вот принесло. Тебе что, во всей тайге места больше не нашлось?
- Да я и понятия не имел.
- Ты, может, и не имел, а кто-то другой имел.
- Меня все в один голос отговаривали. И до сих пор отговаривают.
- Арсений, что ль, отговаривал?
- Больше всех.
- Тогда и вовсе концы не свести.
- Какие концы? Вы хоть дорасскажите, что и как.
- Рассказывай, не рассказывай... Я ж говорю – ниточки ухватиться не сыскали.
- Значит, кто-то поумней всех оказался?
- Выходит, так. Ладно, спи давай, давно пора. А то и я с тобой как девка молоденькая засиделась. Петухи скоро запоют.
- Какие петухи?
- Это я так. За полночь уже перевалило. Мы здесь рано укладываемся, к таким посиделкам непривычные.
- А Ольга? Что у них там случилось? Я хоть и не знаю ничего, но вывод сам напрашивается. Если с ней что-то, то Башку только Арсений. Ее что, убили?

И снова безмолвное пространство надвинулось на нас из глубины спящего дома – ни шороха, ни скрипа, ни дыхания. Сначала мне, правда, показалось, что слышно, как снег хлесткими огромными хлопьями бьет в окна и стены, но прислушался и понял – не то чтобы

снега, ветра не слышно. Все замерло вокруг, все было неподвижным и почти нереальным в этой безмолвии и неподвижности.

– Может, убили, а может, и не убили, – вдруг совершенно спокойно сказала Надежда Степановна и тяжело поднялась из-за стола. – Кроме бандюги этого ничего больше не отыскали. Рядом с палаткой самой лежал. А ни ее, ни золота, которое он тащил на себе от самого того проклятого ручья, ни слушинки, ни дышинки. Словно и не было ничего. Как Серега Птицын говорит – «до сих пор покрыто мраком неизвестности». Правильно Петр сказал: нечего тебе там гоношиться. От греха подальше.

– Не понимаю, Арсений где был, когда все это произошло?

– С ним тоже крутили-вертели, – остановившись перед дверью в спальню, с какой-то покорной усталостью ответила хозяйка. – Каждый его шаг с рулеткой обмеряли. Да только ничего у них не сложилось. И за два дня не успеть с того места, где его отыскали. Мой-то в самых главных свидетелях оказался. Он Арсения Павловича за вторым перевалом отыскал. Карай отыскал.

– Ничего не понимаю. Как он там оказался?

– К старателям за помощью подался.

– Арсений? За помощью? Он сам кому хочешь поможет. За какой помощью?

– Лодку у них унесло. Берег подмыло, что ли? В общем – унесло. А без лодки оттуда пустое дело выбираться. А она ногу еще повредила. С больной ногой разве по горам двинешься? Осыпь на осыпи. После таких дождей и вовсе полное самоубийство. Даже для здорового. Так и получилось. Если бы не мой, кто его знает, как сложилось. С того свету на себе доставил.

Услышанное ошеломило меня.

– К каким он старателям пошел? К тем?

– К тем. К покойникам. Ладно, а ты мы с тобой до утра не переговорим. Об этом только начни.

Она откинула занавеску.

– Подождите! – чуть не закричал я. – А она? Ольга?

– Я ж тебе сказала – ни ее, ни золота. Ни следов никаких. Такой снег тогда поднялся, не хуже, чем сейчас. И время почти то же самое. Через неделю годовщина.

– Так может... она?

– С больной-то ногой? И золотишко – не то что унести, не поднять с бабьими силами. Один этот душегуб и мог его снести. На злобе на одной. – И уже из-за занавески, из темноты добавила: – Да и ружья у нее никакого не было, с лодкой унесло. Лодку-то потом сыскали. А ему жаканом промеж глаз. С близкого расстояния. Бабе такого не сладить. Никакие нервы не выдержат. Он же ужас какой страхолюдный был, Башка этот. Сказывали, увидишь – сомлеешь. Под два метра, да еще горелый весь. В лагере мужики живьем сжечь хотели, а он стену проломил – и в снег. Зверь, а не человек. Хотя чего зверей понапрасну хаять...

И еще неразборчиво пробормотав что-то, она замолчала.

* * *

В эту ночь я долго не мог заснуть. Голова раскалывалась от боли. Я ворочался с боку на бок в жаркой, непривычно мягкой постели, придумывал самые невероятные разгадки случившейся несколько лет назад таинственной трагедии, пытался вообразить какие-то продолжения и бог знает какие приключения, ничем, впрочем, не кончавшиеся, поскольку ни одного вразумительного конца я так и не смог придумать. Провалившееся наконец-то в сонное забытие сознание вдруг с пугающей реальностью высветило фигуру убегающего, то и дело оглядывающегося Башки, изуродованное лицо которого, несмотря на то что я никогда его не видел, представилось мне отчетливо и ярко, до малейшей детали, до страшных, выцветших, почти белых глаз, насмешливо щурящихся на меня и подмигивающих: – что, мол, отстаешь, фраер, – догоняй, спеши! Потом увиделась стремительная, черная, взбудораженная река, которая самой серединой ревущего переката, зажатого голыми нависающими скалами, несла беспомощную с заглушим мотором лодку, в которой оцепенел неразличимый и в то же время до боли знакомый человек. Лодка то терялась среди бурунов, то в смертельном единоборстве с водоворотом проносилась вплотную к мокрым скользким камням, задевая их гулким дюралевым бортом...

Скрежещущий звук разбудил меня. Я приподнял голову. Память еще отчетливо хранила недавний сон, и я не сразу понял, где нахожусь:

темнота, незнакомые неразборчивые массы вещей, незнакомые запахи. Повернулся к окну – его смутный прямоугольник сразу определил мое местонахождение в непонятном со сна пространстве. Не отводя от него глаз, я опустил голову на подушку и уже почти засыпая разглядел легкую фигурку, бесшумно скользнувшую через прямоугольник и растворившуюся в темноте, в той стороне, где была дверь в соседнюю комнату. Решив дождаться возвращения ночной путешественницы, я устроился поудобнее, чтобы неловким движением не выдать свое бодрствование, уставился на окно, за которым по-прежнему в полную силу хозяйничали снег и ветер, и... через несколько минут заснул. Уже во сне ко мне вплотную подошла незнакомая женщина и, обжигая теплым дыханием, долго и пристально смотрела в глаза. Я протянул руки, но вместо живого горячего тела они прикоснулись к чему-то вязкому и холодному. Попытался их отдернуть, но руки, стиснутые непонятной силой, было не пошевелить. Сзади кто-то дурашливо хохотал, больно, но якобы дружески бил по спине. С трудом поворачивая голову, я видел то Арсения, то Омельченко, то ухмыляющиеся рожи бичей, а насмешливый голос Черепкова назойливо втолковывал мне, что я самый элементарный дурак из типичных младших научных сотрудников, которых все, кому не лень, используют в своих личных корыстных интересах. И поскольку это явление закономерное и в научных кругах никем не оспариваемое, мне остается только смириться с обстоятельствами и немедленно написать на его имя докладную, объяснить, почему я до сих пор не приступил к выполнению задания командировки, почему до сих пор не связался с Птицыным...

– Птицыным... Птицын, Птицын... – слышалось сквозь сон.

Я с трудом раскрыл глаза.

В комнате было почти светло.

– Что ты мне все – Птицын, Птицын, – раздавался из соседней комнаты голос Омельченко. – Надо было твоему Птицыну, нарисовался бы чуть свет. А то до сих пор носа не кажет, полдень уже на дворе.

Я с ужасом потянулся за часами. Полдень не полдень, но десять уже почти набежало. Стараясь не шуметь, я стал торопливо одеваться. Надежда Степановна заглянула в комнату в самый неподходящий момент, когда я, прыгая на одной ноге, другой старался попасть в штанину.

– Встал, – громко объявила она, и в комнату, словно дожидался, сразу вошел Омельченко. Не обращая на мое смущение ни малейшего внимания, он дружески хлопнул меня по спине, да так, что я со всего размаху снова плюхнулся на кровать. После чего объявил: – Счастлив твой бог, Алексей. Нашел я тебе кадру. Не то чтобы на все сто, но на подсобную работенку сгодится. Я насколько понял, ты в нем не шибко и нуждаешься – подсобить чего мало-мало и все дела. Так?

– Так, – ошарашенно кивнул я, еще не осмыслив до конца радостную для себя новость.

– Согласился на все условия. Да и погода вроде утихомиривается, – продолжал грохотать хозяин. – И снегу помене, и ветер пожиже. Глядишь, денек-другой – и полные ладушки. Ты как насчет ландариков, а? Баба у меня полный таз напекла. Морду споласкивай и к нам, хватит дрыхнуть. Я тебя жалеючи не будил. Перебрали мы с тобой вчера, ничего не скажешь, было дело, которое мы для ясности замнем и забудем. Давай, давай, кадра уже сидит, дожидается, снег копытом роет, на аван надеется. Ты ему все сразу-то не давай, помаленьку, пока в норму войдет. Как оклемается полностью, тогда и договоритесь.

– Мне теперь вам только в ножки бухнуться остается за все, что вы для меня сделали, – сказал я и, упав на колени, коснулся лбом медвежьей шкуры у самых ног Омельченко.

Настроение у меня было прекрасное, Омельченко хохотал и еще раз двинул меня по спине, в доме вкусно пахло чем-то печеным и жареным, все таинственное и непонятное до поры до времени отодвинулось в небытие. Умываясь, я думал о том, как мне повезло, что меня встретил Омельченко. Все складывается наилучшим образом. Остается только дожидаться, когда утихомирится ветер.

Я вышел в прихожую и остановился в недоумении. За столом сидел Рыжий из вчерашней компании бичей под аэрофлотовской лестницей. Как ни в чем не бывало он пялился на меня и щерил в улыбке острые зубы. Под левым глазом у него красовался солидный синяк, которого вчера, по-моему, не наблюдалось.

– Чего стал? Проходи, – позвал Омельченко. – Знакомить не буду, сами разберетесь, что к чему. Мое дело собачье: нашел, привел, просьбу удовлетворил. Так или не так? – спросил он почему-то Рыжего, а не меня.

– Я объяснял вам, Петр Семенович, у научного сотрудника сомнения будут. Мы вчера беседу на эту тему проводили, можно сказать, безрезультатно.

– Так вы ее без меня проводили. Со мной – совсем другое дело. Побеседовали и договорились. Ты, Валентин Батькович, не жмись, выкладывай все как есть. Тогда и доверие появится.

– А чего выкладывать? Вон у меня весь выкладон под глазом нарисован.

– За что? – сделал вид, что удивился, Омельченко.

– За то, что согласился помочь молодому перспективному ученому. Соответственно отоварили.

– А сказал, что по моей просьбе?

– Сказал, да только поздно. Сначала отоварили, потом расспрашивать стали.

– Ну и...?

– Ну и – пнули. Катись, говорят, защищай диссертацию. А мне что? Они сейчас в городе в кабаке запузырятся, а на мои башли вся гулянка два раза до магазина и обратно. А тут, глядишь, перебыюсь худо-бедно месячишко-другой. Потом весна, потом лето – и все дела.

– В каком смысле – «все»?

– Все по-новой. Нам как у Кибальчиша – ночь простоять да день продержаться. А что дальше будет, Бог да прокурор рассудят.

– Легкий ты человек, – неодобрительно сказал Омельченко. – Да мне-то что: детей не крестить. Поможешь парню, и то ладно.

– Больно место он серьезное для своих научных наблюдений определил. Сам-то он в курсе? – спросил Рыжий Омельченко, словно меня не было рядом.

– Теперь в курсе. Им там по плану положено. Вот и выпнули новичка. До меня только одно категорически не доходит – почему тебе Арсений Павлович ни словечка? Мог бы прояснить обстановку.

Откровенно говоря, этот же самый вопрос мучил меня с той самой минуты, как я узнал про трагедию на Глухой. Объяснения этому я до сих пор так и не отыскал, но сейчас, не задумываясь, решил защищать и Арсения, и себя, поскольку недоверие к Арсению переходило на меня чуть ли не автоматически.

– Во-первых, когда эта экспедиция затевалась, Арсений Павлович собирался в нее вместе со мной. Наверняка рассказал бы все, если бы

не заболел. Я-то не знал сначала, что он заболел, думал... В общем, всякую ерунду думал, не разговаривал с ним. Это уже во-вторых, почему он не сказал. В-третьих, как умный человек, он прекрасно понимал, что мне все равно все изложат. В институте почему-то не изложили. В-четвертых, кажется, он был уверен, на Глухую мне не попасть, «дохлое дело», как он говорил. В-пятых, как я понимаю, все это для него глубоко личное. Надежда Степановна правильно сказала – скорее всего, болезнь его с этого самого и началась. В-шестых...

– Закругляйся, – сказал Омельченко. – Все ясно. Тебе самому-то как? Не расхотелось после всего, что узнал?

– Мое дело – пернатые, – твердо заявил я. – Ни золотишком, ни прошлой уголовщиной не интересуюсь. Мне только неприятно, что вы ко мне из-за всех этих дел относитесь как черт знает к кому. А это работе мешает. Или может помешать. Чего, например, твои кореша вчера на меня окрысились? – обратился я к вздрогнувшему от неожиданности Рыжему. – Им-то чем я мог помешать? Какое им дело, где я буду работать?

– Так они это самое... – заволновался Рыжий. – Думали, по-новой все начинается. Их тогда, знаешь, сколько туда-сюда таскали?

– За что их могли таскать, если они ни при чем?

– Ну, Алексей, когда сеть заводят, не спрашивают, карась ты, щука или нельма. Всех подчистую гребут, – вмешался Омельченко. – Потом уже разбирать начинают, кого обратно в реку, а кого на засол или в уху. Ладно, давайте чай пить, а то Надеждины ландорики остынут.

Мне показалось, что разговор принял неприятный для него оборот, и он хочет прекратить его.

– Похмельем не маешься? Может, по стопарику? – спросил он меня.

– За знакомство, – сразу повеселел Рыжий.

Неожиданное его решение прийти на помощь «молодому перспективному ученому» не только озадачило, но и насторожило меня. Пожалуй, не стоило торопиться с радостным согласием образовать вместе с ним маленький дружный коллектив.

– А что вы про Птицына тут говорили? – неожиданно для своих собеседников переменял я тему разговора. – Проснулся, слышу – Птицын, Птицын. Странно, что он до сих пор не пришел. Арсений

Павлович говорил, что он обязательно должен встретиться. Не исключался вариант, что он со мной согласится на Глухую...

– Вот и я говорю, – появилась на пороге комнаты хлопотавшая на кухне хозяйка. – Один молодой, несмышленный, другой алкаш – долго ли до беды. А говорить потом на тебя будут. Мало, что ль, собак повешали? А Сергей человек надежный...

– Где он твой надежный, где? – взорвался Омельченко. – Я чуть свет – к нему. Дом на замке. Что, я за ним гоняться должен? Мало ли куда он намылился!

– Я его попросила на прииск съездить, – неожиданно вмешалась в разговор бесшумно появившаяся в комнате Ирина. И снова при виде ее у меня перехватило дыхание. Могло ли мне еще сутки назад прийти в голову, что у черта на куличках, на самом краю света встречу женщину, при первом взгляде на которую позабуду и свои зарок, и смертельную обиду на все без исключения существа противоположного пола. Правда, мой первый взгляд на нее совсем не сулил романтических мечтаний и беспокойных снов. Хотя сердце у меня все-таки упало, когда она выудила из куртки бумажник. Но, в конце концов, все разъяснилось. А я... Вел себя вчера – хуже не придумаешь. Надо бы теперь извиниться. Обязательно надо, а то она меня так и будет считать дураком и дубиной. Некстати вспомнив правила хорошего тона, я торопливо вскочил, как и полагается при появлении дамы, раскрыл рот, чтобы произнести что-нибудь вежливое, и неожиданно для самого себя брякнул: – Зачем?

Она насмешливо глянула на меня и как ни в чем не бывало объяснила:

– Говорят, туда абрикосовый компот завезли. Обожаю абрикосовый компот. Сережа обещал, что привезет целый ящик. Мне одной много, могу поделиться.

По-моему, даже Рыжий сообразил, что надо мной издеваются, и снова ощерил свои острые зубы. Что-то чересчур веселое у него настроение. Можно подумать, что заранее не принимает всерьез наших будущих отношений начальника и подчиненного. При случае надо будет поставить его на место. Говорят, если этого не сделать сразу, то потом подобные типы на шею садятся и толку с них в этом случае как с козла молока.

Несмотря на то что по первому ее слову я уже готов был и в огонь, и в воду, сдаваться без сопротивления, тем не менее, не собирался. Тоже мне, таинственная незнакомка, угадывающая чужие мысли! Интересно, милая моя, куда ты ночью шастала? Уж не поручение ли Птицыну насчет компота давала? Вслух же я сказал, с неприязнью глядя на Рыжего:

– Арсений Павлович рассказывал, что Птицын пишет неплохие стихи. Теперь у него будет повод написать сонет об абрикосовом компоте для прекрасной дамы. Игорь Северянин писал об ананасах в шампанском, Сергей Птицын напишет...

– Почему вы все время стараетесь казаться хуже, чем вы есть? – быстро спросила она, не дав мне закончить фразу. – Имейте в виду, что это совершенно детский комплекс, от которого вам давно пора избавиться. Я не виновата, что вам не повезло с вашей девушкой. В конце концов, не все такие, как она. Бывают лучше, бывают хуже.

Давно мне так не врезали. Главное, безошибочно. Показалось даже, что пол покачнулся – я невольно переступил с ноги на ногу. Рыжий, от которого я не отводил взгляда, испуганно поежился, искоса быстро глянув на меня. Незнакомым самому себе голосом я спросил:

– Вы, конечно, лучше?

– Я другая, Лешенька. Не пытайтесь меня классифицировать или как-то там по-своему определять. Я совершенно другая. Поскольку обстоятельства свели нас, примиритесь с этим и примите как должное. Иначе никакой дружбы у нас не получится.

Я хотел спросить – не смешно ли говорить о дружбе, когда мы видимся, можно считать, в первый и в последний раз? Мне завтра на Глухую, ей... Куда ей, я не знал, но что явно не по пути со мной ни завтра, ни во все последующие дни, было совершенно очевидно. В это время в сенях что-то упало, загремело, дверь без стука распахнулась, и в комнату ввалился Сергей Птицын. Как ни странно, но я сразу догадался, что это он. Маленькая, щуплая, почти мальчишеская фигура, ярко-голубые в сетке ранних морщин глаза, неожиданные рыжеватые усы, большие залысины, открывавшие выпуклый лоб. В общем, не смахивал он ни на опытного таежника, ни на бесстрашного егеря. Аспирант, технарь при лаборатории, программист, музыкант, поэт – все, как говорится, из области творчески-интеллектуальной. То, что Птицын писал стихи и даже выпустил два сборника, заранее

вызывало во мне почтительно-настороженное к нему отношение. А то, что о нем даже Арсений с уважением отзывался как о незаурядном следопыте, ходоке и охотнике, делало его для меня и вовсе непонятным. В общем, если бы он и согласился тогда со мной на Глухую, я сделал бы все, чтобы он от этого согласия отказался. И ни за что не поверил, если бы мне сказали, что довольно скоро мы станем друзьями.

Птицын внимательно оглядел всех нас, подошел к столу и тихо сказал:

– Хлесткина убили. – Потом подошел ко мне, протянул руку: – Птицын, Сергей. Извини, что не встретил. Пришлось срочно на прииск.

– Господи! – охнула Надежда Степановна, прикрыв рукой рот, словно сдерживая крик.

– Как убили? Когда? Где? – задавал вопрос за вопросом Омельченко.

Рыжий с испугом уставился на него и, отодвигая стул, стал медленно подниматься.

– Застрелили. Через окно. Соседи утром смотрят – свет горит, стекла нет, в комнату снега намело, сам лежит головой на столе. Как сидел, так и остался. А под головой заявление.

– Какое заявление? – Голос у Омельченко сорвался.

– Заявление, Петр Семенович, на тебя. Но не в этом дело...

– Ну? – после затянувшейся паузы спросил Омельченко. – Он с этим заявлением давно уже обещался. Надумал, что я его зимовьюшки повзрывал. Больше мне делать нечего. Я в тайге уже и не помню когда был. Он хоть и покойник теперь, если не врешь, а все равно дурак. Мало ли что ему в голову взбредет.

Омельченко пытался говорить как всегда уверенно и напористо, но голос выдавал его волнение и явную тревогу. Я бы на его месте тоже запаниковал, особенно после вчерашнего. Но о вчерашнем знали только мы троим – я, Омельченко и его жена, и по взгляду, который бросил на меня Омельченко, я понял, насколько важным будет теперь для него мое молчание.

– О зимовьюшках, насколько мне известно, там ни слова, – медленно и как бы задумчиво продолжал Птицын, – а вот то, что ты, Петр Семенович, золотишко тогдашнее мог прибрать и за перевалом в

самое короткое время оказаться, брался доказать наглядным образом. Экспериментально.

– Пусть теперь доказывает, – невольно вырвалось у Омельченко.

Я посмотрел на Ирину. Трудно было не заметить, что она чем-то очень напугана. Губы дрожали, лицо побледнело, пальцы нервно вцепились в дверную штору, вся подалась вперед, словно боялась пропустить хоть слово, малейшую интонацию происходящего.

«Что это с ней?» – с тревогой подумал я.

Заметив мой взгляд, она постаралась взять себя в руки, отпустила штору, выпрямилась и нахмурилась. Мне вдруг пришло в голову, что она тоже могла слышать вчерашний раздрай Омельченко с Хлесткиным, и если слышала, то кто знает, будет молчать или заговорит, если дело дойдет до серьезного дознания? И как мне вести себя, если меня будут допрашивать первым? Я промолчу, а она все выложит. Что дело дойдет до допросов, я не сомневался.

Омельченко перехватил мой взгляд и, мне показалось, догадался, что творится у меня в голове.

– Теперь не докажет, – все с той же задумчивостью продолжал Птицын, словно речь шла о чем-то постороннем, присутствующих совершенно не касающемся.

Эта его манера могла кого угодно вывести из себя. Представляю, каково было несдержанному Омельченко, который должен был буквально физически ощущать тяжесть накапливающихся против него подозрений.

– Теперь, Петр Семенович, доказывать тебе придется, никуда не денешься.

– Не собираюсь никуда деваться! – загремел вдруг Омельченко.

Ирина вздрогнула, и я с удивлением угадал в ее взгляде, устремленном на разволновавшегося хозяина, если и не ненависть, то, во всяком случае, достаточно заметную неприязнь. Впрочем, это длилось недолго. Заметив, что я слежу за ней, она снова взяла себя в руки и на сей раз посмотрела мне прямо в глаза. Поневоле пришлось отвернуться.

– Не знаю, не знаю, – продолжал как ни в чем не бывало Птицын, кажется, весьма довольный тем, как складывался разговор. – Тут еще одно обстоятельство...

– Ну? – не выдержал намечавшейся паузы Омельченко.

– Карабин, – спокойно сказал Птицын.

– Что карабин?

Омельченко бросил быстрый взгляд на висевший на стене рядом с охотничьим ружьем карабин.

– Из карабина Хлесткина... А он у тебя, можно считать, в единственном числе в окрестностях. Если хлесткинского не считать.

Явно успокаиваясь, Омельченко глубоко вздохнул.

– Любишь ты, Серега, обстановку нагнетать. Взял бы иногда да башкой об стенку, чтобы нервы не трепал. Вон он, карабин. Я его без малого сто лет назад в руки брал. Специалист сразу определит, был он в деле или нет. А ночью я напролет дома находился в хорошо поддатом состоянии. Свидетели в полном наличии. За исключением Кошкина... – Он опустил свою лапищу на плечо Рыжему и силой усадил того на стул. – Этот только что заявился на работу наниматься. Как погода заладится, они с Алексеем на Глухую подадутся.

– Милиция сейчас там в полном составе суется, – словно не принимая в расчет доводы Омельченко, продолжал Птицын. – С минуты на минуту сюда заявятся. Ну, я и поспешил... предупредить...

– Спасибочки за старание, – шутовски поклонился Омельченко. – Прощу к столу, еще одним гостем будешь. У меня нынче гостей полон дом. Не скажу, что всех сам созывал, но все равно дело хорошее. Омельченко гостям всегда радовался, по-возможности никому ни в чем не отказывал. Так, Алексей Батькович?

– Если не вы, то и не знаю, – пробормотал я.

– Ну и ладушки. У милиции свои дела, у нас свои. Тащи, мать, чай. Компоту абрикосового не имеется, а чай у Надежды лучше не бывает. Всю дурь вымывает.

Слышно было, как к воротам подъехала машина. Звякнула щеколда калитки, скрипнула дверь в сенях, постучали.

– Не заперто, – нарочито громко отозвался Омельченко и сел на свое место за столом.

Надежда Степановна, малость замешкавшись, села рядом. Дверь осторожно приоткрылась, в комнату, почему-то пригнувшись, вошел невысокий худой человек – майор милиции. Следом боком протиснулся верзила сержант и, притворив за собой дверь, так и остался стоять у порога.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался майор и неторопливо стал оглядывать собравшихся, задержавшись взглядом сначала на мне, потом на Рыжем. Помню, меня удивило какое-то почти нарочитое невнимание к застывшей в дверях Ирине. Подсознательно отметив про себя эту почти неуловимую неестественность в поведении майора, я почти сразу забыл об этом, всецело захваченный стремительно развивающимися событиями.

– Птицын здесь, значит, все полностью проинформированы, – снимая шапку и усаживаясь на свободный стул, сказал майор и попытался улыбнуться. – Следопыт, он и в Африке следопыт. Ты бы, Сергей Иванович, подавался ко мне на службу. Твоей расторопности на весь состав моего отделения с головой хватит и еще столько же останется. Всегда тебя в пример привожу. Ну, какие твои выводы?

– Выводы вам делать. Я в основном по фактам и фактикам, по следочкам, по слухам. Но только лично для себя, для пополнения житейского багажа. С посторонними, как правило, не делюсь, взглядов своих не навязываю, – с неожиданной горячностью заговорил Птицын.

– Хорошо, – подумав, сказал майор. – Хорошо, что не навязываешь, и хорошо, что взгляды имеются. Я от своих работников вот этого самого очень усиленно добиваюсь. К сожалению, результаты не всегда радуют. Но добиваюсь.

Значит, уважаемые граждане, дело такое... Имеется налицо факт преднамеренного убийства Хлесткина Степана Ильича. Ночью, из карабина. Точное время производства выстрела скоро будет установлено.

– Минуточку... – поднялся Омельченко. – Хочу сделать официальное заявление...

Он подошел к занавешенному окну и резким движением сорвал одеяло.

– Вот... Наглядно... В десятом часу тоже произвели выстрел. Свидетели имеются. Вот – Алексей, вот – жена, Надежда Степановна. Поскольку в это время здесь находился, значит, в меня. Потушил свет, выскочил – снег, ветер, следов никаких. По тому, откуда окно видать, из-за баньки целили. Алексей в это время там находился, может подтвердить. Прошу занести в протокол, то есть зафиксировать.

– С молодым человеком мы еще поговорим, в протокол занесем. В обязательном порядке занесем. Факт, в связи с происшедшим,

интересный. Производит впечатление. Производит, Птицын?

Птицын, внимательно разглядывавший разбитое стекло, кивнул. Потом хмыкнул и сказал: – Из мелкашки. Не серьезно.

– Не серьезно, когда не в тебя. А когда тебе в лоб прилетит, очень даже серьезно будет, – не на шутку разозлился Омельченко.

– Пулю нашли? – как ни в чем не бывало спросил Птицын.

– Тебе надо, ты и ищи, следопыт чертов. Не серьезно ему. Хлесткину, вон, серьезно получилось, а мне, видать, еще не судьба.

– Хлесткину, действительно, серьезней некуда, – подтвердил майор. – Поэтому следствие обязано... Повторяю, обязано проверить, как выразился уважаемый Сергей Иванович, все факты и фактики. Среди них наиважнейший – ваш, Петр Семенович, карабин. Хлесткинский в настоящее время у нас на экспертизе, хотя применение полностью исключено при наличии запертой двери. Из остальных зарегистрированных, второй и единственный – ваш. Поэтому, сами понимаете, необходимо.

– Вон он, у всех на виду. С весны в руки не брал. Без всякой экспертизы сразу видать будет. В нем, извиняюсь, пауки, наверное, завелись.

– Сержант, составьте акт изъятия в присутствии понятых. Они, кстати, в наличии...

Сержант потянулся к карабину. Голос майора из спокойного и размеренного неожиданно стал резким и властным.

– В перчатках! Перчатки одень! Мне еще с твоими отпечатками возиться не хватало!

Сержант торопливо надел кожаные перчатки и осторожно, как драгоценность, снял висевший на стене карабин.

– Дай сюда!

Голос майора стал еще суше и резче. Он достал из кармана чистый носовой платок, встряхнул, разворачивая, и, придерживая карабин одной рукой через скатерть, другой, осторожно коснувшись затвора платком, открыл его и поднес карабин к самому лицу. Понюхал. Покачал головой. Вынул затвор, положил на стол, заглянул в ствол. Удовлетворенно хмыкнул и сказал: – Стреляли из него несколько часов назад.

Почему-то глядя на меня, Омельченко медленно поднялся, прохрипел:

– Николай Николаевич, как перед Богом... Спал как убитый. И патроны у меня спрятаны, где все припасы. Пустой висел. Я заряженное оружие на людях не держу.

– Все это ты мне потом подробно напишешь. До мельчайших фактиков, как выражается Сергей Иванович.

– Карабин мог взять любой из находившихся в доме, – неожиданно вмешался Птицын.

– Мог, – согласился майор. – На этот случай и будут взяты отпечатки. Если отпечатков не будет, существуют другие способы. Поверьте, Сергей Иванович, следствие будет вестись с особой тщательностью, учитывая заявление, которое написал перед смертью покойный. Хотя сами подумайте: женщины – маловероятно. Ни малейших мотивов. Молодой человек? Он, по-моему, до сегодняшнего дня понятия о Хлесткине не имел, что такой вообще имеется в наличии.

Когда майор сказал о женщинах, я снова посмотрел на Ирину. Теперь я уже не сомневался, что ночью она куда-то выходила. А главное, я был совершенно уверен, что не такой дурак Омельченко, чтобы пойти и застрелить Хлесткина после всего происшедшего накануне. Даже вдребезги пьяный он не мог не понимать, что все улики и все подозрения будут против него, и милиция появится в доме, как только факт убийства будет обнаружен. И уж карабин никогда не оставил бы в таком виде, чтобы при первом взгляде и дураку стало ясно, что к чему. А поскольку временное помешательство тоже исключалось, не приходилось сомневаться, что Омельченко к убийству Хлесткина не имеет никакого отношения. И еще мне почему-то показалось, что все происшедшее настолько продумано, что вежливому майору надо хвататься не за первые попавшиеся улики, а сначала задуматься над тем, что они слишком очевидны, чтобы привести к истине.

«Начитался детективов», – оборвал я сам себя и вздрогнул от срывающегося голоса Надежды Степановны:

– А то, что я всю ночь рядом с ним находилась и готова голову наотрез... Это во внимание приниматься будет?

– Почему же? – майор протянул карабин сержанту. – Заверни во что-нибудь... Вы берете на себя соответствующую ответственность за

свои показания, мы сопоставим их с другими показаниями и... сделаем соответствующие выводы.

– Так мне, значит, что? – голос Омельченко угрожающе окреп и загремел чуть ли не в полную силу. – Собираться?

– Соответственно.

Мне показалось, что майор с интересом всматривается в Омельченко.

– Оформим изъятие, возьмем показания, и в интересах следствия я вас, Петр Семенович, сами понимаете, вынужден задержать. Пока временно.

– Оформляй, – Омельченко демонстративно уселся за стол, придвинул к себе пустую кружку. – Надежда, налей чаю на дорожку. Не бойсь, еще извинения попросят.

Неожиданно он уставился на меня и, тяжело роня слова, выдал:

– Слышь, Алексей, Серега-то прав. Кто здесь находился, того и работа. Остальное, сам понимаешь, исключается на все сто. Надежда рядом, она... – он кивнул в сторону Ирины, – скорее всего, понятия не имеет, с какой стороны он заряжается. Что у нас в остатке? – Он повернулся к майору. – Вы Омельченко за дурака не держите. С самого начала у меня мысля имелась, что здесь что-то не то. Концы не сходятся. – И снова он повернулся ко мне. – Больно ловко ты из себя простофилю соорудил. Не хуже, чем в театре... Знаешь, что мне сейчас в голову брякнуло? Стреляли от баньки, а там ты. Так? Интересное совпадение? Ты, майор, пошли пошарить насчет мелкашки. Я почти сразу выскочил, ему ее только выкинуть оставалось. Если, конечно, рядом никого не было. Пошарь, пошарь, глядишь, сразу все на места поставишь.

Майор с таким же интересом, с каким минуту назад смотрел на Омельченко, уставился теперь на меня, и мне почудилось в его взгляде что-то не то насмешливое, не то снисходительное. Я посмотрел на Ирину. Она, нахмурившись, смотрела прямо на меня.

«Н-да... положеньице. Не лучше, чем у Омельченко. Попробуй докажи, что ночью не вставал, карабина не брал, в Хлесткина не стрелял. Я ведь даже понятия не имею, где он проживает. Вернее, проживал». Я вдруг почувствовал, что растерянно улыбаюсь, и, торопясь, как бы улыбку не отнесли на счет если не полного моего

идиотизма, то уж на счет бесчувственности или, не дай бог, неумело скрываемого торжества, я забормотал:

– Петр Семенович, я понимаю, конечно, ваше состояние... Я, например, совершенно уверен, что вы ни малейшего отношения... Мы до двух часов с Надеждой Степановной проговорили, потом я часа два не мог уснуть. Никто никуда не выходил. Вы, естественно, можете думать, что я... Но мне-то зачем? Я даже не знаю, где он живет...

Наверное, то, что я бормотал, выглядело наивно, но холодная ненависть во взгляде Омельченко, устремленном на меня, исчезла, и он опустил голову.

– Черт тогда, что ли? – проворчал он и, подумав, добавил: – Ладно, разберемся. Снимай, Николай Николаевич, отпечатки, допрашивай, проверяй. Мне бояться нечего. С Хлесткиным мы друзьями-приятелями не были, но и стрелять мне в него резону ни на копейку. Что я, придурок полный? Если бы я, так я бы этот карабин... Ни одна твоя экспертиза иголку бы не просунула.

– За придурка я тебя не держу, скорее наоборот, – загадочно сказал майор и повернулся к сержанту: – Садись, пиши...

* * *

Часа через два, когда все формальности были выполнены и Омельченко увезли, я отпустил Кошкина, вытребовав с него заявление о приеме на работу в экспедицию в качестве подсобного рабочего. Забрал паспорт и авансировал небольшую сумму «на подготовительные сборы». С заявлением можно было отправляться в аэропорт, как только погода утихомирится до состояния летной. Правда, появилась было еще одна загвоздка: вежливый майор запретил мне трогаться с места без его специального на то разрешения. Я не на шутку перепугался, что запрет этот может продлиться «до окончательного выяснения обстоятельств гибели гражданина Хлесткина». Но Птицын успокоил майора, высказав соображение, что, находясь на Глухой, я изолирован и заперт не хуже, чем в камере среднестатистического российского тюремного заведения. А когда майор и сержант вышли, добавил, что если бы против меня имелась

хотя бы одна улика средней увесистости, мне бы не миновать проследовать вместе с Омельченко.

К этому времени в доме мы остались втроем – я, Птицын и Ирина, которая, впрочем, почти сразу удалилась в свой летник. Надежда Степановна напросилась поехать с мужем, и в доме с ее отъездом воцарилась гнетущая нежилая тишина.

– Значит, так, – сказал наконец Птицын, когда затянувшееся молчание стало невыносимым. – Советов никому и никогда не даю, но порассуждать совместно согласен. Есть желание порассуждать?

– Только этим и занимаюсь в последнее время.

– Ну и какой, по-твоему, можно сделать вывод из всех этих событий?

– Что не имею к ним никакого отношения, – раздраженно ответил я и добавил: – А они ко мне почему-то начинают иметь.

– Может быть, не почему-то? – По-птичьи наклонив голову и вскинув рыжеватые брови, Птицын заглянул мне в глаза.

– Рассуждай дальше, – без особого интереса разрешил я. Присутствие Птицына становилось утомительным. Он минуты не постоял и не посидел спокойно. То подходил к стене и начинал внимательно ее рассматривать, то для чего-то заглядывал под лавку, то приподнимал половик, то подходил к окну и, прищуриив один глаз, начинал вертеть головой, склоняя ее то в одну, то в другую сторону. Вот и сейчас он вдруг опустил на четвереньки и полез под стол.

– Пулю ищешь? – догадался я.

– Ее, – выглянул он из-под стола.

– А что это тебе даст?

– Внесу в душу стрелявшего заразу беспокойства.

– Почему он должен беспокоиться по поводу кусочка сплющенного свинца?

– Можно пустить слух о чудесах современной техники. Мол, пуля будет передана на сверхнаучную экспертизу, после чего с точностью установят ружье, из которого стреляли.

– У вас что, много дураков?

– Хватает. И еще, поймей в виду – любой преступник в глубине души уверен, что он оставил след, и этот след его рано или поздно выдаст.

– Узнает, что пуля у тебя, еще раз выстрелит.

– Прежде чем выстрелить, попытается разузнать подробности.
– По-моему, здесь у вас стреляют без предварительного выяснения.

– Здесь у нас стреляют, как правило, без промаха.

Я стал погибать пальцы:

– Ночь, снег, ветер, двойное стекло, я ошивался поблизости...

– Ну что, по-твоему, он должен был сделать в этом случае?

– Зачем стрелять, если не уверен в результате?

– А какой должен быть результат?

– Стреляет, значит, хочет попасть.

– Не всегда. Иногда стреляют, чтобы испугать. Иногда, чтобы поднять, выманить, предупредить, навести на ложный след, дать знать об опасности. И так далее.

– Думал об этом, не вижу смысла.

– Смысл имеется.

– Какой?

– Несколько смыслов.

– Каких?

– А вот над этим надо еще серьезно поразмышлять. Ты в курсе, что у нас тут случилось?

– Два года назад?

– Точно.

– Очень поверхностно.

– Ты что, не читал, что тебе Арсений Павлович написал?

– Ничего он мне не написал.

– Как не написал? Он мне звонил. Сказал, чтобы ты, перед тем как принять окончательное решение, еще раз внимательно перечитал все, что он тебе написал.

Я, наконец, вспомнил про блокнот «Полевого дневника», который так настойчиво подсовывал мне Арсений и про который я, торопливо засунув его в кармашек рюкзака, сразу позабыл. Был уверен, что там записаны наставления и советы, которыми я и без того был сыт по горло. Пристально поглядев на меня и догадавшись, что я понял, о чем речь, Птицын вдруг снова опустился на четвереньки и пополз к входной двери, у самого порога которой наконец отыскал то, что, как ему казалось, даст возможность взять на испуг неизвестного,

покушавшегося вчера не то на жизнь, не то на душевное спокойствие и без того далеко не спокойного Омельченко.

– Никогда не надо опускать руки, – поучительным тоном заявил он и, зачем-то потеряв маленький кусочек металла о рукав, бережно опустил его в карман.

– Слушай, ты действительно пишешь стихи? – не выдержав, спросил я.

По-моему, он слегка смутился.

– Случается.

Я решил его все-таки достать и нагло спросил:

– Хорошие?

– Черт его знает! – ничуть не обидевшись, сказал он. – Какие получаются. Разные.

– Прочтешь когда-нибудь? – с уважением к его откровенности и нежеланию обижаться спросил я.

– Не знаю. Как получится. Ладно, пошел распространять слухи о найденной улике. Решится с отлетом – загляни ко мне. Поделюсь соображениями насчет тех мест. Места в смысле возможности проживания серьезные. Даже не проживания – выживания, – поправился он и вышел, сильно хлопнув дверью.

«Весело начинается мое долгожданное поле», – подумал я и, не зная чем заняться, решил до прихода Надежды Степановны изучить советы и пожелания Арсения Павловича, заботливо записанные им в старенький «Полевой дневник». Я нехотя поплелся к месту своего временного ночлега, вытащил из-под стола рюкзак и полез в кармашек, в который, как я хорошо помнил, засунул блокнот. Меня подстерегала еще одна неожиданность – блокнота в рюкзаке не было. На всякий случай я перешуровал все содержимое рюкзака, осмотрел даже карманы куртки. Всем этим я занимался, можно считать, машинально, на всякий случай, поскольку в результате был заранее уверен. Раньше у меня никогда ничего не пропадало из тщательно застегнутого и завязанного рюкзака, поэтому я не стал даже размышлять над тем, где и когда я мог выронить никому не нужный блокнот, а сразу сосредоточился на том, кто и с какой целью его временно или навсегда позаимствовал. Круг подозреваемых был настолько невелик, что проверку можно было начинать, как говорится, «не отходя от кассы». Я ногой задвинул рюкзак под стол, пригладил взъерошенные волосы и

направился к оклеенным обоями задоскам, за которыми, рядом с огромным сундуком, запертым на амбарный замок, располагалась задернутая выцветшей ситцевой занавеской дверь в небольшие задние сени, которые надо было миновать, чтобы войти в летник. Двумя решительными шагами я пересек сени, едва освещенные маленьким запыленным окошком, и постучал в дверь, сколоченную из двух широких толстенных досок. Не дождавшись ни приглашения, ни отказа, я потянул ее на себя. Дверь бесшумно отворилась.

– Я знала, что вы придете, – сказала она, не повернув головы и не шевельнувшись.

Сложив руки на коленях, она сидела у окна на высоком, грубо сколоченном табурете. Тонкий силуэт ее профиля, мягко окантованный ореолом снежного света, был так нежен и беззащитен, что у меня сразу вылетели из головы все заготовленные фразы, и я столбом застыл на пороге, не решаясь ни пройти, ни уйти, ни выдать что-либо в объяснение своего появления.

В летнике было не так холодно, как я ожидал, хотя и гораздо прохладнее, чем в жарко натопленных комнатах основного жилья хозяев. Пахло здесь, как и там, травами, но дышалось гораздо легче. На старую, тщательно застланную койку была небрежно брошена дубленка, а рядом, у подушки лежал раскрытый «Полевой дневник», навязанный мне перед отъездом Арсением Павловичем.

– Хотите узнать, куда я выходила ночью? – спросила она каким-то безжизненно-бесцветным голосом.

Не отвечая, я подошел к койке и забрал принадлежавший мне блокнот.

– А... Это... – сказала она. – Не знаю, зачем и как он у вас. Только не вздумайте поверить тому, что там написано.

За все время, что я знал Арсения, он не произнес и слова неправды. По-моему, он просто органически не был способен на это. Обида за Арсения развязала мне язык.

– Прежде чем делать такие выводы, может, вспомним, как он здесь оказался? – сдерживая предательскую дрожь в голосе, спросил я.

– Я его взяла у вас из рюкзака. Хотела положить обратно, но не успела.

– Правда, хотели? – пробормотал я, снова поймав себя на том, что говорю не то, что хотел.

– Не хотела, но надо было. Иначе многого вы так и не поймете. И вообще... Стало окончательно ясно – вы ничего не знаете.

– А вы знаете? – не выдержав, спросил я.

Она наконец-то повернулась ко мне.

– Пока не знаю. Всего не знаю. Но узнаю, чего бы это мне ни стоило.

Мы долго молчали. Она отвернулась, а я, не отрываясь, смотрел на нее и лихорадочно соображал, как бы продолжить этот странный разговор.

– Когда я увидел вас ночью, сначала подумал – сон. Решил дождаться возвращения, чтобы убедиться окончательно, и заснул по-настоящему. Теперь понял – не сон.

– Не сон, – подтвердила она.

– Значит, карабин взяли вы? Для кого?

– Не допускаете, что я могла сама им воспользоваться.

– Не могли.

– Почему?

– Не могли – и все. Кому вы его передали? Птицыну?

– Господи, какая у вас каша в голове. Не все ли вам равно?

– Вы же слышали... Из него убили человека.

– Никого из него не убивали. Не впутывайтесь в эту историю, Леша. Она страшная и трудная. И, кажется, очень и очень подлая.

– Как же не убивали? А Хлесткин?

– Жив ваш Хлесткин. Жив и здоров. Никто в него не собирался стрелять.

– Ничего не понимаю. А Птицын? Милиция?...

– Так было надо.

– Кому?

– Надо, – повторила она и всхлипнула.

Я шагнул было к ней и замер, остановленный ее стремительным разворотом в мою сторону.

– Тебя подставляют, понял? – хлестнул меня злой свистящий шепот. – Ты не должен был здесь появляться! Тебя подставляют. Только поздно. Поздно, поздно...

После последовавшего продолжительного молчания я все-таки задал не дававшие мне покоя вопросы:

– Кто вы? И если Хлесткин живой, почему арестовали Омельченко?

– Задать такие вопросы и в такой последовательности могла только женщина, – сказала она и отвернулась.

Я почувствовал, что краснею, и уже хотел ответить очередной колкостью, когда она добавила:

– Или абсолютно ничего не знающий и ничего не понимающий Алексей Юрьевич Андреев. Который, неожиданно для самого себя, затесался в такую путаницу и ужас, что лучше бы ему вообще ни о чем не знать и ничего не слышать.

– Мне самому теперь кажется, что все не так просто... Я только категорически не согласен... Арсений Павлович просто органически не способен обмануть. Он скажет правду, даже если это будет грозить ему... Чем угодно будет грозить, он все равно скажет правду. Вы просто его не знаете.

– Не знаю, – согласилась она. – Я его в глаза не видела.

– Почему тогда?

– Потому. На один вопрос я все-таки отвечу. Омельченко должен поверить, что Хлесткина убили. И должен до смерти перепугаться. Все улики против него. Ему придется спасти свою шкуру. От того, каким способом он решит это сделать, будет зависеть все остальное.

– Что «остальное»?

– Все.

– После вашего ответа сам черт голову сломает.

– Не ломай. Это не твое и не для тебя.

Это уже дважды повторенное «ты» на несколько мгновений почти осчастливило меня.

– Вы сами сказали, что меня подставляют.

– Уйди в сторону.

– Куда?

– Просто отойди в сторону и постарайся не вмешиваться.

– Теперь, наверное, уже не получится.

– Это очень опасно.

– Меня это, конечно, волнует, но не так чтобы.

– Это опасно не только для тебя.

– А для кого еще?

– Для меня.

– Я опасен для вас?
– Все может случиться.
– Никогда... Ни при каких обстоятельствах не сделаю вам ничего плохого.

Она долго не отвечала. Я испугался, что она вообще больше не скажет ни слова. Мои последние слова были похожи на признание. Станный разговор у нас получился. Вроде бы ничего конкретного она мне не сказала – и в то же время сказала так много, что я никак не мог ухватить все ускользающие нити намеков и предостережений, которые прозвучали в ее словах, полных тревоги и недоговоренностей. Неожиданно она встала, подошла ко мне, пристально-пристально посмотрела в глаза, положила руку на плечо, прислонилась, невесомо поцеловала в губы и, прихватив с кровати дубленку, вышла. Потом я услышал, как хлопнула входная дверь, и я остался в доме один – растерянный, задохнувшийся от неожиданности и мгновенного счастья, ничего не понимающий, не знающий, что делать, куда идти, о чем думать, да и думать ли вообще, когда на губах еще хранились запах и тепло сухих губ, а перед глазами стояло зеленоватое обжигающее сияние ее взгляда.

«Околдовали тебя, Алексей Юрьевич, околдовали», – сказал я сам себе и глупо улыбнулся. И почему-то сразу вслед за этим памятно подумал о том, что вблизи ее лицо не так молодо, каким казалось издали. Едва заметные морщинки у глаз и в уголках губ подсказывали не столько возраст, сколько пережитые не так давно страдания или чересчур сильные впечатления от жизни, которая внезапно повернулась к ней не лучшей своей стороной.

Я не стал додумывать эти не очень внятные мысли, отмахнулся от назойливой тени тревоги и едва-едва обозначившегося намека на какую-то догадку. Уселся на ее койку и, все еще продолжая улыбаться, раскрыл блокнот Арсения.

* * *

Почерк у Арсения удивительно четкий и разборчивый, но я, тем не менее, по несколько раз перечитывал написанное, с трудом справляясь с тревогой, поселившейся во мне после оборвавшегося

несколько минут назад разговора. Но постепенно содержание дневника полностью завладело моим вниманием. Я сразу понял, что оно было предназначено совсем не мне. Оно вообще никому не было предназначено. Просто я по ошибке схватил из рассыпавшейся стопки полевых дневников первый попавшийся...

«4 августа. Сегодня первый раз за месяц выглянуло солнце. Никогда не думал, что можно так обрадоваться этому, казалось бы, абсолютно ординарному в других условиях и в других местах, событию.

– Не спугни, – сказала она, увидев тонкий лучик, протиснувшийся в почти незаметную щелку.

Не было слышно дождя, не скрипели раскачивающиеся от ветра деревья. Впервые за много суток наступила тишина. Только река слышна на перекате. Но даже ее ворчание казалось умиротворенным.

Мы боялись пошевелиться. Несколько дней назад она сказала:

– Дождь и холод – невыносимое сочетание. А от своей нескончаемости они становятся состоянием души. Когда не можешь высохнуть, распахнуться, согреться, превращаешься в затравленного больного зверя. Представляю, как они стоят под этим дождем и о чем-то угрюмо думают.

Я понял, что она из последних сил сдерживается, чтобы не заплакать.

Мы еще долго лежали неподвижно и смотрели на дрожащий солнечный лучик. Как-то странно, не сразу, а очень медленно, он начал погасать. Потух. Потом снова пошел дождь. Весь этот день она была необычно молчалива и задумчива. Я знал, что эта стадия вот-вот наступит. Кажется, наступила.

11 августа. Завтра у нее день рождения. Готов молиться, чтобы хоть на несколько часов выглянуло солнце. Это будет для нее самым лучшим подарком. Свой подарок я приготовил заранее, задолго до того, как мы здесь оказались. Когда-то она сказала:

– Хочу встретить свой день рождения в тайге, с тобой. И чтобы на сотни километров вокруг ни одной живой души.

Я сказал:

– За чем дело стало? Прилетай, я увезу тебя в самое затерянное место на свете. Там будут только лоси, рыбы и птицы. – Во время этого разговора вокруг ревел и мчался в ночь огромный город. Миллионы

огней проносились в ее сумасшедших глазах и звездной пылью оседали на мокрый асфальт. Впервые в жизни у меня куда-то в бесконечность проваливалось сердце при одной только мысли о том, что это наше одиночество на самом краю света может когда-нибудь случиться. Хотя бы в мечтах.

– Прилечу, – не задумываясь, сказала она. – Жди.

– Прекрасно, – тоже не задумываясь, согласился я. – За мной подарок. Думаю, он тебе понравится.

Интересно, помнит ли она о том нашем разговоре, о моем обещании? Вообще-то память у нее профессиональная – цепкая и подробная. Не раз уже убеждался в этом.

Часто вспоминаю, как и почему мы оказались рядом. Я увидел ее на приеме в датском посольстве, куда меня затащил профессор Свен Йергенсон. Он только что перевел и напечатал мою статью в каком-то важном скандинавском биологическом журнале, ухитрился разыскать, вызвал в Москву и теперь сговаривал на совместную большую работу по фауне Заполярья... Мне показалось, что она, как и я, совершенно лишняя в деловито перемещающейся гудящей толпе. Она стояла у огромного серо-розового гобелена в серебристо-сером сверкающем платье и задумчиво смотрела в окно, за которым, цепляясь за ветви огромного клена, скатывалось за черные крыши догорающее закатное солнце. Совершенно неожиданно для себя я подошел к ней и, с трудом сформулировав фразу на английском, сказал:

– Говорят, что если долго смотреть на заходящее солнце, а потом закрыть глаза, можно увидеть летящего ангела.

Она внимательно посмотрела на меня и сказала:

– Черта с два! Больше всего я хотела бы увидеть, как сгорит синим пламенем договор нашей фирмы на поставку никому не нужного оборудования. Идиот Федюнин затащил меня сюда, чтобы я разыгрывала роль его любовницы. Я только что послала его в места достаточно неприятные для его закомплексованного самолюбия. Вам, кажется, тоже невесело? Давайте смотаемся отсюда!

Все это она выпалила на чистейшем русском, сразу, в отличие от меня, определив мою национальную и душевную сущность. Увидев, что я растерялся, она взяла меня под руку и уверенно повела сквозь толпу. Расчитанно тормознув за спиной полного молодого человека, она громко сказала:

– Мы с вами самая красивая пара в этой жирной толпе. Сколько можно жрать и пить? И пресмыкаться! Лично я ухожу. Вы не против?

Полный молодой человек судорожно дернулся, обернулся и уставился на нас. Я усмехнулся и тоже достаточно громко сказал:

– Если бы я не увел вас отсюда, то потом жалел бы об этом всю оставшуюся жизнь.

И мы ушли.

Вот так вот и случилась наша встреча, которая по каким-то неведомым законам судьбы швырнула нас друг к другу с совершенно очевидной целью – вдребезги разбить наши предыдущие и будущие жизни. Ее уже нет, меня, вероятно, скоро тоже не будет. Зачем и кому это было надо там, наверху – не знаю! Но случись все сначала, я непременно подошел бы к ней и сказал:

– „Говорят, если долго смотреть на заходящее солнце...“
Интересно, что бы она ответила?

Сбоку, очевидно значительно позже, очень мелко было дописано:

– Какая бы чепуха ни лезла в голову мне или тем, кто меня потом допрашивал, нельзя спорить с очевидностью – наша встреча была случайной. Не она, я подошел к ней. Подошел и сказал... Что подтолкнуло меня к этому? Просто она, как и я, была там совершенно чужой.

12 августа. Солнце так и не появилось. Но дождя не было – и на том спасибо. Пока она спала (или делала вид, что спит), я затопил печурку, накрыл стол (если это можно было назвать столом), достал бутылку неплохого коньяка и положил рядом старинные, прабабушкины серьги с изумрудами. Я был уверен, что они удивительно подойдут к ее глазам... Потом вышел из палатки.

Густейший непроницаемый туман поглотил окрестное пространство и все долженствующие присутствовать в нем звуки. Буквально в двух шагах очертания предметов расплывались, растворяясь в вязкой белесой непроглядности. Про такой туман якуты говорят, что его можно резать ножом. Неожиданно возникшее предчувствие беды заставило меня оглянуться. Это было похоже на чужой угрожающий взгляд, упершийся в спину. За спиной была сплошная стена тумана. Скорее угадывая, чем различая тропу, я пошел к берегу. Единственное жилье нашего стационара располагалось неподалеку от устья широкого бурного ручья, скорее даже речушки,

вырывающейся из узкого ущелья и за длинной каменистой косой впадающей в реку. Стоило пройти десятка три шагов и выйти к обрывистому берегу, как сердитый шум воды, то и дело спотыкающейся об огромные валуны, заглушал все остальные звуки. Судя по пройденному расстоянию, я был почти у самого берега. Речушка молчала. Это было так неожиданно и непонятно, что на какое-то мгновение мне даже показалось, что я заблудился в тумане и пошел в противоположную сторону. Я прекрасно понимал, что это невозможно, но такой же невозможной была оглушающая густая тишина. „Может, это из-за тумана? – подумал я. – В нем завязли все звуки“. Мысль была глупой, как и предыдущая. Разозлившись на то, что ничего не могу понять, я сделал несколько решительных шагов вперед и чуть не свалился с обрыва. Выходит, в направлении не ошибся. Хватаясь за смолистые ветви стланика, осторожно спустился и замер. Вместо бурной стремительной воды сквозь туман просвечивало мокрое каменистое дно. Сделав еще несколько шагов, я поскользнулся и чуть не упал. Высохшая после почти двухмесячных непрерывных дождей река – явление столь же невероятное, как... Я даже не смог подыскать сравнение, настолько не укладывалось все это в рамки привычного и объяснимого. И вдруг все понял. Где-то далеко (а может быть, совсем рядом!) вверх по ущелью, в горах, бесконечные дожди спровоцировали мощный оползень, заваливший ущелье. Река, за внезапной и вряд ли надежной плотиной, сейчас быстро накапливает силы, беснуется, ищет выход. И как только могучая сила воды пересилит преграду из камней, глины, песка и стволов деревьев, стократ усилившийся поток хлынет вниз, смывая и разнося вдребезги все, что окажется на его пути. Если преграда достаточно велика и протянет еще несколько часов, то, вырвавшись из ущелья, поток перехлестнет через берег, как пушинку сметет палатку, раздавит, расплющит, унесет неведомо куда оставленную на косе лодку... С минуту я колебался – бежать сначала к лодке или к палатке? Плотины в ущелье могла еще продержаться несколько часов, могла рухнуть через несколько мгновений. Я побежал к палатке.

Полураздетая, непричесанная, она сидела на нарах, смотрела на плескавшийся в печурке дымный огонек и беззвучно плакала. Серьги лежали перед ней на грубом брезенте спальника...

Через несколько минут, сгибаясь от груза, задыхаясь, ничего не различая перед собой из-за нереледующего тумана, мы поднялись на первый уступ сопки, у подножья которой притулилось наше ненадежное жилье. Потом я стал перетаскивать туда продукты, приборы, оставшиеся в палатке вещи. Когда я в четвертый раз поднялся наверх, она сказала:

– Хватит. Все равно через несколько дней мы покинем все это. Я больше не могу. – Помолчав, добавила: – Только не думай, что я остыла, разлюбила, разочаровалась. Скорее наоборот. Но я поняла, что не смогу ни ждать тебя месяцами, ни жить месяцами здесь, в подобных условиях. Видимо, я навсегда отравлена городом и той нелепой жизнью, которой жила. У меня уже нет сил, я себя переоценила. Ты тоже не сможешь по-другому, даже ради меня. Понимаю и не собираюсь настаивать. Судьбу не переспоришь. Жизнь подкинула нам подарок, а мы... – И снова повторила когда-то уже сказанную странную фразу: – След ветра на воде...

И снова я не понял, о чем она.

Она никогда не хитрила и не обманывала меня. Всегда говорила то, что думала. В том, что случилось, нет нашей вины. Выбора у нас не было.

Когда мы слышали нарастающий гул и грохот, я вспомнил про лодку. Забыв про нее, я совершил непростительную ошибку. В этих местах за такие ошибки иногда расплачиваются жизнью. Она пыталась меня удержать, я был уверен, что успею. Если бы не проклятый туман! Поток настиг меня, когда я спустился на косу. Не знаю, что спасло – везение, уступ скалы, за который успел ухватиться, валуны, развернувшие ствол чизении, который мчался прямо на меня?... Досталось, конечно, но могло быть и хуже... Лодку и ружье, которое было в ней, или расплющило и утопило, или унесло. Бочку с бензином, которая находилась неподалеку, выбросило на остров километра на три ниже по течению. Палатку, слава богу, не зацепило, хотя пронесло впритирочку – шагах в четырех-пяти. Мне довольно крепко раскровенило руку, и я уже едва держался, когда она разыскала меня и, не задумываясь, бросилась в ледяную воду. Пришлось выбираться самому и вытаскивать ее...

В общем, день рождения получился на славу. Коньяк мы все-таки выпили, сережки удивительно подошли к ее глазам, об отъезде она

больше не заговаривала. Через неделю выглянуло солнце, распогодилось и наконец-то потеплело. А еще через несколько дней я решил двинуть к старателям, чтобы от них по рации связаться с Птицыным и попросить его приехать за нами. Решил двинуть напрямую, через хребет, рассчитав, что доберусь дня за три-четыре. Столько же на обратную дорогу. Она согласилась неделю пожить одна. Одиночество очень ее пугало, но еще больше пугала перспектива сидеть здесь до морозов и пурги. На следующий день после моего ухода она поскользнулась на мокром камне и сильно ушибла ногу. Как я узнал об этом? Дневник остался в палатке, она разыскала его и день за днем, до самого последнего, записывала в него все, что с ней происходило. Потом это очень мне помогло. Дневник мне вернули».

«24 августа. Почти не сплю. Страшнее всего на рассвете. Хочется, чтобы поскорее кончилась ночь, и боюсь наступающего бесконечного дня. Что я буду делать днем? Ничего не хочется делать...

25 августа. Показалось, что где-то далеко-далеко стреляли. Побежала к реке, поскользнулась и как-то удивительно неловко грохнулась. Нога застряла между острыми камнями, и от боли долго не могла подняться. Потом кое-как поползла назад. Ползу и реву белугой от боли и злости. Нога распухает на глазах, ничего не помогает.

Ночью, кажется, снова стреляли. Теперь уже ближе. Значит, не показалось.

26 августа. Днем над горами пролетел вертолет. Может, тебя заметят? А если заметят, не поверят глазам. Человек в этих горах либо бред, либо галлюцинация. Пойти сейчас в горы – самоубийство. Осыпи, скользкие, словно намыленные, камни, в распадках и ущельях потоки, непроходимый стланик, предательские ловушки на каждом шагу. Наверное, и еще что-нибудь, чего я даже вообразить не могу, потому что никогда не была там и не буду. Только сейчас я поняла, что натворила. Лишь бы ты дошел. Я согласна сидеть в одиночестве еще целый месяц, лишь бы ты дошел. Можешь даже не возвращаться.

Нога, как подушка. Я так боюсь, что даже не плачу. Лежу целыми днями в спальнике и перебираю день за днем свою запутанную жизнь. Радости в ней было не очень много.

27 августа. Чувствую – с тобой что-то случилось. Закрывает глаза и слышала голос. Ты звал на помощь. Если с тобой несчастье, я здесь

умру. Птицын появится через месяц, к этому времени от меня уже ничего не останется.

Снова пролетел вертолет. Совсем близко. Опухоль не спадает. Выползла наружу и сидела до самой темноты. Долго смотрела на закатное солнце, потом закрыла глаза. Ничего не увидела, кроме слепящих, пульсирующих разноцветных пятен.

28 августа. Видимо, из-за того, что распогодилось, вокруг довольно активно прорезаются признаки очнувшейся от небытия жизни. Мотаются туда-сюда вертолеты. Ночью по протоке прошла моторка. Где-то стреляли. На четвереньках заползла на уступ, где мы спасались от селя – захотелось оглядеться. Да так и осталась там до самой темноты. Впервые за все время пребывания здесь разглядела окружающее и обалдела от красоты и простора. За спиной – голубые гольцы, внизу, у подножья сопки – начавшие желтеть лиственницы и бурое мелколесье. Дальше серебрится гладь притихшей реки. За ней, за путаницей протоков и островов – озеро, а за ним, до полной размытости горизонта и неба – тундра. И все это упаковано в чистейший, до неправдоподобия прозрачный воздух. Сквозь который, кажется, видна каждая песчинка на острове. После бесконечно долгой дождливой серятины все переполнено красками и звуками. Свистят, трубят, трещат, крикают, хлопают крыльями, стонут и квохчут птицы. Оказывается, их здесь несметное количество.

На закате со стороны озера поплыли через протоку на остров лоси. Когда они вышли на сушу, я разглядела – лосиха и лосенок. Они долго стояли неподвижно, прислушиваясь к чему-то, потом вошли в воду и поплыли к нашему берегу. Золотисто-малиновый след их движения почему-то долго не погасал, и мне показалось, что я уже видела все это – не то во сне, не то в какой-то другой жизни.

30 августа. Ночью думала о том, что мы не могли с тобой не встретиться. Потом приснился жуткий сон – не хочется даже вспоминать.

Несмотря на сон, я уверена – ты дошел. И скоро вернешься. Приедет Сергей. Сергей славный, и стихи у него хорошие – чистые и простые. Опухоль начинает спадать.

1 сентября. Если сюда кто-нибудь „мимоходом-ненароком“ заглянет, увидит меня и еще, не дай бог, потребует документы, сколько сразу отыщется для вопрошающего ошеломляющих неожиданностей.

Брошенная черт знает где женщина – раз. Красивая – два. Абсолютно беспомощная – три. Журналистка с высшим экономическим – четыре. На ушах серьги стоимостью миллионов в десять. Без ружья и собаки. Да еще всерьез раздумывает над тем – стоит ли отсюда сбегать или не стоит.

Кажется, я начинаю приходить в себя. Завтра ты должен вернуться. В крайнем случае – послезавтра».

«Я не вернулся ни завтра, ни послезавтра. Я вообще там больше не появился. Череда трагических случайностей, начиная с климатических особенностей этого проклятого лета, и кончая страшными поступками людей, которые никогда не должны были появляться ни на моем, ни на ее пути, с абсолютно четкой очевидностью обозначили преднамеренный замысел судьбы, которая не оставила нам ни малейшего шанса. На крутом подкальном срезе при спуске в очередной распадок, который легко было бы обойти, не будь на склоне непроходимого месива камней и глины, стронуть с места которое хватило бы чиха, я самым непростительным образом не рассчитал расстояние до ближайшей опоры и через несколько секунд оказался погребенным на дне ледяного размыва под грудой камней, переломавших мне несколько ребер, ключицу, не считая ушиба позвоночника и проломленной дурацкой головы. А неподвижное, почти двухсуточное пребывание в ледяной воде стоило последующего воспаления легких, хотя спасло от гангрены, которая была бы неизбежной, не будь этой неудобной подстилки из ледяного крошева. Я так подробно перечисляю свои болячки, чтобы стало совершенно очевидным то обстоятельство, что, отыскав мой полутруп в этой яме, Петр Омельченко вытащил меня с того света и дотащил до лагеря старателей, где нас и отыскивали – одного без сознания, другого почти без сил. А еще через сутки, придя в себя, я узнал об Ольге, ибо первым вопросом, который мне задали компетентные товарищи, – что за женщина проживала со мной на стационаре, не числясь ни в штате сотрудников института, ни в числе временно принятых на работу в экспедицию? И – самое главное: куда она могла бесследно исчезнуть, предварительно безжалостно уничтожив одного из самых страшных бандитов нашего времени и спрятав или унеся с собой почти полсотни килограммов похищенного у старателей золота? Тогда я взбеленился, и, если бы не полная неподвижность, дорого бы им обошлись эти

вопросы. Даже предположить такое казалось мне верхом идиотизма. Сейчас, спустя много времени, я отношусь к их растерянности несколько спокойнее. Хватаясь за соломинку в трагическом нагромождении непонятностей и совпадений, они выдвигали версию за версией, чтобы некоторое время спустя отбросить их за полной несостоятельностью. Облазали они там все чуть ли не на карачках, обнюхали каждый камень, с секундомером в руках обсчитали каждый шаг всех, кто вольно или невольно оказался поблизости от места событий. Ни одного следа, ни одной улики. А тут еще отступившая было непогода поспешила возобновиться в ухудшенном варианте. Пошел снег, запуржило, потом морозы, потом бесконечные зимние ночи. Через два месяца я более или менее оклемался, рвался на Глухую, считая, что разберусь, пойму, отыщу какой-нибудь след. В это время пришло письмо от Птицына, который уже дважды побывал там. Он подтвердил – никаких следов. Ему я поверил. Если бы что-то было, он бы раскопал.

Чего я только не передумал за прошедшие годы, какие, самые фантастические версии, не приходили в голову. Все бессмысленно. Эту загадку, судя по всему, мне теперь уже не разгадать. Версий много, вариант только один: был кто-то третий, который убил Башку и Ольгу и унес или спрятал золото. Как это он все умудрился, куда исчез? – вопросы можно задавать бесконечно, а ответ – увы! – пока не маячит даже на горизонте. Либо этот кто-то дьявольски умен, либо ему фантастически повезло. Меня пытались убедить, что труп не мог исчезнуть бесследно – значит, она жива и ушла с этим третьим. И тут же, не моргнув глазом, клялись, что вырваться из того капкана, который захлопнулся у трупа Башки, не то что человек, мышь бы не смогла. Ведь и потом чуть ли не полгода тянулись засады, прочесывания, проверки, но даже и намек на ниточку не отыскалось, чтобы потянуть. Вцепились было в меня и Петра, но и тут все оборвалось. Башку нашли через несколько часов после того, как он приказал, как говорится, долго жить, а от него до места, где меня разыскал Омельченко, топать без остановки двое суток, да и то посуху или по морозцу, а не по той каше, которая была тогда у нас под ногами. Ко всему этому еще одна непонятность – пропавший Карай. Омельченко говорит, что если бы не он, лежать бы мне до сих пор в той самой ледяной яме, куда я ухнул по собственной неловкости и

глупости. Потом, когда Петр тащил меня, пес убежал куда-то и бесследно исчез. Говорят – медведь. Омельченко не верит, я тоже. Я хорошо знал Карая – собака редкая. Медведя близко бы не подпустил. Хотя мало ли в тайге случайностей и ловушек. Особенно в тех местах...»

* * *

В доме громко хлопнула дверь. Я вскочил с койки и, сунув дневник за пояс, торопливо вышел из летника. Притаившаяся было тревога вернулась с удвоенной силой. Это не было опасение чего-то конкретного, могущего вот-вот случиться, а, скорее, ощущение неблагополучия и неопределенности, когда ждешь, что вот-вот произойдет нечто такое, чему ты не сможешь помешать.

С Птицыным мы столкнулись в сенях. Он растерянно посмотрел на меня, обошел, взялся было за ручку двери в летник, но потом вдруг обернулся и сказал:

– Омельченко убежал.

– Куда? – спросил я, ничуть, впрочем, не удивившись.

Но Птицын не обратил внимания на полный идиотизм моего вопроса и, кивнув на дверь, спросил:

– Как она?

– Ушла куда-то.

Теперь уже не менее глупый вопрос задал он:

– Зачем?

Мы уставились друг на друга, осмысливая полученную информацию, и на какую-то долю секунды опередив его, я сказал:

– Он не должен был убегать.

– Почему? – отходя от двери, спросил Птицын.

– Его накололи. Хлесткин живой.

– Кто тебе сказал? – спросил он с еще большим удивлением.

Я кивнул на дверь.

– Она?

Птицын, по-моему, уже совершенно ничего не понимал.

– Откуда, интересно, такие фантазии?

– Ладно, – сказал я, – не морочь голову. Вы хотели напугать Омельченко, и вам, кажется, это вполне удалось. Ночью она передала кому-то карабин. Из него выстрелили и вернули на место. Улика более чем. Посолидней, чем пуля у тебя в кармане. Вместе придумали или ты один?

– Ни хрена себе, – сказал Птицын каким-то севшим голосом. – Ты это серьезно?

– Серьезней некуда. Придется нам теперь вместе хозяина этого дома разыскивать. Как, по-твоему, куда он мог податься?

– Та-ак... – протянул Птицын и повторил: – Та-а-ак... Вот, значит, какие дела?

– Невеселые, – подтвердил я.

– Значит, она думает, что Хлесткин живой?

– А ты не думаешь?

– Думай, не думай... Если бы я не лично... вот этими самыми руками в кузов... на голые доски. Мертвее не бывает.

– Ты... серьезно? – на этот раз у меня тоже подсел голос.

– Та-ак... Что из всего этого следует?

Было хорошо заметно, что мой собеседник встревожен не на шутку. Я бы даже сказал – испуган. На побледневшем лице отчетливо проступили веснушки, которых прежде я не заметил. Его страх передался мне, хотя я все еще ничего не понимал.

– Поразмышляем? – предложил он и, прикусив ус, уставился на меня, по-птичьему склонив голову на бок.

– У тебя больше информации, – сказал я. – Могу только предполагать и фантазировать.

– Фантазируй, – согласился Птицын.

– Кто-то из тех, с кем она тут в контакте – я думал, с тобой, – сказал, что надо подставить Омельченко. С какой целью? – даже не догадываюсь. Почему согласилась? – тоже. Судя по всему, ей пообещали – с Хлесткиным ничего не будет. Может, про Хлесткина вообще не говорили. Сказали, выстрелят из карабина и вернут. А сами...

– Она, правда, верит? Насчет Хлесткина?

– По-моему, не сомневается.

– А когда узнает?

– Уверен, если бы знала про Хлесткина, не согласилась.

– Правильно уверен, – быстро согласился Птицын. – Теперь все равно узнает.

– И все им испортит.

– А у них счет по-крупному.

– У кого?

– Рисковать они не могут. Значит, что получается?

– У кого? – не скрывая раздражения, переспросил я.

– Так если бы знать... Совсем тогда другие дела. Может, теперь?

– Что теперь?

– Не сказала куда?

– Я думал, к тебе.

– Может быть, может быть... Бежим!

– Куда?

– Ко мне. Не исключено – успеем.

Я заметил, что у него дрожат губы. Но и у меня, кажется, видок был не лучше. Заметив, что я никак не могу попасть в рукав куртки, он тихо сказал:

– Не психуй. Перероем весь поселок. Вычислим гадов. Не выдержали, сволочи, зашевелились. Ты их спугнул.

– Я?

– Ждали Арсения Павловича, приехал неизвестно кто, неизвестно зачем. Какие в эту пору птицы?

– У меня биоэнергетика.

– Разбираются они в твоей биоэнергетике! Побоялись, ты с Омельченко стыканешься.

– При чем тут вообще Омельченко?

– Хлесткин написал, что берется доказать – можно за день, а не за несколько суток дойти от стационара до того распадка, где он нашел Арсения.

– Можно?

– Полная хренотень!

Заканчивали мы этот разговор уже на улице. Птицын бежал легко и быстро. Я с трудом держался рядом с ним. Ветер подталкивал нас в спину. Из-за спешки и пелены ничуть не поредевшего снега я так и не смог определить ни направление, ни особенности мест, по которым мы пробегали. К тому же Птицын то срезал углы, то протискивался между какими-то сараями и помойками, то, согнувшись, нырял под помосты,

на которых стояли лодки и бочки. Я был уверен, что самостоятельно мне теперь дом Омельченко ни за что не отыскать, и прибавил ходу, догоняя оторвавшегося от меня Птицына.

– Почему, по-твоему, убежал Омельченко? – задыхаясь, спросил я его, когда мы побежали рядом.

– Дурак потому что, – ответил Птицын, отворачиваясь от снега, который теперь лепил нам в лицо. – Или еще что-то, – выдохнул он после довольно продолжительной паузы. И добавил: – Дурак, конечно.

Возле небольшого, обитого толем домишки, стоявшего на отшибе от других на самом берегу, он наконец остановился. Из-под крыльца выбрались и кинулись навстречу с повизгиванием и ворчанием две лайки и остановились передо мной, загораживая дорогу.

– Не бойсь, – бросил Птицын. – Они в людях разбираются.

Мы поднялись на крыльцо. Еще в сенях Птицын закричал:

– Мать, гости были?

Он рванул дверь и застыл на пороге. Прямо против входа, у стола, сидел Омельченко и исподлобья смотрел на нас. Он даже не шевельнулся, пока мы не вошли и не закрыли за собой дверь.

* * *

– Объясните теперь мне, дураку, что я должен был делать при таком раскладе? – спросил Омельченко, закончив рассказ о своем побеге.

Все произошло до глупости просто. Майор завел его в свой кабинет, усадил за стол, положил перед ним копию недописанного Хлесткиным заявления и результаты поспешной экспертизы, из которой следовало, что пуля, убившая Хлесткина, и пуля, выпущенная из карабина Омельченко два года назад, когда проводилась повальная проверка всего зарегистрированного в поселке оружия в связи с известными нам событиями, совершенно идентичны. Кроме того, достал из стола и с многозначительным видом придвинул протокол обыска, произведенного в конторе Омельченко, где в полузаброшенном складе, среди кучи ржавого, ни на что не годного металлолома и прочей, уже лет сто не ворошенной чепухи, были обнаружены два початые ящика похищенной недавно взрывчатки, новенький в смазке

автомат с запасными обоймами и пяток гранат-«афганок», выяснением места пропажи которых, как вежливо объяснил майор, сейчас очень активно занимаются соответствующие органы.

– Изучай, – сказал майор, – и пиши самое подробное объяснение, что и как, после которого у следователя не останется или почти не останется вопросов. Тогда попробуем отыскать какой-никакой выход, – многозначительно добавил он и как ни в чем не бывало вышел из кабинета.

Омельченко услышал, что дверь он запер на ключ и громко поручил кому-то из рядового состава сидеть рядом и не спускать глаз.

– Вчитываться особо не стал, – хмуро объяснил Омельченко. – Ежу понятно, работали на совесть, не с бухты-барахты. Обмозговали на четыре ряда. Расчет – деваться мне теперь некуда, кроме как на поклон и сознанку.

– В чем? – не выдержав, спросил я.

– Покойничек их, видать, растравил. Написал, берется доказать, что мог я золотишко тогда того... Теоретически, конечно. Так ведь доказывай он, не доказывай, без моего согласия все это валенок без подошвы.

– На что согласия? – не понял я.

– Шею в петлю! – взорвался Омельченко. – На выбор, хоть в ту, хоть в эту. И что я должен был делать при таком раскладе?

– Так ты ее в третью сунул, – тихо сказал Птицын. И, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу, спросил: – Как удалось-то? Смотраться как удалось? Если не секрет, конечно.

– Мои ребята летом там пол перестилали, так я вспомнил: под линолеумом в углу доски на соплях – гвоздей не хватило. У нас тут каждый гвоздь дефицит, – объяснил он мне.

– Ну? – нервно подогнал его Птицын.

– Гну. Поднял линолеум, вынул доски. Дом на сваях, не мне тебе конструкцию объяснять. Пнул посильнее, когда мимо вездеход тархтел, протиснулся... Хреново протиснулся... – он повернулся на стуле, показав разодранный на спине свитер. – Потом на карачках за гараж и к тебе.

– Почему ко мне?

– Кто у тебя искать меня будет? Каждую помойку прочешут, а к тебе в последнюю очередь. С Михайловной я договорился, – кивнул он

на закрытую дверь в соседнюю комнату, куда сразу после нашего прихода удалилась мать Птицына. – Все поняла, из полного ко мне сочувствия обещала с недельку потерпеть с соседками сведениями делиться. Надехе разве только, чтобы не переживала.

– А дальше что? – сорвался Птицын. – Дальше, дальше? Думаешь, поищут и бросят? Надоест? Да с такими протокольчиками, как тебе навесили, землю рыть будут! А ты – неделя! Ты же умный мужик, неужели не понимаешь?

– Что не дурак, это ты правильно, Сергей Иванович. Кое-чего еще кумекаю.

– Да уже одно то, что ты лыжи смазал... По-твоему, майор тюха такая? Что-то не замечал. Он же тебе нарочно предоставил такую возможность.

– Правильно сделал, что предоставил. Умный человек другому всегда должен выход предоставить. Без выхода любой с копыт слетит. Ищи тогда хоть золотишко, хоть что.

– У тебя-то какой сейчас выход? – взвился Птицын.

– Как какой? – криво усмехнувшись, не согласился Омельченко. – Здесь вот сижу. Рассчитывали они на такое? Ясное дело, не рассчитывали.

– А дальше чего?

– На погодку такую тоже не рассчитывали. На Леху вот не рассчитывали, который теперь на Глухой телепаться будет, нервы им трепать.

– Ну и что толку?

– Толку, что через день-два по такой погоде Омельченко в тайге сто собак не сыщут.

– Сыщут!

– Хер им. Я тоже не лыком шитый, камусом подбитый.

– Отсидишься в лучшем случае месячишко, а дальше сам выползешь.

– Месячишки за глаза хватит.

– Для чего?

– Это уже моя забота, ладно?

Настороженно вслушиваясь в каждое слово и едва сдерживая нетерпение, я наконец не выдержал:

– Да никуда вам убегать не надо! Есть возможность во всем разобраться. Прямо сейчас. Если, конечно, не поздно.

– Чего поздно? – насторожился Омельченко.

– Верно! – крутанулся на месте Птицын. – Побежали.

Он рванулся к двери, но тяжелая лапища Омельченко пригвоздила его к месту.

– Нет, мужички, так дела не пойдут. Пока полного консенсуса не сообразим, будем здесь загорать. В теплой дружеской атмосфере. Ладушки?

– Алексей, объясняй, где нам быть надлежит. Только самым кратким образом.

– Ну, где? – Омельченко по-прежнему крепко держал Птицына.

– Если бы знать, – хмуро сознался я.

– Надо немедленно Ирину отыскивать, – понизив голос почти до шепота, сказал Птицын.

– Она думает, что Хлесткин живой, – тоже шепотом добавил я.

Омельченко, нахмутив брови, переводил взгляд то на меня, то на Птицына.

– Ну? – спросил он, не выдержав нескольких мгновений нашей заминки. – Не ошибаются только покойники, и то только после того, как их закопают.

– А говоришь, умный! – заорал Птицын. – Почему она так думает?

– Почему?

– Потому что стрелялку твою ночью кому-то одолжила. Алексей вон наблюдал.

– Если наблюдал, почему не сказал? – не глядя на меня, спросил Омельченко.

– Смешно, конечно... Думал – сплю.

– А почему сейчас не думаешь?

– Она сама сказала.

– И за каким... бельмандом ей такая операция понадобилась?

– Значит, понадобилась, – пробормотал я.

– Узнает, что Хлесткина на самом деле, запаникует.

– Предлагаешь, чтобы на мне осталось? – дернулся Омельченко.

– Да не в этом дело! – закричал я.

– Не ори. В чем тогда?

– Она, кажется, пошла разбираться. А кому она нужна со своими разборками, если им надо, чтобы вы? Значит, что? Изолируют или вообще... А если мы ее перехватим, докажем, что она не знала, а она скажет, кто ее подговорил...

– Так они и дали сказать, – проворчал Омельченко.

– Не дадут, – согласился Птицын.

– Я тут у вас никого и ничего, – захлебывался я словами. – Куда она могла, к кому? Кто ее мог на такое? Зачем она сюда приехала? Кто она вообще такая? Я же не знаю. А вы общались и здесь все знаете. Хоть намек какой-нибудь? Им же сейчас только одно остается – чтобы ее больше не было. Тогда ни вам, – я ткнул пальцем в Омельченко, – ни нам... Я думаю, в милицию сейчас надо, она прежде всего туда должна. Потому что там сведения... Про вас мы ни слова. Так? – повернулся я к Птицыну.

– Естественно, – согласился тот. – Никакого смысла.

Омельченко бесконечно долго, как мне показалось, смотрел мне в глаза, потом отошел от двери.

– Соображаешь, – сказал он. – Без начальника им такое дело не провернуть. Или прикупили, или вокруг пальца. Были у меня кое-какие наблюдения... И соображения... Ладушки, жмите. У них там сейчас небольшой бардак должен по поводу моих спрятушек. Может, успеете. Если нет, будем по обстановке. Ты, Алексей, сюда потом лучше не заявляйся, могут засечь это дело. Насчет тебя они тоже на ушах должны. А Надехе шепни втихаря – так, мол, и так, пусть икру не мечет. Я их достану. Думали Омельченко голыми руками, как салагу какого...

– Не голыми, – не выдержал Птицын.

– Рви давай! – рявкнул Омельченко. – Приберут девку, точно тебе говорю, приберут.

Мы с Птицыным скатились с крыльца и что было сил побежали на другой конец поселка. Собаки с лаем помчались за нами.

* * *

Внутри жарко натопленного помещения милиции царили сонный покой и служебная полутьшина. За одной из дверей лениво стучала

машинка, где-то, судя по коротким отрывистым фразам, говорили по телефону, на столике дежурного чуть слышно бормотал транзистор. Дежурный поднял голову на стук двери. Разглядев наш взъерошенный возбужденный вид, покрасневшие лица, услышав наше срывающееся усталое дыхание, приподнялся было со своего места, но, узнав Птицына, ухмыльнулся и снова прочно устроился на своем стуле. Дождавшись, когда мы подойдем к барьеру и остановимся в ожидании, он, словно впервые нас заметив, поднял голову и спросил:

– Что-нибудь случилось, граждане?

– Случится, – приподнявшись на цыпочки перед барьером, зло сказал Птицын. – В лоб тебе сейчас дам.

Дежурный снова ухмыльнулся:

– За что?

– Чтобы не выпендривался.

– Кто выпендривается? Вежливо спрашиваю – чем могу быть полезен?

– Это не ты спрашиваешь, а мы сейчас спрашивать будем. Понял?

Я с недоумением смотрел то на одного, то на другого, стараясь понять, какие отношения связывают людей, ведущих этот странный диалог.

– Ни вы мне, ни я вам – ни малейшего права ни спрашивать, ни отвечать. По инструкции! – весьма довольный своей находчивостью, заявил дежурный.

– Знаешь поговорку? – неожиданным шепотом спросил Птицын.

– Ну? – насторожился дежурный.

– Не плюй в колодезь, не исключено, в нем тонуть придется.

– Не думаю, – поразмыслив, не согласился дежурный.

– Знаю, думать ты не любишь, но на этот раз очень советую.

– Ты советуешь, а инструкция не советует.

– Думать не советует?

– Не думать, а отвечать на вопросы посторонних.

Тут уже и я не выдержал:

– Вы что, знаете, какие мы вам зададим вопросы?

– Откуда?

– Тогда почему вы...

– Потому, – перебив меня, весьма вразумительно объяснил дежурный и опять ухмыльнулся.

Мне почему-то тоже захотелось дать ему в лоб, но Птицын пнул меня и как ни в чем не бывало спросил:

– Вопрос первый – майор здесь?

– Не имею права посторонним предоставлять служебные сведения.

– Я посторонний? – не выдержав, зашипел Птицын.

Я поторопился вмешаться:

– Молодая и очень красивая женщина в течение часа-получаса сюда навевывалась? Может, она сейчас здесь?

– У нас здесь все женщины молодые и красивые, – нагло ослабившись, не сдавался дежурный.

Птицын, не дав мне раскрыть рта, снова пнул меня, полез в карман, что-то достал и протянул дежурному:

– Ладно, нет времени с тобой перепираться, а то бы я тебе... Держи, передашь майору...

Дежурный заинтересованно потянулся к протянутой руке Птицына. Это было его роковой ошибкой. Птицын неуловимым движением поймал его за ухо и, не теряя времени, несколько раз неслабо приложил лбом к доскам барьера.

На крики и мат дежурного выскочило сразу несколько человек, а из-за одной из дверей выглянул и знакомый майор. Птицын, как ни в чем не бывало отпустил ухо продолжающего материться милиционера и неожиданно на весь коридор рявкнул:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

Майору пришлось выйти из-за двери.

– Сколько раз, Сергей Иванович, я просил тебя проявлять инициативу в дозволенных пределах. Во всяком случае, не так шумно. Что там у вас? Заходите...

Оглянувшись на оторопело замолчавшего дежурного, я поспешил за Птицыным, который преспокойно направился в кабинет майора.

– Ну, что еще? Выкладывай, – с деланой усталостью и таким же деланым смирением в голосе сказал майор, усаживаясь на свое место и жестом показывая нам на свободные стулья.

Я остался стоять, а Птицын удобно устроился поближе к столу.

– Я вас, Николай Николаевич, неоднократно предварительно предупреждал: толку с Витальки не будет, – заявил он, стараясь

придать голосу многозначительную интонацию. – Вы почему-то не пожелали прислушаться.

– Мне с него большого толку не требуется, – спокойно ответил майор, хотя по настороженно прищуренным глазам я догадался, что спокойствие это дается ему с большим трудом. Что затеял и чего добивается Птицын, как он надеется выудить здесь сведения об Ирине, я пока не догадывался и поэтому, несмотря на сжигавшее меня нетерпение, решил ждать, молчать и внимательно наблюдать за происходящим.

– Не удивляйся, Андреев, – неожиданно сказал майор, почему-то отвернувшись от меня. – С Птицыным дело иметь не только привычка нужна, но и нервы те еще. Хотя, если быть справедливым, польза иногда случается. Потому и терплю. Но если ты его еще хоть раз при исполнении служебных обязанностей... – обратился он к Птицыну, – привлеку. Что он твой единственный племянник и наследник, во внимание приниматься не будет. Поимей это в виду и объясняй, какого моржа лохматого тебе здесь понадобилось? Про Омельченко узнал?

– Узнал, – согласился Птицын. – Ваши кадры по рации раззвонили.

– Вот говнюки! Прямо хоть приказ издавай, чтобы языки не распускали. Наверное, уже весь поселок гудит?

– Не слыхал. Но будет.

– Будет! Еще как будет. Сенсация районного масштаба – Петр Семенович Омельченко сбежал из кабинета начальника милиции. Со службы попрут за разгильдяйство.

– Не попрут, – уверенно не согласился Птицын.

– Почему так считаешь?

– Не захотели бы, никуда бы он не делся.

– Ну, не все такие умные, как ты, – попытался улыбнуться майор.

– Омельченко не дурак.

– Был бы не дурак, не побежал.

– Может, так, может, не так, – задумчиво сказал Птицын. – Неизвестно, как все еще повернется.

– Повернется, как надо, – уверенно сказал майор. – Говори, зачем пришел и исчезай. У меня и без тебя неприятностей хватает.

– Вопрос, в сущности, незамысловатый, – быстро глянув на меня, с кажущимся безразличием протянул Птицын. – Постоялице

омельченковской телеграмма. Срочная. А она подалась куда-то. По последним данным, проследовала в направлении сюда...

– Получается, – перебил майор, – вы вдвоем, высуня языки, невзирая на метеорологические условия, про телеграмму сообщить рванули? Подождать не могли? Или поодиночке хотя бы – один туда, другой сюда.

– Так он же ни фиги о здешней местности понятия не имеет, – не согласился Птицын. И добавил: – А еще, как вы правильно заметили, метеорологические условия...

– Телеграмма при тебе? – из голоса майора напрочь испарилась деланая усталость.

– Телеграмма сугубо личного содержания, – невозмутимо пояснил Птицын. – Но крайне неотложного.

– Не петляй, – уверенно сказал майор. – Я тебе не пустобрех из первогодков, пустой след не возьму. Или говори, зачем она тебе понадобилась, что на месте дожидаться не мог, или вали отсюда.

– Здесь она? – уже совсем другим тоном спросил Птицын.

– Нет, – отрезал майор.

– Была?

– Могу не отвечать, но сделаю исключение. Появилась в тот самый неподходящий момент, когда обнаружилось отсутствие задержанного. Никаких заявлений ни устных, ни письменных не делала, постояла в коридоре и исчезла. Что еще?

– В каком смысле – «исчезла»?

– Повернулась и ушла, дверь за собой притворила. У тебя все?

– Если так оно и было – все, – поднялся Птицын.

– Да нет, ты еще маленько посиди. Теперь я тебе вопросы задавать буду. По глазам твоего сопровождающего вижу – не из-за телеграммы вы сюда наведались. Так?

– Не так, – снова глянув на меня, быстро ответил Птицын.

– Так, – уверенно сказал майор. – Была бы телеграмма, я бы первый о ней узнал. Понял? Говори прямо, чего всполошился, не крути.

– Интересное дело, – словно самому себе тихо сказал Птицын. – Получается, она под наблюдением...

– Что у тебя получается, твое дело. А мое дело следить за тишиной и порядком.

– Не ради ли тишины Хлесткина приложили? – зло спросил Птицын и снова поднялся со стула. – Протокольчики заранее заготовили, экспертизу за два с половиной часа сообразили... Омельченко не мой племян, на коротком поводке не удержишь. Не тот вы след взяли, Николай Николаевич, – жестом удержал он дернувшегося майора. – Тут зверюга тот еще напетлял – распутывать да распутывать. Нахрапом не получится. Пошли, Алексей, – потянул он меня за руку. И уже на самом пороге выдал: – Информация к размышлению: почему она думала, что Хлесткин живой? Разыщите, кто ей эту лапшу на уши навесил, тогда и Омельченко не надо вылавливать.

Не обращая внимания на что-то закричавшего вслед майора, Птицын быстро зашагал по коридору. Я поспешил за ним.

– Сначала к Надежде, – бросил он на ходу. – Если не вернулась, придется поселок на ноги поднимать. Лишь бы не поздно...

Последние слова оглушили меня тем смыслом, который в этих обстоятельствах мог скрываться за ними.

На неразборчивый оклик майора, выскочившего из своего кабинета, нам навстречу кинулся знакомый дежурный. Птицына он задержать не успел – тот уже открывал дверь, но за мою куртку зацепился. Мне показалось, что если он меня сейчас задержит, то я уже не успею ей помочь. Я перехватил его руку, броском легко перекинул через себя, после чего, чуть не выбив плечом дверь, спрыгнул с крыльца и, увязая в глубоком снегу, побежал вслед за Птицыным, который, не оглядываясь, легким скользящим шагом уходил в снежную круговерть, за которой едва были видны светящиеся окна соседних домов.

Короткий полярный день подходил к концу. Накатывала длинная беспросветная ночь. Утренний прогноз Омельченко о скором конце ненастья явно не оправдывался. Ветер буквально сбивал с ног. Было трудно дышать. И почти ничего не было видно. Окажись я сейчас один на этой пустынной незнакомой улице, я бы даже направления не определил, куда идти. Даже дорогу назад, к отделению милиции не отыскал бы. Словно почувствовав мою растерянность, Птицын остановился, дождался, когда я подойду к нему вплотную, и крикнул:

– Это хорошо, что такая погода!

Ничего не понимая, я закричал:

– Почему?

– Она поселка тоже не знает. Пошла назад, больше некуда.
Я бежал за ним и молил Бога, чтобы Птицын не ошибся.

* * *

«Места сии еще в недавнем прошлом народишко и коренной, местный, и пришлый, поелику возможно было, обходил, объезжал и оплывал как можно дальше и как можно быстрее. С каких неведомых пор это повелось и какой из местных духов принялся тут пакостить и устраивать всякие непонятности, теперь, пожалуй, не докопаться, хотя, не скрою, на первых парах мне здорово хотелось во всех этих аномальностях разобраться или хотя бы сориентироваться поточнее. Я и к геофизикам, и к геологам, и к биологам, и даже к одному из местных шаманов обращался с расспросами и предположениями, но ничего вразумительного ни от кого не услышал. Первые бормотали нечто смутное о каких-то местных аномалиях, вызванных тектоническими сдвигами и разломами. Биологи, которых я понимал намного лучше, пожимали плечами и пускались в длинные рассуждения о патогенных зонах, мутациях, микроклимате, возможных реликтах черт знает каких геологических эпох. И только шаман, долго и испуганно отмахивающийся от моих расспросов, вдруг коротко и ясно сказал:

– Духи, которые не любят людей, живут в таких местах, где им хорошо, а живым людям плохо.

– А мертвым? – спросил я с неразумной шутливостью, потому что выражение „живые люди“ показалось мне не очень удачным.

– Мертвых там много, – ответил он, по-моему, даже не заметив несерьезности заданного вопроса. – Мертвые тоже любят, где все не так. Никто не беспокоит. Когда не беспокоят, легко выбирать.

Я, естественно, поинтересовался:

– Что выбирать?

– В какой мир идти – вперед или назад, – сказал шаман и замолчал окончательно.

Больше я от него ничего не добился. Упомяну, пожалуй, еще об одном объяснении, которым, после долгих упрашиваний, удостоил

меня один странный, я бы даже сказал, загадочный человек, о котором я, может быть, расскажу когда-нибудь особо, а может быть, не буду рассказывать, чтобы окончательно не запутаться во всех здешних хитросплетениях. Когда однажды я заговорил с ним о месте нашего будущего стационара, он, с совершеннейшей убежденностью в истинности каждого своего слова, сказал:

– Арсений, я тебя не пугаю, но будь, по-возможности, осторожен. Места эти давно пользуются дурной славой из-за их загадочности и необычности. Бьюсь об заклад, ни одна живая душа не скажет тебе вразумительно, в чем эти загадочность и необычность выражаются и почему так упорно цепляются за место своего существования? Поверь мне, все это только мизерные осколки, отблески, слабая тень той действительно фантастической необычности, которой эта местность когда-то обладала. Не скажу точно, сколько миллионов лет назад и в результате каких катаклизмов весьма солидный кусок, бог знает как выглядевшей тогда суши откололся от гигантского проматерика и пустился в многомиллионнолетнее путешествие из района нынешнего экватора в район нынешней Чукотки, где, в конце концов, стал на достаточно прочный якорь, вызвав своим вторжением серьезные глубинные аномалии, о которых я тебе рассказывать не буду. Граница этой стыковки обозначена сейчас хребтом, протянувшимся до самого побережья, а ты со своей базой оказался в кратере сверхгигантского некогда вулкана, вывернувшего наизнанку недра бесконечно далекого и почти неизвестного нам прошлого старушки-Земли.

– Это гипотеза? – спросил я его, почему-то почти не сомневаясь в истинности каждого его слова.

Он засмеялся.

– Терпеть не могу гипотез, хотя и признаю их шарящую наугад полезность. То ли докажут, то ли не докажут... Будем считать, что все рассказанное мною недоказуемо. Просто все так оно и было. Когда окажешься там, поймешь.

– Но ты-то откуда знаешь? – не выдержал я. – Ты же там никогда не был.

– Если считаешь это серьезным возражением, ради бога, – засмеялся он. – Ни один ученый не встречался с живым динозавром, но даже школьники сейчас знают, как они выглядели.

Скоро я узнал, что мой собеседник был не совсем откровенен. Бывал он все-таки в тех местах, бывал. Но случилось это во времена столь далекие, что рискну их отнести не просто к прошлому, а к другой, я бы сказал, геологической эпохе. И все же, все же, все же...»

Запись обрывалась. Дальше было совершенно о другом. Не выпуская дневника из рук, я откинулся к стене и задумался.

Маленькое здание поселкового аэровокзала на сей раз совершенно безлюдно. Не верилось, что еще несколько дней назад тут яблоку упасть было некуда. Сейчас в зале ожидания нас только двое. Положив под голову полушубок и поджав ноги, рядом на скамейке посапывает Рыжий. Второй час ночи. Утром, чуть свет вылет, поэтому, чтобы, не дай бог, не случилось ни опозданий, ни непредвиденных задержек по нашей вине, мы вместе с вещичками перебрались сюда с вечера и теперь коротаем время в ожидании медленно приближающегося утра. Я снова раскрываю записки Арсения. Кстати, это уже совсем не тот «Полевой дневник», который я в спешке прихватил у Арсения Павловича. Как только установилась летная погода, первым же рейсом доставили предназначенный именно мне, с настоятельной просьбой незамедлительно вернуть тот, который явно не был рассчитан на постороннее прочтение. Бородатый неразговорчивый инженер-механик, передавая мне дневник, раскрыл его на последней странице и ткнул пальцем:

– Читай!

«Очень надеюсь, что ты еще так и не раскрывал мою писанину, считая ее нудными наставлениями, без которых вполне можно обойтись и во всем самому на месте разобраться. Хорошо, если так. Но если все-таки прочитал, постарайся не связывать мои глубоко личные переживания и впечатления с той информацией, которая наверняка обрушится на тебя в первые же часы пребывания в этом проклятом для меня месте. Они из совершенно разных пространственных, временных и уж, тем более, духовных измерений. Может быть, именно поэтому их соприкосновение вызвало тот аннигиляционный взрыв, уничтоживший совершенно не причастные к нему судьбы. И хотя до тебя донеслось только эхо этого взрыва, будь предельно осторожен и, оказавшись на стационаре, дважды, трижды перечитай все, что я написал об особенностях этого никем еще не понятого места. Не исключено, что это может спасти тебе жизнь».

Инженер-механик, заполучив требуемое, молча, не попрощавшись, ушел. Я же, на этот раз не мешкая, раскрыл потрепанный блокнот «Дневника». Последние дни чуть ли не каждую свободную минуту читаю его, откладываю, заново перечитываю. Выучил почти наизусть, но все время кажется – что-то упустил, не понял, не уловил самое главное. В очередной раз пытаюсь поставить себя на место Арсения и скоро признаюсь, что не только не смог бы найти разумного объяснения случившемуся, но, скорее всего, бессильно опустил бы руки перед жизненными ударами такой силы и безжалостности.

Затем я начинаю перебирать события совсем недавние. Ирину мы с Птицыным так и не нашли. Сейчас я думаю об этом без того опустошающего потрясения, с каким воспринимал нашу неудачу в первые часы поисков. Она так и не появилась ни в доме Омельченко, ни в одном из домов поселка, которые мы с Сергеем, сатанея от нарастающей безнадежности, методично обходили один за другим. Без Птицына, которого здесь знала каждая собака и которого подавляющее большинство хозяев этих собак уважало и даже, пожалуй, любило, наше предприятие было бы обречено на полный провал. Он умел находить союзников, сочувствие и понимание в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Я при сем присутствовал в качестве безмолвного статиста, лишь иногда поддакивая выразительным объяснениям Птицына. Но, видимо, было в моей молчаливой растерянности, вопросительно-просящих взглядах нечто, вызывающее невольное сочувствие, потому что в большинстве из этих домов на меня смотрели с явным расположением и покровительственной снисходительностью.

Мы обошли все дома поселка. Ни одной подсказки, ни одного наводящего слова, ни малейшего намека и следа. Тем не менее, во мне почему-то зародилась и постепенно крепла уверенность, что самого страшного с ней все-таки не случилось, хотя почти наверняка оказалась она в обстоятельствах, весьма далеких от тех, в которых мне хотелось бы ее встретить.

– Значит, так, – устало сказал Птицын, когда еле волоча ноги мы с ним поднялись на высокое крыльцо его крохотного, обитого толем домишки. – Теперь все знают, что я ее ищу. И буду искать. А если я ищу, все знают – нахожу. Как правило. Поэтому ее не тронут.

– Сплюнь, – сказал я. – Самоуверенность хороша, когда знаешь, на что опереться. Нам пока не на что. Ни малейшего следочка.

– Отсутствие следов – это уже след, – не очень уверенно пробормотал Птицын и открыл дверь.

В доме никого не было. Мария Михайловна ушла на дежурство в больницу, Омельченко исчез несколько дней назад, так и не дождавшись нашего возвращения из милиции. Наверное, не поверил, что мы разыщем таинственную постоялицу и с ее помощью докажем его непричастность к убийству Хлесткина. Птицын снова понес про дурость своего недавнего гостя, но я перебил его, сказав, что Омельченко, скорее всего, совершенно прав. Когда прижимает таким образом, лучше не делать лишних телодвижений, а положиться на свою интуицию и силы, которых, судя по всему, у него еще вполне достаточно. Говоря это, я снова вспомнил себя, застывшего в середине набиравшей скорость осыпи. Дернись я тогда, закричи, попытайся бежать – почти наверняка миновала бы меня та, оказавшаяся на расстоянии вытянутой руки ветка давно засохшей, окаменевшей от ветров и морозов лиственницы, за которую я успел ухватиться буквально в нескольких шагах от обрыва, на дно которого с высоты почти двухсот метров рухнула тысячетонная масса камней.

«Когда будешь бродить по тамошним окрестностям, – вспомнил я очередное предостережение из записок Арсения, – обрати внимание и запомни, в каких местах почувствуешь себя легко и спокойно, полным сил и поминутно нарастающей энергии, а в каких – потемнеет в глазах, начнет беспричинно колотиться сердце, срывать дыхание, ослабеют до старческой немощи руки, будут подкашиваться ноги. Запомни эти места и, по-возможности, обходи и те, и другие стороной. Перебороть их влияние ты все равно не сможешь. Здесь я тебе их весьма приблизительно обозначил, а разбираться с реакциями на все эти природные сдвиги по фазе придется тебе самому. Это, пожалуй, к лучшему – будешь внимательнее и осторожнее».

Я давно уже закрыл глаза, чтобы без помех поразмышлять на эту весьма занимавшую меня тему. И вдруг, не открывая их, почувствовал, что кто-то пристально смотрит на меня. Ни стука входной двери, ни шагов я не слышал, поэтому решил, что незаметно для самого себя задремал на несколько минут. Другое объяснение меня бы, пожалуй, испугало. Вернее, мне было бы очень трудно на него согласиться.

Разве что Рыжий бесшумно приподнялся со своего места и теперь присматривается, сплю я или нет. Но тут же я разобрал ровное посапывание Рыжего, которое, по-моему, не смолкало ни на минуту. Просто я так привык к нему, что перестал слышать... Осторожно приоткрыв глаза, я увидел сидящего напротив майора, который внимательно, чуть наклонившись вперед, всматривался в меня. На ногах у него были поношенные меховые торбаса, так что шагов я мог и не услышать. А вот почему не хлопнула, не заскрипела входная дверь?

Проследив за моим взглядом, майор растянул в улыбке тонкие губы.

– Умение подходить бесшумно – одно из основных правил розыскной работы, Андреев. Вижу – не спишь, а глаза не открываешь. Поэтому сижу, гадаю – слышал, не слышал?

Говорил он тихо, видимо, не хотел разбудить Рыжего. Но тот, похоже, что-то все-таки расслышал сквозь сон, сопеть перестал, хотя лежал пока неподвижно, по-прежнему уткнувшись носом в мех полушубка.

– Чуткая у вас команда, – продолжал улыбаться майор. – Это пригодится.

– По делам или с напутствием на дорожку? – как можно спокойнее поинтересовался я.

– Напутствие, считаешь, не дело? – вопросом на вопрос ответил майор.

– В три часа ночи? Часика бы на три-четыре пораньше или попозже – куда ни шло...

Спина Рыжего закаменела, но, видимо, до поры до времени он решил не выдавать своей заинтересованности в нашем разговоре.

– Пораньше некогда было, а позже тебе будет не до меня, а мне, что тоже не исключено, не до тебя. А сейчас возможность, можно сказать, исключительная – ни телефонных звонков, ни посетителей, ни спешки. Говори на любую тему, особенно для посторонних ушей не предназначенную.

Я невольно посмотрел на Рыжего. Майор чуть заметно улыбнулся, давая понять, что принимает в расчет мои опасения, и тем же ровным спокойным голосом продолжил:

– Я к тебе в эти дни пригляделся, составил, можно сказать, предварительное впечатление. Рад, что не очень ошибся.

– Не ошиблись? У вас что, было с чем сравнивать?

– Абсолютно. Можно сказать, ровным счетом ноль. Полная неожиданность при появлении.

– В чем же вы тогда не ошиблись?

– Спешись, Андреев, сам все скажу. Не ошибся, имея в виду характеристику, которую получил из твоего института, в самом, можно считать, конце рабочего дня. Охарактеризовали тебя в основном положительно и всесторонне.

– Если честно, всесторонне я сам себя не знаю, не то что отдел кадров. На вашем месте я бы ознакомил меня с этой «характеристикой». Время еще имеется, прикинем, что имеет место быть, а что из области преувеличений.

– Сообщают – стрелок ты отменный. С закрытыми глазами в десятку попадаешь.

– Я?! На кого-то другого вам характеристику предоставили. При нашей научной дисциплине общение с оружием вообще противопоказано.

– Ружьишко ты, тем не менее, прихватил.

– По технике безопасности положено. Нарушать не имею права.

Разговор принимал довольно-таки странное направление. Я, конечно, не поверил в якобы полученную майором характеристику, тем более с такими данными. Насторожило и то, почему он заговорил об этом, совершенно не сомневаясь в том, что нас подслушивает боящийся пошевелиться Рыжий.

Майор неожиданно подмигнул мне и почти весело сказал:

– Ты прав, Андреев, технику безопасности надо соблюдать. Ты вот некурящий, а у меня уже уши опухли. Тут смолить по технике безопасности не полагается, пойдем, постоим на крылечке за компанию. Там и поговорим по поводу предстоящих событий. Не против?

Я пожал плечами и поднялся. Ухо Рыжего торчало, как локатор и, казалось, поворачивалось вслед за нами. Я представил, как ему хочется дослушать наш разговор и почти пожалел его.

Стоит отметить, что Рыжий в последние дни разительно отличался от того полупьяного бича, склонного к балагурству и хохмам, каким он выглядел в день нашего знакомства. Я был почти уверен, что получив небольшой аванс и узнав об аресте Омельченко,

Рыжий благополучно смоеся в неизвестном направлении. Поскольку нет Омельченко, нет и обязательств. Но буквально на другой день Рыжий, трезвый как стеклышко, явился ко мне за распоряжениями и даже обрадовал скорым концом ненастья, предсказанным знакомыми синоптиками. Он помог докупить мне кое-какие продукты, раздобыл несколько пачек дефицитных патронов для старенького ружья и даже по собственной инициативе смотался в расположенную на отшибе от поселка кочегарку, где обосновалась на длительную зимовку небольшая колония местных бичей. По его словам, он крепко достал их дотошными расспросами о пропавшей Ирине. Свою настойчивость он объяснил невольным сочувствием к нашим с Птицыным бесполезным, хотя и крайне настойчивым хлопотам по ее отысканию.

– Это ведь какая публика? – глядя в сторону, объяснял он мне и Птицыну свою бесплодную, как оказалось, инициативу. – Вы меня извиняйте – пообещал от вашего имени нормальный выпивон, в случае предоставления сведений о без вести пропавшей. Что характерно, несмотря на похмел второй степени, ни один даже рогом не пошерудил. Если бы сведения имелись, за бутылек на карачках бы приползли.

– Может, наведаться к похмелке первой степени и сразу с поллитровкой? – проворчал и без того расстроенный Птицын.

– Не советую, – не согласился Рыжий. – В первой степени, да еще глядя на бутылек, они такую Анну Каренину сочинят, товарищ Толстой в гробу на пять разов перевернется. Я им наш адресок предоставил, если что, приволокут без задержки. Такую женщину в большом городе потерять – и то шуму больше чем на неделю. А здесь вообще полная загадка природы. Имею серьезное соображение – не прихватил ли ее с собой Петр Семенович? А что? В качестве заложницы, если дело совсем керосином запахнет. У самого майора из кабинета слинял, значит, и такой вариант не исключается.

Мы с Птицыным переглянулись и попросили Рыжего, если ему в голову стукнет еще какое-нибудь соображение на эту тему, ни с кем не делиться, а немедленно докладывать своему непосредственному начальнику, то есть мне. В случае, если подтвердится его предположение насчет заложницы, я, ничем не рискуя, пообещал ему премиальные в размере месячного оклада. В общем, не нарадоваться бы мне на Рыжего – на его не проходящую трезвость, подчеркнутую

деловитость и даже сдержанную почтительность перед своим временным начальником. Если бы не настойчивые поиски пропавшей Ирины, я, пожалуй, задумался бы над столь разительными переменами в поведении своей завербованной единицы. Лишь однажды я насторожился, когда эта единица случайно оказалась в поле моего зрения в поселковом клубе, куда мы с Птицыным заглянули к последнему сеансу. Сергею приспичило о чем-то повторно расспросить киномеханика. Я в это время стоял рядом и от нечего делать смотрел в окошечко проекционной на едва ли на треть заполненный зал, когда увидел остановившегося в дверях, внимательно оглядывавшего зал Рыжего. Сначала я даже усмехнулся, решив, что мой помощник, видимо, окончательно стал на путь нравственного исправления, посвящая свой досуг культурной программе, для чего воспользовался единственной в этих местах возможностью претворить ее в жизнь. Рыжий вдруг уверенно двинулся к небольшой группе людей, среди которых я с удивлением узнал своих недавних знакомых из-под лестницы в аэропорту. Выразительная харя Хриплого развернулась к подходившему Рыжему, и в этот самый миг в зале погас свет, а у меня под ухом оглушительно застрекотал аппарат, который, не знаящий как избавиться от Птицына киномеханик запустил, не дождавшись третьего звонка. Мои подозрения усилились, когда на другой день я, как бы между прочим, сказал Рыжему, что видел в магазине его недавних корешей из-под лестницы. Но тот так старательно принялся отрицать наималейшую возможность подобной встречи, что я решил быть настороже до его следующего прокола, чтобы потом окончательно загнать его в угол и добиться правды.

Мы с майором двинулись к выходу. Сильно заскрипела, а затем оглушительно хлопнула входная дверь, и мы вышли на высокое полузанесенное снегом крыльцо. Лицо обожгло легким морозцем. Ветра не было, и меня, привыкшего за последние дни к ни на минуту не прекращающимся сотрясениям и завываниям окрестных пространств, плотно забитых стремительно несущимся снегом, вдруг почти испугали оглушительная бесконечная тишина, темное, с прорезающимися звездами небо и ощущение одиночества и затерянности в этой бескрайней ночи на самом краю света.

Майор, кажется, догадался, что творится у меня на душе, и с неожиданным участием в голосе спросил:

– Не боишься, Андреев?

Я стяхнул с себя оцепенение и тихо спросил:

– Чего?

– Всего, Андреев, всего, – мгновенно ответил майор, словно заранее знал, как я прореагирую на его вопрос. Закурив сигарету и глубоко затянувшись, он, подняв голову, пристально посмотрел мне в лицо.

– Всего – это почти ничего, – ответил я с дурацкой многозначительностью и с не менее дурацким апломбом добавил: – Если вы хотите мне что-то сказать, говорите конкретно. И мне понятнее, и вам короче.

– Короче, говоришь? – хмыкнул майор. – Не отдал бы ты, дорогой товарищ, все свои экспедиционные финансы, чтобы я говорил, не останавливаясь, до самого твоего отлета. К сожалению, начисто лишен такой благоприятной для тебя возможности. Во-первых, сам столько не знаю. Во-вторых – все тебе знать пока не полагается. Во избежание.

– Во избежание чего? – не выдержал я, хотя несколько секунд назад зарекся произнести всуе хоть одно лишнее слово.

– Ну, скажем, неприятностей, – снова хмыкнул майор. – Скажем точнее – больших неприятностей. Очень больших.

– Нас учили, что чем больше информации, тем точнее вывод, – возразил я.

– А нас учили, что обилие информации так же вредно, как и ее недостаток.

– Слишком разные у нас профессиональные подходы к действительности.

– Это у тебя к действительности. А у меня – к возможной действительности. Действительности со многими вариантами. Хочешь, один подкину?

Я пожал плечами, но майор, смотревший в это время в сторону, не заметил моего строптивного жеста.

– Женщина, которую вы с Птицыным так упорно разыскиваете, подалась вместе с Омельченко приблизительно в тот же район, куда через несколько часов отправишься ты.

Теперь уже, не выдержав, хмыкнул и я.

– Считаешь, фантастика? – живо спросил майор. – Почему?

– Фантастика в квадрате, – буркнул я, еле сдерживая неожиданное раздражение. – Кстати, эту же самую гипотезу два дня назад в несколько иной интерпретации мне изложил мой подсобный рабочий Кошкин. Что, естественно, говорит о ее качестве. Захвачена в качестве заложницы.

– Не слабо, – согласился майор. – Раньше что-то не замечал, чтобы Кошкину такие гипотезы в проспиртованные мозги заскакивали. Пожалуй, стоит поинтересоваться, что его вдохновило? А как вы со следопытом к этой идейке отнеслись?

– Отрицательно.

Я помолчал и, решив, что в связи с предстоящим в ближайшее время вылетом, терять мне особенно нечего, рискнул изложить майору все, что думаю о его действиях в отношении исчезнувших Омельченко и Ирины.

– И вообще... – Собрался с силами и, глядя в глаза внимательно смотрящему на меня майору, выдал: – Птицын правильно сказал – не с той стороны вы заехали. А мне почему-то кажется, что вы не просто ошибаетесь, а ошибаетесь с какой-то целью. Не такой Омельченко дурак. Я имею в виду и Хлесткина, и карабин, и все остальное. Ежу понятно, что его подставили. А потом на побег спровоцировали. И на все остальное. Взрывчатка, гранаты – дурь сплошная! Поскольку во всем этом вы принимали непосредственное участие и поскольку вы, извините, совсем не дурак, значит, все это с целью. Непонятно только с какой. И еще непонятно, чья она, эта цель? Ваша или кого-то другого?

Майор еще раз глубоко затянулся и далеко отшвырнул окуроч. После этого он довольно крепко хлопнул меня ладонью по спине и с явно деланным оживлением сказал:

– Спасибо, что дураком не считаешь. А то ведь некоторые как рассуждают? Раз в такой дыре перед самой пенсией застрял, значит, или вовсе без царя в голове, или наказание, чтобы другим неповадно было. Ну а раз не дурак, за основу возьмем второе. Понял?

Меняхватило только на то, чтобы пожать плечами.

– Все это мне за тот тарарам, который здесь два года назад случился. Лихо случился. До сих пор аукается кстати и некстати. До сих пор у определенного контингента здешних и нездешних граждан ушки на макушке – раз не отыскивали, значит, находятся же они где-то,

эти почти три пуда золотишка. Находятся, находятся. А если находятся, значит, рано или поздно и он объявится...

Майор замолчал.

Я не выдержал и дернулся:

– Кто?

– А хотя бы и ты.

– Поздравляю. Да я об этом золоте еще несколько дней назад понятия не имел.

– Это ты говоришь. А контингент, скорее всего, так не считает.

– Наплевать мне, как они считают.

– А вот это уже речь не мужа, а мальчишки, которому слюни девать некуда. Действительность надо учитывать. Видишь, как она тебя закрутила? Теперь плюйся, не плюйся...

Он снова замолчал, и я, сознавая его правоту и желая – раз уж он случился, этот разговор, – вытянуть из главного местного милиционера как можно больше информации для последующих одиноких размышлений, и не зная, с чего начать, решил продолжить тему, с которой он сам начал несколько минут назад:

– Вы действительно получили на меня какую-то характеристику?

– Это я больше для твоего подчиненного, чтобы не перехватывал инициативу. Не смотри, что он весь вроде как на ладони. Чувствую, доньшко имеется. Не исключено – двойное. А вообще получил: такой-то действительно находится в командировке, в таком-то месте, с такого-то числа. А вот ты это или не ты – пришлось делать выводы самому.

– Как это – я или не я? Документы и все остальное...

– Документы при нынешнем бардаке вообще не проблема. А все остальное... Все остальное, Андреев, пока не поймешь, в чью пользу. Но что не очень в твою, уже прорисовывается.

Заметив, что я собираюсь что-то сказать, он остановил меня:

– Помолчи! Послушай, что тебе «не дурак» скажет. Намного лучше тебя разбирающийся в местной обстановке. И вообще – 23 года в органах. В том числе в областных! Когда вся эта каша заварилась, лично в составе комиссии тут землю носом рыл. Да так и остался. И звездочку потерял, и перспективы дальнейшего продвижения. Помолчи, говорю! – почти крикнул он, хотя я всего-навсего переступил с ноги на ногу. – Думаешь, не охота мне этот узелок

развязать?! Не отрицаю, что по личным мотивам в первую очередь. Теперь бы узнать – кто?

– Как кто? – не выдержал я. – Разве не он?

– Кто?

– Башка!

– Наслушался. Башка! Башка, конечно, фигура в этом деле немаленькая. Исполнитель экстра, искать да искать. Нет, Андреев, тут не Башка. Тут мозги совсем другого уровня. Он Башке все на блюдечке выложил. Тому только бежать да стрелять оставалось. А такие, как Башка, за мечтою и за запахом тайги не бегают. Твердо знал – куда, как и зачем. До минуты все рассчитано было. Встретить его должны были и золотишко принять. Что, по-твоему, в последний момент им вот это могло сунуть? – и он поднес мне под нос кукиш.

Я сделал вид, что задумался, а потом, словно отыскав решение, тихо сказал:

– Имеете в виду непредвиденный случай?

– Вот именно, непредвиденный. Непросчитанный, с неба свалившийся. Скажи, мог он предвидеть, что твой начальник с базы уйдет, бабу там хромую, беспомощную, да еще, говорят, очень красивую, оставит? Или что у них лодку унесет? Что Омельченко со своим псом на помощь рванет? Что погода, как проститутка, в последний момент динамо скрутит? Что мы на месте окажемся чуть ли не через час после того, как Башку приложили? Еще перечислять?

– И какой из этого вывод?

– Там золотишко. Не вывез он его. Сто процентов – там осталось.

– Два года прошло. Тысячу и один раз возможность была.

– Не было этой возможности. Не было! Знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что он сам не знает, где оно находится и что произошло за те несколько часов, которые спутали ему, да и нам все карты.

– Не бойтесь, что он вас, в конечном счете, переиграет? Может, лучше на помощь позвать? Из Москвы или из области. Объясните, что прорезалось что-то, надежда появилась.

Он снова поднес мне под нос кукиш. Этот его жест начал мне надоедать. Но разговор настолько увлек меня, что я решил не обращать внимания на эмоции своего собеседника и дослушать все до конца с предельным вниманием.

– Вот им! Они, конечно, мигом, лишь бы запахло. Всем Управлением заявятся. Такого зверя выявить, да еще, даст бог, с золотишком. Премии, награды, шум на всю страну. А мне в лучшем случае благодарность за бдительность. Да и той не будет. Омельченко с моего кабинета деру дал? Вот и припаяют выговор за халатность. И все дела, Андреев.

– Насколько я понимаю, вы специально предоставили Омельченко такую возможность.

– Это уже другой разговор. В подробности пока вдаваться не будем. Я эту игру сам сыграю.

Майор понизил голос до шепота и даже показательно оглянулся.

Все неуютнее и неуютнее становилось мне во время этого разговора. С чего бы это так разоткровенничался со мной руководитель местной милиции? Не принимает ли он меня за кого-то другого? За кого? Нет, ерунда! Скорее всего, отвел для меня в своей игре какую-то роль и теперь хочет уговорить принять в ней участие в качестве шестерки. А уж это, извините!

Майор словно догадался, о чем я лихорадочно размышляю.

– Что, Андреев, слишком много информации и слишком много неизвестных?

– Информации не особенно густо, а неизвестных, действительно...

– С чего бы этот майор турусы на колесах развел, отдохнуть перед дальней дорогой не дает? Так?

– Это тоже.

– Потерпи. Если мы по первому вопросу взаимопонимания достигнем, то можешь задавать остальные. Что могу – проинформирую. Нам с тобой сейчас необходимо только на полном доверии.

– Нам? При чем тут вообще я?

– Отвечаю. Я тут крепко подумал и понял, что без твоей помощи мне это дело скovyрнуть трудновато будет. Помолчи. Объясню, тогда будешь возражать. Ты думаешь, с чего тут сейчас вся эта катавасия закрутилась? Взрывчатка, Хлесткин, мадам ваша?

– Кстати, о ней...

– Подожди, о ней тоже разговор будет. Так вот – из-за тебя, дорогой мой, только из-за тебя и не из-за кого иначе. Как только слух

прошел, что ты в ближайшее время прибываешь, а затем на Глухую намерен, сразу все сдвинулось с мертвой точки. Взрывчатка пропала, потом Хлесткин, потом Омельченко. Чуешь цепочку?

– Чую, только я тут при чем?

– При том, что некто решил – за золотишком ты прибыл, за золотишком.

– Я?! В поселке все наперечет. Неужели вы за четыре года этого «некто» не вычислили?

– Давай сперва по первому вопросу договоримся, а потом дальше рассуждать будем насчет вычислений и поисков. Тут что у нас получается? Ждали-то не тебя, Арсения Павловича. О нем слух шел – прибывает. И вдруг ты, и прямо к Омельченко. Понимаешь, какая ситуация?

– Ни черта не понимаю.

– И я тоже так считаю. Значит, ты или козырь в рукаве, или тот самый непредвиденный и непросчитанный случай, которым грех не воспользоваться.

Мне вдруг стало неудобно и тошно от сознания, что кто-то держит меня за явного «дурака», пользуя или собираясь пользоваться в каких-то своих расчетах и играх. К тому же, наверняка опасных. Может быть, даже очень опасных. Я отвернулся от майора и сказал:

– Знаете что?... Плюну я на все это дело и подамся завтра назад. Разбирайтесь тут сами со своим золотом, убийствами, пропажами. Я всего лишь научный сотрудник. Меня птичья энергетика интересует, а не криминальные загадки, которые лучшие асы-сыскники не разгадали. Утром отменяю рейс и приобретаю обратный билет. В институте объясню: проводить научные исследования в подобной обстановке нет возможности. Думаю, меня поймут.

Майор долго молчал, выжидая, когда схлынет мое раздражение. Судя по всему, он составил обо мне довольно точное представление. Из последующих его слов стало ясно, что моя вспышка не произвела на него особого впечатления.

– Умотать ты, конечно, можешь. Без проблем. Было бы желание. Правильно бы сделал, между прочим. Только не имеется его, Андреев. Желания не имеется. Знаешь, почему?

– Понятия не имею.

– Характер не тот. Ни за какие коврижки ты теперь на Глухую лететь не откажешься.

– Когда это вы успели с моим характером познакомиться? – пробурчал я, сознавая, что майор прав: ни за какие коврижки от полета я не откажусь, настолько уже затянуло меня случившееся. Я даже о своих любимых птицах позабыл. Не позабыл, конечно, но они сейчас словно на второй план отошли. В глубине души был согласен с майором, что именно мое присутствие сдвинуло с места выскользнувший из-под ноги камень. Он уже покатился вниз, увлекая за собой по крутому склону десятки других камней, и вот-вот оглушающее эхо обвала покатится по глухому, сжатому черными скалами распадку...

– И еще один момент... – добавил майор, помолчав. – Хотя не исключено, что ошибаюсь...

– О чем вы? – спросил я, догадываясь об ответе.

– Ты не обижайся, если ошибаюсь. Показалось в этой суматохе...

– Когда милиционеру что-то кажется, остальным остается только креститься, – неловко сострил я, переступив с ноги на ногу. Снег резко скрипнул под ногами, и меня снова оглушила невероятная тишина огромного незнакомого пространства, раскинувшегося вокруг тысячами километров темной морозной ночи. Недоброе предчувствие, похожее на страх, обозначилось где-то не то под сердцем, не то где-то между лопатками, напоминая чей-то враждебный взгляд. Я поневоле поежился и огляделся. Но окрест была такая глухая ночь, такие пустота и неподвижность, что даже далекие огни на краю аэродрома показались мне какими-то мертвыми. Обычно они мигали, лучились, вздрагивали от колебаний воздуха, от расстояния, от какого-нибудь звука. Возможно, просто казалось, что они мигают и вздрагивают. Сейчас не казалось ничего.

– К этим местам привыкнуть надо, – словно догадавшись о моем внезапном смятении, тихо сказал майор. – Некоторые так и не могут. Не совмещаются.

– В каком смысле «не совмещаются»?

– В простом смысле. Человек и все это вокруг. Останешься один – и все. Не выжить. К этим местам привычка нужна. И то...

– Вы мне, кажется, хотели что-то сказать? – прервал я майора, досадуя на его пронизательность.

– Не дергайся, я не запугиваю. Просто имей в виду, что одному тебе на ногах не устоять. Поэтому предлагаю сотрудничество и взаимную помощь.

– Я там, вы здесь, какая взаимность?

– Не зарекайся.

– Я не зарекаюсь, просто обстоятельства. Вы начали о чем-то говорить и не договорили.

– Не договорил, – согласился майор. – И если ты от помощи отказываешься, то и договаривать не буду.

– Не отказываюсь, а выражаю сомнение. Может, все-таки расскажете, что вы о ней знаете?

– Догадывался о твоём вопросе, – сказал майор и полез во внутренний карман. – Знаю о ней немногим больше твоего, но показать кое-что покажу, при условии неразглашения.

Он достал несколько раз сложенный лист бумаги и протянул мне. Я осторожно развернул его и подошел ближе к пятну света от небольшой лампочки над крыльцом.

– Вчера на столе у дежурного оказалось. Я его на ковер – не видел, не знает. Выдал ему на полную катушку, но от этого не легче. Ознакомься и верни, как-никак вещественное доказательство.

«Заявление. Довожу до Вашего сведения, – было написано на листке аккуратным, почти ученическим почерком, – что Омельченко Петр Семенович совершенно не причастен к убийству гражданина Хлесткина, т. к. всю ночь находился при свидетелях дома. Карабин я лично передала незнакомому мне человеку, который обещал его вернуть, сделав холостой выстрел, с целью привлечения подозрений к Омельченко для последующего его шантажа. Поскольку в результате Хлесткин оказался убитым из карабина Омельченко и, следовательно, по моей невольной вине погиб человек, сообщаю о непричастности Омельченко П.С. к данному происшествию и в случае расследования готова дать показания и подтвердить все вышесказанное.

Число... Подпись...»

Я молча вернул листок майору.

– Не вижу реакции, – сказал майор, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– А Птицын знает об этом?

– Зачем? – делано удивился майор. – Я тебе про неразглашение, а ты – Птицын. Тебе тоже не имел права, но поскольку постольку, решил

поставить в известность.

– Что «поскольку-постольку»?

– Имея в виду дальнейшее сотрудничество.

– Но он ее тоже ищет.

– Вот и пускай ищет, может, повезет. Мужик настырный, иногда даже чересчур. Тем не менее, терплю, потому что и польза случается.

– А вы почему не ищите?

– Кто тебе сказал, что не ищущу?

– Видно.

– Это хорошо, что видно. Если бы другое на виду оказалось, вот тогда у вас с Птицыным был бы повод для беспокойства. Не исключено – для серьезного беспокойства.

– А сейчас нет?

– А сейчас будем отрабатывать версию твоего Кошкина. Кстати, она не так глупа, как может показаться на первый взгляд.

– Имеете в виду, что она с Омельченко?

– В качестве заложницы.

Я уже открыл было рот для категорического и язвительного возражения, вспомнив, как ошалел Омельченко от моего сообщения про Ирину, но вовремя сообразил, что моя категоричность наверняка насторожит майора, и промолчал.

– Правильно, – сказал майор. – До полного выяснения обстоятельств от возражений воздержимся. Тем более, чем черт не шутит.

– Да уж, – хмыкнул я, – этот товарищ шутить не любит.

– Какой товарищ? – неожиданно громко спросил майор, и я понял, что мой ответ ему совершенно не интересен. Он к чему-то напряженно прислушивался. Потом сделал знак, чтобы я что-нибудь ответил. Я пробормотал: – Который шутить не любит. Черт. Я имел в виду черта.

Как говорится, накаркал. Майор рванул резко скрипнувшую дверь. За дверью, привалившись к стене, лежал Рыжий. Он был без сознания. Но мне почему-то показалось, что он убит.

* * *

– Оставайся с ним, проверю второй выход, – приказал майор и, тяжело перевалившись через штакетник, увязая в снегу, побежал за угол. Я наклонился к Рыжему, ожидая увидеть в полутьме тамбура лужу крови, разбитую голову, нож... Сам не знаю, что я там хотел разглядеть, какие отыскать улики или раны, но ничего ровным счетом не разглядел и не отыскал. Тогда я осторожно пошевелил Рыжего. Его голова бессильно качнулась и опустилась на грудь. Он был похож на смертельно пьяного человека, только ни водкой, ни каким другим спиртным от него не пахло, да и пахнуть не могло. Мысленно плюнув на возможные улики, которых я мог и не заметить, я подхватил его под мышки и затащил в помещение. Рыжий слегка застонал и заскреб одной ногой по полу. Я приподнял его и положил на стоявшую неподалеку скамейку. Рыжий с трудом открыл глаза, долго всматривался в потолок над собой, потом, с трудом выговаривая слова, пробормотал:

– Чего... это... было?

– Может, лучше я тебе этот вопрос задам? – спросил я, после чего, с облегчением вздохнув, помог своей подсобной единице подняться и сесть.

Рыжий, не отвечая, начал ощупывать свою голову, шею, поерзал, пытаясь определить, не болит ли где-нибудь в другом месте, и, видимо, ничего не обнаружив, с недоумением уставился на меня.

– Рассказывай по-порядку, – посоветовал я. – Чтобы вспомнить случившееся, надо восстановить то, что случилось перед этим. С него и начинай.

– Чего начинать? – с прежней бестолковостью смотрел на меня Рыжий.

– Как ты в тамбуре очутился?

После долгого молчания Рыжий наконец разродился:

– Курить...

Пришлось задать дополнительный вопрос:

– Дать покурить или вышел покурить?

– Вышел, – согласился Рыжий. И добавил: – Дать.

– Видать, и гнилая рыбина иногда в дым попадает, – раздался за моей спиной голос неслышно подошедшего майора. – Ты только, Кошкин, бабочку мне не крути. Подслушивал?

– Сдохнуть и не встать – покурить вышел, – и Рыжий перекрестился широким крестом. Он оживал буквально с каждой секундой.

– Ты же вроде неверующий, – не согласился майор с размашистым жестом Рыжего.

– Был. Был неверующий. А в последнее время стал серьезно задумываться.

– Видение какое-нибудь было? – спросил майор, подходя ближе. – Или голос какой?

– Голосов и видений у меня и раньше по-пьянке хватало. А вот так, как в этот раз – ни фиги. Не хочешь – замандражишь.

– Давай тогда по-порядку: как надумал, как исполнил, кто помешал? Только еще раз повторяю – бабочку не крути. Следов у второго выхода-входа не имеется, в здании только мы и дежурный, который благополучно дремает в диспетчерской. Открыть дверь в тамбур, чтобы без скрипа, как у тебя получилось, очень стараться надо было. Повторяю – очень. И еще одно обстоятельство... До того ты в зале курил, не смущался – для доказательства могу окурки представить, – а тут ни с того ни с сего на свежий воздух потянуло. И заключение... Никаких таких телесных повреждений, способных привести гражданина Кошкина в бессознательное состояние, мы, по моему, не наблюдаем. Я прав, Андреев?

Ход этих рассуждений почти полностью совпадал и с моими умозаключениями, поэтому я поторопился согласиться с майором.

– Ну что, Кошкин, будем тараканить, или в сознанку? – нажимал тот.

– Падлой буду... – дернулся Кошкин.

– Будешь, – оборвал его майор. – Будешь, если чистосердечно не поделишься своими соображениями и воспоминаниями. Начиная с момента нашего удаления на улицу. Жду, гражданин Кошкин.

– Чуть что, сразу «гражданин». Не имеете права без доказательств. Я, можно сказать, полностью потерпевший, а вы сразу с Севера заходите. В натуре. До сих пор в глазах загогулины ползают. А что следов нет, еще не доказательство. На дежурного тоже поглядеть требуется. А что? Только серик запалить собираюсь, сзади раз и все! Начисто вырубился.

– Что «раз»? – не выдержал майор прежнего иронического тона. – Описывай со всеми подробностями.

– Так чего описывать, если вырубился?

– Чтобы такого бугая вырубить, надо соответствующие усилия приложить. Согласен?

– Так он и приложил.

– Кто «он»? Куда приложил? Показывай место приложения.

Рыжий заерзал и, снова ощупав голову, стал затем тщательно обследовать остальные части своего тела. Не добившись никаких результатов, он с тоской посмотрел сначала на майора, потом на меня и в недоумении пожал плечами:

– Без некому, – и, помолчав немного, вдруг радостно дернулся: – Может, газы какие, а? Имеются, говорят, такие. Раз – и в дамки. – Он помолчал и, уяснив, что мы никак не реагируем на его гипотезу, пробормотал: – Вообще-то нет... За бестолковку он меня прицепил. Глаза зажал и за храпок вроде... Вот здесь... Или повыше? – он снова стал ощупывать шею. – Точно, здесь... Я и спекся.

– Кто ж это, интересно, был, Кошкин, как ты соображаешь? Человек-невидимка? Дух святой? Вырубил тебя болезного и испарился? С какой, интересно, целью? Чем это ты ему так насолил?

– А я знаю? – вдруг почти взвизгнул Рыжий и в голосе его зазвенели истерические нотки. – Только если предположение, что я сам себя в жилы заделать захотел, то полный у вас полуцвет, гражданин начальник. Будете у цыгана кобылу искать до морковкиного заговенья. Я и так уже не рад, что согласие на это стебаное дело подписал. Как с Омельчинки началось, так и пошло одно за другим. Еще неизвестно чем закончится, если такие разборки начинаются. Я в это дело вообще ни в зуб ногой, так и мне прилетело. Говорю, дежурного надо пошерудить, если больше никого на горизонте не наблюдается.

– Ты хотя бы поинтересовался, кто дежурный, – задумчиво сказал майор. Мне показалось, что доводы Рыжего его в чем-то убедили.

– А хоть кто, раз в девятку попали!

– Тогда информирую... – Майор по-прежнему думал о чем-то своем и даже смотрел мимо Кошкина. – Юрий Борисович Стерхов заслуженный летчик, ветеран, первопроходец, герой и все остальное, что к этому прилагается. Ему, между нами девочками, уже чуток за

семьдесят. А в данный момент еще и почки барахлят по причине хронического обострения. Настаиваешь, Кошкин, чтобы пошерудить, или перебеешься?

Рыжий сник при первых же словах майора.

– А я знал, что Дед? Значит, другой кто-то поблизости имеется. Вы милиция, вы и соображайте, вам за это...

– Платят, Кошкин, платят, – не дал ему договорить майор. – Не так много, как ты думаешь, но на жизнь хватает. Кстати, относительно ближайшего будущего. Если оно тебя так беспокоит, как ты только что выразился, еще не поздно дать отбой. Я твоего начальника битый час уговариваю, наплевать и назад, в институт первым рейсом. Кажется, почти уговорил...

Майор незаметно для Рыжего показал мне кулак, так как я открыл было рот для возражения. Рыжий уставился на меня, но я опустил голову и пристально смотрел себе под ноги, словно действительно находился в тягостном раздумье.

– А твое дело, как ты говоришь, вообще десятое, – продолжал майор. – Возвращай аванс и рви на все четыре стороны, пока еще похуже чего-нибудь не случилось.

Наступило тягостное молчание. Я не поднимал головы, но даже не глядя на Рыжего, ощущал его нарастающее смятение.

– Так это... – наконец хрипло сказал он, – того уже... Аванс, говорю, того-этого. На неотложные нужды. – Он откашлялся и неожиданно твердым голосом заявил: – Если начальник сам, тогда, конечно. Только мне, чем ежиков до весны пасти со здешними бичарами, лучше при деле каком-никаком. Двое не один, отмахнемся в случае чего.

– Тогда так, друзья однополчане, слушайте сюда, – повысил голос майор, так что его наверняка стало слышно почти во всех закутках пустого здания аэровокзальчика. – Получается, имеется тут место для спрятушек. В мистику я не верю, в гениальные артистические способности Кошкина, честно говоря, еще меньше. Значит, что? Значит, где-то он здесь находится, поскольку следов на выходе не имеется. А раз находится – надо искать. И поскольку ваш интерес в этом деле тоже имеет место быть, предлагаю присоединиться. Имеется в виду, к поиску. Согласны?

Я неопределенно пожал плечами и покосился на Рыжего. Слишком уж он выглядел напуганным и, кажется, готов был объявить о полном разрыве прежних договорных отношений. Майор, словно не замечая ни смятения Рыжего, ни моего недовольства таким поворотом дел, продолжал командовать нами как своими непосредственными подчиненными.

– Андреев, поднимайся к Деду. Он наверняка знает тут не только каждый закуток, но и каждую мышиную норку. Поинтересуйся, что он посоветует в нашем случае, и быстро ко мне. Я буду пока прикрывать запасной выход. А ты стой здесь и карауль, – остановил он дернувшегося было вслед за мной Рыжего. – В случае непредвиденных обстоятельств не стесняйся, ори во все горло.

– Так если... – невразумительно пробормотал тот, явно недовольный таким приказом.

– Если что?

– Не даст заорать. За храпок – и вырубит. Как в прошлый раз. И все дела.

– Все равно ори, если жить хочешь. Как только увидишь, так ори.

– Кого увижу?

– Любого, кроме меня и вот его. Особое внимание к возможному появлению женского пола. Усек?

– Я на морду, может, и рыжий, но вообще-то не дурак. Дубачить в такой ситуевине – по бритве канать. В атасниках не ходил, квалификацию менять не собираюсь. Разве что за большое дополнительное вознаграждение.

Майор молча сунул ему под нос хорошо знакомый мне кукиш.

– Понял, – скривил в неискренней улыбке рот Рыжий. – Согласен на Почетную грамоту от местной милиции. В случае повторной травмы буду требовать оплатить бюллетень. А ежели в дубари пропишут, похороны за счет института, сотрудником которого нахожусь в настоящее время.

– Ты меня начинаешь удивлять, Кошкин. Только поимей в виду: если чуть что, так и мы того.

– Снова понял. Придется вертеться, когда некуда деться.

– Прост-то ты прост, да не привязан ли лисий хвост, – задумчиво продекламировал майор, с нарочитой пристальностью уставившись на Рыжего.

То ли от этого намека, то ли от этого взгляда Рыжий как-то сразу сник и, как мне показалось, даже поменьшел ростом.

– Как у дедушки Крылова, – проворчал он, отходя от меня в сторону. – Либо с волками выть, либо схарчат зараз вместе с одежкой.

– Вот и молоток! – одобрил майор. – Стой здесь и соображай дальше, как жить. Ну что, Андреев, – повернулся он ко мне, – приступаем. Топай за консультацией, а я пока пошевелю конечностями по данному зданию.

Я нехотя стал подниматься по крутой лестнице, ведущей в диспетчерскую. Беспokoить заслуженного человека, каким здесь, судя по всему, считали Деда, дурацкими расспросами, где, мол, прячется злоумышленник, вырубивший мою рабочую силу в лице бича Кошкина-Рыжего, казалось мне делом безнадежным и даже глупым. Первый же вопрос, который в ответ на мою просьбу задаст любой разумный человек: какая такая цель была у этого вряд ли вообще существовавшего злоумышленника? Ради чего он, спрашивается, рисковал, явно без малейшей для себя пользы? А вот Рыжему вполне могло прийти в голову изобразить из себя пострадавшего. Именно над этим стоило поразмышлять мне и майору, а не беспокоить среди ночи живую реликвию этих мест.

Я в нерешительности остановился перед дверью в диспетчерскую.

– Заходи, Андреев, – раздался из-за закрытой двери низкий уверенный голос.

Поскольку вылет был назначен на раннее утро, диспетчер не мог не знать, кто и куда полетит и кто сейчас ожидает этого вылета – с этим все ясно. Мои шаги он тоже наверняка слышал. Но как он догадался, что за дверью стою именно я? Выждав несколько секунд, я осторожно приоткрыл дверь и, не переступая порога, извинился за столь несвоевременный визит и за доставляемое беспокойство, одновременно лихорадочно вспоминая имя-отчество Деда, недавно сообщенное майором и тут же вылетевшее у меня из головы.

– Мы, Андреев, с тобой в лесотундре, а не на дипломатическом приеме в столице. Кончай с церемониями. Заходи, садись. В термосе чай, чашки на столе. Наливай и делись впечатлениями.

– О чем впечатлениями? – от растерянности не очень грамотно поинтересовался я, переступая порог.

В большой комнате, освещенной лишь яркой настольной лампой, не сразу разглядел сидящего на огромном продавленном диване человека, кутавшегося в плед ярко-зеленого цвета. Зеленое пятно на черной кожаной обивке старого дивана почему-то показалось мне вызывающе неестественным, как и заданный вопрос. Лицо человека, полускрытое тенью падающей от абажура настольной лампы, я тоже разглядел не сразу, а разглядев, удивился цвету южного загара, насмешливому блеску молодых, чуть прищуренных глаз, густой начавшей сесть шевелюре, красиво обрамлявшей худое тонко вылепленное аристократическое, как я сразу решил про себя, лицо.

– Впечатлениями, как обрушилась на тебя здешняя запутанная и не очень веселая жизнь. Не страшно? Кстати, зовут меня для дальнейшего общения Юрий Борисович. Абориген, историк и, отчасти, злой гений этих неуютных, но весьма интересных мест. Я бы даже сказал – таинственных мест. Да ты садись, садись, в ногах правды нет. Повторяю вопрос – не страшно?

– Абориген, историк – понятно. А насчет «злого гения» не очень. Судя по вашим заслугам, о которых даже бичи говорят с уважением, не соответствует истине, – справившись наконец с растерянностью, ушел я от ответа на слишком бесцеремонно поставленный вопрос. Честно ответив, что не страшно, я мог показаться собеседнику мальчишкой и хвастуном. Мне этого не хотелось. Дед мне понравился.

– К сожалению, соответствует, Андреев. Соответствует. И кое-что я, пожалуй, тебе сейчас коротенько обрисую. С целью отговорить тебя от птичьих исследований в районе, который находится почти в эпицентре мощнейшей аномальной зоны. Пребывание в ней, даже непродолжительное, чревато. И весьма. Я Арсению сразу сказал – нахлебаешься. Не отговорил. Сумасшедшим закон не писан. А он все-таки немного сумасшедший. Согласен?

– Конечно не согласен, – устало сказал я, опускаясь на стул у большого заваленного книгами и картами стола. – Еще немного, и я поверю, что самое горячее желание всех жителей этого поселка и его окрестностей – отговорить меня от поездки на стационар. Может быть, аномальная зона не там, а здесь?

– Здесь чуть-чуть, а там – ого! Скоро сам в этом убедишься.

– Значит, уверены, что не последую вашему совету?

– Даже если бы и захотел последовать, теперь уже не получится.

– Это как?

– Элементарно, Ватсон. Выражаясь языком старинных романов, «часы судьбы начали свой отсчет, и тот, кто вольно или невольно оказался втянутым в орбиту будущих неизбежных событий, вынужден будет пройти их до конца. Хочется ему этого или не хочется».

– Махровый фатализм.

– Отнюдь. Диалектика. Наступив на грабли, в обязательном порядке получаешь в лоб.

Я демонстративно зевнул, прикрыв, впрочем, для приличия рот ладонью. Надо было менять неприятную для меня тему разговора.

– Я, собственно, к вам по другому вопросу.

– Если насчет того, кто временно вывел из строя твоего любопытного помощника, не ломайте с майором головы и не стройте фантастических гипотез. Лично мне очень не нравятся люди, подслушивающие разговор, для их ушей вовсе не предназначенный.

– Хотите сказать, что это вы?

Видимо, недоверия и изумления в моем голосе и на моем лице было столько, что Дед коротко и, как мне показалось, самодовольно хохотнул.

– Совет номер один. Если молодой научный сотрудник желает уцелеть среди уже случившихся, а также предстоящих непонятностей и таинственных нестыковок, ему прежде всего необходимо отказаться от стереотипов привычной логики. Считаться надо с тем, что есть, а не с тем, что вроде бы должно быть. Понял, нет?

Безапелляционно поучительный тон собеседника начал меня раздражать.

– Советами я уже отоварен выше крыши. Не проще было бы просто сказать товарищу Кошкину, что подслушивать нехорошо?

– Стандартно мыслишь, Андреев. Подумай. Через несколько часов ты вместе с Кошкиным окажешься в полнейшей изоляции от привычного тебе мира. Ситуации, с которыми вы там столкнетесь, могут оказаться совсем не стандартными. Хреновыми они могут оказаться, судя по тому, что уже оказалось. Как, по-твоему, поведет себя Кошкин, если вас прижмет по полной? Правильно! Прежде всего, попытается спасти свою шкуру. Это если бы я ему только пальчиком погрозил. А поскольку его неизвестно кто и как вывел на десять минут из строя, причем именно в тот момент, когда он вел себя по

отношению к тебе, скажем так, не очень честно, не исключено, что это заставит его в аналогичный момент вспомнить и вздрогнуть. И это, возможно, спасет тебе жизнь. Понятно излагаю?

– Замысловато. А для Рыжего... Кошкина то есть, чересчур. С ассоциативным мышлением он, по-моему, вообще не дружит. Ему бы чего-нибудь попроще. Вы его только укрепили в героическом стремлении побывать со мной в аномальной зоне.

– С чего это он так расхрабрился? Я бы на твоём месте задумался.

– В последнее время только тем и занимаюсь, что задумываюсь. С вашего разрешения пойду майора проинформирую, чтобы землю не рыл.

– Пусть повозюкается. Тем приятнее для него будет узнать, что ларчик просто открывался. А вот твоему Рыжему до самого отлета лучше пребывать в тоскливом недоумении насчет того, что с ним произошло. Согласен?

Дед пристально и, как мне показалось, насмешливо глядел на меня. Я вспомнил подобный взгляд у знакомого гроссмейстера, с которым как-то по неосторожности осмелился сесть за шахматную доску. Со своим первым разрядом я надеялся хотя бы на почетную ничью, но взгляд, которым меня одарил титулованный соперник после первых же ходов, даже на ничью не оставил мне ни малейших шансов. Разгром был полный.

– Начинаю думать, что определение «злой гений» не совсем гипербола.

– Ты мне нравишься, Андреев. Умеешь схватывать суть. Расскажу-ка я тебе одну историю. Выводы делай сам. Согласен?

– Выбора, кажется, у меня нет. Рассказывайте.

– Не пожалеешь. Пей чай и слушай. Чай у меня отменный.

Он скинул с себя плед, под которым оказалась старенькая, но опрятная летняя форма, и сел за стол напротив меня. Я разлил крепкий горячий чай по кружкам, Дед придвинул ко мне сахарницу и пачку печенья.

– Начну с того, что и поселок этот, и вся постепенно образовавшаяся здесь житуха началась, как это ни странно, с меня. Вернее, с аварии моей Аннушки. Кончилось горючее, пришлось плюхнуться на косу. Километрах примерно в ста пятидесяти от места, где мы сейчас с тобой чаи распиваем. До той поры ни одной

человеческой души в этих местах километров на шестьсот в окружности не имелось и иметься не могло. Подозреваю, что лет тыщу, а то и больше назад местные шаманы каким-то коллективным камланием обрекли здешние окрестности вечному проклятию за их непонятность и непокорство. Оглядишься – казалось бы, живи и радуйся. Рыбы немеряно, лоси чуть ли не со всей Чукотки на Абаду водоросли жрать приходят для укрепления организма. Медведи жируют, соболь по головам скачет. Правда, олень почему-то здесь не держится, в тундру уходит. А аборигены вообще сюда ни ногой. Тех же, кто посмелее оказывался, больше никто в глаза не видел. Я, понятно, представления об этом ни малейшего не имел. Молод был и глуп изрядно. Да и не до того мне в тот момент было. Винт вдребезги, второй пилот по причине сотрясения мозга и еще каких-то внутренних повреждений лыка не вяжет. Со связью черт знает что, ближайший аэродром как сквозь землю провалился, а американцы – какая-то станция на Аляске – как за стенкой. Джон какой-то меня услышал, успокаивает: «Держись, Юрий, сейчас с твоими свяжусь, диктуй координаты». А я их даже приблизительно сообразить не могу. Часа три в облаках пилили по причине внезапного ухудшения видимости. Да и приложился не хуже второго – левая рука как не родная. Thank you, говорю, Джон. Координаты сообщать не имею права, поскольку сам о них без понятия. Утром осмотрюсь, что к чему, дам знать. Привет жене и деткам.

– На русском общались? – не выдержал я.

– На английском мы общались. Я на нем к тому времени вполне прилично мог спикать, поднатаскался по причине крайне неблагоприятной международной обстановки. На этом наши с ним переговоры закончились, рация бесповоротно сдохла. Но о нашем положении он в эфир информацию выдал. Только с координатами километров на триста пролетел. Впрочем, наши к тому времени уже на ушах стояли. Больно груз у нас серьезный на борту находился. До сих пор не имею права рассекречивать.

Я к чему тебе все это рассказываю? Что, по-твоему, в такой ситуации я должен был делать? Самолет накрылся, в какую сторону двигаться – ни малейшего представления. Из оружия один ТТ и ракетница, из жратвы – плитка шоколада на двоих. Плюс телесные повреждения и соответствующая душевная деморализация. Время –

конец августа, вот-вот снег пойдет, по утрам заморозки. Связь, я уже говорил, на нуле. Что стал бы делать на моем месте? За груз, между прочим, расстрельная статья в случае потери или умышленного повреждения. Тогда с этим делом на полном серьезе.

– Кроме ожидания ничего не соображу. Если груз такой серьезный, должны искать.

– Вот и у меня соображалка в том же направлении тогда работала. Решил ждать до последнего, а там пулю в лоб и все дела.

– У второго такое же настроение?

– Он вообще в ауте. Зарылся в мох с головой и вырубился. Земля, говорит, из-под ног уходит, стоять не могу. Лежи, говорю, утро вечера мудренее. А самому заорать хочется на всю окрестность: помогите, люди добрые, пропадаем. Я же в ту пору еще не знал, что людей тут сроду не водилось. Дай, думаю, поору все-таки на всякий случай.

Дед замолчал, опустив голову, словно заново переживал случившееся почти полвека назад.

– Поорали? – не выдержал я затянувшегося молчания, снова проникаясь доверием и сочувствием к Деду.

– Мало это было на крик похоже. Ночь уже наступила. Что кричал – не помню. Не то помогите, не то спасите. Нет, помолиться втихаря, у Бога спасения попросить, как прародители наши покойные поступали. А я матюками да воем всех чертей окрестных собрал. Вот и явился один такой, не запылится.

– Черт? – почти поверил я в тоске, прозвучавшей в голосе Деда.

– Черт с ним, если бы черт. Тут, Андреев, посерьезней нечистой силы обстоятельства образовались.

И тут внизу заорал Рыжий. Хорошо заорал. Не то действительно жизнь свою спасал, не то добросовестно выполнял приказ майора орать при любом намеке на опасность. Одновременно что-то с грохотом упало, зазвенело разбитое стекло... Судя по всему, для раздумий времени не было. Чуть не выбив дверь диспетчерской, я кубарем скатился по лестнице и нос к носу столкнулся с майором, выскочившим откуда-то с пистолетом в руке.

Лично меня представившаяся нашим глазам картина скорее разозлила, чем удивила или испугала. Рыжего не видно, окно разбито, два ряда стульев опрокинуты, рюкзак мой валяется у самых дверей,

зачехленная «ижевка» на полу, выдавший виды чемодан Рыжего в другом конце зала.

– Видел кого? – почему-то шепотом спросил майор.

– Нет.

– Оставайся здесь и ружьишко расчехли на всякий пожарный. Как бы он сейчас тачку мою не оприходовал. Хреновая у меня привычка ключи в ней оставлять. Пока прецедентов не было, но в подобных обстоятельствах и подрезаться запросто.

Майор выскочил на улицу одновременно со звуком заведенного неподалеку мотора. Совершенно уверенный, что его опасения превратились в неприятную реальность, я подобрал валявшийся под ногами чехол с ружьем и в глубоком раздумье застыл посередине зала ожидания, недавний порядок и тишина которого были неизвестно кем и с какой целью приведены в состояние начальной стадии разгрома. Задуматься было над чем. Слишком уж много вопросов. Лишившийся машины майор сейчас вернется, и всем нам так или иначе придется отвечать на них. Зачем, например, разбили окно? Выскочить через него хотели? Бесполезно – решетки. Стулья опрокинуты. Значит, кто-то сопротивлялся. Рыжий? Сомнительно. Если, конечно, не считать его вопль сопротивлением. Тогда где он? Труп не наблюдается. Силой утащить его с собой у злоумышленника времени не было. Да и на фигу он ему нужен? Еще менее состоятельна версия, что Рыжий кинулся его преследовать. И почему именно его вещички оказались в столь расхристанном состоянии? Кстати, а где его полушубок, на котором он так уютно посапывал до появления майора?

Во мне все основательней крепло убеждение, что не было здесь никакого злоумышленника, а все происшедшее театр одного актера, устроившего с неизвестными пока целями не то собственное похищение, не то собственное таинственное исчезновение. Так что, судя по всему, подсобной рабочей силы я лишился, и теперь Дед, согласно предписанию из Института, должен отменить мой вылет на стационар. Не в этом ли все дело?

Заскрипела входная дверь, вошел хмурый и злой, как черт, майор.

– Ушел? – не столько спрашивая, сколько констатируя свершившийся факт, поинтересовался я.

– Снегоход у него за магазином стоял. Рванул прямо через летное поле. На моей развалюхе следом и пытаться нечего. Они там в области

джипами обзаводятся, а сюда все старье спихивают.

– Откуда у него снегоход? – удивился я. – Он со мной на машине приехал. Весь день на виду.

– Кто?

– Рыжий. То есть Кошкин.

– А при чем тут Кошкин?

– Если это кто-то другой, то Кошкин находился бы здесь в живом или не живом виде. А поскольку...

Я обвел рукой пустое пространство зала ожидания и демонстративно замолчал, предоставляя майору самому додумать недосказанную мною мысль.

– Логично, – вроде бы согласился со мною майор, но, подумав, возразил: – Только Кошкину на такие фокусы тям не хватит. Как у нас тут говорят – «вроде бы и можно, да никак нельзя». Не по Сеньке шапка. Да и цель не нащупывается. Везде смотрел?

– Что тут смотреть? Все на виду.

– Пренебрегаешь советами, Андреев, – раздался сверху голос Деда. – Логика в наших местах не всегда результативна. Думаешь, кому это надо, а оказывается, вообще никому не надо.

– Что вы имеете в виду, Юрий Борисович? – вежливо поинтересовался я, краем глаза успев оценить реакцию майора, который, услышав Деда, как-то болезненно сморщился.

– Элементарно, Андреев. Кому-то надо, чтобы ты через два с половиной часа вылетел на Глухую, а кто-то этого категорически не желает.

– Лично я того, кто этого желает, еще не встречал.

Дед стал медленно спускаться по лестнице.

– Ты же сам рассказывал о неожиданном героизме Кошкина. Зачем ему тогда, спрашивается, исчезать?

– А как тогда вы все это объясните? – кивнул я на окружающий погром.

– Показуха, – насмешливо хмыкнул Дед. – Зачем, если он такой умный, окна бить? Поймаю, уши надеру!

– Знать бы кого ловить, и я бы присоединился, – с невеселой усмешкой вмешался майор. – Вы бы, Юрий Борисович, за одно ухо, я за другое – и на солнышко. Не против?

– А я бы еще нашего научного сотрудника в угол поставил. Чтобы ответственно к подбору кадров относился.

– Видите, – повернулся я к майору. – Юрий Борисович тоже считает, что это Кошкин все устроил.

– Зачем? – с явной неохотой спросил майор.

Версия насчет Кошкина его явно не устраивала.

– Чтобы смяться.

– Он же тебе ясно сказал, что хотя и рыжий, но не дурак. Куда он тут смоеется? Часа через три будет сидеть у меня в кабинете и давать показания. Не он это, Андреев. Категорически не он.

– Мы его сейчас самого спросим, – неожиданно снова вмешался Дед. – На хрена он тут еврейский погром устроил? Вылезай, Кошкин, и рассказывай все по порядку. Лично мне очень хочется послушать, с какого такого перепугу у тебя лампочка перегорела? Где ты там заныкался? Выползай!

Я даже дыхание задержал, прислушиваясь. В ответ – мертвая тишина.

– Значит, труп, – подвел майор итог нашему напрасному ожиданию. – Вызываю наряд, пусть отыскивают и оформляют. Правильно товарищ Стерхов говорит – неудачный ты себе кадр подобрал. Он мне за эти два часа хуже горькой редьки надоел. Тебе без него только спокойнее будет.

– Ему без него вообще никак не будет. Имеется телеграмма – в единственном числе ему по технике безопасности не положено. Вылет твой, Андреев, по этой причине на сегодня отменяется. Идем чай допивать. Майор отдыхать поедет, а Кошкин пусть наряд дожидается. Они ему за беспокойство в пять утра таких пенделей навешают, сразу осознает, что не с того конца песню завел.

– А не сбежит? – неожиданно улыбнулся майор.

– Так ты правильно говорил, что бежать ему некуда, кроме твоей кэпэзухи. Надбавишь срок за развод на ровном месте и все дела.

Обитая толстым листовым железом дверь закутка авиакабеса, которой по всем правилам следовало находиться в надежно запертом состоянии, приоткрылась. Из образовавшейся темной щели проскрипел голос Рыжего.

– Из-за безвыходного положения предлагается добровольная явка с повинной. В противном случае уйду в полную неосознанку. По

причине нервного шока от недавней смертельной опасности.

– Ты сначала объясни, как оказался в запертом служебном положении, а потом насчет явки побазарим, – опередив майора, жестким начальническим голосом приказал Дед.

– Выходи, давай, пока силу не применили! – поторопил все еще скрывавшегося в темноте Рыжего майор. – И не вздумай картину гнать, если хочешь благополучно выйти из штопора.

– Так кто не хочет, кто не хочет? – запричитал, высовывая на свет помятую перепуганную физиономию, Рыжий. – Сижу здесь, ваши необоснованные обвинения выслушиваю – со всех сторон мне полный абзац получается. Только потухнуть теперь и остается.

– Ты нам по ушам не езди, – строго приказал Дед. – Зачем окошко разбил?

– Самому удивительно.

Рыжий, наконец, бочком протиснулся в узкую щель чуть приоткрытой двери и виновато потупил голову, не забывая, впрочем, во время своего последующего рассказа то и дело зыркать на майора оценивающим хитроватым взглядом. Видимо, боялся переборщить, рассказывая о своих недавних переживаниях. Полушубок он, оказывается, прихватил с собой и сейчас стоял, обхватив его обеими руками, как последнюю спасительную опору среди обрушившихся на него несчастий.

– Самому, говорю, удивительно, что выход отыскал. Как это самое накатило, думал, предел жизни наступает.

Майор не выдержал.

– У меня, Кошкин, терпение, между прочим, тоже на пределе. Или колешься вчистую, или протокол составляю с очень неприятными для тебя последствиями.

– По ухабистой дороге, граждане начальники, гладко петь не будешь. До сих пор нутро бултыхается. Стою я, значит, как вы велели, наблюдаю за окрестностями, прислушиваюсь. И начинаю приходить к выводу, что со мной какая-то ошибка природы произошла. Нет, на полном серьезе. Потерял сознание от свежего морозного воздуха. Со мной такое случается. Хотя, если честно, раньше исключительно по пьяни. В трезвом состоянии, можно считать, в первый раз. А по пьяни считать устанешь. Так что условный рефлекс получился.

– Что, что? – едва сдержав улыбку, поинтересовался я.

– Наука объясняет, что вырабатывается, когда случается неоднократное повторение. Я в прошлом году с одним ученым из Академии на эту тему побазарил. Так он мне объяснил... – Рыжий глянул на закаменевшее лицо майора и спохватился. – Это я насчет своих неправильных размышлений. Козе понятно, что он с самого начала там находился.

– Кто? – одновременно спросили я и майор.

Но Рыжий почему-то решил апеллировать ко мне.

– Вот вы, товарищ Андреев, как мой в настоящее время непосредственный начальник, могли предположить, что в особо охраняемом служебном помещении заныкался неизвестно кто в вооруженном до зубов виде?

– С этого момента, Кошкин, подробнее, – приказал майор.

– Слушаюсь. Излагаю, как в кино – кадр за кадром. Стою я, значит, к ней спиной, в самой непосредственной близости... – Рыжий с наигранной многозначительностью показал большим пальцем на приоткрытую дверь авиакабана. – Понятное дело, полная неожиданность, когда она ни с того ни с сего врезает мне прямоком по пятой точке. Всё, думаю, сейчас за храпок, как в прошлый раз, и в дамки. Был Кошкин – нет Кошкина. Так этот гад как ни в чем не бывало направляется к выходу и исчезает в неизвестном направлении. И хрен кому что докажешь.

– Файса его ты, значит, не разглядел? – едва сдерживаясь, проскрипел майор.

– Чего не разглядел? – удивился Рыжий, делая на всякий случай шаг в сторону от майора.

– На морду, говорю, он симпатичный или вроде тебя?

– А я видел его морду? Со мной в тот момент, извиняюсь, полное бздимо получилось. Думал, кончит он меня сейчас и все дела.

Рыжий неожиданно замолчал.

– Ну? – поторопил его майор.

– Даже не оглянулся. Прошел, как будто я не я, а неодушевленный предмет непонятного назначения.

– Куда прошел?

– На выход, куда еще.

– А потом, значит, вернулся?

– Кто?

– Кто мимо тебя прошел.

– На фига?

– Ну, чтобы окно разбить, бардак тут устроить, тебя в кассу затолкать. Орал он или ты?

– Так вы же сами приказали орать.

– Все, Кошкин, собирайся. Гнуть дугу следователю будешь.

– Нет, а кто гнет? Я, как маме родной, колюсь, все по порядку. Сами потом претензии предъявлять будете, что не оказал сопротивления.

– А ты, значит, оказал?

– Поднял кипеж и в кассу заныкался, чтобы вы по-быстрому преследование организовали. Ну и завис там как головешка – слушаю, как вы совещаеьтесь, и выйти стесняюсь.

– Допустим, так оно и было, – согласился майор. – Теперь докладывай про вооружение.

– Какое?!

– Напоминаю твое только что прозвучавшее заявление, что неизвестный, проследовавший к выходу, был вооружен до зубов. Чем вооружен? Автомат, гранатомет, пушка, обрез, двустволка? Что еще? Может, это вообще не мужик, а баба была?

Рыжий озадаченно молчал, уставившись на разбитое окно.

– Имею дополнительный вопрос, – вмешался Дед. – На хрена ты окно раздолбал?

– Так это... Для достоверности, – выдавил наконец Рыжий, напомнив мне двоечника у классной доски, признающегося в полной своей неспособности вразумительно ответить на заданный вопрос. – Под руку подвернулось.

– Сволочь ты все-таки, Кошкин. Он с автоматом, а ты нам преследование собрался организовать.

– Не было автомата, – обреченно признался Рыжий.

– А что было?

– Может, и было чего... – Голос Рыжего неожиданно окреп. Очевидно, его обладатель в своих лихорадочных поисках наткнулся на новую версию. – Может, он вообще этот самый... Типа Кашпировский. Гипнотизер, падла. Прикажет в отключку – и все дела. Скажет, стой – стою. Сказал, разбей окно – разбил. А чего? Если сам не знаю, зачем разбил. Полностью даже сходится. Все в цвет.

Я покосился на Деда. Тот приложил палец к губам. Судя по всему, требовал молчания про свое участие в заморочках Рыжего. Посмотрел на майора – тот демонстративно отвернулся от моего немого вопроса. Судя по всему, мой утренний вылет оказывался под угрозой срыва. Надо было немедленно выручать окончательно завравшегося Рыжего.

– Значит, так, друзья-однополчане, – развязно начал я, цитируя майора. – За окошко заплачу. Все остальное в целостности и сохранности. Кроме пятой точки моего лаборанта никто не пострадал. Что к чему и почему тут произошло, нам в ближайшее время все равно не разобраться. Мне лично оно без особого интереса. Да и у местных органов внутренних дел есть, по-моему, более важные факты для расследования. Поэтому... – Я замолчал, поочередно оглядев настороженно прислушивающихся к моим словам Деда, майора и Кошкина. Они терпеливо переждали паузу, которой я надеялся подчеркнуть значительность своих дальнейших слов. И только когда майор шевельнулся – мне показалось, что он хочет в очередной раз сунуть мне под нос кукиш, – я продолжил: – Поэтому, подчиненную мне рабочую единицу в лице Валентина Николаевича Кошкина беру на поруки на все время предстоящей экспедиции. Обещаю надежно охранять его от вооруженных неизвестных типа Кашпировского. Надеюсь... – Я снова выдержал паузу, которую мои слушатели снова переждали вполне терпеливо. – Надеюсь, что за время длительного совместного проживания вдали от соблазнов здешней цивилизации и ее криминальных представителей, мы с гражданином Кошкиным путем глубоких размышлений, воспоминаний, расспросов и детального анализа составим вполне приемлемую для заинтересованных лиц картину происшедшего. Я тщательно занесу её в «Полевой дневник» и после благополучного возвращения на Большую землю представлю для ознакомления, если она, конечно, к тому времени будет представлять для кого-то интерес.

Я даже устал от этой своей витиеватой тирады, которая, по моему мнению, должна была доказать слушателям, что молодой научный сотрудник способен принимать самостоятельные решения, а в случае необходимости и жестко их отстаивать. А уверенность и спокойствие, с которыми я попытался донести свое предложение, должны были доказать, что оно тщательно продумано и никакие возражения во внимание приниматься не будут.

К моему удивлению, возражений не последовало. Дед одобрительно хлопнул меня по плечу и пообещал вставить окно за счет заночевавшего по пьянке в кассе аэропортовского электрика, который выпросил у него ключ для временной изоляции от ревнивой и вздорной супруги, после завершения рабочего дня дважды наведывавшейся в аэропорт для отыскания бесследно сгинувшего непутевого муженька.

Объяснение Дедом недавних событий, по-моему, не очень понравилось пристально уставившемуся на него майору и минут на пятнадцать привело в ступор Рыжего, который плюхнулся на ближайшую скамью и застыл в позе роденовского Мыслителя, размышляющего над бессмысленностью прожитой жизни. Мне же обернувшиеся фарсом еще минуту назад зловещие и необъяснимые события уходящей в небытие ночи не принесли обязательного в таких случаях облегчения, а вот разочаровали почему-то изрядно. Стало обидно, что все недавние наши страхи и глубокомысленные размышления яйца выеденного, оказывается, не стоили. Неожиданно меня разобрал смех. Ведь я знал еще и то, чего не знали майор и Рыжий. Что в необъяснимой отключке подслушивающего Рыжего принимал самое непосредственное участие семидесятилетний ветеран Северного воздушного флота, сейчас с самым невозмутимым видом прикуривающий сигарету от зажигалки, вежливо протянутой ему руководителем местной милиции. Я уже открыл было рот, желая восстановить события во всей их юмористической полноте, красочно описав, как Дед временно выводит из строя не подозревавшего о такой подлянке Рыжего, но вспомнив предостережение Деда и чувствуя, что не справлюсь с напавшим на меня неуместным, как мне показалось, смехом, торопливо выскочил на свежий воздух. Но там, вместо того чтобы от души расхохотаться, неожиданно задумался.

На Востоке небо, словно оттаивая, уже начало освобождаться от морозной ночной темени. От этой мягкой, едва проклюнувшейся пасмурной серости тянуло сыроватым ветерком с отчетливым запахом уютного печного дыма от близких к аэродрому барачков, в которых уже светились несколько ранних окон. Видимо, недаром говорят, что утро вечера мудренее. Словно очнувшись, я вдруг ощутил настоящую потребность на полном, как говорится, серьезе оценить не только все

случившееся со мной в последнее время, но и все, что могло вскоре со мной произойти. Над этим действительно стоило задуматься всерьез.

– Что, Андреев, раздумываешь, под каким предлогом отказаться от полета в неизвестность? – раздался за спиной голос майора.

Снова я не услышал, как он подошел. Плохо. Сейчас следует быть особенно внимательным ко всему, что происходит вокруг. Вот так задумаешься – и врага прозеваешь. Вопрос только – какого врага? Какие у меня тут враги? Полная ерунда. Зла я никому не причинял, в чужие разборки соваться не собираюсь. В конце концов, орнитология самая мирная на свете профессия...

– Раздумываю, как не оказаться полным дураком в чужом раскладе, – не оборачиваясь, грубо ответил я.

– Спасибо за такие раздумья.

Пришлось повернуться. Майор строго и, как мне показалось, сочувственно смотрел на меня.

– Извините, не понял вашей благодарности.

– Значит, понимаешь, что в покое тебя теперь не оставят.

– Допустим. Какой в этом случае будет ваш совет?

– Возвращайся в институт. Не свет же клином на этой Глухой сошелся. Птичек везде хватает. А дельце это мы как-нибудь и без твоей помощи раскрутим.

– Часа два назад вы иное толковали. Передумали?

– Передумал. Жалко тебя стало. Где тебе со здешними аномалиями тягаться.

– А зачем с ними тягаться? Их надо изучать, уживаться, приспособливаться.

– Я не природные аномалии имею в виду. Человеческие. Изучать их еще можно, а вот уживаться – вряд ли. Если, конечно, сам не из их числа.

– Никаких аномалий в себе пока не замечал.

– Что характеризует тебя, как нормального homo sapiens. Поэтому возвращайся. Ей-богу, не пожалеешь.

– Да нет, – немного подумав, не согласился я. – Пожалее. Всю жизнь буду жалеть, если последую вашему доброму совету.

– Ну и дурак! А впрочем – уважаю. И на тот случай, если дурь окажется все-таки сильнее нормальной осторожности, приготовил тебе презентик.

Он достал из кармана какой-то прибор размером чуть больше папиросной пачки.

– Техника проста в употреблении, но весьма замысловата в исполнении. Друг из Японии привез как доказательство огромных возможностей самурайской полиции. Нажимаешь вот здесь... Открываешь... Как видишь, перед тобой всего одна кнопка. Жмешь на нее, и во второй такой же коробчонке, которая всегда будет находиться при мне, раздается звуковой сигнал, способный, говорят, мертвого разбудить. Сам не слышал, но инструкция утверждает, что так оно и есть. А не слышал, потому что штукавина эта разового использования. Это, конечно, ее серьезный недостаток, тут япошки не до конца все продумали. Но огромное преимущество этой штуковины в том, что даже на краю света, на дне океана, глубоко под землей сигнал будет действовать. Такая вот моща. И, значит, я буду точно знать, что с тобой беда, надо выручать. Но это, повторяю, произойдет всего один-единственный раз. Поэтому советую использовать, когда действительно припрет по полной и другого выхода просто не будет. Уразумел?

Без особых церемоний он засунул прибор в карман моей куртки и, не добавив больше ни слова, пошел к своей «Ниве», сиротливо приткнувшейся к забору жалкого приаэропортовского палисадника.

– Спасибо! – запоздало крикнул я, когда он уже садился в машину. Он обернулся, устало махнул рукой и потом минут десять пытался завести свою основательно раздолбанную здешним бездорожьем «Ниву». Когда, мигнув красным огоньком, машина наконец удалилась в направлении поселка, я все еще стоял на том же самом месте. Не хотелось видеть Рыжего, который в ближайшие два месяца будет единственным моим собеседником, не хотелось даже дослушать рассказ Деда – наверняка ни малейшего отношения к тому, что уже случилось и еще случится со мной, эти давние полумифические события не имеют. Поговорим с ним, когда вернусь. Выпьем чайку на дорожку и поделимся взаимными воспоминаниями. Это была очередная моя ошибка. И эта ошибка едва не стоила мне жизни.

* * *

Вертолетчики особо не мудрили – летели над рекой, изредка срезая ее замысловатые петли. По реке шла шуга, впрочем, еще не особо густо, а на перекатах и вовсе жиденькая – морозов серьезных пока еще не было, а на ближайшее время синоптики даже обещали потепление, которое, не исключено, начисто слизнет несвоевременную сентябрьскую заснеженность. Меня этот прогноз не радовал – легкий морозец и устойчивый снежный покров куда предпочтительнее сплошной мокрети и раскисшей, скудной в этих местах лесной подстилки, по которой каждые два шага в гору обернутся десятью шагами вниз на заднице. А к обрывистым глинистым берегам реки и протоки лучше вовсе не подходить близко – поползешь вниз с нарастающим ускорением. Я потому и просил вылететь пораньше, чтобы успеть переправиться по остаткам морозца и недавнего снежного ненастья.

Рыжий после бестолковой бессонной ночи и торопливой погрузки всем своим видом демонстрировал предельную, на грани изнеможения усталость. Едва забравшись в вертолет, он немедленно устроился на мешках с грузом и, укрывшись с головой полушубком, мгновенно отрубился от всяческих контактов с окружающей действительностью. Полтора часа полета он благоразумно решил использовать для отдыха перед предстоящими трудами по выгрузке и обустройству нашего полевого быта. О возможной посадке не на косе у стационара, а на противоположном обрывистом берегу протоки или островке посередине реки с дальнейшим ее непростым форсированием я решил заранее ему не говорить, дабы не травмировать его и без того пострадавшую за ночь психику.

Все время полета я не отрывался от блистера, внимательно вглядываясь в однообразный до уныния пейзаж лесотундры. Пока, кроме черной ленты реки, то и дело исчезающей из поля зрения, глазу буквально не за что было зацепиться. Горы появились вдруг, выплыли откуда-то сбоку, хотя не исключено, что я просто задремал минут на десять, утомленный созерцанием белесого, никак не приближающегося горизонта, а потом вдруг открыл глаза, вздернутый изменившимся гулом двигателя. Мы подлетали к хребту. Горизонт исчез. Острые изломы заснеженных вершин, приближаясь, вскоре загородили почти все видимое пространство. Это был уже совсем другой мир, разительно непохожий на безликое однообразие

усыпившего меня пейзажа. Он действительно появился вдруг, даже если брать в расчет мою недолгую дремоту. Только что бесконечная снежная равнина, расплывчатая муть раннеутреннего неба, а сейчас – торопливые уколы солнца, от которых сразу заслезились утомленные бессонной ночью глаза. Солнце, вынырнувшее в узкую щель на мгновение приоткрывшегося сбоку распадка, тут же скрылось за острой гранью круто ниспадавшего снежника, потом быстро прокатилось по седловине между двумя гольцами, ослепило приоткрывшимся и сразу исчезнувшим пространством, заполненным сверкающими горными вершинами, и исчезло. Теперь вертолет медленно и, как мне показалось, очень долго летел вдоль черной отвесной стены. Очевидно, летуны, спрямляя маршрут, отвернули от размашистого изгиба реки и через прорезавшее хребет ущелье круто повернули на север. Снова, только уже с другой стороны, вынырнуло солнце, и непроницаемо черная стена все никак не кончавшегося разлома вдруг высветилась такими переливами красок, что у меня зарябило в глазах. В памяти торопливыми беспорядочными отрывками всплывали строки прочитанной перед вылетом в экспедицию статьи в популярном научном журнале, решившем опубликовать дотолее неизвестные широким читательским массам сведения о почти неизученном крае, расположенном на крайнем северо-востоке России.

«За свою долгую геологическую историю материка нашей планеты то объединялись в один суперконтинент, то вновь распадались. На рубеже архея и протерозоя (примерно 2,5 миллиарда лет назад) было двадцать континентов. В раннем протерозое – тринадцать. Сейчас шесть...»

Нет, не то. Что-то там было про вулканический пояс.

«Вулканические пояса активных континентальных окраин хранят богатейшие клады драгоценных металлов и минералов – серебро, золото, ртуть, олово, медь, молибден, разнообразные драгоценные и поделочные камни. Один из таких вулканических гигантов – Охотско-Чукотский пояс, образовавшийся в позднем мезозое, 90-100 миллионов лет назад. Пояс тянется почти три тысячи километров по северному побережью Охотского моря, затем через вершины рек Омолон, Анадырь, Чаун, Амгуэма. Это самый крупный во всей плеяде вулканогенов восточной Азии».

И еще там что-то было, кажется, про разноцветные горы...

«Особое внимание среди развалин вулканического гиганта стоит обратить на ярко раскрашенные горы. Они не просто красивы. Специалисты знают, что именно такие яркие породы нередко указывают, что здесь могут быть золотосеребряные и другие месторождения».

Статья эта тогда меня так заинтересовала, что я перечитал ее дважды или трижды. Ведь в ней говорилось о местах, в которых мне вскоре предстояло оказаться. Правда, наш будущий стационар располагался не в самих горах, а на краю обширной речной долины, северо-западная сторона которой переходила в тундру, а на юго-востоке ее подпирали горы почти не исследованного хребта, изрезанного глубокими распадками и разломами. Так что еще задолго до того, как мне стало известно о трагедии, случившейся два года назад в месте моего будущего базирования, я уже прикидывал возможность хотя бы ненадолго навестись в эти таинственные горные отроги, чтобы хоть краешком глаза полюбоваться на фантастические нагромождения останцев и многоцветье горных пород, выдавленных на поверхность активной вулканической деятельностью.

Вот они эти разноцветные горы, совсем рядом. Не успел я еще толком осмыслить фантастическое зрелище, как вертолет плавно стал заваливаться вниз и в сторону, покидая ущелье, по которому мы летели не меньше получаса. Мы снова летели над рекой, петляющей по подпираемой отрогами хребта долиной. От гор вплоть до реки плотно стекала таежная чернь, а за рекой, почти до самого горизонта, распахнулось водное пространство озера, отделенного от нее множеством протоков и стариц.

Вертолет уверенно пошел на снижение, и я догадался, что мы подлетаем к месту высадки. Мою догадку подтвердил выглянувший из кабины второй пилот, жестом позвавший меня к себе. По пути я разбудил Рыжего, чтобы предстоявшее десантирование не оказалось для него неожиданностью. Пусть заранее оценивает, в какой точке зависшего внизу пейзажа стоило без ущерба для здоровья и дела выгружаться самим и выкидывать груз.

На правом берегу, в месте впадения в реку бурной взъерошенной почти до сплошной белизны речушки, вытекавшей из узкого, зажатого скалами распадка, угадывалась полузатопленная осенним паводком каменистая коса. По тому, как отрицательно покачал головой первый

пилот, я понял, что этот вариант даже не обсуждается. Жаль. От косы до сруба нашего будущего жилья, отчетливо видного сверху сквозь ржавчину еще не совсем опавшей хвои лиственничных ветвей, было метров сто, не больше. Пришлось указать на подсказанный Арсением небольшой островок посередине реки, расположенный примерно на полкилометра выше по течению и основательно окантованный плавником. Места для выгрузки на нем с горем пополам хватало, не более того. Я был уверен, что летуны садиться не рискнут, зависнут посередине над небольшим заснеженным пятачком, более-менее свободным от паводкового речного мусора. Так и получилось. Рыжий, еще не вполне сориентировавшийся со сна, сунулся было к открытой механиком двери, но тут же попятился назад, разглядев, что до земли не меньше двух метров. Крикнув, чтобы тащил к выходу груз, я удачно спрыгнул вниз. Груз полетел следом не сразу, видимо, мой временный помощник, наконец-то оценив обстановку, пребывал в очередном ступоре от увиденного. Ящики, мешки и тюки начал выкидывать механик, и лишь самый тяжелый тюк с резиновой лодкой, палаткой и рулоном брезента они выкинули вместе, после чего, перекрестившись, на остров тяжело приземлился Рыжий, сразу же изобразив, что приземление нанесло его организму очередную травму.

Он довольно долго сидел на снегу, глядя вслед удалявшемуся вертолету, и лишь окончательно оценив обстановку, уныло констатировал:

– Ни себе хрена! Ума нет, в магазине не купишь. Попал в замануху.

– О чем речь, если не секрет? – развязывая тюк с лодкой, поинтересовался я с нарочитой веселостью.

– Выдвигаю категорическое требование: пластаться, как папа Карло, не собираюсь. В договоре обозначено – подсобная работа. Подсобная! Подсобить – согласен. Отабориться, печку растопить, пожрать сгношить – с нашим удовольствием, как по штату и за соответствующую оплату положено. А с этим тоннами корячиться через водное препятствие на резиновом плавсредстве – лучше сразу к соседу на веселую беседу.

– Это ты о чем?

– Не послушал добрых людей, вот и занесло в неворотимую сторону. Это же не лодка, а гондон штопанный. На первой же ходке на

дно пойдём. Шуга дуrom прет. Чиркнет первой же ледышкой – и ваши не пляшут. Была экспедиция по птичкам, станет по рыбкам. Я, между прочим, плавать с детства не научен. Организм воду в больших количествах не выдерживает. Ни внутри, ни снаружи.

– Предлагаешь здесь остаться? Оставайся. Только с рыбками все равно придется познакомиться в самое ближайшее время.

– С каких таких радостей?

– С таких. На карте этот островок километра полтора. Сколько от него, на твой взгляд, осталось? На глазах растворяется. Пока мы тут с тобой базарим, вон та бревешка в дальнее плавание отправилась. Хотя вполне устойчиво находилась на берегу, когда мы приземлялись.

– Так на фига мы здесь приземлялись?! Места вокруг мало? – на грани истерики заверещал Рыжий и пнул ни в чем не повинный ящик с продуктами.

– Другой вариант километрах в пяти через болото и протоку. Отсюда все-таки ближе. Согласен?

– Может, и ближе, только я не водоплавающее.

Я, конечно, не принимал всерьез капризы своего помощника, но поставить его на место следовало сразу, а то повадится качать права по каждому поводу и без оногo. Нароботаешь с ним тогда. Ходи и оглядывайся. Нет уж, ты у меня сам оглядываться будешь. Я раскатал лодку, достал насос.

– Согласен, не водоплавающее. И не пернатое, само собой. Скорее – парнокопытное. И тут я тебе, прости, ничем помочь не могу. Принимай собственное решение. Можешь плотик соорудить – плавника вокруг хватает. Плотику шуга не помеха. С вашим подорванным организмом, гражданин Кошкин, тут делов всего денька на три. А мне после веселенькой ночи, которую ты нам устроил, хочется выспаться в тепле и уюте. Жилище наше – насколько я рассмотрел – вроде цело. Так что оставайся. Да и мне спокойнее. Вдруг опять кто-нибудь заявится тебя за храпок потрогать. А здесь ты почти в безопасности. Нечистая сила, говорят, на островах селиться избегает.

Я заработал насосом, и бесформенное полотно резины стало довольно быстро принимать плавательные очертания. Рыжий пока молчал и внимательно следил за каждым моим движением. Когда я подтащил лодку к воде и стал загружать ее первой партией груза, он

демонстративно отвернулся и сделал вид, что заинтересован пролетом небольшой стаи гусей, лениво взлетевших с ближней к нам протоки. Судя по всему, решил держаться до последнего. Ну что ж, посмотрим, что будет дальше.

Изредка отталкивая веслом тонкие льдинки шуги, я благополучно спустился по течению до полузатопленной косы, откуда до места нашего будущего жилья рукой подать. Разгрузился и, не утерпев, по отчетливо видной крутой тропе поднялся к срубам избы-палатки.

Не скрою, немного волновался. Почти таким и представлялось мне это место, после неоднократного перечитывания страниц «Полевого дневника» Арсения и канувшей в неизвестность Ольги. Только сейчас все вокруг было занесено снегом, который, впрочем, уже начал оседать под лучами солнца, окончательно пробившегося сквозь серую муть нехотя отступавшего ненастья. Снега, кстати, здесь было значительно меньше, чем в основательно занесенном поселке и его окрестностях. Даже желтоватые от опавшей лиственничной хвои проплешины образовались. Судя по всему, скалистый уступ распадка прикрывал это место от северо-восточного ветра, а небольшой лесистый увал, уткнувшийся в реку чуть выше по течению, отгораживал его от бессмысленной круговерти шальных вихрей, неизбежных в любом предгорье. Вот и получилась своеобразная ниша небольшого плоского уступа, на котором довольно уютно расположился наш стационар. А уступ этот, насколько я успел разглядеть с вертолета, был первой ступенькой от реки к отрогу невидного отсюда хребта. Для почти удобного проживания Арсений выбрал это место безошибочно. Вряд ли вокруг нашлось бы еще такое защищенное и устроенное место. Вон там, под скалой, в небольшом гроте можно будет сложить вещи, которые не поместятся в палатке. Справа от ее сруба лежало несколько ошкуренных и уже почерневших от времени лиственничных бревен – очевидно, Арсений планировал нарастить его еще на пару венцов. Что мы и сделаем с моей подсобной рабочей силой в самое ближайшее время. Печку он, видите ли, собрался топить! Ты мне для этой печки дровишек напластаешь минимум до новогодних праздников. Да, а целая ли печка? Не умыкнул ли ее кто-нибудь из продолжавших шарить окрест любителей «охотничать, плотничать, по рыбке вдарить, золотишко пошарить» – так, кажется, обозначили свой социальный статус первые мои

знакомцы в этих местах, в подозрительной компании которых до недавнего времени состоял Рыжий. Помнится, когда я рассказал Птицыну об этом незадавшемся знакомстве, он пренебрежительно махнул рукой:

– Пираты. Их тут с того времени знаешь сколько развелось? На великий фарт надеются. А фарт дураков не любит.

– Почему дураков? – не утерпел я.

– Потому что за фартом гоняться – без штанов остаться. – И, помолчав, добавил: – И без души.

Справившись наконец с какой-то непривычной для меня внутренней нерешительностью, я откинул основательно потрепанный временем и непогодой брезент, прикрывающий раму отсутствующей двери, и заглянул в темное нутро избы-палатки. После солнечного света не сразу разглядел нары, грубо сколоченный небольшой стол, придвинутый к ним вплотную, несколько пустых деревянных ящичков из-под продуктов, кучей сваленных в угол, и – слава богу! – совершенно целую, довольно большую и, судя по всему, тяжеленную железную печку, сварганенную, видимо, слесарем-умельцем из поселка, а, не исключено, и самим Арсением. Длинное колено железной трубы лежало рядом и было почти не тронуту ржавчиной – неопровержимое свидетельство того, что крыша (грубоватый накат из плотно пригнанных жердей, покрытых двумя слоями брезента), как ни странно, выдержала испытание местными погодными условиями. Сыростью в палатке почти не пахло, и мне показалось вполне уютным ее полутемное пространство, особенно в сравнении с диковатыми нежилыми просторами якобы аномальных окрестностей. Пока, честно говоря, ничего аномального я вокруг не ощущал.

Когда глаза обвыкли в полутьме, я вдруг разглядел в изголовье нар какое-то тусклое цветное пятно. Показалось – аккуратно сложенная старая рубашка. Я подошел ближе. Правильно показалось. Старая выцветшая ковбойка. Размер явно не на Арсения. На подростка. Или на женщину. А поскольку детей здесь категорически быть не могло, женщин, кроме таинственной Ольги, здесь тоже наверняка не бывало, значит, это ее ковбойка. Даже намек ни на какие другие вещи в этом скудном жилище не было – то ли следователи, то ли иная какая шатия-братия подмела все подчистую. Оставалось только гадать, почему осталась нетронутой улика, свидетельствующая о том, что женщина

здесь все-таки была и ее непонятное исчезновение не было выдумкой. Вот только никак не тянула слегка полинявшая ковбойка на двухгодичное пребывание в нежилом пространстве недостроенного жилья. Я осторожно взял ее в руки. Не слежалась, не отсырела, не покрылась пятнами плесени, что непременно должно было случиться за это немалое время. Мне даже показалось, что ее надевали совсем недавно, неделю-другую назад, не больше. Сам не знаю, почему именно этот срок пришел мне в голову, но от этого бездоказательного в общем-то прикида виски укололо пульсирующей болью, которая с некоторых пор стала беспокоить меня в минуты сильного волнения. Случилось такое после того, как меня и моего приятеля спелеолога завалило в одном из многочисленных ответвлений почти неисследованной пещеры в верховьях Енисея. Пришлось почти трое суток в крошечной тьме выкапываться на свет Божий.

Меня вдруг неодолимо потянуло на свежий воздух, и, не выпуская из рук рубашку, я попятился к выходу, споткнулся о загремевшую печную трубу, выскочил наружу и неожиданно услышал за спиной в палатке какой-то не очень понятный звук, похожий на недовольное рычание растревоженного моим появлением и шумом зверя. Поскольку палатка была явно пуста, я решил, что мне показалось. Но на всякий случай осторожно обошел ее по кругу. Не было никакого зверя и никаких следов. Уверовав, что рычание мне показалось, я снова стал разглядывать оказавшуюся в моих руках ковбойку. Встряхнул несколько раз и даже поднес к носу, принюхиваясь. Очевидно, только мое разыгравшееся воображение воодушевило меня уловить едва различимый запах. Это был запах женщины. Красивой женщины. Примерно такой, какой была исчезнувшая Ирина. Или, судя по рассказам, очень похожая на нее Ольга.

«Не сходи с ума!» – оборвал я себя на полумысли о том, что вдруг это действительно могла быть одна из них, и что именно сейчас я прикоснулся к тайне...

«Никаких тайн, никаких аномальностей! Все просто и совсем не интересно. Рубашка лежит здесь черт знает сколько времени, и черт знает сколько может оказаться причин для ее появления».

И в это время в той стороне, где на островке робинзонил покинутый мною Рыжий, раздался выстрел. Секунды три спустя –

другой. У меня снова закололо в висках, и я чуть ли не кубарем скатился по крутой скользкой тропе к вытащенной на косу лодке.

Выгребать на большой резиновой лодке против течения было бессмысленно. Взвалив лодку на себя, я волоком потащил ее по узкой полоске берега вверх по течению, к островку, на котором по какой-то причине запаниковал Рыжий. За невеликим мысом увала, упершимся в воду, показалась наконец оконечность островка. Но от скалистого мыса мне туда не выгрести. Обойти на лодке против отбойного течения тоже вряд ли. Сплавляясь к косе, крепко раздосадованный забастовкой своего помощника, я как-то упустил это из виду и теперь стоял в нерешительности – то ли тащить лодку на скалу и перевалить мыс, то ли сунуться все-таки в воду? Интересно, какая там глубина? Если по пояс, то можно рискнуть... Я еще раз посмотрел на островок и увидел наконец бегущего по направлению ко мне Рыжего. В одной руке он держал ружье, а другой показывал на противоположный берег и что-то кричал. Противоположный берег, в отличие от крутого «нашего», был низкий и песчаный, густо поросший ивняком. Протащить по нему волоком лодку вверх, за островок, пара пустяков. Решение напрашивалось само собой. Кажется, и Рыжий, размахивая руками, подсказывал тот же самый вариант. Я шагнул в лодку и что было сил стал грести к противоположному берегу. Не так уж сильно меня снесло. Через полчаса я был уже на островке и с угрожающим видом направился к Рыжему, который к тому времени снова оседлал ящик с продуктами. Не говоря ни слова, я забрал у него ружье и постарался поймать взгляд его беспокойно избегавших меня глаз. Наконец он не выдержал и, виновато кашлянув, пробормотал:

– Одному не страшно, а вдвоем веселей.

– Ладно, давай повеселимся. Рассказывай, кто тебя в этот раз за храпок уцепил?

– Так это... Полностью осознал свое парнокопытное неправильное поведение. Верно бывалый народ говорит: «Кто в тайге не бывал, тот Бога не знает». А в здешней заманухе вовсе каждый ноготок с локоток.

– Кончай про народ, про себя давай. Зачем стрелял? Какой локоток на этот раз показался?

– Я, Алексей Юрич, это дело так осознал. Полный крутяк получается, если хорошенько подумать. Лично с моей стороны теперь

только полное с вашими указаниями согласие.

– Конкретно, о чем базар, как твои друзья любят выражаться?

– Конкретно? Конкретно я тут курятник на окружающие окрестности растопырил, когда в полном одиночестве остался. Тишина вокруг наступила, можно сказать, всемирная. И появилось у меня осознание, что на тыщу километров, кроме нас, ни живой души. Хотя, наверное, это категорически неправильный вывод.

– То есть?

– Бывалый народ предупреждал: «Места здесь, как на велосипеде по минному полю кувыраться». Жутко мне по этому поводу стало. Всех святых со страху вспомнил, каких и знать не знал. А тут еще вас не видать, не слышать продолжительное время. Вдруг случилось чего? Тогда мне только доски для ящика пилить останется.

– Какого ящика?

– Так это... Для последнего путешествия. Домовина по-нашему. Если по-честному, предчувствия у меня сейчас самые похабные. Задницей чую – балан на хвосте.

– Что за балан?

– Наблюдение за нами ведется. Мы в данный момент, как вошь на барабане – прыгай, не прыгай, все равно все видать.

– Кому видать?

– И узнаешь кому, так все равно деваться некуда.

– Я смотрю, здорово тебя сегодняшняя ночка зацепила. До полной неадекватности. Будешь теперь от каждого куста шараться. Как мне с тобой дальше проживать прикажешь? Дам, пожалуй, сейчас радиogramму, чтобы вертолет развернули по причине острого психического заболевания гражданина Кошкина. А я уж тут сам как-нибудь. Без такого помощника только спокойнее будет.

Судя по тому, как бойко Рыжий соскочил с ящика и даже руками замахал, протестуя против моего предложения, он, кажется, принял его всерьез и оно его явно напугало.

– Так это... Полное непонимание с вашей стороны. Я чего имел в виду – много хочется, да не все может. Зачем зря мозги летунам парить. Они за этот крутой поворот такую деньгу заломают, никаких птичек не хватит рассчитаться. Я, между прочим, тоже заинтересован в новых научных открытиях.

– Заинтересован?

– Вот те крест!

– Тогда загружайся. До темноты надо успеть полноценное жильё обустроить. Печку натопить, уху сообразить. Говорят, рыба тут сама в котелок запрыгивает...

Моя покладистость явно обрадовала Рыжего. Похоже, он ожидал более крутого наезда. Ну, это я ему еще устрою при следующем взбрыке. Но если относиться к случившемуся всерьез, то надо поиметь в виду, что не так прост этот бичара. Что-то в его поведении и путаных объяснениях явно лишено и элементарной логики, и практического смысла. Зачем, спрашивается, надо было устраивать этот «бунт на корабле»? Дураку понятна полная бесперспективность и даже опасность подобного оскаливания зубов. То, что он быстро сообразил это и пошел на попятную, объясняя, что испугался якобы каких-то «баланов» и «всемирной» тишины, в совокупности с прежними моими подозрениями, меня не успокоило, а, скорее, насторожило. Концы с концами в поведении Рыжего явно не сходились, и я еще и еще раз дал себе установку на повышенную бдительность не только по отношению к окружающей местности, о чем меня настойчиво предупреждал Арсений в своих письменных инструкциях, но и к не вполне адекватной рабочей единице, наличие которой рядом со мной, судя по событиям последних суток, может оказаться не столько помогающим, сколько озадачивающим и мешающим фактором. При случае я решил расспросить Рыжего о наиболее значительных обстоятельствах его прошлой жизни и тогда уж окончательно определить его место либо среди жертв независящих от него обстоятельств, либо, как я неуверенно предполагал еще несколько часов назад, среди личностей, которые эти обстоятельства организуют, преследуя при этом какие-то свои цели. И в том, и в другом случае мне предстояло не очень простое совместное проживание с человеком, предсказать поведение которого с точностью до доверия и уверенности в результате я был не в силах. Во всяком случае, пока.

* * *

Сначала с небольшим количеством груза я перевез на косу Рыжего, наказал ему перетащить уже перевезенные вещи к палатке,

растопить печку, нарубить лапнику на нары и вообще привести в порядок жилье, в котором нам предстояло обосноваться на немалое количество дней.

Когда после четвертой ездки я подплывал к косе с последней частью груза, дымок топившейся печки, зависший в безветрии между серыми стволами лиственниц, и отсутствие на косе большей части перевезенного мною груза подсказали, что Рыжий, кажется, вполне удовлетворительно справляется со своими обязанностями. Но очень скоро стало ясно, что с выводами я поторопился. Когда, взвалив на плечо тяжелый ящик, я с трудом преодолел подъем по скользкой тропе, то увидел, что дымом тянет вовсе не от топящейся печки, а от небольшого костерка, разложенного поодаль от палатки. Рыжий же, вооруженный топором, старательно обтесывает нечто вроде рогатины из ствола молоденькой пихты, на которую, покидая палатку, я аккуратно пристроил таинственную ковбойку. Сейчас она валялась на снегу, еще отчетливее подчеркнувшем ее почти не вылинявшие краски. Заметив меня и предупреждая мое законное недовольство увиденным, Рыжий закричал, словно я стоял не в десяти шагах от него, а на другом берегу реки.

– Объясню, шеф, что ствол вы у меня понапрасну изъяли. В этих местах находиться в невооруженном виде опасно для жизни. Что и происходит в настоящее время.

– Что у тебя опять происходит?

– Объясню. Захожу в наше будущее научное помещение, чтобы привести его по вашему распоряжению в соответствующее для отдыха и работы состояние, так на меня самым наглым образом кто-то рычит. По технике безопасности находиться там не имею никакого права. Из-за отсутствия средств защиты. Поэтому в настоящее время нахожусь на прилегающей территории. Дожидаюсь вас и готовлюсь к возможной защите подручными средствами.

– Защите от кого?

– Конкретно сказать затрудняюсь. Но животное крупное, по голосу очень даже понятно. И понужнуть ее без оружия вряд ли.

Вспомнив, что мне, когда я выходил из палатки, тоже показалось какое-то рычание, я, не говоря ни слова, смотался к лодке за оставленным там ружьем, и минут пять спустя мы с Кошкиным

осторожно вошли в палатку и прислушались. Ни звука. Я постучал прикладом по нарам, шумно сдвинул с места стол – тишина.

– Это самое... – неуверенно предположил мой напарник. – Галлюцинация. В ушах тоже иногда хрень всякая кажется. После сегодняшних событий нервы требуют капитально ремонта. Грамм по сто хотя бы. Для приведения в нормальное состояние.

– Одна и та же галлюцинация у разных особей научно исключается. Мне тоже что-то подобное показалось. Может, сквозняк? В щель какую-нибудь задувает...

– Запросто, – легко согласился Рыжий. – Этому заведению тоже капитальный ремонт требуется. А то мороз врежет, так мы очень даже заскучаем. Для зимовки здесь полное фуфло.

– Считай, что это твоя программа на ближайшие дни, – подвел я итог нашим поискам. – Затапливай печь, наводи порядок. Я перетащу оставшийся багаж, потом пробежусь со спиннингом до переката. Уха – лучшее средство от галлюцинаций. А на новоселье и под уху нервы твои полечим.

Увидев, как радостно потер руки Рыжий, я счел нужным добавить:

– Чисто символически, гомеопатической дозой.

– Не понял, – насторожился Рыжий. – Если эту гомодозу на граммы перевести, это по сколько на нос?

– Кажется, кто-то на сто грамм намекал. Примерно в этих объемах.

– Для гомика, может, достаточно, для нормального мужика с тридцатилетним стажем сплошное унижение.

Кошкин искоса оценил мою не улыбку реакцию.

– Понял. Больше не возникаю. Сто рублей тоже деньги, когда жрать нечего. Приступаю к выполнению.

Теперь уже он споткнулся о загремевшую печную трубу, после чего, попятившись, наткнулся на грудку старых ящичков. Ящички рухнули ему на ногу, пострадавший отозвался на очередную травму замысловатым ругательством, и раздавшееся в ответ из-под нарычание уже не оставило нам места для сомнений – там затаился какой-то зверюга.

Неожиданно я почему-то вспомнил про пса, по которому так горевал Омельченко. Карай, кажется? Он ведь бесследно исчез где-то в этих местах. Вдруг этот раненый одичавший пес дополз до ближнего

человеческого жилья, давно покинутого его обитателями, да так и остался, дожидаясь хозяина или любого, кто рано или поздно должен был здесь появиться. Появились мы с Рыжим.

Моя подсобная рабочая сила, бодро слиняв за пределы палатки, тут же начала подавать мне советы, не лишённые, впрочем, здравого смысла.

– Я это... Полешку с огоньком сейчас туда закину. А вы полезайте на нары и доски в углу пошерудите. Она точно там в углу находится. Как выскочит, так сразу стреляй.

– Кто, по-твоему, выскочит?

– Поднять бы ей губы, да заглянуть в зубы.

– Кому ей?

– Животной этой. Заняла чужую квартиру, да ещё рычит, падла. Сейчас мы ей крутую разборку устроим. А шкуру, если не будете претендовать, я себе на большие почки замастрячу в связи с приближающимися суровыми погодными условиями.

– Плохая примета делить шкуру неубитого медведя, – с деланой серьёзностью предостерег я расхраб्रившегося за пределами палатки помощника по быту.

Рыжий замер. Мысль о медведе, судя по всему, ему не очень понравилась.

– Так это... Если медведь, то по технике безопасности, конечно... С другой стороны, мы что теперь из-за него – переселяться должны? Ему один фиг, где лапу сосать, а у нас научная работа срывается. И жрать охота.

– Предлагаешь, значит, выселить неприютную животину?

– А её что, звал кто? Это званый – гость, а незваного черт принес.

И снова мне показалось, что Рыжий валяет дурака. Даже полный профан в таежной зоологии догадался бы, что под нары не то что медведю, собаке крупных размеров пришлось бы на брюхе заползать.

– Тащи полешку! – согласился я. – Да топор прихвати на всякий случай.

– По технике безопасности на всякий случай самое то, когда не знаешь, чего там находится. Может, вообще хрень какая-нибудь. Смертельно опасная для жизни. У меня, шеф, другая мысль появилась. Мы тут вон какой кипеж устроили, а движухи ноль целых фиг

десятих. Раз не проханже ее на испуг взять, будем брать за слабое место.

– Излагай, – заинтересовался я. – Какое, по-твоему, у неизвестной животины слабое место?

– У любой животины, – поправил меня Кошкин. – В том числе человека. Объясняю. Дыхалка.

Я все еще не понимал.

– И как ты предлагаешь до нее добраться? До дыхалки.

– Исключительно с безопасного расстояния. Полешку из костерка, сверху охалку чего поскорее из окружающего мусора, закрываем дырки, щелки, окошко, выдвигаемся за пределы помещения и терпеливо ждем. Ствол держим на стреме во избежание непредвиденной ответной реакции. Минут через двадцать нарисуеться как миленькая. Тут мы ее и шамальнем. А то рычит, как у себя дома. Никакого понимания, что нам тоже жрать хочется. Одобряете?

Возражений у меня не нашлось, я согласно кивнул.

Не потребовалось и десяти минут ожидания. Недовольно порывивая и отфыркиваясь, из-под дверного брезентового полога неторопливо выбрался лохматый медведеподобный зверь, огляделся, привыкая к бьющему прямо в глаза послеполуденному солнечному свету, и так же неторопливо, припадая на переднюю лапу, двинулся в сторону распадка. Это была росомаха.

– Шмаляй! – заорал отбежавший за мою спину Рыжий.

Я поднял было ружье, но тут же опустил, вспомнив просьбу Арсения сделать ночной снимок росомахи, выбирающейся из своего убежища где-то в верховьях шумевшей в распадке речушки. Росомаха скрылась за большим камнем, а Рыжий, не в силах сдержать недовольство моим непонятным для него поступком, виртуозно матерился, избегая, впрочем, поминать моих близких и мою способность не попасть в настырную животину с исключительно близкого расстояния. Из чего я сделал вывод, что за последние сутки сумел все-таки внушить ему какое ни на есть уважение.

– Не суетись, – оборвал я его трехколенные рулады. – Это лохматое чудище, *gulo borealis* по-латыни, а по-русски росомаха, пригодится нам для дальнейших научных опытов. Теперь проветривай помещение и давай устраиваться. Давно уже пора подкрепиться и отдохнуть.

– Без вопросов, – козырнул Рыжий. – Только если эта гуля-буля еще раз приканает, никакой ответственности за сохранность казенного имущества без вооружения нести отказываюсь. Без вооружения я не при делах.

* * *

– Переклеиваться, шеф, мне генетика не позволяет, – пустился в откровения Рыжий, употребив повторные сто грамм, на которые я расщедрился, когда поздним вечером мы блаженствовали в своем приведенном в порядок и жарко натопленном жилище. – Имеется в виду нездоровая наследственность. Дед, говорят, четверть мог запросто употребить под хорошую закуску. Батя тоже себя не ограничивал в борьбе за уничтожение всех видов отечественного алкоголя. А поскольку без корня и полынь не растет, то и мне в ту же сторону пришлось подаваться. Только за балдежника меня не держи. Нет, случается, конечно, когда компашка ништяк или настроение ниже среднего. Но в остальное время вполне осознаю свое несовершенство и пытаюсь соответствовать.

– Чему? – поинтересовался я, несколько подрастерявшись от замысловатого монолога заметно захмелевшего собеседника.

– Так это... Окружающему течению жизни. Которое, как в той самой водной артерии, на берегу которой в настоящий момент находимся. Также всякой хренотени хватает: шиверы, старицы, омутки, протоки, мели, завороты, повороты, острова всякие. Вроде того, с которого еле ноги унесли. Сижу я на нем в одиночестве, размышляю, на какую струю меня в следующий момент выносит. И неожиданно наблюдаю странное явление... Если интересно, могу обрисовать.

– Обрисовывай, – разрешил я.

– Это самое... Еще бы маленько добавить для мозгового просветления. Переднее колесо подмажешь, заднее само пойдет. А то все последние события мою бестолковку так запутали – сплошное омрачение на нервной почве.

Рыжий взъерошил свои давно не стриженные волосы и вопросительно уставился на меня.

– Только ради новоселья, – выдержав нравоучительную паузу, согласился я. – И до конца экспедиции больше ни-ни. Нарушаю, между прочим, все свои принципы ради вашего душевного спокойствия, Валентин Николаевич.

– С пользой для общего дела, – нетерпеливо заерзал Рыжий, придвигая ко мне кружку. – Правильно соображающая штатная единица залог успешного и плодотворного сотрудничества.

Меня снова удивило, как легко переходил Рыжий со своего обычного полублатного сленга на вполне грамотный, почти интеллигентный язык, которым бич с наследственностью, отягощенной роковым российским пристрастием, владеть вроде был не обязан. Но заинтересованный обещанным сообщением, отложил размышления над этим обстоятельством на более удобное время. Подождав, пока он расправился с очередной порцией спиртного, напомнил:

– Теперь рассказывай.

Обстановка для откровенного разговора была самая подходящая. Тусклый свет старой керосиновой лампы, стоявшей на краю стола, сузил и без того невеликое пространство нашего жилища до величины той вполне ощутимой близости, в которой в самый раз было прозвучать исповедальным откровениям Рыжего. В достатке снабженная только что подброшенными дровишками печка засветилась рубиновой краснотой, в трубе уютно гудела тяга, заглушая несильные порывы ночного ветра и ровный шум спешащего по распадку водного потока. Рыжий выдержал почти мхатовскую паузу, во время которой неотрывно смотрел на вздрагивающий огонек лампочного фитиля, наконец, неторопливо, словно нехотя, стал рассказывать.

– Это самое... Объясняю: дело не столько в моей личности, сколько в окружающей наличности. Имею в виду обстоятельства, о которых я уже говорил. Говорил, говорил. Неоднократно излагал. Дополнительно объясняю, что наличность это не тити-мити, а окружающая местность. Точнее сказать – окрестность. Еще точнее – хреновая окрестность. Что имеется в виду? Объясняю. Давай посчитаем, сколько тут за все последнее время человек опарафинилось. На полную катушку залетели. Сразу скажу – считать устанешь. Основное направление, конечно, рыжье. Ну да, золотишко.

Детишкам на молочишко. Поскольку о большом рыжье до случая с Башкой даже в районной брехаловке не сообщали. В этом направлении «государственное значение» близко не маячило. Так что насчет рыжья залепуха по полной. А вот насчет чего другого – очень даже может быть. Если, конечно, соображалка работает в нужном направлении. У меня? У меня не работает. И никогда не работала. Если по-честному, мне на эти историко-государственные соображения наплевать и растереть. Типа – на хрена бичу рояль, если он даже на гармошке не играет. Слуха нет. И вообще, не в этом дело. Это я для дополнительного понимания окрестностей. Тут, в какую сторону ни подайся – сплошные непонятки. Того же Башку, к примеру, взять. Что, у него другого пути кроме как сюда не было? Да хоть куда, только не сюда. Полная херня. Чтобы Башка как пацан подрезался, так это для ментов залепуха. И то для самых тупых. Больше на эту тему – ша! Молчок для взаимного спокойствия. А то у меня и без того жизнь, как у мартышки – прыгаю, прыгаю, а жопа голая. Не жалуясь, а констатирую. Обидно все-таки.

Насчет странного явления? Какого явления? А-а! Понял, излагаю. Тут такой расклад получается. В первый час нашего здесь пребывания получается. Сижу я на нашем багаже в полном расстройстве чувств и начинаю осознавать свое нехорошее поведение. Падлой буду – осознаю на полном серьезе. Глаза по причине ночного недосыпа воспринимают действительность в расплывчатом состоянии. А вот внутренний голос, прошу поиметь в виду, соображает по полной. Так что за базар отвечаю. Слышу вполне отчетливо: «Линяй, – объявляет он мне, – Валентин Батькович, отседова, пока живой. Иначе шандец вам обоим безо всякого дополнительного предупреждения». Ну да, обоим! Так и заявляет. Но что самое хреновое, шеф, голос вроде как мой, внутренний, но женский. Излагаю, как слышал, без туфты. Я почему замандражил, за ружье схватился? Вспомнил бабу, которая в этих местах бесследно растворилась, и ни один опер на эту тему ни бе ни ме ни кукареку. Говоря по-простому – мистика на все сто. Приснилось? Ни фиги! Я по-первости тоже не вполне уверенно о себе подумал. Ночные разборки вспомнил. Прошу отметить еще один момент – какой уже день ни грамульки. Исключительно трезвое состояние. Подумал, может от длительного воздержания показалось? Эти самые... Как их? Галлюцинации? Только опять не в цвет. Голос-то

бабий. Ну, я и пальнул по ближайшим кустам, которые в то время подозрительно раскачивались. Сигнал подал. Пусть, думаю, непосредственное начальство разбирается и на помощь спешит. Да нет, в кустах никого. Ошибка на почве нервов. Дальше что? Пальнул, прислушиваюсь. Если по-научному, нахожусь полностью в этом самом... шоке. И тут женский смех раздается. На этот раз не внутренний, а вполне посторонний. Я бы даже сказал – ехидный. Слышу, как самого себя сейчас. Ну, я и рванул. Любой рванет. Вокруг никого, а эта хихикает. Еще бы раз подобный сигнал, штаны пришлось бы замывать. Оклемався маленько, когда свое непосредственное начальство с лодкой на горбу разглядел. Вот такое странное явление получилось. В третий раз за прошедшие сутки. Никаких нервов не хватит. Только после дополнительной гомодозы полегчало маленько. Поэтому соображение у меня в настоящий момент такое: не желает эта местность с нами делов иметь. И ни с кем не желает. Не будет нам здесь никакого научного фарту. А то и похужей чего-нибудь получится. Чего? Могу изложить, если интерес имеется. Я ведь на этом месте, можно считать, повторно нахожусь. По этому случаю большое сомнение у меня имелось, когда Омельченко попросил посодействовать хорошему человеку в вашем лице. Но подумал хорошенько и решил, что в одном и том же месте кирпичом по бестолковке подряд не получают. Только теперь вижу, что категорически ошибался на эту тему. Особенно, когда дураком обозвали и сматываться в срочном порядке неизвестно кто совет дает.

В первый раз как здесь оказался? Исключительно по собственной доброте душевной. Посторонние могут даже вслух улыбаться... Все мои жизненные неприятности исключительно от доброты и доверчивости. А кто доверяет, тот легко попадает. И пропадает. Такой закон тайги, тундры и жизни. Поэтому всю дорогу остаются без никому. Говоря по-простому, в полном пролете. Как и в том самом случае, когда согласился сопровождать в качестве дополнительной подсобной силы подозрительный контингент, который местное народонаселение очень даже правильно обзывает пиратами. Пираты и есть. Потому что прикинули в этой самой местности на халяву прибарахлиться похищенным государственным имуществом. Мысля у них такая образовалась, что менты в таежной обстановке не секут, поэтому и оказались с висяком. А они, мол, пошерудят в окрестностях

и с помощью своего пиратского чутья здешнюю помойку запросто откопают. Ты когда им про Глухую намекнул, Декан чуть твоей бормотухой не подавился. Ну да, они самые, с которыми... Можно сказать, сразу после своего здешнего абзаца. Я там с ними по последнему разу кантовался. Отоварили за все труды на неделю пожрать, и гуляй Валентин Кошкин на все четыре стороны. Такое вот пиратское отношение. Расскажу, конечно, если будет желание выслушать. Декан? Фиг его знает, кликуха такая. Говорил, в отличие от нас у него мозги имеются. Да только его мозги не для этой местности оказались. Тут, видать, другие нужны. Как у того, кто эту хрень когда-то устроил, а теперь наблюдает, как мы здесь корячимся, дырявой ложкой щи хлебаем. Да нет, насчет этого у меня тоже никаких соображений. Ладненько, расскажу, что тогда случилось с нашим абордажем данного географического пункта.

Вертолета нам, понятное дело, не выделяли. Декан у кого-то моторку арендовал, хотя, полагаю, скомуниздил на старом прииске. Загрузились, считай, под завязку. Я уже тогда замандражил – если они отыщут, что наметили, куда грузить будут? Придется кого-то на берегу как ненужный балласт оставлять. А кто первый кандидат на такой расклад? Валентин Николаевич Кошкин. Без вариантов. Хорошо, если в живом виде. Одна надежда была, что не найдут они ни хрена, как и оказалось впоследствии. Только пока оказалось, духовой оркестр можно было заказывать. В смысле исполнения похоронного марша. Всем вместе и каждому в отдельности. Прошу не торопить события, товарищ научный руководитель, сейчас все ясно будет... Поначалу полный кайф. Погода шепчет, Хриплый на моторе, Декан воспоминаниями о своей последней марухе делится со всеми подробностями. Я одним глазом кемарю, другим за окружающей природой наблюдаю, от возвышенностей на горизонте, эстетическое удовольствие получаю. Пока это самое... вплотную к ним приблизились. Вот тут и получается, не все то неправда, что бабы врут. К вечеру в протоку с виду подходящую завернули – чайку сварить, оправиться и все такое остальное. Только протока эта мне сразу не показалась. Вода черная какая-то, живности вокруг ни единой души. Даже комаров полное отсутствие. Декан ржет, что место выбрали окейное в смысле тишины и покоя. Хриплый в кусты бегом по своим делам, я костер гоношу. И тут это самое... Можно не верить, конечно.

Сейчас вспоминаю, по новой мандраж начинается. Да, забыл еще сообщить, что сучонка с нами в экспедиции находилась. То ли сама приبلудилась, то ли Декан в каких-то своих целях заманил. Надо сказать, сучонка умная, без булды. Зря не брехала. Независимо себя держала. Вроде как не она при нас, а мы при ней. Я это к чему? Очень, судя по ее поведению, не желала она, чтобы мы в эту протоку сворачивали и на берег десантировались. Скулить начала. Из лодки на берег ни в какую. Забилась под барахло, не видать, не слышать. Декан ее колбасой пытался выманить – ни фига. Притаилась, даже хвостом не реагирует. И в этот самый момент Хриплый из кустов нарисовался. В полностью разобранном виде. Даже штаны забыл натянуть. Пятится голый задницей к нам, рукой куда-то в своем прежнем направлении показывает, а вместо того, чтобы сказать, что к чему, издает звуки непонятного содержания. Я, честно говоря, тоже мандражнул по причине полной неизвестности – мало ли какая хрень там могла оказаться. А Декан уже из карабина в том направлении, куда Хриплый тычет, целится. Чего, спрашивается, целиться, если там полное отсутствие наличия кроме голый задницы Хриплого. А Хриплый, между нами девочками, шеф, в дрефле никогда не числился, на полное фуфло не купится. Декан ему: «Ты чего пургу гонишь? Тебя кто понужнул?» А его хоть спрашивай, хоть не спрашивай – глаза дурные, глядеть на него никакой возможности. Мимо нас в лодку и давай от берега отгребаться. Лодка-то за топляк привязана, гребись не гребись... Картинка для психушки. Не болел, не горел, поср...ть пошел, валетом заделался. Каким валетом? В психушке которые. По причине несоответствия окружающей действительности. В такой ситуации и я чуть не вольтанулся. С перепугу, понятное дело. Тоже в лодку и прямо на сучонку эту наступил. А она, видать, тоже с перепугу, тяпнула меня за это дело. Полный концерт народных инструментов в результате. Хриплый мычит, я ору, сучонка визжит как зарезанная. Хорошо, что Декан меры принял. Хриплого по башке прикладом, меня в воду столкнул. А сучонка сама замолчала, когда он в направлении, откуда Хриплый нарисовался, шмальнул. После чего в окрестностях полная тишина наступила, только в ушах всю ночь потом какая-то неразбериха. Да нет, голосов никаких. Так, непонятно что. Одно, другое... Сколько потом Хриплого ни пытали, с чего это он огорчился до самого никому, не помню, говорит, ни хрена. Это уж

потом раскололся. Уверенность вдруг у него появилась, что личный его конец света наступает. Надвигается, говорит, а как вплотную надвинется, то всё – с головой чем-нибудь накрывайся и на свалку ползи.

Ну, смотались мы оттуда в полном составе, а дальше пошло одно за другим. Даже говорить неохота, сами себе не рады были. Правду брешут – около чего потрешься, того и наберешься. Думал, ни за какое рыжье меня теперь в эти места не уговоришь, всем друзьям закажу, чтобы в эту сторону не сворачивали. А теперь опять получается полная кинокомедия с рыжим дураком в главной роли. Корячусь по новой за прожиточный минимум в этом же самом эпицентре. Сам себе объяснить не могу, на фиг мне эта веселая жизнь понадобилась? Отвечаю – исключительно по доброте душевной. Жалко стало молодого талантливого научного сотрудника, который в здешнем одиночестве загнется на раз-два. Лыбиться, шеф, потом будешь. Живем шутя, помрем взаправду. Одному не страшно, а вдвоем веселей. Я сейчас еще один случай изложу. Их тут у нас накатило полный загашник. Рассказываю исключительно в целях техники безопасности, чтобы оглядывался почаще.

Декан, который об этих местах понаслышке представление себе нарисовал, решил первым делом в реке пошманать, как раз неподалеку, где мы сейчас находимся. Вывод теоретический сделал, что Башке в безвыходном положении только одно оставалось – все свое рыжье за борт в набежавшую волну заныкать, в месте, где обрыв покруче и река поглыбже. Воду там вертит, как это самое... Глядеть страшно. Я сегодня, пока вы уху обеспечивали, еще раз смотался поинтересоваться. Крыша сразу на ребро стала от прошлых неприятных воспоминаний. Такой мандраж накатил, не хуже, чем сегодня ночью.

Если по порядку, то Декан прибор свой принялся настраивать. Прибор какой? Объяснял, что вроде миноискателя. Любой металл на сто метров в глубину и вокруг определяет безошибочно. Опытный образец, кореша с какого-то секретного завода подтырили и ему на испытание за ящик водяры передали во временное пользование. Ему теперь к этим корешам ближе чем на тыщу метров приближаться не стоит. Урют. Те еще испытания получились. Сначала искатель этот прямо под скалой такой металл показал, что Декан даже заикаться стал

от радостных переживаний. «Все, – говорит, – ныряем!» Я ему вежливо объясняю, что по причине полного неумения плавать со мной этот вариант исключается. Так этот гад возражает, что плавать не требуется, а нырять и топор умеет. Топор, может, и умеет, только он на поверхность больше не поднимается. Лыбится, паразит. Объясняет, что если к топору веревку привязать, то выдернуть его наверх, как два пальца обосс...ть. Палач трудового народа! Нырять будем по очереди – я и Хриплый. А он указания давать будет и рыжье оприходовать. Вижу, полный шандец наступает, ну и рванул. Я как рассуждал? Даже если он меня за веревку держать будет, чтобы на поверхность вытаскивать, здоровьишка моего хватит только до соприкосновения с жидкостью, которая в этой речке постоянно чуть выше градуса замерзания. Движок сразу откажет. А слинять какой ни на есть шанец будет иметь место. Врать не буду, имелись серьезные сомнения насчет – «а что потом?» Только потом – оно и есть потом. Как говорится, будем еще поглядеть. Варианты разные рисовались, не буду грузить. Только все они оказались пирожки ни с чем, а схарчили мы в данном конкретном случае по пирожку с гвоздями. Лично Декан двойную порцию оприходовал. Шибко умному всегда что-нибудь дверью прищемит. От собственной уверенности оглядываться забывает. А здесь оглядываться на каждом шагу не помешает. Эта долбаная местность любого умника научит на цырлах передвигаться, чтобы учитывать все окружающие обстоятельства. Короче, заныкался я неподалеку, чтобы иметь возможность наблюдать, как Декан с Хриплым будут неизвестный металл со дна добывать. Почему неизвестный? Так он хоть наинovelейшей конструкции прибор этот, а насчет того, какой именно металл, полный молчок. Предполагай, что желаешь. А у Декана прицел только на рыжье, никаких других вариантов. Поэтому, когда я рванул от верного своего загибона, он мне вслед только пообещал, что никто не узнает, где могилка моя. Но стрелять не стал, хотя имел такую возможность. У меня даже надежда обозначилась на дальнейшее существование. Лежу за каменюкой и наблюдаю сверху. Дает он Хриплому стакан водяры и начинает веревкой обвязывать. Хриплый, несмотря на допинг, смурной стоит, как зэк на шмоне. Никакого энтузиазма насчет предстоящего купания. Я даже ему сочувствую со своего места наблюдения. Себе тоже сочувствую. Сомнения всякие внутри начинаются – откуда в этой абсолютно не

населенной водной артерии может металл образоваться? Может, правда, Башка туда свое рыжье зафуговал, и Хриплый сейчас начнет его килограмм за килограммом на поверхность поднимать. А я при всем при этом буду присутствовать только в качестве нежелательного свидетеля, которого, как использованный гондон, в обязательном порядке в унитаз спустят. И такой на меня от этих соображений смурняк накатило, хоть в воду бросайся. Не знаю, что на меня накатило – бросился! Ей-богу! Солдатиком прямо в центр намеченного погружения. Хриплый с Деканом чуть от этого самого... инсульта не загнулись. Или инфаркта? Без разницы. Пока я под водой находился, Декан остальную водяру в один присос употребил, так на него мой смертельный номер подействовал. Хриплый – тот вообще в потрясении находился до самого темного вечера. Смотрит на меня и только бестолковой крутит, словно его крупным полешкой промеж глаз удивили. Не крупным его не удивишь, разозлится только. Ну да, так и нырнул, в одежке. Сапоги только скинул, пока бежал. Плавать не умею? С пацанячьих лет как налим передвигаюсь и ныряю в случае чего. Это, шеф, военная хитрость с моей стороны, чтобы не наезжали, когда не требуется. А то где споткнешься, там и загнешься. Да и какая разница, когда черти дразнятся? А черти нам тогда тот еще сюрприз приготовили. Разглядел я на дне какую-то хорошо упакованную штуквину, маленько не врезался в нее прямой наводкой при погружении. Уцепил, тащу наверх... Пока тащил, успел сообразить, на какой фигне прибор заклинило. Банки! Консервы! Тушеная говядина в невероятном количестве. Все дно, насколько дышалки хватило разглядеть, покрывают. Вот именно – в целом нераскрытом виде. А что говядина, это мы потом распечатали. Магазины средних размеров на месячную норму активной распродажи. Я, естественно, безмерно удивляюсь этому обстоятельству и всплываю наверх с очень даже интересным грузом. Декан его у меня немедленно конфискует, не дает даже в лодку забраться. Начинает вроде как распаковывать, а в следующий момент штуквину, которую я с риском для жизни выудил, кидает обратно в воду и врубает мотор на полную мощь. Такой вираж заложил, что Хриплый от меня неподалеку хряпнулся, того и гляди, на дно свалит от полного недоумения происходящим. А на следующем вираже Декан вместе с нами решил поплавать, поскольку лодка от такой крутой жизни в топляк вмазалась. Встала на дыбки и навсегда

исчезла с поверхности. Мы даже место погружения толком не засекали. Не до нее в тот момент было, на берег из последних сил выгреблись. Чего такого я со дна выудил? Предлагаю, как научному руководителю, выдвигать эту самую... гипотезу. Догадаться то есть. Хотя в данном конкретном случае бесполезняк. Поскольку, как я понимаю, кандидат по птичьим наукам со взрывчаткой огромной силы дел не имел. Или ошибаюсь? Все правильно – иметь не мог. Какая взрывчатка? А хрен ее знает. Я тоже с ней раньше никаких делов не имел и иметь не собирался. Потому что бздидловатой породы. В общем, остались мы втроем на берегу, как Робинзоны Крузы, если не хуже того.

Кажется, именно в это время я разглядел в глазах сидевшего напротив рассказчика почти нескрываемую насмешку над развесившим уши руководителем научной экспедиции. Хотя, возможно, могло показаться от неверного освещения – язычок фонарного огонька от долгого бездействия никак не мог приноровиться к своему возобновленному существованию и то и дело то скукоживался, то разгорался, меняя выражение наших лиц от сосредоточенного внимания до сонного безразличия. Вот и показалась насмешка – слишком неправдоподобными выглядели рассказы Рыжего.

– Тебе бы, дорогой, в писатели податься с такими фантазиями. Про заколдованное место после Николая Васильевича Гоголя вроде бы никто больше не писал. Успех гарантирован. Только я, честно говоря, думал услышать что-нибудь более правдоподобное. У меня ведь не заржавеет проверить наличие консервов. Подкрепим свой рацион бесплатной тушенкой. Место покажешь?

– Нырять будете? – с неожиданным интересом спросил Рыжий.

– Почему нет? Любопытно все-таки. Найду хоть одну банку, сразу повышу в должности до старшего лаборанта. Только думаю, ты сейчас заявишь, что вы их все повиытаскивали. Декан, наверное, заявил, что в банках не говядина, а золотишко.

– Была у него такая мысль, – согласился Рыжий. – Только мы с Хриплым еще раз купаться категорически отказались. Пришлось ему самому потом проверку сообщать.

– Проверил?

– Добыл пару банок.

– Ну и?

– Говядина. Свежак. Ей при здешней температуре, как в холодильнике. Будешь нырять, убедишься. Там не так чтобы глубоко. Метра три, не больше. Завтра покажу. Только ту штуковину, от которой Декан чуть в дубари не прописался, советую с места не беспокоить. Он тогда базарил, что от одного только к ней прикосновения могло нехилое землетрясение местного масштаба получиться. Я когда осознал, поседел в нескольких местах от последующих переживаний. Вот, смотри, можешь убедиться.

– Тогда последний вопрос. Как вы без лодки и без посторонней помощи живыми отсюда выбрались? Вы же остались «без никому» – так, кажется, ты выражался про безнадежное положение?

Рыжий, не отвечая, выбрался из-за стола, присел на корточки перед печкой, подбросил пару полешек и застыл, завороченно уставившись на огонь. Я не переспрашивал, полагая, что своим вопросом загнал рассказчика в тупик и теперь он размышляет то ли над новой «залепухой», то ли над тем, как признаться в невозможности довести свои измышления до удобоваримой концовки.

– Это самое... Я потом когда посмотрел, откуда солдатиком рванул... Будете снова ехидные улыбочки строить, только точно какая-то падла меня тогда загипнотизировала. Без вариантов. Сидим мы, значит, на бережку и размышляем – кого материть за создавшееся безвыходное положение? Без лодки мы в этой местности стопроцентные покойники. Там и вооружение наше, и прибор этот гребаный, который тушенку от рыжья отличить не может. Да и все остальное шмотье для длительного путешествия. И единогласно приходим к выводу, что похоронный марш можно заказывать на самое ближайшее время. А лично мне эта музыка на полную мощь корячилась. Поскольку этот козел, который себя в начальники определил, стал выводы делать, что вся эта хренотень из-за меня образовалась. Конкретно – из-за моего мне самому непонятного героического поступка. Начинает права качать: «Желаешь жить, исправляй положение каким хочешь способом!» Хоть бы сказал, каким, а то даже не намекает. Понимаю, что при таком раскладе корячиться мне полная сермяга. Вплоть до мочилова. Выход один – делать ноги, пока не поздно. – Ладно, – говорю, – критику принимаю, хотя сам не знаю, как такая фигня со мной получилась. Хриплый вон тоже без штанов жизнь свою спасал неизвестно от чего, а я только в

порядке взаимопомощи, для общественного блага пострадал. Поэтому предлагаю подняться на ближайшую возвышенность, чтобы ознакомиться с окружающими окрестностями. Декан, естественно, интересуется: «На фига нам это надо?» Не буду же я ему объяснять, что рвануть хочу куда глаза глядят, лишь бы он рядом не находился. У него же в тот момент состояние близкое к нулю, мать родную замочит не задумываясь. Объясняю, что сверху легче выводы делать против возможного загибона. Ты, шеф, про «шепот звезд» чего-нибудь слышал?

– Без понятия.

– А я в тот момент окончательно осознал, что эта окружающая местность очень даже замечательный учитель жизни и смерти. Не знаю, кто тут над нею начальник – Бог или кто-нибудь из совсем другой конторы. Очень хотелось бы узнать.

– Что узнать?

– Это самое... Кто из них?

– Ну, составил предварительное мнение?

– Можете вслух улыбаться – составил. Только все равно разобраться охота.

– Вот и разберемся. Поживем и разберемся.

– Может, и разберемся. Если поживем. Если снова шепот звезд не услышим.

– Все-таки что за «шепот»? Красиво, но непонятно.

– Понятно, как два пальца. А насчет красиво – прямо противоположное мнение. Когда его услышишь, тебе уже все до лампочки будет – красиво, не красиво. Чувствовать себя еще будешь, но очень хреново. Шепот звезд по полной программе.

Все, шеф, отрубаясь. Нутро сообщает: за последние 24 часа перегрузка сверх нормы. Фон своей жизни я обозначил, а теперь кемарнуть не мешает. А то я в настоящий момент как мешком трахнутый. Сажусь на спину и до балдохи полностью отрубаясь.

Рыжий демонстративно зевнул, подтверждая свое обещание, и, привстав с ящика, на котором сидел, опрокинулся на нары.

Честно говоря, фантазии Валентина Николаевича Кошкина меня не очень заинтересовали. При всей напоказ самокритичности и откровенности буквально с первых слов его рассказа показалось мне явное несоответствие описанных им загадочных событий самому

факту того, что он решил их мне рассказать. С другой стороны, попробуй все это так вот с ходу выдумать на пустом месте, если не имелось в заначке чего-то хотя бы приблизительно похожего. Недаром говорят, что убедительная ложь покоится на обязательных кирпичиках правды, подсунутых под самые шаткие места наспех или даже заранее состряпанной версии. Состряпанной, как правило, с какой-то целью. Ложь ради удовольствия соврать – это уже патология. И хотя Рыжего вполне можно было и в этом заподозрить, но что-то мешало мне остановиться на этой версии. Надо будет все-таки попросить его закончить рассказ. Та или иная его концовка вполне может стать лакмусовой бумажкой цели, ради которой затевалось описание, скорее всего, не существовавших событий. Да и кирпичики возможного заинтересовывали. Где-то же он их подобрал для использования.

В тот момент, когда Рыжий прервал свое повествование, спать мне хотелось ничуть не меньше, чем ему. Сказывалась и дурная бессонная ночь, и многотрудный день, и разморяющее временное тепло от быстро дотлевающих в печурке полешек. Надо было бы подбросить оставшуюся невеликую охапку для сбережения тепла хотя бы на лишней час самого крепкого предутреннего сна, но навалившиеся усталость и дрема лишали последних остатков воли. Загасив чадивший фонарь, я забрался в спальник и, уже теряя представление об окружающем, вдруг не столько услышал, сколько почувствовал оборвавшееся ровное посапывание Рыжего.

– Что интересно, шеф, – словно продолжая неоконченный рассказ, сообщил он трезвым и совсем не сонным голосом, – когда много хочется, мало можется.

– Закон тайги? – не открывая глаз, лениво поинтересовался я.

– Закон тайги для придурков вроде нас придумали. Нет в ней никаких таких законов и не было никогда. А начнешь права качать, по полной срок огребешь. Вплоть до вышки.

– Ты это к чему? – разозлился я. Дремы как не бывало. Холодок невнятного предчувствия выскользнул из подсознания, начисто спугнув расслабляющее благодушие последних часов.

– Декан тогда полностью в осадок выпал. На глазах усохнул до самого никого. «Если, – говорит, – они речку заминировали, то нам теперь доски пилить остается. Запросто в жмурики определяют, поскольку нам сопротивляться теперь нечем. А было бы чем, то против

неизвестно кого не попрешь, на корню подрежешься. Полный шандец нам, мужики. Из козявок в букашки пролезть намылились, а здесь, видать, на таких букашек дусту с запасом приготовили. За крупняком погнались, а попали в девятку».

У меня на такой его пессимизм снова это самое... Накатило, вроде как тогда, когда за золотишком прыгнуть решил... Заявляю, что не согласен с такой постановкой вопроса. Раз в упор приперло, давай решать, как ежика против шерсти рожать. Рубашка согреет, раз шубы не имеется.

Декан и до того меня всерьез не держал, а после такого моего выпендрежа и вовсе в ибанашки зачислил. Даже возражать не стал. Сидит задрыга задрыгой, к смерти готовится. Хрипый, так тот вообще... Полностью затемнился и только икает на всю реку. На том берегу слышать.

Рыжий неожиданно снова соскочил с нар и принялся заталкивать в печурку оставшиеся полешки. Даже тени усталости и недавнего сна не было в этот момент на его лице.

– Тебе что приснилось-то? – спросил я, поворачиваясь на бок, чтобы лучше видеть несуразную фигуру, присевшую перед печкой. Оживившееся от подброшенных полешек пламя высветило взерошенную, спутанную шевелюру моей подсобной единицы в интенсивно-рыжий цвет. Я даже хмыкнул, узрев, что данное мною Кошкину прозвище так живописно подтвердилось. И если раньше я еще сомневался в нелепице, которую тот нес уже часа полтора, то с этой минуты каждое его слово я безоговорочно относил к явной брехне, затеянной с непонятной пока для меня целью. То ли запугать меня решил, внушить неуверенность, то ли набивал себе цену, рассказывая о своих «подвигах». Может быть, еще какая-то цель была, но мне уже не хотелось ломать над этим голову. Почти не слушая его дальнейшие разглагольствования, я размышлял о порядке предстоявших на завтра дел – установке приборов, заготовке дров, экскурсии на ближайшую возвышенность, чтобы подробнее ознакомиться с местностью, с которой мне предстояло теперь общаться довольно продолжительное время.

– Не принимаете, значит, всерьез отрывки из моей здешней автобиографии? – с неожиданной тоской поинтересовался Рыжий. – Не в коня корм? А зря. Как бы потом от голода не сдохнуть.

– Не сдохнем. В крайнем случае, будем твою тушеную говядину выуживать, – с раздражением огрызнулся я.

– Так это... Если выуживать, то лучше сейчас поспешать. Лед устоится, тогда уже никаких делов. Бесплезняк.

Тоска в голосе Рыжего неожиданно показалась мне искренней.

– То, что твой Декан от описываемых тобой событий впал в черный пессимизм, в общем-то понятно. А вот с какой стати ты сейчас грусть-тоску наводишь, на пустом месте конец света пророчишь – вопрос. Лично я оснований для пессимизма не вижу. Если поверить всему, что ты тут наговорил, вы тогда в черной дыре оказались. Тем не менее, все живые, здоровые, выпить не дураки. Рассказал бы, как у вас такой *harry end* получился? Может, и нам пригодится.

– Случай накатил, – после долгой паузы с явной неохотой откликнулся на мою просьбу Рыжий. – Недаром говорят, не живи, как хочется, а как случай сложится. А ларек, шеф, насчет нашего спасения просто открывался. Покойный Хлесткин по каким-то своим надобностям в это время здесь шаршился. На нас, можно сказать, вплотную наткнулся. Перетрехал по-первости, но когда осознал наше бедственное положение, спичками помог, амуницией кое-какой для Хриплого. Главное, плавсредство наше отыскать посодействовал. У Декана там спиртыга в значке имелся в достаточном количестве. Мы его на радостях полностью приговорили, а потом рванули с этого места только так. Даже оглядываться не стали.

Можно, конечно, на все, что я в подробностях изложил, наплевать и растереть, только все равно скоро все обозначится, так что мало не покажется.

– Что обозначится?

– Раз такой вопрос задаешь, значит, ни фигя не понял. Ну и ладушки. Было бы сказано, забыть всегда успеем. Не бери в голову, начальник. Сам поймеешь, тогда и осознаешь. А обозначится в обязательном порядке. Хлесткин нас тогда тоже на смех поднял, когда мы ему наши события изложили. Подумал бы хорошенько, глядишь, и на пулю не нарвался.

– В огороде бузина, в Киеве дядька.

– Про Хлесткина, что ль? А это как поглядеть. Ему-то какого сохатого тут понадобилось? Его зимовьюшки совсем даже в другой стороне. Дед, думаешь, зря мне указание дал ходить и оглядываться,

про фактор повышенного риска намекал? Не захочется, а все равно скорчится. На цырлах еще передвигаться будем.

Если не ошибаюсь, то у научного руководителя в настоящий момент возникает вопрос: почему снова здесь нахожусь? То есть опять сюда после всего вышеизложенного? Отвечаю. Имеется шанец ознакомиться со смыслом собственного существования.

– Чего, чего?

– А вот понимайте, как желательно. Я все сказал. Имею теперь полное право поиграть в храпочка. Попрошу только дополнительно иметь в виду, что в данной ситуевине я с вами оказался на чисто добровольной основе.

Рыжий наконец отлип от печки, перекатился на нарах к дальнему от меня углу и, повозившись несколько минут со спальником, вскоре выразительно засопел, демонстрируя полную отрешенность и от меня, и от так пугавшей его окружающей местности.

«Сволочь, – беззлобно подумалось мне о Рыжем. – До утра теперь не уснешь. Назадал загадок». Но минут через десять засопел, наверное, ничуть не тише своей не в меру разговорчивой единицы.

* * *

Вряд ли когда-нибудь привыкну к здешнему климату. Вернее, к аномалиям здешней погоды. Проснулся я довольно поздно и долго лежал, прислушиваясь к звукам за пределами нашего недостроенного сруба, обтянутого брезентом от десятиместной воинской палатки. Сначала уразумел, что разбудило меня тревожное стрекотанье кедровки, расположившейся, судя по всему, на перекладине шеста, некогда приспособленного под антенну. Шест был прибит прямо к венцам сруба, и потому отчетливо была слышна не только болтовня недовольной чем-то таежной сплетницы, но даже постукивание ее коготков по дереву – не сиделось непоседе на месте, не терпелось привлечь внимание всей окрестной живности к ожившему человечьему жилью. Чуть поодаль радостно тенькала синица. Из распадка доносилось невнятное бормотание речушки. А совсем рядом, прямо за брезентовым пологом, занавесившим место входной двери, кто-то нетерпеливо переступал с ноги на ногу, словно не решаясь

войти. Я повернул голову к углу, где спал Рыжий, убедился в его беспробудном наличии и, стараясь не шуметь, быстро выпростался из спальника, прихватил лежавшее рядом ружье, взвел курок, соскользнул с нар и босиком, на цыпочках, подошел к выходу. Поневоле вспомнилось предостережение Рыжего о необходимости передвигаться в здешних местах исключительно «на цырлах». Осторожно отодвинув стволом брезент, выглянул, зажмурился от яркого солнечного света и, выйдя наружу, недобрым словом помянул вчерашнего рассказчика, все-таки сумевшего внушить мне недоверие к месту нашего нынешнего проживания. То, что увиделось снаружи, напоминало скорее весеннее утро, чем середину сентября, еще недавно утопавшего в сугробах. За ночь снега вокруг почти не осталось. Влажная рыжая хвоя лиственниц, густо устилавшая небольшую поляну перед нашим жилищем, слепила отраженным солнцем, только что появившимся из-за восточного отрога хребта. Несильный сыроватый ветерок, тянувший вдоль реки, согнал остатки ночных испарений в распадок, где они плотно прикрыли корявый стланик и недовольно бурчащую речушку. Рядом же со мной раскачивался подвешенный на сук лиственницы полупустой рюкзак Рыжего. Он то и дело задевал о ствол, и это было действительно похоже на чьи-то неуверенные шаги у самого входа.

Испуганная почти до истерики моим появлением кедровка с истошным стрекотом сорвалась с насиженного места и тут же пропала, растворившись в бьющем в глаза солнечном свете. Я стоял, задрал голову, и радовался неизвестно чему. Пока не спохватился – вряд ли надолго такая благодать. Самое время использовать ее на полную катушку. Дел выше головы, а мы дрыхнем, как курортники. Я уже открыл было рот, чтобы подать громогласную команду нежащемуся в спальнике Рыжему, как вдруг краем глаза уловил какое-то движение среди еще не до конца обнажившихся лиственничных ветвей. На небольшом уступе прикрывавшего нас с западной стороны увала густо столпились лиственницы, и на самой высокой из них, почти на вершине, сидел красавец-глухарь. Он неловко переступил на согнувшейся под его тяжестью ветке и, сохраняя равновесие, чуть приподнял крыло. Это его и выдало. От меня он был весь как на ладони, а вот меня против солнца он вряд ли пока разглядел. Я как вышел наружу, не пошевелился ни разу, только головой вертел от

избытка чувств. Так что он вполне мог принять меня за нечто неодушевленное и не представлявшее опасности. Да и смотрел он в сторону от меня, в направлении полускрытого туманом распадка. Жалко было разрушать выстрелом окружающую красоту, но добыча того стоила. Если не промахнусь, жаркое из глухаря очень даже украсит наш рацион на ближайшие два дня. Не промахнулся. Эхо выстрела долго перекатывалось где-то за увалом и на другой стороне распадка.

До упавшего глухаря было шагов тридцать, но когда я с птицей и ружьем в руках вошел в наше жилище, чтобы порадовать свою подсобную единицу предстоящим шикарным обедом, Рыжего в палатке не оказалось. Я внимательно огляделся в полумраке, даже под нары заглянул – никого. Снова вышел наружу. Воцарившаяся после выстрела тишина оглушала. Даже реки почему-то не стало слышно. Далеко убежать гражданин Кошкин не мог, поэтому, не повышая голоса, я сказал:

– Кончай придуриваться! Если сей секунд не окажешься на своем рабочем месте, засчитываю прогул и лишая возможности попробовать глухаря на вертеле. В лучшем ресторане Москвы за такую возможность платят в долларах с тремя нулями.

Звуки, раздавшиеся в ответ из-за камней на краю распадка, не оставляли сомнений в полной неспособности Рыжего подняться и выйти мне навстречу, а также в явной его незаинтересованности жареным глухарем.

– Понял, можешь не отвечать. Туалет у нас, между прочим, совсем в другом направлении. В следующий раз прошу не портить экологию и не исчезать без предупреждения. Мало ли что я могу подумать. Сам говорил, в этих местах все возможно. Вплоть до появления летающих тарелок.

Над камнями появилась взъерошенная голова.

– Кто-то, может, и подумал, а у меня на это времени не было. Только приснилось, как кто-то прицеливается в моем направлении, а в это время над самым ухом стреляют. Хорошо, хоть досюда добежал. Могло прямо на месте случиться. Насчет тарелок, между прочим, полное фуфло. Я их по пьянке тыщу раз видал. А в натуре – ни фиги. Считаю – научная тюлька.

– Как себя чувствуешь, уфолог?

– Чувствовать чувствую, но очень даже нехорошо. Попали в глухаря, а бюллетень мне выписывать надо.

– От медвежьей болезни бюллетени не полагаются. Полагается только наряд вне очереди – ощипать, выпотрошить и приготовить вот этого современника мамонтов, – я приподнял убитого красавца. – Все понятно?

– На все сто граммов. Нормальное отношение к птичкам. Я переживал, что мы за ними только в бинокль наблюдать будем и в журнал какой-нибудь записывать. Значит, все по уму – на мушку попал, не чирикай. Пойду теперь на речку. Подмыться требуется от таких неожиданностей. Если честно, не ожидал подобной подлнки со стороны научного руководителя. Надеялся на мирное существование.

И снова показалось мне в многоречивости моего якобы пострадавшего от испуга сотрудника нечто не то чтобы не искреннее, скорее необязательное, нарочитое, которое обычно несут, когда хотят заговорить зубы, отвлечь внимание или запутать.

«Организую-ка я ему сейчас проверочку», – неожиданно решил я, и, пристроив глухаря на развилку сучка рядом с рюкзаком Рыжего, с деланным безразличием предложил:

– Пошли, вместе сполоснемся. Заодно уточним место твоего летнего ныряния. Очень уж вы меня, Валентин Николаевич, своим рассказом про консервные залежи заинтересовали. Говоришь, метра три-четыре там глубина? Для моржа-перворазрядника раз плюнуть.

После несколько затянувшейся паузы Рыжий, пожав плечами, согласился:

– Показать дело не трудное. Только это... По технике безопасности такой номер угрожает дальнейшему совместному существованию.

– Не понял.

– Судорога. Или сердце. Мало ли что. Или еще вариант – зацепитесь за что-нибудь. Как я тогда тут выживать буду? Местность вокруг полностью враждебная. Хужей того – непонятная. Запросто на поворотах заносит.

– На каких еще поворотах?

– Как меня тогда. И в голове не было, а взял и нырнул. Чуть всех не угробил таким закидоном.

– Если я тебя правильно понял, ты против моей водной процедуры?

– Это как желается. Нырять, если тушенку так уважаете. Только предварительно хотелось бы иметь заявление, что по собственному желанию. А то потом запросто на меня мокруху повесят. Ни в жисть не поверят, что шеф по утрянке за триста граммов тушенки жизнью рисковать решил. Ну и кранты мне тогда.

Смотревший до того куда-то в сторону, Рыжий во время этих слов заглянул мне в глаза и отступил на шаг, сделав вид, что сам испуган своим требованием.

– Это самое... Прошу не обижаться. Контингент вроде меня, интеллигентному поведению учить, что мертвого лечить. Каким родился, таким и обломился. Язык вперед соображалки торопится. По этой причине все время нахожусь в потерпевших.

Неожиданно я спохватился, что до сих пор стою босиком на влажной холодной хвое. Направился было в палатку обуваться и у самого входа ошеломленно тормознул, вспомнив, что вечером на веревке, протянутой от сруба к ближайшей лиственнице, висела найденная мною накануне ковбойка. Я еще собирался расспросить Рыжего, не он ли со товарищи оставили ее во время неудачного летнего общения с этими местами. Сейчас ковбойки на месте не было.

– Ковбойка здесь висела... Ты убрал?

Рыжий недоуменно посмотрел в направлении моего жеста и пожал плечами.

– Исключается, шеф. Что я, ханьга какой? Не мной повешено, не мне убирать. Зачем себе лишнее беспокойство устраивать.

– Где тогда она?

– Вопрос не по адресу. Может, сами по нечаянности куда-нибудь пристроили?

Увидел, что я раздраженно дернулся.

– Ну, тогда местных жителей поспрошать надо. Хотя какой им резон из-за старой тряпки себя беспокоить. У них другой интерес...

Рыжий осекся, снова встретившись со мной глазами. Размашисто и, как мне показалось, дурашливо перекрестился.

– Вот вам крест, даже близко не подходил.

Стараясь не выдать своей растерянности, я зашел в палатку, торопливо обулся, прихватил полотенце и пошел к реке. Рыжий

заторопился следом.

– А петуха я к обеду в наилучшем виде... На рожне... Они за доллары, а мы на рожне.

Он даже вперед забежал, когда я по кромке воды направился к скалистому мысу.

– Если нырять все-таки собираетесь, советую веревку захватить. Для страховки с моей стороны. В случае чего, извлеку на поверхность. Не вред подстраховаться, когда есть чего бояться.

– В отличие от тебя ничего не боюсь.

– Так не бывает, чтобы совсем ничего. Интерес к жизни пропадает. Бояться всегда надо.

– Вот и бойся, а других не пугай.

– Не пугаю, а предупреждаю. Из уважения.

– За что же ты меня уважаешь, если не секрет?

– Так это самое... По разным причинам. Если нырять не станете, еще больше уважать буду.

– За трусость?

– За понимание действительности.

– Так вот...

Я остановился. Рыжий, чуть не наскочив на меня, шарахнулся в сторону.

– Чтобы в этой действительности хоть немного разобраться, мне сейчас придется заняться подводным плаванием. После чего, надеюсь, кое-что прояснится. Там?

Узкая полоса прибрежной гальки, шагах в десяти от места, где мы остановились, упиралась в скалистый выступ, огибая который течение реки образовало довольно большую заводь с беспокойной рябью темной воды. Заблудившаяся одинокая льдинка шуги сиротливо покачивалась посередине заводя.

– Насчет веревки ты, пожалуй, прав. Тащи! Тащи, тащи, я подожду.

Не захотелось мне почему-то, чтобы за моим купанием кто-то наблюдал со стороны.

Рыжий с недоверием посмотрел на меня, но поскольку предложение о веревке исходило от него самого, возражать не стал, повернул обратно и припустился почти бегом, несколько раз оглянувшись на ходу. Когда он скрылся из вида, я, уверенный, что

веревку он отыщет не сразу, торопливо разделся и в одних плавках подошел к воде. Сделал несколько резких движений, разогреваясь, и буквально за секунду до того, как нырнуть, отчетливо услышал насмешливый женский голос:

– От любопытства кошка умерла.

Я ошеломленно закрутил головой во все стороны и вертел до тех пор, пока не понял, что со стороны услышать голос я не мог – поблизости никого не было и быть не могло. Голос звучал у меня внутри. Тот самый голос, о котором раньше поведал Рыжий. Но и этого быть не могло. Бред какой-то!

– Ну что, Лешенька, слабо искупаться? Водичка-то холодная, чукотская. Нырнешь – и не вынырнешь. Поплывешь вместе с рыбками в Охотское море.

«Это я сам себе говорю, сам себя пугаю», – наконец догадался я. Странно только, что голос женский. Знакомый голос, незабываемый. Если бы стояла рядом, те же самые слова сказала бы. Предупредила, чтобы не нырял. Как в прошлый раз: «Не лезь, это не твое!»

Солнечные лучи, продираясь сквозь густую вязь ветвей двух старых лиственниц, прочно утвердившихся на скале над заводью, скользнули по ряби беспокойной воды, и та из темной и страшной вдруг стала зеленой и, как мне показалось, прозрачной до самого дна. И тогда, спасаясь от наваждения и невольного страха, я нырнул. Несколько сильных гребков – и я уже у самого дна, усеянного обломками камней и... консервными банками. Было их не так много, как рассказывал Рыжий, но десятка два, пожалуй, набралось бы. Я лихорадочно крутанул на месте – надо было спешить, водичка действительно была на грани фола, а я, честно говоря, подобными водными процедурами не занимался года два. Сейчас это сказалось. Тело до сердечной боли сдавило холодом. Уже почти ничего не различая, я схватил ближайшую банку и рванул к поверхности.

– Дурак! Ой, какой же дурак! – не то слышалось, не то сам себя обругал. Согнувшись в три погибели, я буквально выполз на берег, задыхаясь от боли в каждой мышце. Пристроил банку на ближайший камень и стал яростно растираться полотенцем. Постепенно сознание прояснилось. Рыжего все еще не было.

«Странно. Давно уже должен стоять рядом со мной. Что он, до сих пор веревку найти не может?»

Я еще раз на всякий случай внимательно огляделся по сторонам. И неожиданно не столько осознал, сколько почувствовал вдруг окружающее пространство. Тысячи километров и бессчетное количество времени отделяли меня от другого мира, мира движения, огней, разговоров, суеты, миллионов дел и событий, происходивших там каждую минуту, каждую секунду. Здесь же не происходило и не могло происходить ничего, потому что здесь властвовала вечность.

«Где же Рыжий? Понятно теперь, что он так боялся остаться здесь один. Одному тут действительно жутковато».

Я стал одеваться, то и дело поглядывая в сторону, откуда должен был появиться Рыжий. То, что один из фрагментов его ночного повествования оказался правдой, заметно изменило мое отношение к его рассказам. Надо будет потщательнее проанализировать все услышанное от него и как можно подробнее расспросить о каждой из мелочей пребывания полукриминальной троицы на месте нашего стационара. Судя по всему, многое из их приключений еще оставалось «за кадром». Маловероятно, что случившееся настолько их напугало, что они так и не предприняли больше ни одной попытки продолжить свои поиски?

Но где же все-таки моя подсобная единица? Неужели опять ему что-то померещилось?

Окончательно согревшись, я чалмой повязал полотенце на мокрые волосы, прихватил с таким трудом добытую банку и торопливо направился по берегу к месту нашего проживания. Отсутствие Рыжего стало не на шутку меня беспокоить.

В палатке, куда я заглянул первым делом, никого не было. Поблизости – тоже никого. Я внимательно огляделся. У входа в палатку брошена бухта веревки – значит, веревку он все-таки нашел, но почему-то с собой не прихватил и ко мне не поспешил. Рюкзак и глухарь на месте. Открыт ящик с приборами, но вроде ничего не тронут. Не прихватило ли его очередное желудочное расстройство?

– Эй! – крикнул я. – Валентин Николаевич! Чем объяснить ваше исчезновение на этот раз? Кажется, поблизости никто не стрелял...

«Кстати, а где ружье?»

Собираясь на «водные процедуры», я, по-моему, оставил его в палатке... Ружья не было. Неожиданное исчезновение Кошкина становилось не только непонятным, но и тревожным. Может,

прихватил ружье и погнался за кем-нибудь? Да нет, погоня за зверем, а тем более за человеком, начисто исключались, если принять во внимание основательную его перепуганность здешней местностью и ее несуществующими обитателями. Я наметил себе час-полтора сроку, после которого придется отправляться на поиски, если моя подсобная единица так и не объявится за это время. Заодно придется внимательно ознакомиться с окрестностями, которые, кажется, действительно не без сюрпризов. Вот ведь не хотел брать рабочего – навязали! Теперь кроме лишних хлопот и ответственности ничего хорошего не предвидится. А если действительно что-то серьезное, то и меня отсюда выдернут только так. Накрылись тогда и мое первое самостоятельное поле, и самонадеянные надежды разобраться в хитросплетениях таинственной истории, в которую меня так или иначе уже затянули. Но уж если отыщу эту непонятную пропажу, выдам ему по первое число. Пусть даже не пробует ссылаться на таинственную местность. Со мной этот номер не пройдет. Придется Валентину Николаевичу Кошкину на этот раз отчитываться по полной.

Я растопил печку, вскипятил чай, залил кипятком невесомую пачку китайской лапши и, неторопливо позавтракав, стал обдумывать маршрут своих поисков. Особенно мудрить нечего. На реке его нет – лодка на месте, а по берегу ходу только до ближайшего прижима, который отсюда в пределах видимости. Для начала пройдусь вверх по распадку, там снег еще сохранился, а значит, и следы отыщутся, если он рискнет передвигаться в том направлении. Если нет, поднимусь на ближнюю сопку, чтобы оглядеться. Ну а там видно будет.

Через час, прихватив ракетницу, фотоаппарат и силой навязанный мне Птицыным старый именной ТТ, когда-то принадлежавший его отцу, бывшему фронтовому разведчику, тронулся в путь.

* * *

Я снова вспомнил адресованные лично мне записки из «Полевого дневника» Арсения, когда, цепляясь за пружинившие ветки стланика, спустился в распадок.

«Распадок – дорога к сердцу хребта. Но он почти непроходим. Продвигаться по нему надо, держась правой стороны, по верхнему

карнизу. Ниже карниза стланик, выше – отвесная стена. Тут явно не вода поработала, совсем другая стихия. Левый берег под противоестественным наклоном к правому – и тоже стена до самой воды. Поэтому, если соберешься идти по левому, не увидишь, что творится внизу. Внизу же весьма интересно, если через километра три с немалыми трудами постараться спуститься вниз. Только очень осторожно спуститься. Глухая здесь с уступа на уступ, как по ступенькам, скачет вниз. Шуму в этом каменном мешке от неё вполне достаточно, чтобы не слышать самого себя, если придет в голову посетовать вслух на любопытство, которое завело тебя в места, где тебе, в общем-то, совершенно нечего делать. Но сетования окажутся несправедливыми, когда хорошенько оглядишься. Развал больших и малых валунов организовал здесь нечто вроде небольшой узкой косы, упирающейся в нижний уступ скалы. Валуны эти, обкатанные и выбеленные тысячелетним бегом воды до внешней минералогической неотличимости друг от друга, могут скрывать под своим белесым покровом совершенно неожиданное нутро – темно-зеленый разлом нефрита (не исключаются белые и даже красноватые экземпляры) или замысловатые узоры опала. Случаются и более редкие находки. Впрочем, на геологические изыскания время у тебя вряд ли останется. А вот вокруг внимательно оглядись. Если выпадет солнечный денек и где-то с часу до двух лучик-другой доберется до дна ущелья, посмотри на отполированную до блеска отвесную стену левого берега. Тебе сразу станет понятно, почему здешние горы называются разноцветными. Особенно впечатляют ярко-красные разводы неизвестного ни мне, ни тебе минерала. Словно брызги крови неведомого чудовища навечно превратились в отпугивающий посторонних и любопытствующих символ неведомого, предупреждающий о неминуемой опасности. Прости за не совсем уместный поэтический пафос, с которым пишу о вполне обыденных явлениях, но хотелось, чтобы хоть краем глаза ты уловил странноватую особенность этого места – несоединимое, казалось бы, сочетание ужаса и красоты. Не оно ли столетиями отпугивало от этих мест непоседливых местных аборигенов, которые всегда безошибочно умели чувствовать и понимать природу.

Но не дай тебе бог задержаться в этих местах до темноты. Ночью здесь может оказаться и показаться такое, чего вообще не бывает и

быть не может. Приписываю это не какой-то там чертовщине, а возможным геологическим, энергетическим, физическим, химическим полям и явлениям, о которых мы, в сущности, еще почти ничего не знаем.

Перечитал написанное и увидел, что бессознательно, чуть ли не в одном предложении ухитрился соединить Бога и черта, что, по правде говоря, полноценно выражает внутреннюю сущность всех этих природных явлений – соединение несоединимого.

Еще и еще раз повторяю – будь осторожен. И лучше дождись первых морозов, тогда передвигаться будет намного легче. Можно будет даже выбраться на плато. Но это уже совсем другой мир, от которого лучше держаться подальше. Я пока в нем не разобрался. Арсений».

Он, кстати, часто расписывался не фамилией, а именем. Даже в деловых бумагах.

Снег в распадке едва начал подтаивать, и если бы там кто-нибудь рискнул появиться, следы бы обязательно сохранились. Преодолев метров триста вдоль речушки, я убедился, что никого здесь не было и быть не могло. Передвигаться по обрывистому склону берега, то и дело увязая в смолистых ветках стланика, стоило лишь по великой нужде. Да и то не каждый бы решился рискнуть собственной шеей или сверзнуться в речушку, которая, кстати, был не речушкой, а вполне непреходимым горным потоком, судя по внешнему виду, весьма неприветливого и сварливого нрава. И хотя, как писал Арсений, она была «единственной дорогой к сердцу хребта», следовало крепко подумать, прежде чем ступить на эту опасную тропу и пойти неизвестно куда и неизвестно зачем. Но я уже твердо решил, что чем бы мне это не грозило, я обязательно пойду по ней. Только не сейчас, а когда морозы устоятся, дел поменеет и Кошкин отыщется. Здесь его не было и быть не могло. Его сюда и ящиком водки не заманишь. Наверняка будет ссылаться на «технику безопасности». Насчет техники безопасности тут точно крутой минус. Не представляю, как Арсений эти четыре километра туда и четыре обратно до темноты преодолевал. По-моему, это просто невозможно. Проверим. Сочиняя свои инструкции, он явно рассчитывал если не на мое любопытство, то на самолюбие точно.

Поскольку «дорога к сердцу хребта» явно не годилась для поисков пропавшего лаборанта (звание, которое я пообещал Рыжему в случае, если хоть малая толика его рассказней окажется правдой), оставался подъем на ближайшую сопку, с которой можно обозреть окрестности и наметить путь дальнейших поисков. Когда в институте я поинтересовался картой окрестностей стационара, на меня посмотрели с нескрываемым удивлением и посоветовали обратиться в весьма далекие от нашей профессии органы, которые давным-давно наложили строжайшее вето на огромную часть побережья и тянувшегося вдоль него хребта со всеми его ответвлениями, отрогами, увалами, кряжами и т. д. И хотя верховные деятели недавно народившейся демократии уже вовсю приторговывали секретами полувековой давности, но до карт здешних мест у них либо руки не дошли, либо они сочли безлюдные и малоизученные пространства, не запятнанные нефтегазовыми буровыми, недостойными внимания. В общем, карт мне никто не дал, а обращаться в органы я не рискнул – спохватятся и выпнут наш стационар куда подальше. Хотя дальше вроде уже и некуда.

На безымянную высотку, ближнюю к нашему временному поселению, я вскарабкался довольно быстро, чутьем угадав наиболее удобный путь среди острых разломов базальта, выпроставшегося ближе к вершине из все того же цепкого стланика и редких корявых лиственниц. Открывшийся отсюда вид меня разочаровал. Обозримое пространство ограничивалось лишь частью поймы реки с протоками и островами; километрах в шести за рекой виднелось озеро Абада, за которым до самого горизонта, размытая дальностью, плоскостью и бесцветностью, простиралась бескрайняя тундра. А вот обратную, наиболее для меня интересную сторону горной страны загораживали тяжелые туши гольцов, укутанные основательным снежным покровом. Чтобы разглядеть то, что скрывалось за ними, нужно было, как минимум, оказаться на вершине одного из них. А это будет уже намного серьезнее, чем только что закончившееся восхождение. Выходит, прав Арсений – путь к «сердцу хребта» лежит все-таки через распадок. Даже отсюда гольцы выглядели совершенно неприступными.

Не обнаружив на высотке никаких следов недавнего пребывания кого-либо, я решил вернуться назад тем же путем и бросил последний

взгляд в сторону озера. Тонкая струйка дыма на дальнем его берегу сначала показалась мне миражом на фоне ослепительного осеннего неба. То и дело порывами налетавший со стороны далекого моря ветер тут же стер этот зыбкий, почти неразличимый мираж, и я уже совсем было согласился, что мне, конечно же, показалось, но через несколько минут, стоило чуть поутихнуть ветру, струйка тут же возникла на том же самом месте. Я невольно отступил за скальный выступ, представив, как кто-то рассматривает в бинокль мою фигуру на открытой со всех сторон вершинке.

«Такие, значит, дела, – не без доли удивленного раздражения подумал я. – В нескольких километрах, что по здешним меркам чуть ли не вплотную, объявились соседи. Кто?» Это мог быть кто угодно: охотники, геологи, пираты, какая-нибудь припозднившаяся экспедиция, одинокий искатель приключений и случайного золотишка – что толку гадать? Это, действительно, мог быть кто угодно. И в то же время никого здесь быть не могло. По очень многим причинам. Важнейшая из которых – табу, которое наложили на эти места события двухлетней давности. Правда, если рассказ Рыжего все-таки не стопроцентная выдумка, табу совсем недавно было нарушено, и нарушители поплатились за свое вторжение сокрушительной неудачей. Но совсем не исключено, что еще кто-то рискнул повторить их подвиг. Как не исключено и то, что именно мое появление на стационаре взбудоражило любителей возможного форта. Именно на это совсем недавно намекал мне майор. А тут еще загадочное исчезновение Рыжего. Не имеют ли к нему отношение те, кто развел костер на берегу озера? Судя по всему, предчувствия тех, кто отговаривал меня от поездки, начинают сбываться. Только вот какая странность – все, кто меня отговаривал, явно хотели, чтобы я здесь оказался. Начиная с Арсения. Всем нужен был камешек, который покатится вниз с горы, вызывая своим падением лавину. И ждали они этот камешек задолго до того, как я здесь оказался. Словно кто-то намеренно делал ставку на мое появление. Не тот ли неизвестный, которому пришлось на время смириться с вышедшими из-под его контроля событиями?

И вдруг я совершенно отчетливо понял, что искать Рыжего не имеет ни малейшего смысла. Либо сам отыщется, либо мне объяснят, с какой целью его умыкнули. Должна же быть какая-то цель в этом исчезновении. Или похищении? Помешал кому-то? Или мог

помешать? Но если он помешал, то я-то могу помешать еще больше. Значит, одно из двух – или следующим должен буду исчезнуть я, или расчет был на какие-то мои ответные действия. Например, что кинусь искать своего помощника и оставлю без присмотра базу: палатку, лодку, продукты, приборы... Недодумав, я стал торопливо спускаться вниз, достав на всякий случай из кармана пистолет.

Неторопливо убегающую в сторону распадка росомаху с моим глухарем в пасти я разглядел шагов за сто. Поняв, что она вот-вот скроется за камнями, не целясь, выстрелил в ее сторону, надеясь, что от неожиданности и испуга он выронит украденную добычу. Росомаха даже не оглянулась и через мгновение скрылась в распадке.

– Вот сволочь! – обругал я ее вслух и, подойдя к палатке, пнул со злости валявшийся на земле пустой рюкзак Рыжего. Росомаха не поленилась основательно его распотрошить наверняка из одной пакости, поскольку ничем съедобным, а значит, интересным для нее от скудных вещичек исчезнувшего «лаборанта» пахнуть не могло. Представив, каким монологом разразился бы Рыжий, случись подобное происшествие при нем, я стал собирать разбросанные вещички. Интересно, куда он все-таки слинял? Сам или помог кто-то? Если помог, то кому он мог понадобиться? Вопросов выше крыши. А тут еще эти неизвестные соседи. Может, сплавать к ним, поинтересоваться, пока моя лодка тоже не слиняла. Спohватившись, я выскочил на берег. Лодки не было. И исчезла она в то время, пока я поднимался на вершинку. Спускаясь в распадок, я видел, что она лежала на косе метрах в двадцати от воды. Та-ак... Сбегал, называется. Теперь мне о соседях до полного ледостава надо позабыть. Разве только сами пожалуют.

Ситуация складывалась, скажем прямо, не очень веселая. Ружье увели, лодка исчезла, помощник бесследно испарился. Надо глянуть – не исчезло ли еще что-нибудь. А потом сесть и хорошенько подумать над тем, что происходит. И происходит достаточно активно. С какой целью? Какая роль мне отведена во всех этих событиях? Пока эта роль явно пассивная. Судя по всему, меня загоняют в обстоятельства, когда я буду вынужден что-то предпринять, как-то реагировать. Спрашивается, как реагировать? Прореагировал мальчишеским нырянием за консервной банкой – исчез Рыжий. Отправился его искать – увели лодку. Тут еще эта пакостница росомаха, которая явно не

собирается гарантировать мне спокойную жизнь. Глухаря, гадина, утащила. Пристрелить бы ее тогда сразу и все дела. Так что атмосферка вокруг понемногу сгущается. Невольно согласишься с Рыжим, не жалуящим эти места своим доверием и любовью. Сидеть и ждать, какие еще события последуют за уже случившимися, вариант явно не оптимальный. Дел невпроворот. И если за мной кто-то внимательно наблюдает (интересно, откуда?), то пусть удостоверится, что я не очень-то обескуражен случившимся и как ни в чем не бывало занимаюсь неотложными делами, которых у меня после исчезновения помощника по быту прибавилось вдвое. Прежде всего, надо соорудить нормальную дверь, чтобы вход в жилище был более-менее защищен хотя бы от все той же росوماхи, которая после глухаря наверняка постарается добраться до остальных припасов. Потом надо будет заняться заготовкой дров – вряд ли эта сентябрьская оттепель надолго. Надо разобрать и привести в порядок приборы, наметить маршруты, установить по маршрутам регистраторы и камеры, записать в «Полевой дневник» все сегодняшние происшествия и попытаться связаться по рации с диспетчерской аэропорта. Про Кошкина пока сообщать не буду, вдруг заявится ближе к вечеру, когда жрать захочет. Хорош я тогда буду, подняв панику по пустяковому поводу. Про лодку вообще лучше не заикаться, решат – обычное разгильдяйство неопытного практиканта. Еще и на смех поднимут. Кто, спрашивается, может украсть лодку в местах, где до ближайшего возможного угонщика по прямой километров четыреста. Так что обнародовать свои проблемы пока не стоит. Подождем следующего происшествия. А пока займусь самыми неотложными делами. Но ушки буду держать на макушке и, как советовал Рыжий, «ходить на цырлах и почаще оглядываться». На всякий случай.

* * *

Рация безнадежно молчала. Я не стал в темноте ковыряться в ее внутренностях и вместо этого наколот на ночь несколько охапок дров, тем более что к вечеру с севера потянуло резким холодком и в нашем недостроенном жилище сразу обнаружилось множество слабых щелеватых мест, которые я запланировал завтра же подчистую

ликвидировать. Впрочем, печка пока довольно сносно справлялась со своими отопительными обязанностями, а новая крепкая, хотя и несколько тяжеловатая дверь надежно отгородила меня от намечавшегося погодного ненастья.

Еще раз помянув недобрым словом росомаху за украденного глухаря, я приступил к довольно скромному ужину, главной составляющей которого был крепко заваренный чай, банка сгущенки и большой ломоть пока еще не зачерствевшего хлеба.

Может быть, от усталости, накопленной за последние дни и особенно часы, я впал в полудремотное состояние, в котором, как это иногда случается с привязавшейся мелодией, раз за разом мысленно прокручивал не дававшую мне покоя идею, безнадежно пытаюсь приспособить ее к одному из фрагментов рассказа Рыжего, в котором он признавался в своем неотвязном желании понять, что же все-таки здесь происходит. Казалось бы, какое до этого дело неприкаянному бичаре, нанятому за мизерную пайку присутствовать при чужом интересе в опасном и загадочном месте, которое, как он говорил, напоминает ему гибельный «шепот звезд». Бежать бы ему от этого шепота подальше, а его неодолимо тянет сюда. Хочется ему, видите ли, разобраться, Бог или черт управляет непонятками этих мест. Уже только один факт этого его интереса способен привести в изумление. Кстати, Арсений, кажется, тоже писал о Боге и черте, одновременно заявляющих свои права на здешние окрестности. Странное совпадение. И вот именно эта идея и не давала мне сейчас покоя. Я был уверен, что все, что произошло сегодня, к Богу не имело ни малейшего отношения. Поэтому не стоило поддаваться на уловки и подначки его антипода то ли в виде местных духов-аборигенов, то ли в виде вполне конкретных представителей homo sapiens, рыскающих окрест в поисках суперфарта. И тем, и другим я, судя по всему, или очень мешал, или они собирались использовать мое присутствие в только им ведомых целях. А вот фиг вам! Буду лучше советоваться с Богом. Просто нет у меня пока другого выхода, кроме как поверить в то, что все в конце концов будет хорошо.

Тетя Вера усыновила меня после смерти матери. Мне было тогда десять лет, и я впервые задал ей вопрос, который раньше почему-то боялся задать матери:

– Где мой папа?

Тетя Вера раздраженно отодвинула от себя чашку с чаем, и на белоснежной скатерти стало медленно расплываться большое рыжее пятно. Это пятно и ее нескорый ответ навсегда отложились в моем сознании ощущением чего-то непоправимого.

– Отец, конечно, у тебя был, и с этим ничего не поделаешь, – каким-то не своим, холодным голосом наконец ответила тетя Вера. – Рано или поздно ты обязательно задал бы мне этот вопрос, и мне пришлось бы на него отвечать. Не скрою, мне неприятно говорить о нем. Легче было бы ответить, что его не было вообще. Или сказать, что он умер. Это избавило бы и тебя, и меня от лишних переживаний. Но он, к сожалению, жив.

– Почему «к сожалению»?

– Потому что такие, как он, жить не должны. Нина умерла из-за него. Не болезнь, а из-за него. Она все время ждала, что он...

Тетя Вера всхлипнула, но сдержалась и прикусила губу. Потом несколько раз перекрестилась, словно испрашивая прощение, и тихо сказала:

– Я, конечно, не могу заставить тебя не думать о нем. Просто помни – Бог никогда не будет с тем, кто бросает своего ребенка, и ни разу, слышишь, ни разу не вспоминает о нем. Даже сейчас. Поэтому пусть его просто не будет. Постарайся это понять и смириться. Бог тебя защитит.

– Ты веришь в Бога? – удивленно спросила меня Тамара через несколько недель после нашего знакомства.

– Почему это тебя удивляет? – ответил я вопросом на вопрос, неприятно задетый насмешкой, прозвучавшей в ее голосе.

– Университет, третий курс биологического. А потом, извини меня, окружающая действительность. Она давно должна лишить тебя иллюзий, что существует какая-то высшая справедливость. Если бы она существовала...

– Договаривай.

– Сейчас каждому дураку понятно, что ее нет, не было и быть не может. Так уж устроилось человечество. Для подавляющего большинства людей высшей справедливостью является целесообразность. А целесообразность это прежде всего польза. Что полезно, то и справедливо.

Она была неглупой девчонкой. И слишком красивой, чтобы предположить наличие размышлений над сложными мировоззренческими вопросами. Но, оказывается, она очень даже всерьез задумывалась над ними. И делала свои выводы.

– Какие-то квакерские доводы. Не находишь?

– Поэтому они и живут намного лучше нас.

– Целесообразнее?

– Умнее. А мы все за химерами какими-то гоняемся.

– Кто гоняется? Оглянись.

– Я имела в виду не их, а тебя. Зачем тебе все это? Тайга, тундра, глушь, птички какие-то. Они давным-давно все подсчитаны и описаны. Ни малейшей перспективы. Здоровый мужик, мог бы горы свернуть. Я родителям стесняюсь говорить, чем ты занимаешься. Вернее, собираешься заняться. Боюсь, они не поймут.

– То, что ты называешь «птичками», – природа. И загадок в ней намного больше, чем подсчитанного и описанного. И мне очень интересно их разгадывать. Будет от этого какая-нибудь польза? Для меня, может быть, нет. Для человечества – когда-нибудь.

– Хорошо, согласна. Какая-то космическая энергия существует. Может быть, даже разумная. А вот Бога нет.

– Для тебя нет, для меня есть.

– Забудем. Проводи меня вон до того дома и поцелуй на прощанье.

– Почему на прощанье? – спросил я, смутно предчувствуя, что прощанье, кажется, действительно не за горами.

– Ну, так говорят. Не скажешь же – «поцелуй до следующего свиданья».

Это был один из многих наших разговоров на подобные темы. Скоро я заметил, что ей скучно со мной. Встречи становились все реже. Когда я вернулся с последней практики, она уже была с другим.

– Слава богу! – сказала тетя Вера. – Та, которая будет с тобой, должна уметь ждать и понимать. А где они сейчас такие? Все спешат жить. И не просто жить, а жить хорошо. Не прилагая для этого никаких особенных усилий. Для таких ожидание невыносимо. И прощать они не умеют. Подозреваю, что и любить не умеют. Любовь редкий дар, и дается он очень немногим. Предвижу, что быть тебе

бирюком-одиночкой всю оставшуюся жизнь. Видимо, это твоя судьба. Как у матери. Как у меня...

Кажется, именно тогда я решил, что любви у меня действительно не будет.

Неожиданный звук тонким надоедливым жужжанием исподволь вторгся в звуки ветра, посвистывающего в незаделанных щелях, в потрескивание дров в печурке, в ровный гул тяги. Сначала я не обратил на него внимания. Но звук становился если и не громче, то все назойливее. Наконец я понял, что по реке идет моторка. Только сумасшедший мог решиться по такой реке, ночью, в полной темноте, когда буквально каждый метр мог оказаться последним. «Да нет, невозможно!» – подумал я. Пока меня не осенила совершенно идиотская мысль, показавшаяся мне единственно вероятной, – Птицын! Только он, по моему разумению, мог решиться на такое. Еще немного – и проскочит мимо. С реки наше жилище не разглядеть, в темноте и подавно. Кроме как сюда, ко мне, вряд ли у него другая цель. Наверное, что-то случилось! А может быть, с ним Ирина?!

Схватив ракетницу, я выскочил наружу. Звук моторки был отчетливо слышен, почему-то не приближаясь и не удаляясь. Очевидно, в темноте Птицын плутал в протоках.

Призрачный красноватый свет от зависшей на несколько мгновений ракеты выхватил из сплошной тьмы сферу показавшегося совершенно незнакомым пейзажа – скатывающуюся куда-то в неведомое воду реки, наклонившийся противоположный берег, низкие, постепенно погасающие облака. Потом все исчезло в еще более плотной темноте. Исчез и звук мотора. Выждав с минуту, я снова выстрелил. Зачем-то оглянувшись назад, я успел увидеть за стволами непонятное смазанное движение чего-то или кого-то. Потом тени деревьев, сдвинутые с мест падающим светом, стремительно скользнули вверх по склону, и снова вокруг воцарились темнота и тишина.

«Значит, не Птицын», – понял я, прождав в неподвижности минут пятнадцать. Ни посторонних шорохов, ни возобновившегося звука мотора. Одно из двух – либо показалось, либо всю ночь надо быть настороже, чтобы не застали врасплох. В свое недоделанное жилище возвращаться не буду, покараулю час-другой где-нибудь поблизости. Хотя бы под тем уступом скалы, где укрытое брезентом еще лежало

кое-какое наше имущество, которое я не успел перетащить под крышу. Помнится, там и полушубок Рыжего лежал, забытый им по ненадобности из-за погодных фокусов. Полушубок оказался на месте, и это снова сподвигло меня на мысль о явно недобровольном исчезновении товарища Кошкина. Натянув тесноватый полушубок и подготовившись бодрствовать остаток ночи, я довольно уютно устроился среди ящиков и, положив под руку старенький ТТ, стал внимательно всматриваться в темноту, еще несколько минут назад казавшуюся непроглядной. Видел я и сейчас в общем-то не так много – всего-навсего смутные силуэты близрастущих деревьев и темное пятно нашего жилища. Но почему-то именно сейчас, в темноте, в закрадке на неведомого врага вдруг стало складываться и обобщаться в сознании все видимое мною окрест за последнее время, начиная с пролета на вертолете, передвижений по реке, недолгого путешествия по распадку, вплоть до панорамы с вершины ближней горушки. Вспоминалось все, что я читал и слышал про эти места. Да еще рассказ Рыжего то и дело возникал в памяти несвязными фрагментами, мешая придти к какому-либо окончательному выводу. А прийти необходимо, потому что от этого зависело, с чего я начну свой следующий день. Готовиться к обороне от неведомого или, плюнув на все страхи, заниматься, как ни в чем не бывало своими насущными делами? Часа через два, продолжая до рези в глазах всматриваться в постепенно редющую темноту, я принял неожиданное для самого себя решение: соберусь пораньше и двину по распадку до того самого места, где, по словам Арсения, может оказаться такое, «чего не бывает и быть не может». Почему-то мне показалось, что именно там находится разгадка всего, что здесь происходит. Если где-то в окрестностях скрываются посторонние, то они должны скрываться только там. Объяснить, почему это пришло мне в голову, я не смог бы даже самому себе. Интересно, а что посоветовал бы сейчас тот самый, так напугавший Рыжего внутренний женский голос? Я, кстати, тоже его слышал, только сразу догадался, что говорю сам с собой. А то, что голос оказался женским, тоже неудивительно. Об исчезнувшей Ирине я думал постоянно. Слишком болезненным оказалось для меня ее внезапное исчезновение. Примириться с ним я так и не смог и в глубине души верил в обязательную с ней встречу. Называйте это предчувствием, глупостью, дурацкими фантазиями, но я был уверен,

что она тоже появится здесь. Потому что именно здесь таинственно исчезла женщина, с которой она была как-то связана, которую во что бы то ни стало хотела отыскать и на которую, как говорят, она была очень похожа. Спрашивается, можно ли найти человека, бесследно исчезнувшего два года назад при тех страшных и трагических обстоятельствах, которые в одночасье переломали несколько человеческих судеб и так и остались неразрешимой загадкой для всех, кто оказался к ним так или иначе причастным?

– «Смотри, Лешенька, как бы и тебя пополам не переломило. Нельзя влюбляться в женщин, о которых ничего не знаешь. Это бессмысленно и безнадежно. Ошибешься еще раз, теперь уже навсегда».

Это был ее голос. Я слишком его помнил, чтобы спутать с другим. А когда темнота внезапно оказалась смывтой белесым сумраком рассвета, увидел ее. Она была в том же сером блестящем платье, только на плечи почему-то был накинут старый пуховый платок, такой же, как у тети Веры.

– «И не вздумай никуда уходить отсюда. Здесь ты пока в безопасности. Пока. Понимаешь?»

Она отступила на шаг и отвернулась. Но я продолжал слышать ее голос.

– «Если бы он тогда не ушел, все было бы совсем иначе».

– Кто? – спросил я. И сразу же догадался: – Арсений!

– «Ты тоже не должен уходить. Если уйдешь, больше ничего не будет. Совсем ничего. Понял?»

Она стала медленно отходить в сторону распадка.

– Нет! – крикнул я и проснулся.

Прозрачное марево утреннего тумана медленно сползло к реке. Рассветная тишина была настолько плотной и вязкой, что я не слышал даже своего дыхания. Любой звук показался бы мне сейчас спасением от затерянности в замершем, будто вымершем окрестном мире. В этой невыносимой тишине я почти физически ощущал вплотную приближившуюся опасность. Я задержал дыхание, надеясь услышать малейший шорох окружающего неподвижного пространства, и вздрогнул от легкого шороха крыльев, скользнувших у самого лица. Синица опустила на рукоять лежавшего на ящике пистолета и несколько раз клюнула блестящую латунную табличку с дарственной

надписью: «Пограничнику Николаю Птицыну за безупречную службу в рядах РКК. 1939». Неожиданно для себя я улыбнулся, и испуганная синица, пискнув, исчезла из поля моего зрения.

Как ни странно, но после этого мне сразу полегчало, «отпустило», как еще говорят. Я выбрался из своего убежища, скинул полушубок и быстро, каскадом, проделал несколько непростых упражнений, которым меня когда-то научили. Разогревшись, набрал охапку дров и вошел в палатку.

Омельченко лежал на нарах, подложив под голову мой скомканный спальник. Рядом лежал карабин.

– Ну и здоров ты спать, товарищ научный сотрудник, – сказал он, не открывая глаз. – Это я еще в своих хоромах заметил. Эдак не только бабу проспичь, самого себя спросонья не същещь.

Справившись с оторопью, я бросил дрова к печке и, демонстрируя невозмутимость, спросил:

– Пешим ходом к нам или на лодке?

По-прежнему не открывая глаз, Омельченко сердито буркнул:

– Кто бы мне ее выделил?

– Я к тому, что ночью моторка по протокам шарашилась.

Омельченко рывком сел и положил руку на карабин.

– Так это им ты сигналы подавал? Показывал дорожку к порожку?

– Я думал, Птицын.

– Ну и дурак! Его за каким рожном сюда понесет? Ночью на моторке даже Птицыну слабо. Видать, до края у них дошло, на рожон прут.

– У кого «у них»?

– Узнать бы, считай, полдела сделали. Не почудилось?

– Вроде нет. После ракеты сразу вырубались.

– Так это ты их за ящиками скарауливал? Вообще-то правильно, береженого Бог бережет. Только вот балаболить во сне самое последнее дело. Зверь, он даже дыхание чует, а когда с ним разговоры заводят, он это за полное к себе неуважение принимает, хвостом разворачивается. Я когда тебя услышал, чуть тоже не развернулся. Погоришь еще с тобой на ровном месте. Где Валентин?

Я не сразу понял, что он спрашивает о Рыжем.

– Исчез.

– Сбежал, что ли?

– Или сбежал, или сбежали.

– Давно?

– Вчера утром.

– Интересные дела. Вовремя я, выходит, подоспел.

– Можно вопрос?

– Давай.

– Пешим ходом, Петр Семенович, вам сюда по самым скромным подсчетам недели две добираться. И то только вам, другим даже думать нечего. А вы – раз, два, три, четыре, пять... шесть, – загибал я пальцы, – меньше чем за неделю успели. Лодки у вас не было. Непонятно.

– Непонятно, когда у медведя рога растут. Ты тут с ними не встречался еще?

– С кем?

– С косолапыми. Их тут не так чтобы мало проживает. Скорее наоборот.

– Они давно уже лапу сосут.

– Да нет, по такой погоде еще рановато. Могут шарашиться. Я на перевале одного видал. Сдалека, правда.

– Вы так и не ответили на мой вопрос.

– Слушай, Леха, что ты мне, как начальнику какому – «вы» да «вы». Перестраивайся. Мы сейчас с тобой по одной жердине перебираться должны.

– Что имеется в виду?

– То и имеется. Я еле хвост из мышеловки выдернул, а тебя вот-вот капканом прищемит. Хорошо еще, если живым останешься.

– Постараюсь. Так как все-таки?

– Дед подсобил. На проходящий санрейс пристроил. Им на Дальний прииск, а меня на полпути сбросили, на бывшей метеоплощадке. Оттуда через перевал всего и делов – день да ночь, сутки прочь. Не ломай голову, нам с тобой сейчас о другом думать надо.

– Дед, что, не знал, что ты в бегах?

– Дед всегда все знает. Ты, если что, на будущее всегда имей это в виду. Он-то сразу смикитил, что гром не из тучи, а из навозной кучи. Ты, говорит, там со своими загогулинами разберись, да молодому научному сотруднику при случае подмогни. А то боюсь, у него уже

мозги набекрень из-за наших обстоятельств. Кошкин, говорит, кадр у него абсолютно безнадежный. Или ненадежный? Ненадежный! Пропал, говоришь?

– Пропал. Но, думаю, скоро отыщется.

– Не исключено. Дерьмо всегда поверху плавает.

– Тут выяснилось, что он со своими друзьями уже здесь побывал в летнее время.

– Вот это уже интересно. Расскажешь потом подробнее. А сейчас давай чайку сгоношим. Ты печку топи и все остальное, а я пока давану с полчаса. Пока ты в закладке кемарил, пришлось окрестность на мушке держать. Очень она тут, я тебе скажу, нервная. Словно кто тебе в спину смотрит, так и тянет оглянуться. Ты как, нашел с ней общий язык?

– Ищу.

– Правильно делаешь. Самое первое дело в сложных обстоятельствах.

Я стал растапливать печку. Когда оглянулся, Омельченко уже спал.

* * *

– Такие вот дела, Петр Семенович, – закончил я свой далеко не подробный рассказ о том, что произошло здесь за последние сорок восемь часов. Кое-что оставил, как говорится, пока за кадром, до лучших времен. Тем более, сам еще не разобрался, что имеет отношение к делу, а что просто субъективные заморочки запутавшегося в событиях невольного в них участника.

Омельченко довольно долго молчал, приканчивая третью кружку крепчайшего чая, который заварил сам, выплеснув предварительно прежнюю заварку за порог. Отставив наконец от себя кружку, мечтательно произнес:

– В баньку бы сейчас... – И, помолчав, добавил: – И поспать часиков надцать.

– Спи, – предложил я, удивленный его реакцией.

– Боюсь, Леха, мы с тобой теперь не скоро отоспимся. Разве только на том свете.

– Не думаю, что все так страшно. Пока кроме Кошкина и ночной моторки никаких особенных событий не наблюдалось.

– Погоди, не договорил... Будет страшно, если мы с тобой меры не примем.

– Какие меры?

– А вот это давай соображать. Ты со своей научной точки, а я с другой стороны.

– Ну, к науке все это не имеет ни малейшего отношения. Скорее всего, к самому обычному криминалу.

– Не скажи. Без науки сейчас разобраться, что к чему, ноль целых, ноль десятых. Понимаешь, нет?

– Нет.

– На шатуна с мелкашкой не попрешь. Схарчит за милую душу.

– Мое мнение – нечего тут голову ломать. Все дело в золоте, которое тогда пропало. У нас его нет, поэтому бояться нечего.

– Золотишко, конечно, тоже не последнее дело. Для кого-то первое. Только одним золотишком тут все концы не свяжешь. Слишком много непоняток остается. А где непонятки, там Петру Семеновичу статья. Или хуже того. Поэтому разобраться нам следует досконально. Без науки никак. Что, Арсению Павловичу в других местах птичек мало было? Я ему сколько раз предлагал: покажу места, где этих птичек – во! На голову садятся. Всех здешних и пролетающих видов. Нет, ему только здесь медом намазано оказалось. Серьезные люди предупреждали – не лезь черту на рога. Так он все шуточками да прибаутчками. Здесь, говорит, зона, где все существование земное с самого неразличимого низу до самого неразличимого верху обозначено. Именно так и выразился. Я почему запомнил – по глупости своей пошутил неумно. Раз, говорю, Арсений Павлович, и вверх и внизу ни хрена различить невозможно, зачем тогда соваться туда безо всякой пользы. Знаешь, что он мне на это выдал?

– Понятия не имею.

– Если, говорит, наука только насчет сегодняшней пользы суетиться будет, то это уже не наука, а накладная на получение готовой продукции со склада. Поддерживаешь такую точку зрения?

– Вполне.

– А я вот несогласие высказал. Если, говорю, меня по этой накладной отоварят, то чего лучше.

– А он?

– В этом, говорит, состоит главная ошибка на сегодняшний день всего человечества. Вместо того, чтобы думать о смысле своего существования, оно думает о том, как бы поплотнее брюхо набить и вещичек нахапать. Для этого никакая наука не нужна. Вполне школьной арифметики хватит. Ну, тут я уже рогом уперся. Объясняю, если все по-честному и своими руками, то хорошей жизнью меня укорять не надо. Лично моя философия в этом деле такая – живи сам хорошо и другим не мешай. А начнешь неведомо за чем гоняться, получится, как с коммунизмом – в кармане пусто, жопа голая, а в голове туман по поводу несбывшихся ожиданий. Хотя такие научные обоснования насчет счастливого будущего тогда приводили, попробуй не поверь. Поедешь, как мой дед, с Дона до Магадана географию изучать.

– Это идеология. Наука тут ни при чем.

– Не скажи, без науки сейчас никуда. Без нее хрен разберешься, в чем тут главная загвоздка заключается. И кто Хлесткина приговорил, тоже разберемся.

– Хлесткин тут при чем?

– Забыл, что он на мне висит? Мне это надо?

– Так разобрались, что не висит. Сам признание читал.

– Какое признание?

– В милиции. Заявление. Ирина ваша написала, что передала карабин на время неизвестному лицу. Что из него Хлесткина убьют, понятия не имела.

– Ну да, я у мамы дурочка. Понятия она не имела. И с каких это пор она моей стала?

– В смысле?

– Ты же сказал – «ваша Ирина».

– Я имел в виду, что она у вас находилась. Жила.

– Ты тоже у меня находился.

– Видел, как она ночью выходила. Поскольку сама призналась, могу теперь быть свидетелем.

– А раньше чего молчал?

– Разобраться хотел. А потом уже не имело смысла.

– Это почему?

– Мне кажется, дело совсем не в Хлесткине.

– В ком тогда?

– В Омельченко. Кто-то уверен, он знает, что тогда здесь произошло. Два года назад. Поэтому его и подставили.

– О том, что тогда произошло, каждая собака у нас знает.

– Я имел в виду, что он знает то, чего никто не знает.

– Кто?

– Петр Семенович Омельченко.

– Что я знаю? Что?!

– Хлесткин здесь летом в одно время с пиратами находился. И, судя по его словам, сделал какие-то выводы. Вы сами слышали. Ну, когда он к вам приходил.

– Плевать я хотел на его выводы! Это он из-за зимовьюшек своих выверился. Сел бы, дурак, и подумал, на хрена мне надо их взрывать. Делать мне больше нечего. Он у местных добытчиков давно уже кость поперек горла. Все подчистую на своих ухажьях подмел. А сюда приперся новые места разведать. Нехорошо, конечно, о покойнике плохо, но и хорошего о нем немного наскребешь. Путаный был человек. Хотя охотник экстра, ничего не скажешь.

– Тогда еще один вопрос, Петр Семенович. Почему ты именно сюда пожаловал со своими загогулинами разбираться?

– Правильный вопрос. Предполагал, что ты мне его обязательно поставишь. Для постороннего человека вопрос действительно не очень понятный.

– Это у вас в доме я был посторонним. А здесь, согласно приказу по институту, мое рабочее место. Следовательно, в настоящее время я здесь хозяин. А хозяин должен быть в курсе дела, что вокруг происходит.

– Если не отвечу, что тогда? Выгонишь?

– Петр Семенович, ты же сам мне сказал, что мы по одной жердочке куда-то перебраться должны. Хотелось бы знать – куда? И зачем?

Омельченко хмыкнул и покрутил головой, словно отгоняя какие-то неприятные мысли. Потом выбрался из-за стола, прихватил карабин и шагнул к выходу. Я растерянно молчал. У самых дверей он обернулся и неожиданным шепотом объяснил:

– Пошманаю вокруг. Чтобы ни одна сволота не подслушала, что я тебе в ответ разьяснять буду. Услышит кто, тогда нам с тобой хана.

Надо сказать, что на сей раз я растерялся. Не понял – то ли он всерьез, то ли это повод, чтобы исчезнуть. Не исключено, пытается уйти от ответа и напустить тумана вокруг своего неожиданного появления. Приказал себе быть готовым к любому повороту событий и стал ждать.

Вернулся Омельченко не так чтобы скоро. Хмуро посмотрел на меня и сел за стол, положив под руку карабин.

– Тут у тебя как вокруг деревенского клуба. Следов – за день не разберешь. Каждой твари по паре. У Кошкина какая обутка?

– Сапоги резиновые.

– А ты, значит, в том, что сейчас. Поэтому картинка на сегодняшний случай такая. Кроме вас двоих тут еще народишко топтался. В количестве двое. И не далее, чем вчера.

– Это они, наверное, Кошкина.

– Очень даже может быть. Он у тебя как? В каком настроении находился? Боялся чего-нибудь? Расспрашивал? Намекал?

– Слышал внутренний женский голос, который посоветовал ему уматывать отсюда в самое ближайшее время. Вместе со мной.

– Женский, говоришь? Уже интересно. Выходит, последовал совету. А ты, значит, решил посмотреть, чем дело кончится, чем сердце успокоится. Не боишься?

– Женских голосов? Не боюсь.

– А зря.

– Не понял.

– Я пока тут по кустам да по камушкам шманал, тоже показалось.

– Женский голос?

– Толком не разобрать было, речушка здешняя шибко шумная. Но вроде смахивает.

– Ну а вам он что посоветовал?

– Зря, говорит, Петр Семенович, ты в это дело ввязался. Ой, зря!

Я внимательно посмотрел на Омельченко – издевается, дурака валяет? Да нет, глаза серьезные, злые.

– Я про себя думаю, рад бы не ввязываться, так ввязали. По самое не хочу. И деваться мне теперь некуда, кроме как во всей этой хренотени разобраться и к главному закоперщику подобраться. Мы бы тогда с ним по душам поговорили.

– Тоже считаешь, что имеется главный?

– Как без него? Такие дела на авось не делаются. А что, еще кто-то так считает?

– Мне тоже в голову приходило, что без мозгового центра не обошлось. Слишком уж одно за одно цепляется.

– Соображаешь. Тебя ведь тоже не хуже чем меня подставили. Или ошибаюсь?

Омельченко уставился на меня тяжелым спрашивающим взглядом.

– Чего молчишь?

– Думаю.

– Надумал чего?

– самого главного своего подставлявщика отыскал.

– Ну? Кто такой?

– Перед тобой сидит. Кто ему, дураку, только не советовал сюда не соваться.

– Не в коня корм, выходит?

– Вот, вот. Рыжий тот же самый вывод сделал.

– Что за Рыжий?

– Это я так Кошкина про себя называю.

– Тоже отговаривал?

– Целую философскую базу подвел на собственном примере.

– Он-то чего боялся?

– Никак понять не мог, зачем он сюда со мной прилетел. Очень ему этого не хотелось, а полетел.

– Приказали, вот и прилетел.

– Так вы же и приказали.

– Стал бы он меня слушать. Сам с утра пораньше заявился. Говорит, слышал, твоему жильцу подсобная рабочая сила требуется. Готов принять участие.

– Интересно. Чем больше узнаешь, тем больше загадок. Уравнение со многими неизвестными.

– С одним неизвестным, – сказал Омельченко, подняв вверх указательный палец. – И если имеется желание этого неизвестного отыскать, давай завязывай со своими птичками. Устроим охоту по всем правилам. Они на тебя, а мы на них. Пока они не знают, что я здесь, преимущества частично на нашей стороне. Будем на живца ловить. Не против?

– Знать бы, кого ловить.

– Без разницы. Объявятся. Пусть тогда выбирают, что для них лучше – жить или на главного все валить.

– Понятно. А живец кто?

– Выбор небогатый – раз, два.

Он ткнул пальцем себя в грудь, потом показал на меня.

– Меня тут пока как бы не имеется, а ты в центре общего вокруг внимания. С часу на час обязательно кто-нибудь нарисуется проверить, как ты дальше жить надумал без вспомогательной рабочей единицы. Если сами на глаза пока попадаться не захотят, то обязательно какую-нибудь пакость организуют. Тут мы их на мушку и прихватим.

– Тогда еще один вопрос. О внимании к своей персоне я, конечно, догадываюсь. Непонятно только, чем я для них интересен? Ремонтирую жилье, заготавливаю дрова, буду расставлять приборы для наблюдения за пернатыми. Собирался еще на экскурсию вверх по распадку.

– Это еще зачем? – насторожился Омельченко. – С какой целью?

– С разными. Надо накидать карту окружающей местности, обозначить ее особенности, наметить будущие маршруты. И вообще... Есть еще кое-какие соображения. Чисто научные.

Омельченко задумался. Сидел, низко опустив голову, барабанил пальцами по столу. Видно было, что мои планы его почему-то не очень устраивают.

Наконец спросил:

– Ну а вопрос какой?

– Не понял.

– Ты сказал, еще один вопрос. Задавай.

– А-а... Ты собирался мне что-то сообщить. Шепотом, чтобы никто не слышал. Наверное, что-то важное. Сообщай. А потом попробуем согласовать наши действия. О своих планах я рассказал, рассказывай теперь ты о своих.

– Теперь не знаю – говорить, нет? Если согласия не получится, будем только мешать друг другу.

– Почему не получится?

– Потому, что ты мне поверить должен. Без оглядки. Пан или пропал. По-другому не получится.

– Рискнем!

Мое согласие почему-то смутило Омельченко. Он поднялся, подошел к двери, выглянул наружу. Вернулся на место, сел, дважды вопросительно посмотрел на меня и, наконец, решился.

– Тут, правда, загвоздка имеется. Я сам себе не вполне еще доверяю насчет того, о чем сейчас тебя в известность поставлю. На восемьдесят восемь процентов уверенность имеется. Железно имеется. Если не поверишь, говори сразу.

– Скажу.

– Тогда будем действовать каждый в своем направлении. Только сразу говорю, на нужный результат рассчитывать трудновато будет.

– Рискнем все-таки.

– Ладно, была не была. – Омельченко снова снизил свой голос до шепота. – Знаю, где золотишко находится. Которое Башка пер. И наша с тобой задача на сегодня – полностью убедиться, что оно там, где я его предполагаю. А затем поставить об этом в известность, кто в этом деле больше всех заинтересован.

– Не понял. Зачем в известность? Каким образом?

– Каким образом, будем подумать. А насчет «зачем» – элементарно. Будем ждать встречный ход. Тогда и определится, кто есть кто и кто тут главный. Поскольку обязательно кинутся золото у нас изымать.

– Изымать-то нечего.

– Будет. Будет что изымать. Только придется тебе, Леха, прогуляться маленько. Примерно в том же направлении, куда ты собирался. Но не с научными целями, а можно сказать, наоборот. Не бойсь, я тебя в неприметном для посторонних виде прикрывать буду.

– За золотом, что ли, прогуляться?

– Ну.

– И восемьдесят восемь процентов, что не зря?

– Двенадцать в запасе, чтобы не так обидно было.

– Спасибо.

– Плохо!

– Что «плохо»?

– Уверенность у тебя пока ниже среднего.

– Да нет, побольше. Просто историю одну вспомнил.

– Что за история?

– Рыжий поведал, когда они сюда за тем же самым золотом прибыли, у их пахана стопроцентная уверенность была, что Башке ничего не оставалось, как со скалы в реку свою ношу скинуть. Тем более что прибор на том месте жуткий металл показал.

– Что за прибор?

– Как я понял, вроде миноискателя в усовершенствованном виде.

– Ну и что?

– Оказалась тушеная говядина. Консервы. Ящичка два, не меньше.

Омельченко неожиданно захохотал. Искренне захохотал, не нарочито. Даже кулаком по столу грохнул от избытка чувств.

– Удалось теляти волка поймать. Они что, ныряли за ней?

– С опасностью, между прочим, для жизни.

– Дуракам закон не писан. У нас про эти консервы все, кому полагается, были в курсе дела. Когда следователи и все остальные с этим делом на месте разбирались, погодка здешняя очередную козью морду сообразила. Сидят мужики, из-за временного отсутствия транспорта голодуют, матерятся почему зря по рации. Ну, летуны дырку на перевале выждали, отправили вертолет со жратвой и одежкой. А сесть опять-таки погодные условия не позволяют. Зависли, где получилось, стали груз выкидывать. А с тушенкой промахнулись, в речку сыпанули. Такая вот тогда у них неувязочка получилась. Погоде выговор не оформишь, а летуны, можно сказать, жизнью рисковали, с них какой спрос.

– С консервами понятно. А взрывчатку зачем сбрасывали? Рыжий рассказывал, когда за консервами нырял, какую-то чуть ли не атомную бомбу выудил. После чего они окончательно отсюда деру дали. Даже поседели от переживаний.

– Это тебе Кошкин рассказал?

– Ну да.

– И что собственноручно за консервами нырял?

– Говорит, прямо со скалы прыгнул.

– Поверил?

– Не так чтобы очень, но впечатлился.

– Употреблял перед рассказом?

– Маленько. Просил здоровье поправить.

– Тогда спасибо скажи, что не водородная бомба, а только атомная. Что он еще тебе тут наплел?

– Советовал почаще оглядываться.

– Тут он не промахнулся. Догадывался, наверное, что под ногами мешается, запросто убрать могут.

Расскажу я тебе, Алексей, лучше свою историю. А ты соображай, кому верить, а после кого оглядываться. – Омельченко надолго замолчал, словно собирался с силами. – Никому не говорил, даже Надехе. Остерегался, не в ту степь все развернуться может. Сейчас поймешь почему...

Я как только про здешнюю заварушку услышал, Карая свистнул и на вертушке сюда, к приезжим ментам присоседился. Они по своей линии, а у меня свое на уме – никак врубиться не могу, куда Арсений Павлович и его эта сотрудица или кем она там была подевались. Они же тут должны были находиться, а ни фи́га, никаких следов. Башка без башки в наличии, а ни Арсения, ни бабы, ни золота, из-за которого весь этот бардак. Тут что угодно предполагать будешь. Следаки уже свою версию накрутили, пока записки их эти совместные не отыскивали.

– «Полевой дневник»?

– Ну да. Он в этой толкотне за нары завалился. Тогда и выяснили, что Арсений к старателям за подмогой двинулся. Он же без понятия, что там одни мертвяки, и тех повывезли. Но я об Арсении особо не беспокоился. Такой, как он, из любого самого хренового расклада запросто при своем интересе останется. А вот с остальной пропажей – что угодно думай.

По правде тебе сказать, я с местами этими знаком, можно сказать, никак. Участок не мой, так что я больше по рассказам того же Арсения Павловича. Птицын еще брехал ерунду какую-то.

– Интересно, какую?

– Хрен его стихоплета поймет. Я ему тоже этот вопрос задавал. Крутил, крутил чего-то насчет каких-то остатков прошлого. Потом, правда, честно признался, что сам ни фи́га не понимает, на внутреннее чутье полагается. Оно, мол, ему подсказывает, что находится тут следует с величайшей осторожностью.

– В каком смысле?

– В смысле непоняток, с которыми он со временем разберется.

– Мне он ничего подобного не говорил.

– Боялся, наверное, что на смех подымешь. Ты же не такой темный, как наше народонаселение. Наукой пользуешься для

понимания. А мы люди темненькие, на нас шкурки тоненькие. Лапшу на уши можно безопасно развешивать.

– Не прибудняйся, Петр Семенович. Ты-то темненький?

– Да ну его! Не к делу помянул, сам не рад. Пускай разбирается, раз делать нечего. Я тебе про другое. Раз, думаю, Арсений к старателям поперек хребта махнул, то из пропажи получают только баба и золотишко. А баба, да еще с больной ногой, далеко сбежать не могла. Тем более что вещички свои она, судя по их полному отсутствию, прихватить успела. Слава богу, ковбойка ее старенькая за нары завалилась. Вместе с дневником ихним.

– Синенькая такая? – стараясь справиться с предательской дрожью в голосе, спросил я.

– Что? – удивился Омельченко.

– Ковбойка синенькая?

– Я что, помню? По мне, хоть красненькая, хоть синенькая. Я ее сразу Караю под нос и втихаря ему разъясняю: «Ты у меня таежный добытчик, не чета милицейской овчарне, которая в здешних запахах, как глухой на концерте симфонической музыки. Работай, Караюшка, в полную силу, как только ты умеешь». Он, Леха, меня не раз из таких передрыг выводил, кому расскажи, не поверит. Твердая у меня на него надежда была, как на себя.

След он, правда, не сразу тогда взял, врать не буду. Побегал я с ним по горушкам и буеракам, семь потов сошло. Пока он вверх по распадку твердо не определился. А там помаленьку и следки кое-какие обозначаться стали. Очень, я тебе скажу, слабые следки. Постороннему человеку, даже если он по сыскной линии, лучше даже не возникать. Старательно кто-то за собой первобытный порядок наводил. Раза два всего и просчитался – камушек со своего места недавно вывернутый не совсем точно на место положил, да слегка кровью по лишайнику на скальном прижиме мазанул. Так смотреть – ни за что не заметишь, а вот если за Караем носом ткнуться, пальчиками потрогать, кое-что обозначается. Все, думаю, правильно пошли, теперь нас с Караем хрен собьешь. Так и получилось.

Омельченко снова надолго замолчал. В конце концов я не выдержал:

– Что получилось?

– Получилось. Расщелина там одна к самой воде выходит. Поодаль каменюками сверху обвалившимися завалена наглухо. Если особо не приглядываться, все, как полагается. Катаклизм этот обвальный, судя по всему, давным-давно получился. Глиной, песком забито, растительность кое-какая воспользовалась. Маскировочка на все сто. Только смотрю, Карай дальше продвигаться не желает. Повертелся туда-сюда, обнюхал все вокруг со старанием, сел и наверх глядит. Голос не подает, только нос морщит и ворчит еле слышно. Я его так понял: «Все, что тебе надобно, я отыскал. Теперь сам соображай, что делать». И все наверх поглядывает. А там каменюк роста на четыре моих навалено. Выше – скала сплошной стеной. На любой посторонний взгляд – ни малейшей перспективы. Полностью неживая природа. И следов никаких, хоть на карачках ползай. На камнях какие следы? А Карай уже посерьезней порывивать стал: «Чего, дурак, пялишься? Лезь наверх и мне подмогни. Я, мол, не горный козел по таким каменюкам сигать». Ну, я и полез. А его ремнем обвязал, чтобы за собой затащить. И вот тут, Алексей, начинается вся эта хренотень, о которой рассказывай, не рассказывай, все равно в непонятки упруешься. Поэтому я тебе по-простому, как получилось. Выводы сам делай. Что меня касаето – полное затемнение соображалки. Так что если не поверишь, обижаться не буду. В единственном числе пойду разбираться. Не разберусь – придется моей Надежде сухари сушить. А то и похужей чего нарисуетса. Вплоть до попытки к бегству. Вот так вот.

Я внимательно следил за рассказчиком. Видно было, что Омельченко волнуется, переходя, судя по всему, к главной части своего рассказа. Он еще раз поднялся с места, выглянул наружу, долго во что-то всматривался.

– Смотрю, к тебе росомаха повадилась, – неожиданно сказал он, возвращаясь на прежнее место. – Не велик зверь, но лапист. Когтищи свои напечатала, плюнуть некуда. С этой животиной осторожно надо соседствовать. Пакостная зверюга, себе на уме. Предугадать, что ей в башку взбрдет, пустое дело. Может годами рядом существовать без особых последствий, а может такой еврейский погром сочинить, мало не покажется. Лучше сразу отвадить, чтобы сознавала, кто здесь хозяин. А еще лучше хороший заряд не пожалеть. И местности

хорошо, и тебе спокойнее. Добыча ни богу свечка, ни черту кочерга, но ненужного внимания может чересчур потребовать.

– Была у меня возможность с ней разобраться. Вовремя вспомнил, что мне ее сфотографировать надо.

– На хрена? – удивился Омельченко. – Ты же вроде по птичкам, а не по этим... Это же бандит местного значения. Нашел кого фотать.

– Арсений Павлович попросил. Для какого-то иностранного журнала.

– Ну, если иностранцам. Им, чем пакостнее про нас, тем интереса больше. Между прочим, эта самая вонючка меня и Карая чуть тогда с толку не сбила. Мы, когда по той расщелине до половины наверх вскарабкались, осматриваться стали. Я осматриваться, Карай по своему разбираться, что, где и к чему; и разглядели между камнями, если еще повыше подняться, вроде как норка какая-то проглядывается. Дай, думаю, гляну для полной уверенности. И Карай в том же направлении беспокоится. Тут она и нарисовалась. Прямо хозяйка здешней местности. Оглядела нас, сообразила, подлая животина, что Карая я на ремне придерживаю, чтобы вниз нечаянно не навернулся, разворачивается к нам хвостом и скрывается в обратном направлении.

– В нору?

– Погоди. Оказалось, вовсе не нора даже. А скрылась она хрен знает куда, в сторону куда-то. Там, если с первого разу глянуть, сплошной бардак природы, глазом зацепиться не за что. Карай дернулся было за ней, но я держу крепко. Не хватало еще за этой ошибкой фауны гоняться. По этой причине норку я разглядывать сначала раздумал, вонь ее нюхать не захотел. Хотел уже назад разворачиваться. В самый последний момент сумел сообразить, что что-то тут не то. Не складывается со всем окружающим. Не гармонирует. Вокруг, как я уже говорил, полный бардак, а тут порядок просматривается. Вроде как прибрано. Ничего лишнего на подходе к этому углублению, которое я за норку принял. Да и Карай, смотрю, к росомaxe уже никакого интереса, чем-то посторонним интересуется. В общем, смотри, что мы тогда с ним неподалеку от той норы-не-норы отыскали.

Омельченко медленно разжал кулак левой руки, и я разглядел у него на ладони сережку с довольно крупным, редкой чистоты изумрудом. Сразу вспомнился подарок Арсения, описанный в его

«Полевом дневнике». Предчувствие неминуемой опасности отозвалось внутри нервным ознобом. Могильный запах завала в пещере перехватил дыхание. Голову сдавило привычной болью, а силуэт сидевшего напротив Омельченко покачнулся и стал расплываться в неразборчивое пятно. Усилием воли я постарался справиться с приступом неожиданно накатившего страха и на несколько секунд крепко зажмурил глаза, избавляясь от поплывших перед глазами кругов.

– Эй, Алексей, что с тобой? – услышал я откуда-то издалека голос Омельченко. – Тебе что, плохо?

Он потряс меня за плечо. Я нехотя открыл глаза. Лицо Омельченко было совсем близко. В его глазах я разглядел нешуточную тревогу.

– Голова что-то закружилась.

– А ты как думал? У меня тогда тоже мандраж на этой почве начался. Ничего себе, думаю, подарочки. Не рвануть ли отсюда, пока не поздно. А то такое закрутится, костей не соберешь. А сам уже к этой дырке вплотную подобрался. Это со стороны глядеть – щелка, еле росомахе пролезть. А поближе подойти, да между камнями протиснуться, вполне достаточно места для нормального прохода. И проделан, Алексей, этот проход – это я уже потом понял – вполне сознательно. С определенной целью проделан.

– Кем проделан? – не утерпел я от вертевшегося на языке вопроса.

– Кем? А хрен его знает. Может, еще в доисторический период троглодиты какие-нибудь постарались. Может, в позапрошлом году проковыряли. Не понять. Только понять это нам хоть сдохни надо. И наука нам для этого на полную катушку потребуется. Понял?

– Честно говоря, не совсем. Вернее, совсем не понял.

– Слушай дальше. Тут, можно сказать, самое то и начинается. Я еще до этой находки голову себе сломал. Ну не может баба с больной ногой, да еще, возможно, от Башки пострадавшая, категорически не может по таким каменюкам туда забраться. А эти сыскари-долболомы еще комбинируют, что это она золотишко умыкнула. Полста с лишком килограммов! Баба! Интеллигентная, говорят, женщина. Ни в жизнь! Полностью исключается. Кто-то тащил все это. И ее тащил, тоже не исключается. Может, Арсений, думаю, вернулся? Тогда вроде складывается. Да не совсем складывается. Не тот он мужик, чтобы по норкам от людей прятаться, бабу подставлять, государственное

имущество приватизировать. И вообще я тогда был уверен, что он не сегодня завтра до старателей доберется, если только уже назад не возвращается. Если по здешним горкам напрямки, вполне возможный вариант. Теперь смотри, что у нас тогда получается. Получается, что без постороннего присутствия задача эта ответа не имеет. Согласен?

– Похоже на то.

– А если похоже, то, с одной стороны, объясняет, а с другой – вообще ни фига не понять. Откуда он тут взялся? Вот кто, по-твоему, тут может быть посторонний?

– Кто угодно. Или никто.

– Правильно. Значит, кто?

Последний, казалось бы, бессмысленный вопрос Омельченко задал мне почти шепотом и почему-то оглянулся на дверь.

– У меня пока никаких вариантов, – невольно поддаваясь напряжению и тревоге, волнами накатывающими от Омельченко, так же тихо ответил я и тоже посмотрел в сторону двери. Вопрос Омельченко меня не удивил. Признаться, я и сам раньше мысленно шарился примерно в том же направлении. Но уточнить, что он имел в виду, все-таки надо было.

– Петр Семенович, говори прямо, о чем ты? А я скажу, какая дребедень мне в голову лезет. Только сначала заканчивай рассказ, который начал. Мне кажется, он имеет самое прямое отношение. Так?

– Ежу понятно, что так, – почему-то обиделся Омельченко. – Иначе бы мы с тобой тут сейчас не сидели. Да и всего остального ничего бы не было.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что там, где черт воду замутил, ничего доброго не выловишь.

– И ты про черта! – не удержался я.

– Что, еще кто-то про него интересовался? – снова почти шепотом спросил Омельченко.

– Так его всегда поминают, когда не могут в чем-то разобраться, – стал выкручиваться я. Не хотелось мне пока приплетать в разговор ни Арсения, ни Рыжего, то и дело поминающего нечистую силу, якобы владеющую этими местами. Пусть уж лучше мой собеседник сам выкруливает из своих намеков.

– Ну да, – согласился Омельченко. – Проще на него все валить. С другой стороны, черти тоже разные бывают. У попов одни, у шаманов другие, у науки в загашнике тоже немало пакости проживает.

– У науки-то откуда? – преувеличенно удивился я. – Пока вроде не попадались.

– Сколько угодно. Сейчас только начни телевизор крутить, такого насмотришься, хоть из дому беги. Столько оказывается нечисти на белом свете. Со всех щелок лезут.

– К науке это не имеет никакого отношения.

– Не скажи. Объявляли, что даже формулу какую-то вывели насчет другого света. Какой-то ученый знаменитый, забыл фамилию. Не русский.

– Может быть, не другого света, а параллельного мира?

– Не знаю – другого или параллельного, как ты говоришь, только я на этом параллельном собственноручно побывал. Рассказывать дальше?

– Жду с нетерпением.

– Смотри, не пожалей потом.

– Рассказывай, рассказывай.

– Рассказать легко, а вот концы отыскать... Одна надежда, может, вдвоем разберемся, что к чему.

– Почему нет? Догадываюсь, что в нору ты все-таки полез.

– Не нора там, проход. На ту сторону проход. Выходишь из него на площадку. С одной стороны обрыв, с другой – не домина, а горушка приличная. Ее даже отсюда видать вон в том направлении. Верхушку только. А с площадки габариты побольше просматриваются. И вход в нее имеется, если хорошенько присмотреться. Маскировочка в наличии, но уже не такая старательная. Следы прямиком туда направляются.

– Чьи следы? Росомахи?

– При чем тут вообще росомаха! – разозлился Омельченко. – Уверены были, что туда уже никто не проникнет, прибираться за собой не стали. Так прямиком в эту горушку и направились. Причем один из них в раненом состоянии. Накровенили так, что идешь как по компасу.

– Их что, двое было?

– По следам – один. Бабу он на себе тащил.

– Почему именно бабу?

– Бабу, когда я в пещеру проник, почти сразу и обнаружил.

– Живую?!

– Можно сказать, нет. Ты по порядку слушай, потому что тут хрен знает что начинается. Если по-честному, до сих пор не образумлюсь.

– Золото тоже там было?

– По порядку слушай, говорю. А то, как и я, ни фиги не поймешь. Первое неприятное обстоятельство – Карай мне забастовку устроил. Я его с ремня к тому времени отпустил, пусть, думаю, помогает ориентироваться. Так вместо того, чтобы за мной в пещеру, в сторону отбежал и стоп. Я и по-хорошему, и прикрикнул маленько. Про совесть объяснять стал: не дело хозяина в непонятной обстановке без поддержки оставлять. Сидит, морду отвернул. За всю его собачью жизнь такого не наблюдалось. Мне бы тут и спохватиться, а я завелся – прибежишь как миленький, думаю, если до серьезного дойдет. А какого серьезного, понятия не имею. Но соображаю, что вполне дойти может. Предчувствие было. Решаю все-таки глянуть, что там. Зря, что ли, я всю эту бадягу затеял. Менты на смех подымут. Они меня не особо жаловали за самодеятельность, что увязался за ними. Оформили как добровольное содействие местного лесника. Хотя участок, как я уже говорил, не мой, и не дай бог, чтобы моим когда-нибудь стал.

Ну, фонарь у меня экстра был, с немецким аккумулятором. Карабин на взводе. Карай повыл маленько, когда я туда направился, но сам ни с места, сидит как привязанный. И вижу, что никакой силой его не уговоришь. Ладно, думаю, пусть снаружи охраняет, мало ли что...

Сначала даже фонарь не понадобился: свет откуда-то сверху проникает. Вполне достаточно, чтобы оглядеться маленько. Воздух тоже вполне свежий, даже приятный. Чем приятный, не скажу, бодрый такой. У меня даже настроение повеселело. Оглядываюсь. На пещеру, я тебе скажу, это внутреннее помещение мало похоже. Стены ровные, пол... Не пол, конечно, камень сплошной. Но поверхность ровная, передвигаться можно без препятствий. Только наклон вниз куда-то. Подозрительного вокруг ничего пока не наблюдается. Пошел потихоньку вниз. Там уже фонарь пришлось включить. Осторожно иду, мало ли что. А все-таки не углядел. Ступенька там оказалась, довольно серьезная. Ну, я и навернулся. Основательно навернулся. Головой приложился, руку левую на время из строя вывел. Вдобавок ко всему вниз посыпался. Хочу подняться и все вниз куда-то сползаю.

Очухался – фонарь вдребезги, карабин еле отыскал. Глаза скоро попривыкли, да и темень не так чтобы полностью там была. Различаю, что вода впереди течет, а у самой воды человек лежит. Выходит, правильно мы с Караем шли. Непонятно только, что за дурь на него накатила. Был бы со мной, глядишь, не пришлось бы бока почесывать. Да и голова маленько не в себе. Шум посторонний все время мерещится, полосы разноцветные перед глазами...

Подхожу осторожно – баба! Судя по всему, та самая. Хорошо, спички с собой были, оглядел сколько мог. Лучше бы не глядел. Кровь из нее, видать, почти вся вытекла. Лицо порезано. Куртка тоже порезана, в крови вся. Не шевелится, не дышит. Видать, тащил он ее, тащил, потом, видит, безнадега. Ну и оставил помирать – чего себя и ее мучить без толку.

– А сама она не могла туда добраться?

– Не могла! Увидел бы – сам понял. В таком состоянии не то чтобы баба, здоровенный мужик коньки бы отбросил. На первом же километре. Не говоря о том, чтобы туда добраться. Да и паняга с золотишком этим проклятым, из-за которого весь сыр-бор, рядом находится. Я ее одной рукой еле сдвинул, а ты – сама.

Сел я рядом и давай соображать, что мне в данном случае делать. Говорю, как на духу – никакого желания сообщать нашей доблестной милиции у меня тогда не было. Бабе, думаю, все равно уже не поможешь, а золотишко пускай лежит до поры до времени, пока весь этот шухер не закончится. Потом соображаю – тот, который ее пер, наверняка где-нибудь поблизости находится. Если не за ней, то за металлом вернуться в любой момент может. Глядя по всему, тот еще амбал. Такой груз сюда доставить – представить себе маловозможно. Я вроде не слабак, но против такой действительности хочешь не хочешь будешь репу чесать. Карабин, правда, имеется, так и он, наверное, не пустой ходит. Башку кто-то сделал, не баба же. Не зря, думаю, Карай забастовку мне устроил. Его медведем хрен напугаешь, а тут, видать, кое-кто или кое-что покруче будет. Поэтому решаю панягу с золотишком занькать, а самому линять, чем скорее, тем лучше. Вопрос на засыпку – куда занькать, если времени, может, всего ничего?

– В воду.

– Меня такой вариант тоже сразу стукнул. Значит, думаю, любому стукнет в первую очередь. С собой наружу тащить опасно. Карай,

конечно, подмогнет в случае чего. Так это если знаешь, против чего. А тут полная неизвестность и даже того хуже. Ну? Соображай.

– Не знаю. Я бы все-таки в воду.

– А если у этой воды дна нет? Тогда что?

– Пусть тогда лежит, где лежало.

– Не вариант. Вернется – и все тогда, с концами. Он же его тащил не для того, чтобы бросить без присмотра. Так?

– Похоже.

– Что делать?

– Для меня это вопрос чисто теоретический. Был бы там, придумал бы что-нибудь.

– Думал, сообразишь. Вообще-то ты прав. Пока на месте не окажешься и в этой самой шкуре не побываешь, соображай, не соображай все равно получится не как ты хотел, а как дядя велел.

– Какой еще дядя?

– Это я для наглядности. Говорят так, когда своего тямю не хватает. Мне бы тогда первым делом задуматься, за каким лешим он ее и золото туда притащил? И куда сам подевался? От этой печки танцевать надо было. Где-то поблизости он должен был находиться. А мне эта паняга с золотишком мозги замутила до полной придури. Прятать потащил. Я когда навернулся и карабин впотьмах отыскивал, углубление нашарил. Щель или канавка какая-то. В темноте не разглядеть, но рука наполовину уходит. У меня карабин в ней как раз притулился. Панягу не затолкать, но содержимое высыпать вполне годится. А в панягу земли, камней, песку натолкал, чтобы сразу не разобрать.

– А говоришь, мозги замутило, – одобрил я омельченковскую находчивость.

– Припрет, и левой рукой пуговицы на рубахе застегнешь, – отмахнулся от моей похвалы Омельченко. – А тут еще баба зашевелилась. Поначалу, может, и показалось, только я со страху и неожиданности в такую растерянность впал, что и сейчас толком не вспомню, что делал и что из всего этого получилось. Когда я панягу на прежнее место потащил, гляжу, баба вроде как глаза открыла и на меня смотрит. А я столбом стою и на нее пялюсь. Хотел наклониться, спросить, что и как, но в следующий момент получаю в спину выстрел и лечу вверх тормашками в воду.

– Ничего себе! – удивился я неожиданному повороту событий, после которых я вроде бы не должен был видеть сидящего напротив Омельченко.

Видимо, разглядев недоверие на моем лице, Омельченко поспешил объяснить свое невероятное спасение.

– Видать, крепко за меня Надежда в тот раз молилась. Рюкзачишко у меня на спине находился. Так, обычное шмотье. Если бы не титановая фляга с согревающим. И размер-то всего во и во... – Омельченко растопырил пальцы, показывая размер. – Точно в нее этот гад шархнул. Словно целился. В самую середку. Я тебе потом ее как-нибудь продемонстрирую. С тех пор без нее в тайгу ни шагу. Но если, Алексей, считаешь, что мне крупно повезло, то недооцениваешь реальную в те минуты обстановку. А обстановка такая: полная темень, ледяная вода и очень даже быстрое течение, которое тащит меня хрен знает куда. И не дает возможности ни на ноги встать, ни зацепиться за что-либо. Так что вскоре я полностью теряю жизненную ориентировку и надежду. И продолжается это мое подземное передвижение неизвестное количество времени.

– В каком смысле неизвестное? – снова не удержался я от вопроса, с непонятной для самого себя настойчивостью пытаюсь уцепиться за несообразности в рассказе Омельченко. То и дело ловил себя на том, что верю ему и не верю. Почти так же, как это происходило у меня с Рыжим, повествовавшим о своих приключениях в поисках все того же золота. Омельченко я верил больше. Почти полностью верил. И в то же время что-то удерживало меня от окончательного, безоговорочного доверия. Какая-то неуверенность чувствовалась в его голосе. Словно он не знал, о чем говорить дальше, с трудом вытягивал наружу нить своего рассказа.

– Неизвестное, потому что неизвестное. Ты его будешь считать, когда провалишься неизвестно куда и без понятия, что в конце окажется? Хотя конец очень даже ясно и близко мне тогда обозначился. Все, думаю, отгулял ты, Петро, свое на этом свете. А тот, другой свет, видать, не свет, а полная противоположность – темень, в глотке вода, холод, как в проруби, и никакой возможности хоть за что-то удержаться. Спрашиваешь, как я в таком случае живой оказался и перед тобой сейчас нахожусь? А вот хоть убей, до сих пор без понятия. Где-то на этой смертной дорожке еще об камень головой

дополнительно приложился и все – полностью в отключке. Так что вот тебе неизвестное...

Очнулся – солнце на исходе, от заката все, как сейчас помню, красное: небо, горы, каменюки вокруг, вода, в которой я частично расположился. Так что, сколько я в отключке находился, сколько меня эта подземная речка как мешок с говн...м неизвестно куда волокла, подсчитать только приблизительно пришлось. Учитывая, что вышли мы с Караем на поиск, как только рассвело.

– Ничего себе, – сочувственно пробормотал я.

– Думаешь, на этом все мои происшествия закончились? – криво усмехнулся Омельченко и снова оглянулся на дверь.

– Думаю, вряд ли.

– Правильно думаешь, только начинались. На первых порах мне еще выжить надо было после такой передрыги. Ощущаю себя, будто по мне бульдозер проехал. От холода ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. В мозгу только одна мысль – если спички промокли, то копец мне этой ночью без вариантов. Менты вчера по рации связывались – ночью заморозки до минус семи. От такой перспективы становлюсь на карачки и ползу неизвестно куда, лишь бы от воды подальше. Местность, естественно, полностью незнакомая. Да с карачек вообще ничего не разглядишь. Поэтому пытаюсь подняться. Раза четыре пытался. Наконец за какой-то непонятный предмет уцепился, поднимаюсь... Все вокруг по-прежнему красное... Как правило, означает скорую перемену погоды и ветер. Знаешь, что такое ветер, когда ты в мокром насквозь виде? Да еще минус семь?

Я молча кивнул.

– Вот и я знаю. Оглядываюсь для ориентировки, чтобы отыскать место поудобнее для могилки, и начинаю думать, что вследствие неоднократной травмы крыша с моей черепушки слетела окончательно и бесповоротно.

Омельченко вдруг сорвался с места и, прихватив карабин, выскочил наружу. Я тоже достал из-за пояса свой старенький ТТ и поспешил следом. Зараженный нарастающей тревогой Омельченко, я, как мне показалось услышал какой-то подозрительный звук на косе.

На косе у самой воды стоял лось только что переплывший реку. Он стоял неподвижно и настороженно прислушивался, повернув голову в сторону распадка. Омельченко медленно поднял карабин,

прицелился. От нас, освещенный полуденным мутнеющим солнцем, лось был как на ладони. Я закрыл глаза, ожидая неизбежного выстрела, но его все не было. Вместо выстрела раздался негромкий свист. Опустив карабин, Омельченко смотрел вслед рванувшемуся к распадку лосю.

– С озера зверюга, – сказал он, повернувшись ко мне. – Там у него кормежка не в пример спокойнее, а он зачем-то на эту сторону подался. Видать, спугнул кто-то. Косолапые из-за раннего снегопада одурели маленько, шарашатся почему зря – то ли на зимовку устраиваться, то ли погодить.

– Если от озера, то вряд ли косолапый, – вспомнил я вчерашнее видение с вершины нависшей над стационаром горушки. – Обосновался там кто-то. Вчера дымок в той стороне наблюдался. Думаю, моторка туда ночью путь держала. А я, получается, им знак подал, что здесь нахожусь.

– А то они без того не знали, – пробормотал Омельченко и сплюнул под ноги. – По твою душу и прибыли. Я потому и лося стрелять не стал. Много мы с тобой от него употребим? Всего ничего. Значит, остальное им на пропитание достанется. Их там, пожалуй, побольше, чем мы с тобой. Хорошо, что они этих мест боятся, а то бы совсем рядом поселились.

– Что-то незаметно, что боятся, – не согласился я. – Кошкина, можно считать, с под носа умыкнули.

– Потому и умыкнули, что боятся. По берегу еще могут шарашиться, а в горы ни за что не пойдут.

– Почему не пойдут?

– Кому охота смерть свою торопить.

– Почему именно смерть?

– По кочану. Раз говорю, значит знаю. Они об этом очень даже хорошо информированы. Рыжего потому и убрали, чтобы он тебя не пугал этими местами. Особенно тем направлением. Ты ему говорил, что собираешься туда двинуть?

– Кажется, нет.

– Вот видишь. Им не с руки, чтобы ты тут безвылазно находился. Только двигать так и так надо. Не то просидим в твоей избенке до морковкиного заговенья. Пока не обозначится, что ты за золотишком двинул, они так и будут в закрадке сидеть, мелкие пакости строить.

– Никуда я не двину, пока не расскажешь, от чего у тебя тогда крыша поехала.

– Расскажу. Куда мне теперь деваться. Видать, повязал нас черт одной веревочкой. Теперь, пока все не расхлебаем, не развяжемся. Либо положат обоих, либо мы ему такие рога приделаем, мало не покажется. Мне, Леха, еще очень даже пожить хочется. Хорошо пожить, без оглядки. И надежда на это, хоть в очень малом размере, все-таки имеется. Пойдем в твою избушку, доскажу все до конца. Потом, если согласный, не побоишься моих воспоминаний, будем собираться. Не согласный – один пойду. Только поимей в виду – одному тебе здесь против такого расклада и недели не простоять. Терпение у него сейчас, судя по всему, кончается.

– Имеется в виду мозговой центр?

– Хрен его знает, какой там у него центр, но до точки он уже дошел. Назад не повернет, даже не думай.

– Я и не думаю.

– Вот и не думай. Как ты там говорил – параллельный мир? Пойдем дорасскажу, как я сквозь него бегом пробежал. Хотя в школе учили, что параллельные не пересекаются. Что наука по этому поводу соображает?

– Это прямые не пересекаются. А миры, может, и пересекаются, если действительно там побывал.

– Шутковать потом будем. Побывал! Со всеми потрохами побывал. Да еще Арсения оттуда вытащил. Крепко, видать, Надежда за меня молилась. Она у меня верующая. За тебя будет кто-нибудь молиться?

– Будет, – уверенно сказал я, вспомнив старенькую тетю Веру.

– Вот и ладно. Глядишь, полегче будет. Бабья молитва – мужикам спасение.

В «избенке», как обозвал Омельченко наше научное помещение, мы уселись на наши прежние места, и Петр Семенович продолжил свой рассказ:

– Прежде всего, разглядел, за какой столбик держусь. Фанерка на нем приколочена. На ней номер плохо, но различимый. Номер 81094. Навек запомнил. Когда огляделся, таких столбиков поблизости десятка три, а то и поболее. Все с фанерками. Номера тоже имеются. Не везде, правда. Догадываешься, где я оказался?

– Если бы один столбик – топографы, таксаторы. А три десятка... Не знаю.

– Потому что молодой еще. И место рождения у тебя не местное, от наших краев очень даже далекое. Так?

– Так. Только какое это имеет значение?

– Самое что ни на есть. Потому и не врубаешься. Не застал времечко, когда окрестная география сплошь колючкой была обмотана. И называлось все это «Вперед к коммунизму!» А тот, кто по этому пути идти не желал или сил не было для продвижения, так на этой дорожке и оставались. Считай, крупно тем из них повезло, у кого над могилкой столбик поставят и лагерный номер на фанерке кузбаслаком обозначат. Значит, начальник правильный мужик был, соблюдал, что положено. Только таких почти и не было. Скинут в мерзлоту и мерзлотой заровняют. Чтобы даже следов не осталось. Я почему тебе все это объясняю? Там, где я в тот момент находился, столбиков этих быть не могло самым категорическим образом.

– Почему не могло?

– Я худо-бедно с историей нашего места жительства знаком. Особенно в последние год-два интересовался. По причине отсутствия или ненайденности полезных ископаемых, а также отсутствия промышленной древесины и наличия малопроездимой окрестной местности. Ни зон, ни лагерей, ни спецпоселений, ни приисков в этих краях не было и по этой самой причине быть не могло. До самолетокрушения Деда тут вообще ничего не было. А Дед уже при Хруще навёрнулся. Так что вообще исключается.

– Что исключается?

– Место исключается.

– В каком смысле?

– Документов на него нема, карты отсутствуют, свидетелей никаких. Хотя народишко тут в последние годы шарашилась кое-какой. Только никто ни сном ни духом насчет этого спецпоселения. Иначе бы знаешь как загудело? Места хоть и малонаселенные, но ежели событие или слушок какой, особенно местного значения, через день каждая собака знать будет. Чтобы тебе окончательно ясно стало, слушай дальше, чего я там еще разглядел в своем предсмертном, можно сказать, состоянии. И почему живой остался, хотя не должен был.

Времени на серьезное соображение, что к чему, у меня тогда почти не оставалось. Вот-вот ночь, соответственно, темнота и резкое понижение окружающей и собственной температуры. Под столбиком ночевать – число здешних покойников в самое ближайшее время на одного увеличить. Поэтому начал, как мог, продвигаться в обратном от воды направлении. В это время солнце исчезает, и начинается черно-белое кино. Как сейчас все вижу. Сначала в кадре вышка, потом колючка, то есть колючая проволока. Она хотя и в ржавом состоянии, вполне качественно окружает не очень большую территорию, сам соображай какую. На территории соответствующие строения. Ворота вроде как закрыты, но на близком расстоянии дураку понятно – показуха для несмелых. Захожу на территорию, хочу позвать на помощь, чтобы внимание обратили. Но скоро понимаю, что все, кто здесь когда-то находились, давно разместились под теми самыми столбиками, куда меня причалило. И надеяться на постороннее участие – все равно что у бурундука в лесу дорогу спрашивать. Опускаю ненужные подробности насчет собственного мандража и неудачных попыток открыть дверь, судя по внешнему виду, в помещение охраны. Пришлось идти в барак совсем другого качества.

Печурка там, вроде этой твоей, оказалась во вполне приличном состоянии. Дровишки в тамбуре. Спички у меня, в целлофане завернутые, маленько отсырели, но не до окончательной негодности. Короче, загибон отодвигается на неопределенное время. И начинается моя короткая непонятная жизнь в параллельном мире.

Теперь включай свои научные мозги на полную катушку. Потому что с другой точки зрения получается хрен знает что. Или, как сейчас по телику объявляют, сплошная мистика...

Печку раскочегарил на полную катушку, одежду сушить развесил, по частям оживать начинаю. Фляжка, которая мне жизнь спасла, несмотря на повреждение, готова к употреблению и спасает от внутреннего охлаждения и прочей заразы. В пределах видимости огляделся на короткое расстояние. На нарах, как ни странно, одеяла стопкой сложены, и, как ни странно, вполне в приличном состоянии. Жрать, правда, охота, но еще больше на сон, как из пушки, тянет. Тепло, тихо. Через короткое время просыпаюсь. Короткое, потому что дрова не до конца прогорели. Встаю за дровами и вижу в бараке напротив, который для охраны, два окошка светятся...

Хочу тебе напомнить, что я в тот момент безоружный. Карабин утерян во время падения в воду. А с одним охотничьим ножом против неизвестно кого – зайцев смешить. Их, кстати, в окрестностях почему-то полное отсутствие. Ни себе фига, думаю, интересное кино. Кто кроме меня может здесь находиться, если на первый, и на второй, и на третий взгляд людей здесь не было довольно продолжительное количество лет. И двери я в то помещение так и не смог открыть. Очень качественно заперты были.

Что бы стал в таком случае делать?

– Подбросил бы дровишек и лег спать. Утро вечера мудренее.

– Сомневаюсь. Очень даже сомневаюсь, что стал бы ты при таком раскладе спать. Если не дурак, конечно.

Сматываться в неизвестном направлении у меня в тот момент ни возможности, ни желания. Одежка еще не просохла. Жрать охота. А то, что живой остался в полной, можно считать, безнадеге, с трезвого панталыку меня маленько сдернуло – бояться перестал. Как отрезало. То сплошной мандраж, шаг сделаешь – оглядываешься. И вдруг совершенно противоположное настроение. Все до лампочки. Раз, думаю, до сих пор живой и даже здоровый, то ничего плохого со мной больше не должно случиться. Такая у меня в этом уверенность появилась, что решаю поинтересоваться, кто это в помещении напротив расположился и даже не зашел поинтересоваться, почему в соседнем бараке из трубы дым идет. Допиваю свое согревающее, одеваю обувь на босу ногу – идти-то всего ничего – вместо штанов одеялку вокруг намотал и двинулся на выход. В тамбуре, поскольку полная темнота, шарю ручку, чтобы дверь открыть, и помню только, что она сама открывается, без моего участия. И – все!

Омельченко замолчал, уставясь в какую-то точку за моей спиной.

– Что всё? – не выдержал я после почти минуты молчания.

– Как думаешь, Алексей, зачем Ирина Игоревна сюда пожаловала? На самый край света не поленилась. Сейчас это таких денег стоит, богатенькому мало не покажется.

– Какая Ирина Игоревна? – не сразу сообразил я.

– Да эта... Постоялица. Именно ко мне напросилась. Ни в гостиницу, ни к Сереге Птицыну, ни еще куда. Заявляет: «Будете гнать, все равно не уйду. Вы единственный знаете такое, чего никто не

знает». Я-то знаю, а она откуда знать может? А ты говоришь, не бывает такого с научной точки зрения. Выходит, бывает.

– Подсказал кто-нибудь. О чем-то догадалась. Женская интуиция не один раз самой железной логике нос утирала.

– Какая еще интуиция, когда она на второй день вопрос задает: «Что с вами, Петр Семенович, такое необыкновенное произошло, когда вы Арсения Павловича и Ольгу в том страшном месте разыскивали? Только не рассказывайте, что ничего не случилось. Я знаю». Откуда? Вот откуда она знает, если я самому себе вспоминать остерегаюсь, чтобы в психушку не попасть. Даже Надежде своей – ни-ни. А эта в глаза смотрит и заявляет, что все знает. Я ей тогда отрезал: «Знаешь и знай себе. Твои проблемы. Лично я понятия не имею, о чем разговор». – «Все равно, – говорит, – вы мне все расскажете. Потому что это, может быть единственная ниточка». Хороша ниточка – веревка целая. Но ей-то откуда это знать?

Рассказ Омельченко, неожиданно затронувший тему его таинственной постоялицы, мгновенно вывел меня из состояния спокойного интереса, с каким я слушал его полуфантастическую эпопею. Поскольку сам он живой и здоровый сидел передо мной, то я, естественно, особенно не волновался за исход его приключений. Но как только он заговорил об Ирине, я вдруг понял, что все, что с ним произошло, каким-то таинственным образом связано с тем, что произошло с ней и даже с тем, что могло произойти с ней в самое ближайшее время. Снова предчувствие близкой опасности холодком пробежало по спине, снова вспомнилась стремительно стекающая к обрыву осыпь и корявая лиственница, за которую надо было успеть зацепиться...

– Смотрю, Алексей, и ты напрягся. А что я ей мог рассказать, если сам ничего не помню и не понимаю?

– Мне же рассказываешь.

– Тебе... Так деваться теперь некуда. Вместе разбираться будем.

– Насколько я понял, какая-то часть случившегося тогда из памяти испарилась?

– Не то чтобы... Что-то мелькает, а по смыслу собрать не могу.

– Рассказывай, что мелькает. Пока все звучало более-менее вразумительно. Непонятно только, как ты после всего этого Арсения

Павловича нашел? Судя по его записям, он тогда полностью из строя вышел.

– Считай, труп его на себе тащил. Об Арсении погода маленько. Там как раз все понятно. А вот что со мной было, когда дверь сама открылась, тут, как любит Птицын трепаться, – клиника. В смысле, что полное затмение этого самого смысла.

– Хоть что-то отложилось?

Омельченко посмотрел мне в глаза и отвернулся. Пробормотал, словно извиняясь:

– Только ты, Леха, всерьез не держи, что сейчас излагать буду. Мало что могло показаться. Или присниться. Пойми, в каком расстроенном состоянии я тогда был. Может, просто крыша от переживаний на время съехала. Говорят, бывает. Стресс называется.

– Рассказывай, рассказывай.

– Ладно. Как тебе, например, такая картинка? Начала не помню. Как из барака на территории оказался, тоже провал. Стою в темноте, руки по швам, как приказали. В одних трусах. Одеядку, в которую завернулся, посеял где-то. Или отняли, поскольку вещь казенная, а я ее в личных целях употребил. Стою, как пионер на физкультуре, и снова замерзать начинаю. И еще начинаю потихоньку соображать, что пора к печурке возвращаться. Какого хрена я тут торчу дурак дураком? И только разворачиваюсь в обратном направлении, слышу, движок где-то застучал. С чихом застучал, какой после длительного перерыва при раскрутке бывает. Потом ровненько застучал, и сразу с четырех сторон на столбах прожектора оживают. Один, правда, тут же сдох. Пыхнул и сдох. А остальные прямо в меня лепят, в ту точку, где стою. Понятное дело, ничего из-за подобного ослепления вокруг не вижу. Слышу только – динамик закашлял. Откашлялся, досчитал до шести, пальцем в микрофон постучал и интересуется – по какой статье меня сюда определили и почему сразу не пришел доложить? Хотел послать этого невидимку к его матери, а голоса нет. Тут свет вырубается, а по динамику музыка на всю катушку: «Была бы страна родная, и нету других забот...» Помнишь такую? Я кивнул. – Тут я снова вырубаюсь в лежащее положение до следующей картинки. Открываю глаза – нахожусь в незнакомом помещении. Вроде кабинета. Столы с папками, стол огромный письменный под красным сукном. На столе прибор мраморный, в виде Кремля – таких сейчас уже не изготавливают. Тоже

больших размеров. Папка, единственная не раскрытая, посреди стола. Рядом бюстик из желтого металла. Свет от него отражается, и глазам от этого неприятно, плывет все. Я по эту сторону стола в полуголом виде нахожусь, а напротив в полной офицерской форме с орденами и в погонах генерала старик. Древний старик. Глаза белые совсем, от времени выцвели. Тоже смотреть неприятно.

– Вижу, – говорит, – на бюст вождя смотришь то и дело. Правильно догадался – чистое золото. Был тут у нас осужденный по пятьдесят восьмой статье, пункт десятый. Числился за распространение враждебной литературы. На взрывные работы идти категорически отказывался. Я, говорит, художник, создатель, а не разрушитель. Не желаю окружающую красоту рушить. Ладушки, если ты такой художник, исполни в ближайшее время из драгоценного металла фигуру вождя всемирного пролетариата. Как видишь, исполнил. Хорошо исполнил. Материал вечный, будет столетиями напоминать... – Потом посмотрел на меня нехорошо и говорит: – Ты ведь сюда за золотом пробрался? Отвечать! За неправильный ответ стреляю без предупреждения. – И выкладывает перед собой на стол пистолет. Такой, как у тебя. Старье. Но судя по виду, содержится в отличном состоянии.

– В гробу, – говорю, – видел я ваше золото. Я людей спасать прибыл.

– Каких еще людей? Которые здесь находятся, в спасении не нуждаются. Давно из списков вычеркнуты и преданы вечному забвению. Отсутствуют в прежней и нынешней госструктуре.

Не удержался, спрашиваю:

– Вы тоже вычеркнуты?

– И я вычеркнут, и тебя в самое ближайшее время вычеркнем.

Чувствую, злости во мне на все на это дело все больше накапливается. Ах ты, думаю, бабай с горы. В чем душа держится, а еще угрожает. Я тебя этим бюстиком сейчас приложу между глаз и пойду дальше досыпать. И никакого соображения, что старикашка этот здесь наверняка не один находится. Поглядывает на меня хитро так и хихикает, словно кашляет. – Что, – говорит, – надеешься со старым пердуном одной левой? Пробовали некоторые в силу своих слабых умственных способностей. Пришлось за инакомыслие вразумить по полной. – Вычеркнули? – спрашиваю. – Отпустил. На все четыре за

территорию. Больше трех дней ни один не выдержал. Назад приползли. Здесь какая ни на есть цивилизация, а там что? На коленях назад упрашивали. Нет сразу сообразить, что за пределами страшнее расстрела. Начинаешь думать, кто ты и зачем на этот свет появился. И прочая подобная не марксистская философия. Такого, я тебе скажу, никто не выдерживает. Так что не советую.

– Советы, – говорю, – своей бабке давай. А я лично вторые сутки не жрал ничего. Поэтому плохо соображаю, где нахожусь. Откуда ты такой взялся и какого... тебе от меня надо?

Старичок снова закашлял – в смысле развеселился – и говорит кому-то:

– Дай ему пожрать. А то загнется, будешь тогда самостоятельно его легенду выяснять.

Через некоторое время появляется на столе банка тушенки, сухарь и кружка с неизвестной жидкостью. Кто доставил, не разглядел. Этот пенек трухлявый лампу в глаза направил. Я первым делом за кружку – пить охота, хоть помирай. Заглотил с ходу, а там спиртыга стопроцентной очистки. Наложился на мое состояние без остатку, я сразу так и поплыл. Вырубился, короче. До семи утра. Хотя, не исключаю, что со временем у меня тоже все поплыло в неизвестность.

Еще? Было и еще, когда в себя пришел. Нахожусь в том же самом бараке, где поначалу притулился. В окно через решетку глянул – метет, света белого не видать. Как красный закат, никакого бюро погоды не надо. Все, думаю, теперь мне отсюда до морозов не выбраться. Такая заварушка в горах – бесплатный гроб с музыкой. А без одежды соответствующей, без оружия, без Карая, без жратвы мне не то что до морозов, до послезавтрашнего дня не докарабкаться. Придется к генералу, если он мне не приснился, на поклон идти. Хотя, честно тебе скажу, уверенности, что здесь, кроме меня, кто-либо живой имеется, никакой у меня в тот момент не было. А тут еще колотун начинается по полной, хотя я все наличные одеялки под себя и на себя нагреб. Правда, как нагреб, напроць не помню. Получается, надо печурку по новой растапливать и какое-нибудь решение принимать, пока еще силенка какая ни на есть имеется. Настроение, кстати, как ни странно, у меня не похмельное, а довольно бодрое. Я бы даже сказал – боевое. Направляюсь в тамбур за дровишками, а он уже там стоит, ждет.

Омельченко снова уставился в какую-то точку за моей спиной. Тяжело сглотнул слюну, освежая пересохшее от долгого рассказа горло, и до хруста в пальцах сжал кулаки, до того расслабленно покоившиеся на столе.

– Кто стоит? – с нетерпением спросил я, захваченный сбивчивым рассказом. Если слушая Рыжего, я был почему-то уверен, что он способен и не такое нафантазировать, то Омельченко, по моему глубокому убеждению, на подобные замысловатые выдумки был совершенно не способен. Просто по природе своей не способен. Как человек трезво мыслящий, конкретный и, поскольку мне казалось до его побега из кабинета майора, очень осторожный. Да и какой смысл ему морочить мне голову, если мы вот-вот тронемся в те самые места на поиски якобы упрятанного им золота. Тем более мне не терпелось узнать, что же случилось с ним дальше, как он выкрутился из своего почти безвыходного положения, кто стоял за дверью, дожидаясь его появления.

– Хрен его знает, кто он такой, – с раздражением на мое показавшееся ему недоверие огрызнулся на вопрос Омельченко. И явно торопясь закончить рассказ, заспешил, опуская не нужные на его взгляд подробности. – Стоит гад. То ли только что вошел, то ли меня дожидался. Росточком и меня, и тебя помене, но видно, что не слабак. Рожи не разглядеть – капюшон до носа надвинут. На плече «калаш» и карабин, в руках охапка одежды зимней солдатской и сидор небольшой. Потом выяснилось – паек на два дня. И на том спасибо, могло намного похужей быть. Вплоть до ликвидации. А так вроде как заботу проявили. Чтобы возвращаться не надумал. Это я уже потом дотумкал.

– Что именно?

– То, что выбраться мне с тех мест, куда он меня потом завел, очень и очень даже маловероятно. Это они так считали. Для них главное, чтобы меня и близко больше не было. Чтобы никаких следов. Одного только в расчет не взяли... – Омельченко снова сглотнул слюну и отвернулся, скрывая навернувшиеся слезы. Предупреждая мой вопрос, сдавленным от внутреннего усилия голосом продолжил: – Карая не учли. Он тогда не только меня с этого параллельного мира вывел. Арсению до вечного покоя полшажочка оставалось...

Если по порядку – велел мне этот хрен знает кто срочно одеваться и выдвигаться следом за ним. Больше жестами, чем словами объясняет. Получается, что выбора у меня никакого – или под столбик без номера, или скорее делать ноги и не задавать никаких вопросов. Ну а какие вопросы в моем тогдашнем положении? Сам рад слинять побыстрее. Между нами, очень мне эта бывшая территория не понравилась. Я потом так и так прикидывал – получается, легче соврать, чем правду сказать. Расскажи кому, как в голом виде в несуществующей местности под прожекторами стоял, спирт с каким-то орденосным покойником пил, песни из далекого прошлого по радио слушал – куда меня в таком случае определяют? Правильно. На это у них тоже расчет был, если живой останусь. Послушают в соответствующих органах и «скорую» вызовут. На предмет излечения пациента, который, видать, в тайге о листвяк или о камушек темечком приложился, после чего в своем существовании окончательно запутался и несет незнамо что. Мог такой вариант получиться?

– Насчет «скорой» не уверен, но послать вполне могли.

– Хуже, если бы копать стали: что, как, почему? А мне это надо? Как считаешь?

– Доказательств, как я понимаю, никаких?

– Кроме цапки, которую я тебе предъявил, никаких. А она совсем не в мою пользу могла обернуться. Так?

– Что в тайге нашел, наверняка не поверят.

– Ты, я смотрю, тоже не очень веришь.

– Пока верю.

– Вот именно – пока. Короче, двинулся, как было приказано, следом. К тому времени такая климатическая кутерьма началась... Полностью нелетная погода. Нормально передвигаться в пересеченной местности никакой возможности. Я возражаю – может, переждем маленько? Он мне «калаш» в брюхо и хрипит себе под нос, еле слышать: «Сейчас не красиво, потом скажешь спасибо. Доложу, что скрылся в неизвестном направлении». Спрашивается, какой у меня выбор оставался? В дурном месте – либо сыч, либо сова, либо нечисть хрома. Выбор тот еще.

Короче, веселая прогулочка у нас получилась. Куда шли, как шли – ни хрена не помню. Какие-то штольни, выработки, пещеры. Наружу выберешься – зги от снега не видать. Следы тут же заносит. А он хотя

и хромой маленько, чешет так, что только держись. Сразу видать, что местность наизусть изучил. Как я его вообще из виду не потерял – самому удивительно. В какой-то очередной пещерке наконец притормозили. Отдает мне карабин, сидор со жратвой и рукой показывает – иди, мол, туда. И как сквозь землю провалился. Только что был и – нету. Темновато там, конечно, было, чтобы досконально все разглядеть. Еще одна хохма, кстати. Карабин, который он мне вручил на прощанье, моим оказался. Собственным. А я хорошо помню, что когда в речку эту подземную навернулся, из рук его почти сразу выпустил. Чтобы плыть не мешал. Вот и думай по этому поводу, что желается. Но мне тогда, честно скажу, не до того было. Двинулся осторожненько в том направлении, которое он мне указал. Выбрался наружу не так чтобы скоро. Стою без понятия, что дальше. В поселке, когда так запуржит, на знакомой улице всякое соображение теряешь. А тут в чужой местности, да еще в горах, вообще полный копец. Разглядел впереди какую-то ориентировку в виде непонятого дерева. Торчат два больших сука в разные стороны – и больше на нем никакой растительности. Вроде как мужик стоит, руки растопырил. Предупреждает – ходу дальше нет. А еще на крест смахивает – тоже как предупреждение. Мне бы посоображать по этому поводу, но я к тому времени уже мало о чем нормально кумекал. Попер, как танк на амбразуру, лишь бы от той хрени, что позади осталась, подальше. Ну и посыпался с ускорением черт знает куда и на какое расстояние. Если бы не снежные осадки, которых к тому времени вполне достаточно подвалило, думаю, никаких разговоров мы бы с тобой вообще не вели. Пока летел, скользил, кувыркался, потрепало меня на качественный бюллетень двухнедельного содержания. Сколько без сознания валялся – не помню. Очнулся – морду кто-то вылизывает. В башке полный бардак. Все, думаю, Михайло Потапыч приуготавливает меня в качестве закусона. Хотел дальше в неподвижном состоянии оставаться, мол, на дохлятину не польстится. Только чувствую, сообразил зверюга мое состояние, рыкнул на радостях и давай лаять на всю окрестность. Открываю глаза – Карай!

Это, Алексей, еще одна непонятка. Может быть, из самых. До сих пор без понятия, как он меня разыскал. Я потом так и так прикидывал, планы всякие рисовал. Не сходится! Полностью невозможное дело. Начиная с того, что с места, где я его оставил, без посторонней

помощи спуститься ему никак. А главное дело, что я через всякие пещерки, ходы, ущелья и прочую хрень через кряж напрямки наскрозь прошел. А вокруг бежать, да еще неизвестно в каком направлении, это дня два угробить, а то и больше. Плюсуй сюда погодную заварушку в горной местности. Обмундирование на мне чужое, нафталином пропахшее. Так что насчет чутья тоже не получается, не в чутье тут дело. Особенно, если дальше проследить, как мы с ним в единственно возможном для спасения направлении отправились. Я, поскольку очень мало что тогда соображал, целиком на него положился. Раз, думаю, он здесь оказался, значит, той же дорогой и выведет, откуда пришли. И не сразу сообразил, что двинулись мы с ним, можно считать, в противоположную сторону. А сообразил, когда поутихло маленько и окрестные вершинки обозначились. Что за ерунда, думаю. Вроде как осередыш между гольцами обозначился. Перевал то есть. Ничего подобного, если к реке идти, быть не должно. Да и вершинки окрест незнакомые, острецы сплошные. Такие только в глубине хребта торчат – с вертолета видал, когда подлетали. Ни себе хрена, думаю. Сбились, что ли? Да нет, Карай не спутает. Не бывало еще такого. Видать, у меня в мозгах завихрение после всех прошедших событий. Притулились мы с ним на передых в ямке какой-то за камушком. Костерок небольшой организовали, уничтожили зараза почти весь выданный мне паек. Я-то не особо еще голодный после вчерашнего, а у Карая бока запали, в глаза не глядит, стесняется. Это сколько ж, думаю, и чего он преодолел, чтобы меня отыскать? Я ему почти все и скормил. – Не переживай, – толкую. – Я теперь при оружии. Добудем чего-нибудь. В таких местах добычи вполне достаточно бегают и летает. Ты мне только намекни, ежели учуешь.

Все понял. Мордой в бок ткнулся и поднимается дальше бежать. У меня тоже откуда только силы взялись, следом рванул. Хиус к тому времени поутих маленько, идти полегче стало. Карай твердо направление держит, оглядывается только иногда на меня. Часа три или четыре мы с ним так передвигались. Гляжу, сумерки уже. К ночи, думаю, не дойдем, ночевку соображать надо. Дырку бы какую-нибудь укромистую приглядеть. – Ищи, – говорю, – Караюшка, место для ночевки. Чтобы с боков не дуло и сверху не сыпалось.

Он словно понял, о чем я. «Ищи» для него очень даже известное слово. Рванул куда-то – и с концами. Сперва спокойно ждал. Иду особо

не торопясь по его следу, по сторонам приглядываюсь. Больно заковыристые места вокруг начались. Так сразу и не скажешь, в чем дело, только нет-нет да и вспоминаю старого полкана с белыми глазами, который мне то ли по пьяни поблазился, то ли на самом деле про своих штрафников рассказывал, которые назад в зону приползли, не выдержали окружающей свободы. Я тебе скажу, действительно, трудно ее там выдержать. Такая тоска навалилась, какая, наверное, перед самой смертью бывает, когда податься некуда. Жуть сплошная. Если бы не Караевы следки, в голос бы завыл. А то бы и назад повернул. Ей-богу, хочешь верь, хочешь не верь. Ни разу со мной такого не было. Исключительное недоверие к собственной жизни. На хрена, думаю, корячусь, сопротивляюсь? Все равно в результате столбик с номерком. Или без столбика. Был Петро Омельченко и сплыл. Растворился в окружающем пространстве. Такое вот неприятное настроение накатило, хуже не бывает. До соплей расслабился, живым себя хоронить начал. Похоронил бы запросто, если не Карай. Я хоть и помирать собрался, но краем глаза еще соображаю, по следам продвигаюсь. Маленько погодя на уступ спускаюсь, вроде карниза скалу громадную огибают. За скалой – не знаю, как и объяснить тебе – с одной стороны, вроде красота, глаз не оторвать, с другой – волосы от страха шевелятся. Меня вообще-то трудновато с панталыку сбить, а тут... Не знаю, как тебе описать. Вроде как разлом, уступами куда-то проваливается. Камни по уступам ни на что не похожие. Если бы сам не видал, не поверил бы, что такие выкрутасы природа выделять может. Что человек сюда никогда не приближался – это без вариантов. С закрытыми глазами видать. Не видать, конечно, просто нутром чувствуешь. Четко чувствуешь, что рвать отсюда надо, пока не поздно. Еще немного, и такое будет... Что будет, без понятия, но будет. Полная уверенность, что будет. Хотя, казалось бы, чего пугаться – сплошные каменюки вокруг. Тут еще свет закатный фокусы строить начал. Каменюки, скалы, вообще все вокруг не поймешь какого цвета. Переливается все, в глазах муть. Следов Караевых не видать, тишина, аж уши закладывает. Мертвая. Ни ветерка. Даже себя не слышу. Как оглох. Проняло тогда меня, не буду врать, до самого. Даже больше. Откуда мне было знать, что в человеке такая бесконечность? Ни конца, ни начала. Как у каменюк вокруг. Понимаешь, нет? Заорал я тогда так, что самому неприятно стало.

Карая зову на помощь. Потому что затеряться в этих развалинах хрен знает чего запросто. Прощай, семья, прощай, родные, прощай родимые края, и никто не узнает, где могилка моя. Это я сейчас шуткую, хотя вспоминать страшно. Честно тебе, Алексей, скажу, ни за какие коврижки, самородки и слитки я в том месте больше оказаться не желаю. Надежда у меня потом целый клочок седых волос обнаружила. Если бы Карай тогда не отозвался, с глузду бы съехал окончательно и бесповоротно.

То ли он мой вопёж почуял, то ли атмосфера вокруг такая пронзительная – слышу, воет. Далеко, еле слышать. Но слышать в точном направлении. Рванул я в том направлении, как на крыльях. Про все свои болячки и ушибы позабывал. И чем дальше я от того места удалялся, тем больше сил прибавлялось. На душе соответственно тоже легчает. Карай нет-нет голос подает, ориентирует. Но навстречу почему-то не спешит. Я думал, он место для ночевки сыскал, как было заказано. Оказалось, он меня на Арсения вывел. Который лежит там почти в безжизненном состоянии. В расщелину его осыпью забило. Покалечило – места живого не сыскать. Без движения лежит, одни глаза живые. Не Карай – рядом бы прошел, не увидел. А вот как его, скажи на милость, на Арсения вывело, снова задачка. Которую мне никогда уже не решить.

Поначалу суетнулся я тогда крепко. Сам подумай – находимся неизвестно где, Арсений переломанный весь, жратвы никакой. В каком направлении продвигаться – непонятно. Сам после всех этих передрыг в разобранном состоянии. В общем, хоть караул кричи, если не знать, что бесполезняк полный. Хоть закричись. Выкопал я его, конечно, из его могилки, укрыл, как мог, сию рядом, от безвыходности балдею. Никакого решения отыскать не получается. Если бы Арсений на короткое время в себя не пришел, неизвестно, чем дело вообще закончилось.

– Они, – говорит, – неподалеку. Держись вверх по ручью, а как увал перевалишь, их уже видать будет.

– Кого их? – спрашиваю. – Если бы мы с тобой целиком в своих силах были, то и тогда до твоего поселения не меньше двух суток с ночевкой. А в нашем нынешнем состоянии остается костер повеселее сообразить и к смерти готовиться. Ничего другого нам не светит. Карая

вот только жалко. Он ведь от нашего места упокоения не уйдет, пока живой.

– Я, – говорит, – к старателям за подмогой шел. Немного уже оставалось. Нога подвернулась, осыпь поехала...

Тут я наконец сообразил, про каких старателей речь. Он, конечно, без понятия обо всех последних событиях. Что старателей всех до единого повывезли. Кого здесь схоронили, которые в морге родственников дожидаются. Не будешь же умирающему человеку такие новости сообщать. Только дело теперь совсем другой оборот принимает, если все, как он говорит. Насколько мне известно, для сбережения этого фартового участка охрану оставили. Рация у них в обязательном порядке.

– Раз так, – говорю, – надо поспешать. Перво-наперво Карая за подмогой направить. А я пока помаленьку тебя перетаскивать начну со всеми предосторожностями. Волокушу сейчас какую-нибудь сообразим. Потом на увале сигнал подам из карабина.

Бог, видать, на нашей стороне тогда был. Так все и получилось. Хотя до последнего не надеялся, что обойдется. На другой день даже вертолет полный сыскарей нарисовался. Думали, наверное, что теперь все раскрутят по-быстрому. Только наоборот вышло – еще хуже запуталось. Про свои приключения я им, понятное дело, ничего сообщать не стал. Все равно, думаю, не поверят. Другие соображения тоже были. Надеялся самостоятельно в этом деле разобраться. Только все не складывалось никак силами собраться. Пока ты не заявился. Теперь, хочешь не хочешь, вместе разбираться будем. Если согласен, готовься в путь-дорогу.

* * *

Потом я долго и путано размышлял над тем, что не толкнуло, нет, неодолимо тянуло меня ввязаться, рисковать, сопереживать и, в конце концов, полностью отдаться делу, не имеющему, казалось бы, ко мне никакого отношения. Конечно, обстоятельства складывались так, что оказаться в стороне от торопливо сменяющихся друг друга событий я бы уже не смог даже при очень большом желании. Меньше всего меня волновала история с потерянными золотом. Что мне до него? Как

говорят, «не мной положено». Правда, если оно отыщется, может, наш научный стационар наконец оставят в покое? А это уже вполне реальный результат, в том числе и лично для меня. Невнятные видения Петра Семеновича, оказавшегося где-то в дебрях таинственного хребта, вполне могли оказаться результатом действия опустошенной «для согреву» на голодный желудок фляжки.

– Вот она эта баклажка, – сказал Омельченко, доставая из своего вещмешка титановую фляжку с отчетливой вмятиной посередине. След угодившей в нее пули вполне убедительно доказывал правдивость его недавнего рассказа. Во всяком случае, первой его части. – Очень даже осознаю, что обязан ей жизнью. Арсений Павлович, кстати, тоже может ей благодарность объявить. – Заметив мое удивление, Омельченко хмыкнул и нежно провел пальцем по вмятине. – Объясняю. Оказалась в наполненном состоянии в том самом сидоре со жратвой. Наполненной, как догадываешься, жидкостью, которая привела меня в бессознательное состояние. Высший сорт, девяносто шесть градусов. Я-то отрубился, а Арсению он очень даже помог. Из бессознательного состояния привел в нормальное. Не нормальное, конечно, но помог на все сто. Пока его волок, он даже не застонал ни разу. Вполне качественная внутренняя анестезия. Еще неизвестно, чем дело для него могло кончиться, если бы не она. – Омельченко неожиданно сунул фляжку мне в руки. – У тебя имеется чем ее заполнить? А то пока спешил к тебе сюда, пришлось для поддержания сил полностью израсходовать.

Я молча кивнул и отправился за НЗ, который запрятал от Рыжего среди научных приборов, хранившихся в надежно запертом ящике, на котором просидел всю ночь, скарауливая возможных нежелательных посетителей. Еще раз обругав себя за непозволительный сон, который мог закончиться для меня плачевно, оказался на месте Омельченко кто-нибудь из похитителей Рыжего, я направился к месту своей недавней закладки и замер на полпути, остановленный неожиданным зрелищем. Пропавшая ковбойка как ни в чем не бывало висела на прежнем месте. Час назад ее здесь не было. Это могло означать только одно – нас о чем-то предупредили. Вернее, предупредили меня, о появлении Омельченко вроде бы никто не должен был знать. Но что значило это предупреждение? Неожиданно я подумал, что человек, похитивший и вернувший ковбойку, сейчас должен находиться где-то неподалеку.

Будь я на его месте, обязательно постарался бы оценить реакцию на неожиданное послание. Не заметить внезапно явившуюся яркую летнюю одежонку было просто-напросто невозможно. Значит, я должен как-то среагировать, задать себе вопрос – в чем дело? Что мне хотят сказать? Не исключено, что автор послания где-то неподалеку...

– Послушайте, – неуверенно сказал я, отойдя на несколько шагов от палатки и обращаясь почему-то к груде огромных камней, обрушившихся когда-то с крутого склона, прикрывавшего с запада площадку стационара. Мне показалось, что лучшего места для наблюдения и незаметного отступления в укрытие распадка поблизости нет. – Мне кажется, вы хотите мне что-то сказать. Или о чем-то предупреждаете? Имейте в виду, единственной целью, с которой я здесь нахожусь, является научная работа. Орнитология. Птички. Я старший научный сотрудник из лаборатории Арсения Павловича. Он тоже должен был прилететь, но, к сожалению, тяжело заболел. Ложится на операцию.

Не знаю, почему я сообщал неизвестному именно эти сведения, которые ему, казалось бы, должны быть до лампочки. Но, сам не зная почему, я адресовал их не ему, а ей. Видимо, подсознание надежно зацепилось за, казалось бы, совершенно неоправданную надежду на реальное существование женщины, которая вопреки всему и вся находится где-то совсем рядом и сейчас пытается уберечь меня от возможной опасности.

Я замолчал и стал напряженно прислушиваться. Со стороны мое обращение неведомо к кому должно было показаться более чем странным. Больше всего я боялся, что Омельченко, услышав мой голос, обнаружит свое присутствие и помешает возможному контакту. Я покосился на новую дверь моего недостроенного жилища и увидел, что она слегка, буквально на палец, приоткрыта. Что Омельченко стоит за дверью и напряженно прислушивается, я не сомневался.

– Хочу только сказать... – несколько усилив звук своего обращения к возможному неизвестному слушателю, продолжал я. – Тут все время толчется какой-то народ, который здесь совсем не должен находиться. Я к ним не имею совершенно никакого отношения. Я здесь на работе, а они неизвестно с какой целью. И вообще, давайте жить дружно. Если согласны, дайте знать. Договорились?

После двухминутного напряженного молчания я понял, что никакого ответа на мои мирные предложения не последует. По крайней мере, в ближайшее время. Или вообще не последует, потому что человека, предупреждавшего меня о чем-то, здесь уже не было. Предупредил и исчез. С его стороны это был самый простой и безопасный способ общения. Чтобы окончательно убедиться в этом, я направился к груде камней. Неожиданно вспомнилось, что эти камни были обозначены в «Полевом дневнике» Арсения как «место силы», в котором восприятие окружающей действительности обостряется до болезненной отчетливости и глубины. Но оказавшись среди камней, никакого такого обострения не почувствовал. Почувствовал только нетерпение Омельченко поскорее узнать, перед кем я только что распинался и почему не спешу затоварить его пострадавшую флягу чистым медицинским спиртом, выданным мне на складе института «на случай непредвиденных обстоятельств». Но, оказывается, был у моего монолога слушатель помимо Омельченко. За ворохом груза, на том самом месте, где я неудачно скоротал минувшую ночь, наставив на меня пропавшее ружье, сидел Валентин Николаевич Кошкин.

Остановившись напротив, я молчал, ожидая первых слов своего прежнего «лаборанта», и лишь слегка ухмылялся, показывая, что вид направленного мне в грудь ружья меня несколько не беспокоит. Рыжий, не выдержав затянувшегося молчания, виновато заморгал, облизал пересохшие губы и затараторил неестественно бодрым голосом:

– Я, шеф, сразу предупреждал – в этой местности надо на цырлах передвигаться и через шаг оглядываться. Духарные здесь долго не живут, нервы не выдерживают. Должен сразу предупреждение сделать – в этой художественной самодеятельности я лицо несамостоятельное. Можно сказать, подневольное. Прошу скептически не лыбиться. Исполняю, что приказано. А приказано только передать словесно и больше никаких опасных для взаимного здоровья действий не предпринимать. Так что бояться меня не надо.

– Вроде и так не дрожу от страха, – не выдержал я.

– И правильно. Хотя, с другой стороны, наоборот – неправильно. Дрожать не надо, а бояться не помешает. Расклад больно хреновый. Легче украсть, чем просить.

– О чем это вы, Валентин Николаевич?

– Так это... Не имею никаких оснований в данный момент здесь находиться. Испытываю от этого неприятные неудобства.

– Ну почему же, – снова не выдержал я. – В той ухе, которую твои старые друзья заварили, каждой рыбке свое место. Я когда вас на совещании в кинотеатре увидел, понял, что ты не карасик. Посложнее будешь. Окунишка средних размеров. А когда ты меня стал убеждать, что они давно улетели, решил принять соответствующие меры.

Видно было, как напрягся Рыжий, переваривая мое сообщение. Оно ему явно не понравилось.

– Интересное кино, – пробормотал он после затянувшейся паузы. – Получается, что картишки у меня сразу были ниже среднего.

– Сплошные шестерки, – снова ухмыльнулся я.

– Не скажи, шеф, – неожиданно встрепенулся Рыжий. – Шестерки были, когда я в кинотеатре в отказ пошел. Не было у меня тогда к ним никакого доверия. Особенно после тех событий, которые я позапрошлой ночью подробно изложил. А вчера утром мне совсем другие картишки подкинули. Эту игру уже не они заказали. Они сами теперь навроде шестерок. За ними теперь такой бобер стоит, мамочки мои. Даже не думай.

– Чего не думать?

– Против играть. Размажут только так. Когда нынешний расклад мне сообщили, я отсюда бегом рванул. Извини, шеф, про веревку начисто позабыл. Но поскольку вы живой и здоровый, нырялка за консервами, как понимаю, не состоялась. А то, что по глупости не делается – всегда к лучшему. Имеем теперь нормальную возможность договориться по уму.

– Не думаю, – сказал я. Повернулся и направился к своему недостроенному жилищу. Я был уверен, что Рыжий последует за мной. Так и получилось. Даже вперед забежал, преграждая мне дорогу. Я обошел его и остановился только неподалеку от приоткрытой двери, уверенный, что Омельченко безошибочно сориентируется в сложившейся ситуации. Рыжий между тем семенил рядом и говорил не переставая, активно дополняя порученное для передачи мне сообщение собственными путаными соображениями. По его словам выходило, что мое присутствие на стационаре уже никому не мешает и никого не волнует.

– Мужики, с моей подачи, сделали правильный вывод, что вы, шеф, никакой опасности в данный момент не представляете. И вообще существуете лишь постольку поскольку.

– В каком смысле?

– Попали в эту замануху по собственной бестолковке. Извиняюсь, конечно, но когда заявили, что будете за консервами нырять, я сразу понял, что ловить в этом направлении нечего. Придурь на почве доверчивого отношения к окружающей жизни. И такой вывод не только я сделал.

– Кто еще? – спросил я, надеясь, что Рыжий проговорится.

– От них поручение передать следующее. Ваше дело сейчас спокойно тараканить насчет своих долбанных птичек. От этой развалюхи далеко не отходить и очень внимательно наблюдать за окружающей местностью.

– С какой целью?

– Не понял.

– С какой целью наблюдать?

– С целью появления, из-за которого весь этот шурум-бурум по новой начался.

– И кто этот «который»? – поинтересовался я, догадываясь, кого назовет сейчас Рыжий.

– Который всем нам очень даже хорошо известный, – почему-то оглянувшись, сбавил голос чуть ли не до шепота Рыжий. – Тип очень даже опасный.

– Опасный для кого? – изобразив испуганную заинтересованность, тоже шепотом спросил я и тоже оглянулся.

Не уловив иронии, Рыжий приблизился ко мне чуть ли не вплотную и доверительно зашептал:

– Если иметь для примера зажмуренного Хлесткина, каждый, кто окажется в непосредственной близости, имеет вариант пострадать по полной программе. Теперь выясняется – тот еще бандюга.

– Омельченко, что ли? – громко удивился я. – Ни за что не поверю. Это кто ж на него такую ориентировку выдал? Совершенно не соответствует действительности.

– Тут, шеф, вы полностью не правы. Не бывает человечинки без калеченки. В каждом она в наличии. У одних на виду, у других на доньшке упакована. Пока не тряхнет товарища до самого

критического момента, вниз головой не перевернет, так она и будет на доньшке. А как перевернет, тут и окажется в наличии.

– Его-то что перевернуло? Петра Семеновича?

Я невольно оглянулся на чуть приоткрытую дверь и шагнул в сторону, загораживая ее от Рыжего.

– Нет, шеф, с тобой рядом находиться – в ибанашки пропишешься. Вроде как ученый, а дурак дураком. Прошу не обижаться. Имеется в виду полное непонимание данного момента обстановки. Хлесткин за что пострадал?

Я пожал плечами.

– Предположил. Всего-навсего предположил, что Омельченко знает, куда золотишко подевалось. Понял?

– Ну, за это не убивают.

– А раз знает, то постарается приватизировать его в свою личную собственность. И не за такое убивают. А за такое – запросто. Так что в самое ближайшее время объявится здесь в обязательном порядке. Все, что в таком случае понадобится – сигнализировать, что птичка прилетела.

– Каким образом?

– Не понял.

– Каким образом сигнализировать?

– Этот вопрос мы должны сейчас обдумать.

– Я полагал, вы уже все обдумали.

– Снова не понял.

– Ковбойку повесили. Видно издалека. Как сниму, значит, птичка в клетке.

– Шеф, ты меня уже достал с этой ковбойкой. Не вешал я ее. Не имею никакого отношения.

– Точно не вешал?

– Пока еще память не отшибло. Хотя от всех последних событий находится в неуверенном состоянии. Сам подумай, на хрена мы ее вешать будем? По какой такой надобности. Правильно Декан говорит: «Придурь не зараза, а состояние организма».

Пришлось сделать вид, что данное замечание мне не понравилось.

– По-моему, Валентин Николаевич, давно тебя не учили элементарной вежливости. Придется заняться твоим воспитанием. По

голове бить тебя не буду – это твое слабое место, – а вот по спине и пониже приложу с удовольствием.

– Меня-то за что? – отбежал в сторону Рыжий. – Это не я, а Декан высказался, когда я ему про наше здесь пребывание подробно изложил. Может, он не тебя, а меня имел в виду.

– Скорее всего, – согласился я, не желая пока обострять отношения с парламентом.

Рыжий старательно заулыбался.

– Вообще-то идея нормальная. Предложение принимается. Будем наблюдать за тряпочкой. Кое-откуда ее очень даже отлично видать. Поэтому применять ко мне физическое насилие не советую. Друганы могут не сообразить насчет воспитания вежливости и принять репрессивные меры. Нам это надо? Давай жить дружно.

– Не возражаю, – согласился я. – Особенно если вернешь ружьишко. Сам говорил, без него по технике безопасности не положено. Вдобавок – институтское имущество, мне за него отчитываться.

– Я хоть сейчас, – отступил на шаг Рыжий. – Но... – отступил еще на шаг. – Могут не так понять. Ружьишко хреновенькое, но все-таки вооружение. После окончания операции с нашим удовольствием.

Все, шеф. Исчезаю доложить о полном согласии сторон. Что и требовалось доказать.

Поскольку Омельченко никак не давал о себе знать, я понял, что он не хочет выдавать свое присутствие. Моя первоначальная задумка заманить Рыжего в жилище от глаз возможного наблюдателя, а уже там с позиции силы более подробно потолковать с ним о переманившем его «бобре», теряла в этом случае смысл. Надо было делать вид, что все происходит так, как они задумали. Следить, куда направится Рыжий, тоже не имело смысла – не такой уж он дурак. Поэтому, показательно почесав затылок и потоптавшись на месте, что должно было свидетельствовать о глубоких раздумьях и неуверенности, я вошел в свое «научное» помещение.

– Что и требовалось доказать, – хлопнув меня по плечу, удовлетворенно прокомментировал Омельченко результат подслушанных переговоров. – Пускай наблюдают, пока глаза не лопнут. Мы тем временем тишком соберемся и ночью исчезнем куда следует. Пускай голову поломают и панику устроят. А там уже не они

за нами, а мы за ними понаблюдаем. И поступать будем по обстоятельствам. Согласен?

– Лишь бы «бобер» этот не оказался хитрее нас.

– Не бобер это, волчары. А волчара, когда жрать хочет и запах чует, прет напрямки, не оглядываясь. Это нам очень даже на руку. Одно не понял – про какую вы там тряпочку речь вели?

– Наши с ним разборки, – решил я не выдавать мучавшую меня и не имевшую пока решения тайну. Мои догадки могли показаться ему настолько нелепыми, что он, как Декан и Рыжий, вполне мог усомниться в моей адекватности. Я был уверен, что сигнал адресован мне одному, а потому должен самостоятельно разобраться в его значении.

Омельченко взял у меня из рук свою драгоценную фляжку, встряхнул и вопросительно уставился на меня.

– Не хотел выдавать местоположение. Стемнеет – отоварю.

– Резон, – согласился Омельченко. – А сейчас давай маленько придавим. Ночка, судя по всему, та еще будет.

* * *

Ночку эту я теперь вряд ли когда-нибудь забуду. Когда в наступившей темноте мы уже собирались незаметно для возможных караульчиков покинуть свое пристанище, Омельченко, в очередной раз аккуратно перебиравший содержимое своего рюкзака, вдруг заметил, что я пристраиваю под свою утепленную штормовку чехол с фотоаппаратом, собственностью нашей орнитологической лаборатории, закрепленный за мной по настоятельной просьбе Арсения.

– Наши приборы статичны и довольно неуклюжи, – убеждал он воспротивившегося этому Черепкова. – Алексей легок на подъем, мобилен. Он успевает видеть малоприметные, пусть не очень художественные, но очень значительные мелочи, в чем я неоднократно убеждался. Фотоаппарат для него не игрушка, а орудие научного наблюдения. Иногда единственная возможность зафиксировать события, которые могут оказаться научной сенсацией.

– Что-то не припомню ничего мальски похожего на сенсацию, – не сдавался Черепков, активно претендовавший на качественное производство известной фирмы. – Если даже вы ничем не удивили нас за последнее время, то доверять хрупкую дорогую технику в не очень профессиональные руки, согласитесь, не слишком удачная идея.

– В ваших профессиональных руках... – с насмешливой полуулыбкой сказал Арсений и замолчал, словно прислушивался к чему-то. – В ваших высокопрофессиональных руках, – повторил он, – точно такое же чудо техники уже приказало долго жить. Причем не в поле, не в экстремальных условиях, а после коллективной пьянки по случаю завершения никому не нужного семинара. Вот уж где сенсаций явно не предполагалось.

Побагровевший от злости Черепков побежал изливать свое возмущение к почему-то сочувствующим ему ихтиологиням, а Арсений, вручив мне фотоаппарат и отводя в сторону улыбающиеся глаза, строго сказал: – Отвечаешь головой. – И добавил: – Цейсовская оптика. Можешь снимать почти в полной темноте. Но лучше со вспышкой.

– Ну и на фига тебе эта бандура? – рассердился Омельченко, заметив, что удобно пристроить фотоаппарат под штормовкой у меня никак не получается. – Представляешь, как нам горбатиться придется? Бежать, ползти, падать, нырять – мало ли еще чего. Не на пьянку за городом собираемся. Считаю, полноценная боевая операция предстоит. С непредсказуемыми последствиями. А ты на себя цацки вешаешь, как на елку.

– Кто-то говорил, что без науки разобраться будет трудновато. А наука должна опираться на конкретные факты, подкрепить которые лучше всего сможет конкретное изображение. Ты до сих пор сомневаешься – видел, не видел? Был бы фотоаппарат – доказательная база налицо. Согласен?

Омельченко надолго задумался, потом согласно кивнул головой. И лишь несколько минут спустя извиняющее пробормотал:

– Лично за тебя мандраж. Ты в таких передрыгах еще не бывал. Да и места здесь больно заковыристые. Заезаешься, никакая наука не поможет.

«Бог поможет», не очень уверенно подумал я, решив пока не открывать Омельченко, что помимо фиксации научных и не научных

фактов я надеялся привезти Арсению наглядное доказательство того, что женщина, в гибели которой он себя не переставал обвинять, жива, и только какие-то непонятные обстоятельства не позволяют ей вернуться в прежнюю, привычную ей жизнь. Моя уверенность в этой фантастической версии покоилась не столько на здравых размышлениях, догадках и фактах, сколько на горячем желании, чтобы это обязательно произошло. Иначе, как казалось мне в эти минуты, мое участие в дальнейших возможных событиях просто теряло смысл.

– Ну что, двинули? – обращаясь не столько к Омельченко, сколько к самому себя, спросил я и шагнул к двери.

Оставив на столе зажженную керосиновую лампу, которая до поры до времени своим слабым светом свидетельствовала о моем наличии в «научном помещении», но к утру должна была потухнуть из-за ограниченного количества керосина, которым ее заправили, мы осторожно выбрались наружу и, прячась за деревьями, перебежали к груде камней, которым несколько часов назад я предлагал мирное существование.

– Оглядимся поначалу, – шепнул Омельченко, когда мы присели за ближайшим каменюкой. – Ежели они поблизости пристроились караулить, то без огонька долго не протянут. Гляди, ночь какая. Вызвездило на хороший морозец в самое ближайшее время. Кишка у них тонка без костра по морозцу. Особо, если они из тех, о которых твой Рыжий информировал. И не только в этом дело...

– В чем еще? – спросил я, не отрывая глаз от опрокинутого над головой звездного неба. Почему-то оно казалось мне сейчас незнакомым. Я не узнавал ни одного созвездия.

– Глянуть на них не мешает. Для оценки предстоящего контакта. Насчет того, как этот дурак базарил, что ты теперь в полной безопасности, – полная туфта, если не понял. Осознают, как мы их кинули, разборки на полном серьезе организуют. Вплоть до стрельбы на поражение. Пока наше с тобой преимущество. Они нас скарауливают, а мы на них полюбуемся с близкого расстояния. Послушаем, какие у них планы на ближайший понедельник. А может, еще чего-нибудь интересное срисуем. Не против?

– За. Только два вопроса.

– Излагай.

– Почему только на понедельник, и в каком направлении мы их огонек отыскивать будем? Хотя бы приблизительно.

Омельченко глянул на светящийся циферблат своих часов.

– Понедельник через три часа пятнадцать минут. А насчет огонька могу приблизительно указать направление. От реки далеко удаляться им никакого резону. А чтобы поблизости от реки и чтобы жилище наше видать, только оттуда и вон оттуда. Оттуда вряд ли – обзор хреновый. А оттуда – вполне достаточный. – Он взгляделся в указанном направлении и удовлетворенно хмыкнул: – Что и требовалось доказать! Огня не видать, стерегутся, а звезды, вон те, что пониже, теплом и дымком покачивает. Мерцание воздушное создается. Видишь? Так что милости прошу к ихнему шалашу. По увалу обойдем и – «Здравствуйте, я ваша тетя!» Здраваться конечно не будем, но обстановочку по возможности оценим. Согласен?

Так и не разглядев никакого колебания звезд над темной грядой врезавшегося в реку скалистого мыса, я согласно кивнул и поспешил следом за Омельченко, который, несмотря на темноту, уверенно двинулся в предсказанном направлении.

С увала огонек прорезался настолько отчетливо, что я невольно подивился беспечности караульщиков, костер которых был наверняка виден и с реки, и со стороны гор. Правда, от нашего стационара можно было разглядеть лишь мерцание звезд в весьма ограниченном секторе, а заметить это дрожание кроме Омельченко вряд ли еще кому-либо удалось. Поэтому Рыжий и его друзья не беспокоились, что я обнаружу их местопребывание. А вот Омельченко, которого они поджидали, вполне мог заявиться с любой стороны. Тут они явно недодумали, надеясь, что ночью в этих местах в голову никому не придет передвигаться. Что ж, воспользуемся их ошибкой.

– Заходим с двух сторон, – прошептал Омельченко. – Ты оттуда, а я повыше поднимусь. Для страховки. Вон с того уступчика и повиднее, и слышнее. А ты снизу подберись. По запаху судя, они сейчас колбасу на рожне смолят. Значит, водяру употреблять будут, что нам в самую жилу. Пристройся поближе и лежи не дыши, анализируй. Когда смываться – сигнал подам. Или сам сообразишь. Спускайся тогда к распадку, а насчет меня не зависай. Я на слух определю, где находишься. Когда надо будет, состыкуемся. Не дрейфуй, Алексей, все будет, как партия велела. Разошлись?

Я согласно кивнул, и Омельченко, шагнув в сторону, почти сразу растворился в темноте. Шагов его, как я ни прислушивался, не услышал. «Мне бы так научиться передвигаться по тайге. Да еще ночью, – завистливо подумал я. – Он-то наверняка подберется вплотную, а вот получится ли это у меня? Постараюсь, конечно...»

Ушло у меня на это «постараюсь» не меньше получаса, причем минут 20 из них пришлось чуть не на пузе ползти. Зато, в конце концов, устроился я за поваленной полусгнившей елью довольно удачно – видно было не так чтобы очень, но зато отчетливо слышно каждое слово. Первая же фраза, которая донеслась до меня, настолько меня заинтересовала, что я чуть ли не наполовину высунулся из своего убежища, чтобы получше разглядеть происходящее и говоривших.

– Сдается мне, котяра, что ты нам дуру гонишь про своего молодого научного сотрудника. Он, может, и правда с придурью, но если, как говоришь, о рыжье проинформирован, запросто мог мозги закомпостировать насчет «будет сделано». А сам потом такого наделает, большой ложкой не расхлебаешь.

– На хрена?! – услышал я знакомый с истерическими нотками голос Рыжего и понял, что именно его называли «Котярой», ориентируясь, очевидно, на его фамилию. – На хрена, – еще визгливей заорал мой бывший помощник, – ему компостировать, если он теперь под наблюдением и контролем? И хорошо об этом осведомлен. Ему всего делов теперь – за комаром с топором. Ни вооружения, ни лодки, ни рации. Зуб даю – в лучшем виде все исполнит. Он хоть дурак, но не дурак. Все-таки при науке состоит, выводы делать научен.

– Зуб у тебя я и так ликвидирую. И не один, если не так повернется.

– Да пошел ты! – не сбавляя тона Рыжий. – Если бы не новый расклад, я бы с вами придурками ни за какое рыжье не стал бы связываться. Себе дороже. Опыт имеется в достаточном количестве. Таких деканов у нас в кочегарке пучок на рупь.

Самого удара, как и того, кто его нанес, я с моего наблюдательного пункта не увидел, но влетевшего в поле моего зрения и рухнувшего чуть ли не в самый костер Рыжего и отлетевшее в сторону присвоенное им ружье разглядел очень даже подробно. Рыжий долго не шевелился, и только когда от жара костра задымился рукав его новой форменной куртки, застонал, заскреб ногами, отдвигаясь,

сел, помотал ошалело головой, разглядел лежавшее неподалеку ружье, дернулся к нему и снова отлетел в сторону от удара ногой появившегося наконец в поле моего зрения Декана. «Кажется, начинаются внутренние разборки», – подумал я, отодвигаясь в тень и привалившись плотнее к трухлявой сырой плоти погибшего дерева. С места, где стоял Декан, разглядеть меня в этом ненадежном укрытии не составляло особого труда, сделай он шаг-другой в мою сторону. Но, судя по всему, валявшееся на земле ружье интересовало его гораздо больше ближних окрестностей, слегка подсвеченных беспокойным пламенем быстро прогоравшего костра. Подобрал ружье, Декан взвел курок и наставил ствол на неподвижно лежавшего Рыжего.

– Не уяснил ты, Котыра, себестоимости настоящего момента. Отсюда твои проколы по всем направлениям. Особенно в направлении ху ис ху: кто будет парадом командовать, а кто исчезнет в неизвестном направлении по причине хреновой художественной самодеятельности. Понятно излагаю?

Рыжий не отвечал и не шевелился, хотя я готов был поклясться, что он прекрасно слышит каждое адресованное ему слово.

«Чего он к нему прицепился на ровном месте?» – удивился я ничтожности предъявляемых Деканом претензий, явно не соответствующих тяжести возможного огнестрела. «Обиделся, что ли, за свой авторитет? Не пристрелил бы сдуру. Судя по поведению, он, кажется, не очень адекватен. При возможном общении, пожалуй, стоит это иметь в виду».

– Слышь, Декан, – раздался хриплый голос еще одного караульщика. Судя по раскладу, этот должен был быть Хриплым. – Чего ты на него наезжаешь на пустом месте. Насчет тебя он зря, конечно, базарил. Так остальное по уму, без вариантов.

– Сумел нагадить, пускай парашу за собой выносит. Тогда будет без вариантов.

– Чего выносить-то? – не отставал Хриплый, появившись наконец в поле моего зрения и загородив широкой спиной чуть ли не половину обзора. Вместо Декана я видел теперь только его нервно переступающие конечности, да иногда ствол злополучного ружья оказывался на виду, по-прежнему направленный на неподвижно лежавшего Рыжего.

– Чего, говоришь? Давай рассуждать логически. Знаешь, что такое логика?

– Ну. Когда по уму.

– Можно и так. Как он вообще к нам приклеился?

– Ты же сам позавчера его от этого придурка ликвидировал. С доставкой по назначению.

От очередного «придурка» меня передернуло. Судя по всему, все они почему-то были уверены в моей умственной неполноценности. Обидно, конечно, ну да ничего, переживем. А может, даже используем в своих целях. С дурака какой спрос. Соответственно и бдительность.

– Имеется в виду не позавчера, а тогда, по первому разу. Откуда он нарисовался?

– А я знаю? Ты же его тогда предоставил.

– А мне кто его предоставил? Смотрю – уже шестерит по полной, ж...пу вылизывает.

– Ну...

– Что ну? Хрен с ним, думаю. Чем самим бадяжить, пусть спину гнет. А как сладится все, пусть тут и остается.

– Ну...

– Гну. Из-за него вся наша экспедиция тогда медным тазом накрылась. Забыл? Значит, что получается? Что приклеился он к нам с далеко идущими целями. Мы когда отсюда каналы, об чем договор был? Ни ногой сюда не возникать. И где мы его находим самое короткое время спустя?

– Так и мы...

– Мы – сам знаешь. Не сама захотела – мама велела. А ему что было приказано? Сидеть в закладке, и как только, так сразу. Спрашивается, по какой причине он здесь сейчас нарисовался? Да еще хайло разевает до противоположного берега. Вопрос? Вопрос!

– Так хавать захотел. Видал, как ты водяру загружал.

– Загружал по причине собственного дня рождения. Этот хмырь сюда никаким боком. Сам слышал, как он меня только что дешевкой обкладывал. Имею право себе в день рождения подарок? Имею?

– Ну.

– Поэтому сейчас эта сучья душонка у меня за дешевку на карачках прощения просить будет. А потом мы ему дознаваловку устроим.

– Это как?

– Предварительно привяжем, чтобы он снова в реку не нырнул. А потом угольков в штанцы сыпанем.

– Так он такой хай поднимет, вся наша закрадка накроется.

– Думаешь, я дурней паровоза? Мы ему гудок подручными средствами наглухо перекроем. Пускай ножонками посучит. Сразу правдивыми сведениями делиться начнет.

Только сейчас я всерьез поверил угрозам Декана, разглядев наконец, что он основательно пьян и явно не способен отвечать за свои поступки и их последствия. Омельченко пока не видать, не слышать. Видимо, придется в одиночку принимать решение, если Декан приступит к осуществлению своих обещаний. Не могу же я допустить, чтобы моего бывшего лаборанта покалечили из-за каких-то нелепых подозрений. Правда, оставалась еще надежда на застывшего в растерянности Хриплого, который, как мне показалось, не вполне одобрял действия своего напарника.

– Так если его заткнуть, чего он скажет? – наконец просипел он, с трудом выговаривая слова.

– Скажет, куда денется, – уверенно заявил Декан. – Запоет не хуже Кобзона. Только записывать успевай.

– Чего записывать? – не понял Хриплый.

– Кто ему такое поручение давал – дуру нам гнать. А про этого птичьего сотрудника сами все разузнаем. Короче – тащи инвентарь.

– Какой?

– Веревку. Тряпку какую-нибудь хайло ему заткнуть. Банку консервную угольков зачерпнуть. Включай мозги. Что мне, одному корячиться? Спрос с обоих будет.

– Какой еще спрос?

– За недостаточную бдительность в критических обстоятельствах.

– Его бдительность или нашу?

– Ну, ты меня уже достал! Я тебе чего уже целый час толкую? Хочешь, чтобы мы как в прошлый раз залетели?

– Не-е...

– Значит, соображаешь. Будем выяснять, с какой целью приказ нарушил вести непосредственное визуальное наблюдение. Получим собственноручное признание. Нам шеф еще благодарность объявят. Если результат положительный.

- Об чём результат?
- Вот и выясним об чём.

Тем временем Рыжий, ухватив, судя по всему, расплывчатую суть дурацких обвинений в свой адрес, понял, что роль беспомощного полутрупа, которую он не очень талантливо разыгрывал, старательно прислушиваясь к разговору, может привести к весьма плачевным для него последствиям, и потому решил на весьма опасный в его положении поступок, которого, честно говоря, я от него совсем не ожидал. Изображая не вполне пришедшего в себя после побоев невинно пострадавшего, он с трудом поднялся на четвереньки, что-то невнятно бормоча и припадочно трясая головой, и вдруг стремительно метнулся к ухмылявшемуся Декану, сбил его с ног, подхватил буквально на лету ружье и, отбежав в сторону, направил ствол на пытавшегося подняться Декана.

– Значится так, друзья-однополчане, – услышал я его странно изменившийся голос. Не будь я стопроцентно уверен, что говорит мой бывший помощник, я бы поклялся, что это заговорил совсем другой человек. Ни прежней приклатненной скороговорки, ни недавней показушной истеричности. Даже тембр голоса изменился. Теперь это был спокойный, я бы даже сказал, суровый голос уверенного в своей силе и власти человека. – Вы и в прошлый раз остохренели мне хуже вертухаев позорных. Имеется теперь возможность биографию вашу сегодняшним днем рождения закончить. Как смотришь, Декан, на подобное предложение? Представляешь, сколько водяры сэкономим для светлого будущего человечества?

Давно не подпитанный ничьими стараниями и потому почти погасший костерок неожиданно выстрелил небольшим фейерверком искр, и какая-то из догорающих головешек вдруг занялась судорожным торопливым огоньком, высветившим фигуры державшего наготове ружье Рыжего, приподнявшегося на колени Декана и наклонившегося в готовности к прыжку Хриплого.

– Не гони дуру, Котяра, – примирительно сказал явно протрезвевший Декан. – Стрелять ты из соображений личной безопасности поостережешься. А стрельнешь, то пока второй патрон отыщешь, перезаряжать будешь, Хриплый из тебя такой бифштекс приготовит, никакая экспертиза не разберется об исходном материале. Кончай выступать и выдвигайся на исходную позицию, где должен в

настоящий момент находится. Прозеваем Омелю, ни тебе, ни нам спокойная житуха не светит. Попугали друг друга – и завязали.

– Ошибочка, Декан Сергеевич, – возразил Рыжий, и незнакомые мне нотки насмешливого превосходства в его голосе снова настолько меня удивили, что я чуть ли не наполовину высунулся из своего укрытия, чтобы получше разглядеть человека, державшего на мушке двух весьма опасных пиратов. У меня даже мелькнула нелепая мысль – мой ли это бывший помощник, еще недавно готовый на немедленную попятную при малейшем намеке на опасность? Особенно не напоминала прежнего Рыжего его спокойная насмешливая улыбка, которая, впрочем, могла мне и показаться при быстро сгинувшей вспышке пламени.

– Первым я Хриплого положу по причине большой физической опасности. А на тебя даже патрона тратить не буду. Отоварю прикладом по башке и все дела, – продолжал издевательски насмешничать Рыжий.

– А потом? В бега, что ль? – отступив на шаг в сторону Хриплого, спросил Декан. – Не по Сеньке шапка, Котяра. Дня не продержишься. Или оттуда, или оттуда, – махнул он рукой сначала в сторону реки, а потом за спину, в сторону гор, – тебя достанут и на первом сучке подвешат.

– И опять мимо, – наигранно хохотнул Рыжий. – Мне за Хлесткина амнистия от заказчика на весь оставшийся срок выдана.

Упоминание о Хлесткине, судя по всему, нейтрализовало последний хмель из недавно остриженной головы именинника. Он оглянулся на Хриплого и, похоже, подал ему какой-то знак.

– Так это... Хлесткина-то за что? – шагнул к Рыжему Хриплый и замер, остановленный дернувшимся в его сторону стволом. – Он нам это... Жизнь тогда спас.

– Спас? Долю я ему предложил, вот и спас.

– Какую долю? – не выдержав затянувшейся паузы, спросил Хриплый.

Неожиданно что-то привлекло внимание Рыжего как раз в той стороне, где по моей прикидке должен был сейчас находиться Омельченко. Он слегка повернул голову в том направлении и стал настороженно прислушиваться.

– Какую долю? – громко переспросил Хриплый, делая еще один шаг на направленный прямо ему в грудь ствол.

– Долго рассказывать, – спохватился Рыжий, отступая в темноту, быстро наползавшую на скукожившееся пространство скудного света погасающего костерка. – Да и на хрена вам сведения, которыми вы уже никогда...

И в это мгновение Хриплый стремительным нырком исчез из поля моего зрения. Полсекундой позже раздался бесполезный выстрел. Плашмя упал на землю и покатился в сторону темноты Декан. Рыжий, переломив ружье, судорожно заталкивал в ствол новый патрон. В это мгновение раздался еще один выстрел, зашипела взлетающая ракета, и место стремительно разворачивающегося действия внезапно оказалось под куполом показавшегося мне ослепительным света.

«Молодец Омельченко. Очень даже вовремя. Единственно верное решение. Видимо, прихватил с собой мою ракетницу. Да так, что я ничего не заметил. Кажется, я оставил ее в ящике с приборами?»

Свет ракеты быстро погас, скукожились и исчезли корявые тени деревьев, на пяточке, где только что разгорелся нешуточный конфликт, не было ни души. Обрушившиеся темнота и тишина, как ни странно, вызывали больше опасений, чем облегчения от благополучной развязки. Я долго сидел не шевелясь, не зная, на что решиться. Встать и окликнуть Омельченко? А если сгинувшие пираты притаились рядом? Да и преобразившийся Рыжий с моим ружьем в руках еще неизвестно как отреагирует на мой окрик. Ретироваться потихоньку? Но в темноте можно запросто наткнуться на кого-нибудь из сбежавших. Интересно, что они думают сейчас по поводу неожиданной иллюминации? Выжидают? Или бегут сломя голову к реке, к припрятанному плавсредству?

Замершее в темноте пространство настораживало и пугало своей готовностью в любой момент взорваться неизвестно какими событиями. Удивляло молчание Омельченко. Он-то чего выжидает? И в тот самый миг, когда я уже приготовился отползть в направлении распадка, чья-то полусогнутая тень, едва различимая в темноте, неизвестно откуда появилась у тлеющих угольков бывшего костерка. Тень неразборчивая и неузнаваемая. Никого из только что растворившихся в темноте перессорившихся караульчиков не напоминала. Омельченко явно покрупнее будет. Да и какой ему смысл

изображать бесшумное привидение, когда знает, что я где-то рядом? Кто же это? Неожиданно меня осенило. Не этот ли неизвестный запустил ракету, разрядив накалившуюся до предела обстановку? Я вдруг отчетливо вспомнил, что среди вещей, аккуратно укладываемых Омельченко в рюкзак, никакой ракетницы не было – я бы заметил. Да и вряд ли бы он позаимствовал ее без разрешения.

Незнакомец тем временем присел у погасшего костра и, подтянув к себе лежавший неподалеку рюкзак, небрежно вытряхнул его содержимое на землю. Порылся в куче вещей и, видимо отыскав искомое, выпрямился. Несколько секунд стоял неподвижно, приглядываясь к чему-то, потом негромко, словно стоявшему кому-то совсем рядом, сказал:

– Даже самые умные и хорошо продуманные планы рушатся, как правило, из-за элементарной человеческой глупости. На что ты, спрашивается, рассчитывал?

Я даже подумал, не ко мне ли он обращается, потому что поблизости больше никого не было, да и развернулся он со своим вопросом в мою сторону. И хотя голос с характерной немного насмешливой интонацией был мне совершенно незнаком и знать о моем присутствии говоривший вроде бы не должен, я даже дышать перестал, решив, что в наступившей тишине можно расслышать даже такую малость, как дыхание. Выждав довольно большую паузу – я чувствовал, что вот-вот задохнусь, – незнакомец снова чуть громче и чуть более настойчиво поинтересовался:

– Не советую играть со мной в прятки. Времени в обрез, не сориентируешься в самое ближайшее время, что к чему, пеняй на себя. Я с себя ответственность снимаю. Выпутывайся тогда сам.

Тирада могла относиться к любому неведомому собеседнику, в том числе и ко мне. Я снова напрягся, задержав дыхание. Подумал, если никто не отзовется, может, он действительно знает о моем присутствии? И о чем мне тогда с ним беседовать? Кто он вообще такой? Не тот ли «бобер», о котором говорил Рыжий?

– Считаю до трех, – сказал незнакомец. – После чего исчезаю. Пока эти придурки новый концерт не устроили.

– А на хрена их вообще сюда доставили? – раздался из темноты слева от меня знакомый голос Рыжего. – Ибанашке понятно, что кроме геморроя ничего с ними не слышишь.

– Первый вопрос – кто их вообще сюда доставил? Второй насчет геморроя. Иногда очень даже полезная штука, если он в той заднице, в какой нужно, – весело отозвался незнакомец. – А ты тут пальбу устроил, как в плохом детективе. Услышит твой подопечный, ноги сделает.

– За моего подопечного полный спок. Я с ним предварительную работу по полной программе провел. У него сейчас в мозгах полная нелепуха по поводу происходящих событий. Крыша точно поехала. Не поверите – хотел за консервами нырять. Еле отговорил. Весь наш план мог хвостом шваркнуть.

Рыжий наконец обозначился неразборчивой тенью и остановился рядом с незнакомцем.

– Ты, Кошкин, уверен, что у нас с тобой план? С удовольствием тебя разочарую. Единственное наше преимущество в том, что никакого у нас с тобой плана ноу. Действуем по обстоятельствам. Желательно, конечно, чтобы не следом, а на опережение. Пока не получается. Согласен?

Рыжий смачно сплюнул на окончательно потухший костер и не согласился:

– Не в догоняшки играем. Тут соображать надо. Ждать, кто первый обхезается.

– Ну и кто?

– Если они вас срисуют, нам подмываться.

– Исключается. Они сейчас за какой ни на есть подмогой рванули. Ежели она вообще где-нибудь у них имеется. А ежели имеется, то пока ситуацию изложат, пока руководство её прокачает, пока решение примут, пока сюда двинут, мы с тобой имеем часа два свободного времени. Подлечим твои нервишки и хорошенько подумаем, в каком направлении проводить дальнейшую оперативную разработку.

– Сразу видно мента в отставке.

– В нашем деле отставка или профнепригодность, или знак качества. Согласен?

– Если вы такой качественный, чем меня лечить собираетесь?

– Я тут барахлишко твоих напарников по прошлому турбизнесу пошерудил – вот результат. – Незнакомец, судя по всему, вручил Рыжему бутылку: – Наливай!

– Стаканы дома забыл, – довольно хмыкнул Рыжий. – Придется из горла.

– Ну, это уже плебейство. Сразу видно бомжовую стажировку – вжился в роль почти стопроцентно. Пора отвыкать. Держи!

Слышно было, как забулькала жидкость, разливаемая в стаканы, отысканные среди разбросанного барахла сбежавших пиратов.

С минуту-другую собеседники молча смаковали свои приятные ощущения, пока, наконец, снова не раздался голос Рыжего:

– Повторим?

– Малость погодим, – сказал незнакомец. – Сейчас небольшой мозговой штурм по поводу ближайших мероприятий. Излагай, чем, по-твоему, ты должен сейчас заняться?

– Без вариантов, – не сразу отозвался Рыжий. – Только без этих козлов. У меня на них эта самая... Аллергия.

– Давай подумаем. У меня почему-то серьезные сомнения, что гражданин Омельченко в обязательном порядке наведается к твоему подопечному лаборанту.

– Научному сотруднику, – поправил Рыжий.

– Пусть будет научный сотрудник. Он ему нужен?

– В одиночку, хоть он и Омеля, ему в этой гребаной местности загибон обеспечен только так. Не сегодня завтра мороз врежет – раз. Передых после такого марш-броска смертельно необходим. Два?

– Пока в цвет, – согласился незнакомец.

– Насчет жратвы тоже необходимость. Три? А ежели хорошенько поразмышлять, то с какого перепугу он его в свой дом затащил? Уже тогда весь прикид продумал.

– Логично, – снова согласился незнакомец. – А когда слишком логично, то и остальные делают выводы в том же направлении. Что мы и видим в настоящее время. Вот и получается – логично, но не симпатично. Поехали дальше, гражданин Кошкин. По какой такой надобности ты этим именинникам-золотодобытчикам про Хлесткина наплел? Это раз! Почему ты так уверен, что твой научный работодатель немедленно просигнализирует о появлении Омельченко? Два! Какой ему в этом резон? Может, ему куда интереснее с ним на пару за золотишком смотаться, чем тебе сигналы подавать?

– Насчет Хлесткина для понта туфтанул. Чтобы мандраж навести. А насчет Лехи... Без смыслов ему сейчас с места срываться.

– Обоснуй.

– Ему вообще это золотишко до лампочки. Это мой категорический вывод на основе тщательного наблюдения и теории психоанализа.

– Чего, чего?

– Того. Интересовался в свое время старичком Фрейдом. Крепко помогает в жизни разобраться.

– И в чем ты разобрался в данном конкретном случае?

– Пацан по уши втюрился в симпатичного бабца, которая, как мы знаем, бесследно исчезла.

– И что это нам дает?

– В самый критический момент подскажем, где ее отыскать.

Я чуть не выскочил из своей закладки. Получается, они в курсе, где Ирина? Возможно, даже имеют самое непосредственное отношение к ее похищению? В моей голове мгновенно сложился план: «Используя фактор внезапности, завладеваю инициативой, разоружаю Рыжего. Незнакомца, если вздумает сопротивляться, придется на время привести в бессознательное состояние. А потом вопрос ребром – либо выкладывают, что, как и где, либо оставляю их в связанном состоянии до прибытия сбежавших подельников с возможной подмогой. Судя по всему, такая перспектива их вряд ли обрадует. Если Омельченко поблизости, то наверняка поможет. Хотя лучше ему пока не светиться».

Ни секунды не сомневаясь в выполнимости задуманного, я сжал рукоятку пистолета, приподнялся, чтобы выпрямиться и шагнуть вперед, но услышав последующие слова незнакомца, так и остался в полусогнутом положении.

– Ничего не имел бы против, если бы только действительно знать, где эта прекрасная незнакомка в настоящий момент находится. Да еще вдобавок выяснить, с какой такой целью она вообще здесь появилась. Пока полные непонятки. А где что-то неясно, там очень опасно. Проколотся – дважды два. В отличие от тебя я старичку Фрейду не очень доверяю. По слухам, был порядочный темнила и авантюрист. В любовь, кстати, совершенно не верил.

– Этот – верит. Услышит, что женщина в опасности, рванет отсюда пешком. А если толкнуть парашу, что Омеля поспособствовал ее заныкать, полностью поддержит все наши дальнейшие мероприятия.

- Рванет или поддержит?
- Лучше, чтобы поддержал.
- Поэтому?

– Поэтому допиваем, после чего возвращаюсь на научную базу и займусь развешиванием лапши на научные уши. А когда ему невтерпеж станет, предложу условия.

– Насчет допиваем – поддерживаю, а то что-то стало холодать. Насчет остального, кажется, уже не имеет смысла.

- В смысле?
- Опоздали.
- Не понял.
- Оглянись! – приказал незнакомец.
- Чего? – испуганно дернулся Рыжий и оглянулся.

Решив, что Незнакомец разглядел мою полусогнутую фигуру, я быстро присел за кучу полусгнивших ветвей, до того успешно меня скрывавших, и замер, не зная, что делать – то ли рвануть в спасительную темноту под уклон к реке, то ли выйти как ни в чем не бывало к потухшему костру и принять участие в разговоре, в котором собеседники то и дело затрагивали мою персону и мое дальнейшее существование, которое, по моему глубочайшему убеждению, говоривших вовсе не должно было касаться.

– Ни фиги себе! – услышал я растерянный голос Рыжего. – Кажись, пожар! Они что, охренели?

Я осторожно повернул голову. За увалом, в той стороне, где располагался недавно оставленный нами стационар, темное небо, пока еще осторожно, осветилось отсветом занимающегося пожара. Кроме нашего жилья гореть там было больше нечему. Сначала у меня даже мелькнула мысль, не виновата ли в этом оставленная для маскировки керосиновая лампа, но вспомнил наши с Омельченко меры предосторожности, которые начисто исключали возможность несчастного случая. Значит, стационар подожгли. Либо из чувства мести, никого там не обнаружив, либо подавая кому-то сигнал – мол, что-то случилось, спешите на помощь!

– Вот сволота! – громко выругался Рыжий. – Они же Леху угробили. Наверняка сопротивление оказал. Жалко пацана.

– Главное, глупо, – сказал Незнакомец, и по его голосу я понял, что он тоже не на шутку разозлился. – Глупее просто не придумаешь.

Омельченко такой фейерверк по большому кругу обойдет. Помощь к ним, возможно, заявится, только и у нас кое-что в запасе имеется. Так что будем поглядеть, кто порасторопнее. Я-то, положим, пока исчезну, чтобы зря не светиться, а ты как выкручиваться будешь?

– Как в кино, – подумав, сказал Рыжий. – Примотайте меня вон к той лесине. Ружье над головой, на сучок. Вроде как от полного ко мне презрения. Я погода орать начну – спасите! Помогите! Нарисую, что Омеля по башке приложил, помирать оставил. Обещал, если доставать будут, с остальными похужей поступит. После чего рванул в неизвестном направлении. У этих долболомов прощения попрошу: мол, стресс на почве несправедливого отношения: сами тут водяру глушат, а я загибаюсь. Режиссура моя, изображу на бис. Войду в доверие, а там снова состыкуемся, когда прояснеет, что и как. Вы только больше чем на свист пока не удаляйтесь. Еще неизвестно, что и откуда прилетит. Давай, а то прокиснет.

Судя по согласованно запрокинутым головам, они допили оставшуюся водку, согласно передохнули, утерлись, и незнакомец заметно подобревшим голосом подвел итог:

– Риск, конечно, имеется. Но на крайние меры они не пойдут. Лишнюю статью на себя вешать не будут.

– Все спросить хочу, – тоже помягчевшим после водки голосом спросил Рыжий. – Кто их сюда определил? Всю бестолковку сломал – никак не соображу. Не улавливаю этот самый... Статус.

– И не улавливай, спокойней жить будешь.

– Леху жалко, – неожиданно сказал Рыжий. – Я к нему, можно сказать, привык. Шебутной, но на подлянку не поведется. Чего его сюда понесло? Кто только не отговаривал. Правильно старик говорил: «Грузи столько, сколько имеешь возможностей».

– Какой старик?

– Так этот... Фрейд который. К окружающей обстановке нужно согласованно приспосабливаться. Ладно, привязывай, а то скоро светать начнет.

* * *

Вот тут я действительно оказался, как говорится, на распутье. Сразу несколько вариантов. Плюнуть на все эти криминальные разборки, рвануть по прямой к нашему несчастливому стационару и попытаться спасти то, что еще можно спасти. Наверняка огонь пока с трудом справляется с закаменевшим от непогод листовенничным срубом. Шансы на успех не так чтобы велики, особенно если к этим подонкам прибудет какая-то подмога, но чем черт не шутит. Доведу до их сведения, что связался по рации с Дедом, вертолет прилетит в самое ближайшее время. Хотя рация у меня недееспособна и им, кажется, это хорошо известно. К тому же, если уж они решились избавиться от меня путем поджога, то увидев живым и здоровым, вряд ли остановятся перед самыми крайними мерами. Оружия у них, кажется, нет, но подоспевшая в неизвестно каком количестве помощь вряд ли окажется безоружной. Ну а если огонь уже полыхает вовсю, то эти мои весьма рискованные действия окажутся напрасными. Им даже не придется затрачивать усилия на мое «зажмуривание». Без жилья, без продуктов, без экипировки мне в этих местах и недели не протянуть. Тем более что погода, кажется, начинает хмуриться и портиться. Я уже окончательно заледенел без движения в своей засаде. Надо срочно решаться на что-то. Двинуться к распадку, где меня обещал перехватить Омельченко? Но его непонятное невмешательство в то, что происходило на этом небольшом пяточке покатога уступа, выбранного пиратами для его подкарауливания, насторожило меня едва ли не больше, чем неожиданное появление незнакомца. Мне уже не раз приходило в голову, не слинял ли мой напарник в единоличное путешествие по известному только ему одному маршруту?

– Вяжите на совесть, – приказал Рыжий Незнакомцу, который приматывал его к листовеннице какими-то подручными средствами. – Буду объяснять, в живых остался только по причине, что Омеле захотелось посмотреть, кто тут будет парадом командовать. Для вынесения окончательного приговора.

– Какого приговора? – заинтересовался Незнакомец.

– Шутю для шухера. Чтобы сильно не наезжали. Пускай сторожатся, чтобы больше не лажаться. Тоже мне, нашли, кому Омелю поручать стеречь. А если они Леху зазря угробили, я им такой фефер устрою, Константин Сергеевич Станиславский будет аплодировать.

Именинник хренов! Это я ему угольков за пазуху насыплю, чтобы дым на том берегу видать было.

Сожаление Рыжего по поводу моей возможной гибели если и не растрогало меня, то заставило чуть снисходительнее оценить его предательское ко мне отношение. Судя по всему, он вряд ли был самостоятельной фигурой в этом содружестве неизвестно с кем. Собственно говоря, мне и жаловаться на него было пока особенно не за что. Разве только за ружьишко, которое Незнакомец сейчас пристраивал над его головой. Ладно, с ним я еще успею поговорить, что такое хорошо и что такое плохо. А вот кто такой этот Незнакомец, куда подевался Омельченко, кто сейчас поспешает на помощь Декану и Хриплому? Какая-то толкучка людей и вопросов на некогда неприкасаемом месте. И, судя по всему, именно я, сам того не желая, послужил причиной этой суматохи и неразберихи. Доказывать, что я здесь ни при чем и моя хата с краю, уже совершенно бесполезно. Да и хата моя, судя по всему, беспомощно догорает на маленьком клочке земли, который Арсений выбрал для нашего стационара. Я посмотрел в направлении нашего опорного пункта для научных исследований, и сердце мое радостно трепыхнулось. Зарево, вопреки ожиданиям, не разгоралось, а едва угадывалось на клочке чуть начавшего светлеть неба над нашим стационаром. Что-то в очередной раз не складывалось у неудачливых искателей чужого золота. Это заметил и Незнакомец.

– Кажется, у наших корсаров очередная непруха, – пробормотал он, вглядываясь в том же направлении, куда пялился и я с крепнувшей надеждой на спасение не поддавшегося пламени стационара. – Здешнюю листовку зажечь – канистры бензина не хватит. А у них её ноу.

– Комики! – обрадовался Рыжий. – Только бы Леху по злобе не пришибли. Омеля за него наплет, мало не покажется. Ша! Пора вам ноги делать. Разглядели сигнал бедствия.

Я тоже услышал приближающийся осторожный стрекот мотора. Надо было немедленно принимать решение. Незнакомец тем временем хлопнул Рыжего по плечу:

– Ни пуха! Не исключено, что это мои ребята на сигнал отреагировали. Но если что не так, ори что есть сил. Еще неизвестно, как карта ляжет.

– Ляжет, как надо, – уверенно заявил Рыжий и сплюнул в сторону бывшего костра. – Линяйте! Я этим поджигателям сейчас такой драмтеатр изображу, в штаны наложат.

Мотор замолк, видимо, лодка приткнулась к косе у стационара.

– Сам не наложи, – напутствовал Рыжего Незнакомец и исчез. Буквально растворился в начавшей чуть сереть темноте.

Я уже совсем было решил остаться, перебежать на взгорок, где, по моему мнению, должен был находиться Омельченко, и уже оттуда наблюдать за обещанным Рыжим театром, который мог, хотя бы отчасти, прояснить драматургию и распределение ролей среди наших преследователей. Декан, Хриплый, Рыжий, Незнакомец... Теперь бы на остальных глянуть. Может быть, даже выяснить их действия на ближайшее время. Пьеса под названием «Допрос Рыжего – Кошкина» обещала быть весьма интересной и, не исключено, могла помочь сориентироваться в обстановке. Я уже начал было отползать со своего пункта наблюдения, когда неожиданный собачий лай, отчетливо донесшийся со стороны стационара, остановил меня в полусогнутом положении. Присутствие собаки срывало намеченный мною план. Я мог неожиданно для самого себя оказаться на виду, причем в главной роли. Этого ни в коем случае нельзя было допустить. Надо уходить, и уходить как можно быстрее и дальше от этого места. Собака, правда, могла взять след, но следов, ведущих отсюда в разные стороны, было несколько. Вряд ли она сразу разберется, какой предпочтительней. Но уже само присутствие собаки осложняло дальнейшие мои и Омельченко действия, вплоть до полного провала.

Неожиданно, видимо от безвыходности, я разозлился. Почему я должен убегать, скрываться, запутывать следы, подыскивать какие-то оправдания своих действий? В конце концов, это наш стационар, а в настоящее время я полноправный в нем хозяин. И окрестности тоже мои. То есть не мои, конечно, а стационарные. И совершенно нечего здесь делать посторонним, совершающим всякие противоправные действия в виде поджога, незаконных наблюдений и преследования моего личного гостя. Гость, правда, куда-то исчез, не предупредив толком о дальнейших совместных действиях. Но это его право. Свои же права я должен сейчас защищать самостоятельно.

Понимая в глубине души, что поступаю более чем легкомысленно, я, не скрываясь, подошел к Рыжему, на которого при

виде меня накатил столбняк, и он только беззвучно открывал и закрывал рот, пытаясь что-то сказать, снял ружье, висевшее над его головой, переломил, проверяя наличие патрона, закрыл, взвел курок и, достав большой складной нож, перерезал удерживающие мнимую жертву Омельченко путы. Собачий лай быстро приближался.

– Хреново, – буркнул наконец Рыжий. И немного погодя: – Хреновей некуда.

– Почему и кому? – поинтересовался я, отходя на всякий случай в сторону от присевшего зачем-то на корточки Рыжего.

– Шандец нам сейчас обоим будет. Без права на помилование.

– Ну, к тебе, положим, у них, возможно, имеются претензии. А я им, по-моему, ничего пока плохого не сделал. Кстати, кому это им? Колись, Валентин Николаевич, что за бобры тебя в оборот взяли и почему ты на помилование не рассчитываешь? Чем ты им так насолил за такое короткое время, как они тебя умыкнули?

– Это не «бобры». Не те то есть. У этих такая псина – слинять полная дохлятина. Даже не мечтай. Прет, как по радару. Омеле, если заявится, тоже кердык. Без вариантов, – показушно затосковал мой бывший помощник.

– Омельченко еще позавчера здесь отметился. После чего исчез в неизвестном направлении, – спокойно соврал я, пристально следя за реакцией Рыжего. Странно, но, кажется, он мне не поверил.

– Декан с Хриплым тебя если не за полного придурка, то за лоха точно держали. Я им тебя в таком виде нарисовал. Чтобы лишний раз не наезжали. Лично у меня противоположное мнение.

– Какое, если не секрет?

– Только без обиды. Неисправимый романтик. В нашем деле такие представляют огромную опасность.

– В каком деле, для кого?

– Кто жить хорошо хочет. Изо всех сил хочет. Любыми средствами и способами. А таких, сам понимаешь, подавляющее большинство.

Я снова не узнал прежнего приклатненного говорка Рыжего. На этот раз он, кажется, высказывался всерьез.

– В твоих планах тоже эта программа прописана? – огрызнулся я, слегка обидевшись на «неисправимого романтика».

– А я что, рыжий? Думаешь, интересно всю жизнь на вторых ролях в задрипанном областном театрике спиваться без малейшей

надежды на светлое будущее? А ведь был талант. Может быть, даже с большой буквы.

– Насчет буквы не знаю, а насчет таланта, пожалуй. Мысленно не раз тебе аплодировал. Хотелось бы досмотреть твой спектакль до конца.

– Досмотришь сейчас. Когда артист не справляется с ролью, его вычеркивают из списка действующих лиц.

– Или дают ему другую роль, полегче. Вы же сами, Валентин Николаевич, говорили, что эта местность полна неожиданностей. Так что дальнейшее развитие сюжета, мне кажется, даже ваша гениальная псина не разнюхает.

Как ни странно, но первой появилась на уже основательно утоптанном пятачке горной тайги не собака, лай которой недавно раздавался совсем рядом. Из-за деревьев с «калашами» в руках появились двое. Они внимательно осмотрели нас и начавшую проступать из темноты окружающую обстановку, переглянувшись, насмешливо хмыкнули на мое жалкое ружье, направленное в их сторону. Один из них неторопливо обошел по кругу место недавно развернувшихся событий и подошел почти вплотную ко мне, отведя рукою ствол моего старенького оружия.

– Выношу, Алексей Юрьевич, благодарность за задержание опасного преступника. Он нам чуть не сорвал операцию по задержанию другого опасного преступника. Думаю, вы в курсе, какого. Так что подробности я опускаю. Еще раз спасибо.

– Очень сомневаюсь, – погромче для возможных посторонних ушей не согласился я, – что мой подсобный рабочий опасный преступник. Из только что состоявшегося с ним разговора я понял, что его насильно похитили с нашего стационара и заставили выполнять какие-то непонятные для него действия. Кстати, когда выносят благодарность, то выносят ее от имени кого-то. Я пока не понял, интересы какого государственного или частного предприятия вы представляете. В настоящее время вы находитесь на территории научного стационара, интересы которого представляю я. А вот насчет вас, кто вы и что, извините, пока не в курсе.

– Без проблем, – спокойно согласился стоявший передо мной невысокий довольно молодой мужик с угадываемой военной выправкой и явным умением профессионально держать «калашников»

в состоянии «к бою». – Представляем региональное управление по розыску и задержанию особо опасных преступников. Подполковник Сергеев.

– Так это ваши коллеги, подполковник, подожгли наш стационар и избили моего подсобного рабочего? Хотелось бы посмотреть на них поближе и задать парочку вопросов. Вы знаете, что они уже не первый раз в этих местах? Этим летом они здесь самостоятельно пытались отыскать похищенное у государства золото. Или это они действовали по вашему заданию?

– У них всю жизнь одно задание, – неожиданно вмешался Рыжий. – Стырить все, что плохо положили. Летом облажались, так теперь вас хотят, товарищ подполковник, на мандеж взять. Думаете, чего они на меня взъелись? Делиться, козлы, не захотели. Планировали все полностью себе заначить.

Рыжий снова входил в свою прежнюю роль, очевидно надеясь опередить в обвинениях пока еще не появившихся Декана и Хриплого.

– Разберемся, – коротко сказал стоявший передо мной якобы подполковник. – Насчет того, что они наши коллеги, ошибочка. Меня интересует, кто подал сигнал, который предотвратил назревающий, по их словам, нешуточный конфликт. Или не было никакого конфликта? – неожиданно обратился он к Рыжему.

– Могло и похужей получиться, – нехотя буркнул Рыжий.

– В смысле?

– В смысле, если бы Леха эту ракету не шмальнул, мирный исход был бы под большим вопросом. Достали, гады. Сами бухают, а я дубачь на голодное брюхо.

– Значит, это вы подали сигнал, Алексей? Если не возражаешь, я тебя буду по имени? Возраст позволяет. За сигнал еще одна благодарность. Не исключено, что тут действительно могли случиться неприятности с непредсказуемым исходом. Впрочем, это теперь наша компетенция. Плохо другое: этот сигнал мог насторожить сам понимаешь кого. Это минус. Но мы постараемся его исправить.

Я заметил, как напрягся Рыжий, ожидая моего ответа. Если я сейчас скажу, что не подавал никакого сигнала, последуют более тщательные разборки на тему, что здесь недавно приключилось. И тогда, возможно, ему мало не покажется.

– Это хорошо, что ракетница под рукой оказалась, – вроде как похвалил «подполковник», обшаривая меня внимательным взглядом. Особенно его заинтересовал фотоаппарат, выпирающий из-под куртки. – Можно глянуть? – спросил он не то про фотоаппарат, не то про несуществующую ракетницу.

Я приспустил замок куртки, продемонстрировав фотоаппарат. Отсутствие же ракетницы объяснил: – В рюкзак спрятал. Она мне еще пригодится.

– Может, и пригодится, – согласился «подполковник». – Здешняя жизнь полна всяческих неожиданностей. Тебе с ними не приходилось еще встречаться? Имеются в виду неожиданности.

Я попытался улыбнуться:

– Как же. Ваше появление как раз из них. Я уже не говорю о том, что Валентин Николаевич Кошкин оказался опасным преступником. Неужели тоже рассчитывал найти пропавшее золото?

– Я смотрю, Алексей, кое-что тебе все-таки известно. Далеко не все. Здешние неожиданности могут оказаться весьма опасными. Я бы даже сказал – смертельно опасными. Поэтому настоятельно советую возвращаться на свой стационар и пока не высовывать оттуда носа. Судя по рюкзаку, ты экипировался в дальнюю дорогу. А в дальней дороге никакая ракетница уже не поможет.

Разговор разворачивался в неприятном для меня направлении. «Подполковник» в упор уставился на меня, и насмешливый прищур его глаз подсказал мне, что скоро последуют еще более неприятные вопросы и еще более настоятельные советы, больше смахивающие на приказ, чем на благие пожелания.

– Я действительно собирался пробежаться по ближайшим окрестностям. Надо же ознакомиться с местностью, где предстоит вести научные наблюдения. Карту мне не выдали, сказали, что на такие места карт не выдают. Какие «такие» – не объяснили. Приходится теперь самому разбираться в окружающей обстановке. Если вы, конечно, не против? – съязвил я напоследок.

– Решил ночью идти разбираться? – подал голос спутник «подполковника». Внимательно вглядываясь в следы и разбросанные вещи, он медленно передвигался по периметру «пяточка», не забывая держать свой автомат наготове и внимательно прислушиваться к нашему разговору.

Это был трудный вопрос. Предвидя его, я лишь начерно прикинул не очень вразумительный ответ и теперь сомневался, что они мне поверят. «Рыжего и его напарника я выручил, пускай теперь он меня выручает», – неожиданно пришло мне в голову.

– Имеется свидетель, – кивнул я на Рыжего. – Вышел засветло. Надеюсь расставить регистраторы и закрепить фотоаппарат на тропе. У меня задание от научного руководителя – снимок россомахи. Пошел по распадку и не рассчитал. Без карты, да еще в сумерках полная ерунда получилась. Двинул назад – заблудился. Хотел заночевать, где придется, слышу голоса. Подхожу, а тут боевик со стрельбой и рукоприкладством. Пришлось применять подручные средства в виде ракетницы. Свидетельствую – начал не Кошкин. Начали те двое. Он только защищался.

Быстрый благодарный взгляд Рыжего подсказал мне, что пока все идет, как надо. Во всяком случае, так мне тогда показалось.

– Предположим, так оно все и было, – сказал «подполковник». – Это еще раз подтверждает мои слова о больших неприятностях, если ты не последуешь моему совету – немедленно вернуться на стационар и не высовывать оттуда носа, по крайней мере, в ближайшие трое суток.

– Рад бы, да не могу, – с нарочитыми нотками обиды в голосе не согласился я.

– Это почему? – нахмурился «подполковник».

– Потому что напавшие на моего подсобного рабочего и устроившие здесь драку неизвестные его подожгли. Думаю, чтобы подать сигнал о своих неприятностях. Заодно и от меня избавиться. Я тут подслушал, что почему-то очень им мешаю. Хотелось бы поинтересоваться, что я им такого нехорошего сделал.

Неожиданно следопытствующий спутник «подполковника» резко и сильно свистнул.

Я вздрогнул. Рыжий подскочил с корточек и прижался к дереву. К погасшему костру выбежал крупный пес и остановился как вкопанный.

При всем своем неплохом знании животного мира я не взялся бы навскидку определить его породу. Но то, что перед нами животное сильное и умное, видно было сразу. Очевидно, он ждал команды где-то неподалеку и выполнял этот приказ, ни шорохом, ни дыханием не

выдавая своего присутствия. «Следопыт» свистнул еще раз. Уже не повелительно, а, скорее, небрежно. Из-за деревьев появились Декан и Хриплый и остановились в отдалении, хмуро ожидая дальнейшего развития событий.

– Ну, что вы там подожгли? – с напускной строгостью спросил «подполковник». – Молодой ученый жалуется, что по вашей милости лишился своего научного прибежища. А это, как вы понимаете, уголовное деяние средней тяжести.

– Да цела его хибара. Ее раскопчегарить дня не хватит. Решили зря не корячиться. Сушняк вокруг подобрали, дровишек там маленько имелось, ящики какие-то. Может приступить к своим научным изысканиям. Было бы что...

– Что? – переспросил «подполковник».

– Мандеж сплошной! – неожиданно вмешался Хриплый. – Птички сюда и при хорошей погоде не залетают. Они хотя и пернатые, а жить тоже охота. А тут какая жизнь? Кошкин и тот с глузду съехал – с ружьем на своих же корешей попер.

– Я попер?! Я?! – заорал Рыжий, продолжая свою прежнюю роль незаслуженно обиженного жизнью и корешами. – А кто меня на костре поджаривать собирался?! Главное дело – за что? Сами тут водяру жрут, а я на самом опасном участке загибаюсь?

– Забыл сообщить, – шагнул вперед, привлекая внимание, Декан. – Он тут проговорился, что собственноручно Хлесткина кончил. Прошу записать как помощь органам.

– Кто такой Хлесткин? – заинтересовался «подполковник», до этого лишь морщившийся от крика Рыжего.

– Лучший здешний охотник. Погиб при невыясненных обстоятельствах несколько дней назад. Теперь вот выяснилось...

Рыжий, казалось, не слышал обвинений в свой адрес. Он неотрывно следил за следопытом, собиравшим в кучку веревки и какое-то тряпье, которыми Незнакомец привязал его к дереву и от которых я его недавно освободил. Пес, повинувшись неприметному знаку, обнюхал собранные ошметки и вопросительно посмотрел на хозяина.

– Искать! – коротко приказал тот и отошел в сторону.

Пес подбежал сначала к Рыжему, буквально вжавшемуся в дерево, обнюхал его и, слегка зарывав, посмотрел на хозяина. Следопыт отрицательно покачал головой. Пес наклонил голову, словно

раздумывая, и направился ко мне. На сей раз он не рычал, просто посмотрел мне в глаза и, не дождавшись очередной команды, развернулся в том направлении, в котором растворился Незнакомец.

– Прогуляюсь? – спросил Следопыт «подполковника», кивком указав на готового броситься по следу пса.

– Не стоит, – не согласился тот, подходя к вытянувшемуся по стойке «смирно» Рыжему. – Пока не стоит. Просьба была не мешать. Тут, оказывается, не все так просто, как нам эти друзья рассказывают. Так что, Алексей, еще раз настоятельно рекомендую – возвращайся на свое место жительства. И три дня никуда! Если, конечно, желаешь продолжать свои научные изыскания. За нарушение приказа снимаем с себя всякую ответственность за твое существование. Уяснил? Сорвешь нам операцию, мало не покажется. Шагай.

Ничего не оставалось делать, как с показной покорностью поплестись в заданном направлении.

Я, конечно, не собирался отсиживаться три дня в своем убогом научном обиталище. То, что меня отпустили восвояси, не подвергая дотошному допросу, давало мне шанс отыскать Омельченко или даже без него попытаться отыскать вход в таинственную зону, так красочно, хотя и не очень вразумительно описанную им в своей исповеди. Угрозы «подполковника» ничуть меня не пугали. Пугал пес, который мог безошибочно отправиться по моему следу. Сейчас он стоял у ноги Следопыта и провожал меня взглядом, который я при всем желании не мог бы назвать дружелюбным.

– Алексей, – неожиданно окликнул меня «подполковник», когда я уже начал подниматься по пологому склону увала, надеясь напрямки срезать путь к стационару. – Твой научный руководитель случайно не Голованов?

– Арсений Павлович, – отозвался я, и недоброе предчувствие сжало сердце.

– Сообщили вчера по радиации – исчез несколько дней назад. До сих пор не могут найти.

– Он собирался на операцию в Москву.

– Видимо, передумал. Билеты купил, а на рейс не явился. Это опять-таки к вопросу о неожиданностях. Поимей в виду.

Я молча согласно кивнул, но дальше двинулся не сразу – настолько поразило меня это известие.

Сообщение от Омельченко лежало на самом виду, на столе, и эта неосторожность осторожного Омельченко очень меня удивила. Я мог вернуться не один. А то и вовсе не вернуться. Да и в планах наших никакого возвращения пока не значилось. И, тем не менее, записка лежала на столе, придавленная от возможного сквозняка кружкой с еще теплым чаем. Чай, судя по всему, был налит из термоса, а то, что он еще не остыл, подсказало, что Омельченко написал свое послание совсем недавно.

«Наблюдал кино с самого начала. Узнал старых знакомых. Зря я тебя потянул в это дело. Буду управляться сам. Если не получится, скажи моей Надехе – хотел как лучше. Подавайся назад в свой институт. Работать все одно не дадут, а то и вовсе. Сам понимаешь. Наука твоя тут ни при чем. Тут такая наука, от которой черти загнутся. Извиняй за хреновый почерк – спешу, темно и нервы ни к черту. Желаю успехов в другом месте на пять с плюсом. Будем живы, еще встретимся. Жму лапу. Петро».

Я решил не терять времени. Неизвестно, какое совещание проводится сейчас на том злосчастном пяточке. Не передумает ли «подполковник», предоставивший мне временную свободу? По моему далекому от криминальных тонкостей соображению, оставлять меня и окружающую местность совсем без присмотра с их стороны просто глупо. Это, конечно, если Омельченко их главная цель. А если нет? Как бы то ни было, смываться надо немедленно. Исчезнуть до появления возможного присмотра и попытаться догнать Омельченко. Лишь бы они не поручили наблюдение за мной своему великолепно натасканному псу. Тогда шансов у меня ноль. Если только... Я нащупал спрятанный под курткой пистолет и закинул на плечо ружье. Стрелять в безоружного пса я, пожалуй, не смогу. Разве только кинется на меня. Хотя такой вряд ли будет кидаться. Не то воспитание. В общем, надо исчезать, пока не поздно. И тут же услышал торопливые шаги и тяжелое дыхание бегущего человека. Все, не успел!

Я ожидал увидеть кого угодно, только не Рыжего. Он запаленно уставился на меня, зашел внутрь и тяжело плюхнулся на единственный оставшийся у стола ящик. Единственное, что сначала пришло мне в голову:

– Сбежал?

– Хотел бы посмотреть при наличии Юкона. Тот еще зверюга. Легче сразу на все условия без права переписки.

– Отправили сюда с прежним заданием?

– Ну. Глаз велено не спускать.

– Флаг в руки. Я как раз отправляюсь в дальнюю дорогу. Помешать мне ты при всем желании не сможешь. Так что располагайся, отдыхай. Ночка у тебя нелегкая была. За мной ты не угонишься, даже если очень будешь стараться. Смирись, дальше уже не твоя роль.

– Зря вы так, Алексей Юрьевич. Я, конечно, благодарен, что замолвили. Только тут теперь, как мне кажется, игра куда серьезней пошла, чем на три пуда желтяка. Это нам на нашу бедность большие деньжищи, а кто-то и нагибаться не захочет. Я тут по случайности такое услышал...

– Как-нибудь при встрече поговорим на эту тему, – отмахнулся я и сделал шаг к двери.

– Дурак, – с какой-то почти отцовской интонацией сказал Рыжий. – О тебе беспокоюсь.

– Спасибо, – сказал я, переступая порог, и тут же понял, что мои худшие опасения обозначились вполне наглядно. В нескольких шагах от меня сидел великолепный Юкон. Я сделал шаг – пес поднялся и зарычал. Задание – «не пускать меня дальше порога» было совершенно очевидным. Надо срочно решаться на что-то. Если я пойду и он кинется на меня, не исключено, что победа останется за ним, несмотря на мое достаточно серьезное вооружение и неплохую физическую подготовку. И все-таки я сделал шаг вперед. Пес тоже подался вперед и остановился почти вплотную ко мне, оскалив клыки и придав своему рычанию более угрожающий характер.

– Все-таки нам придется разойтись. Лучше мирно и в разные стороны, – как можно тверже сказал я. Шагнул назад, и ружье соскользнуло с моего плеча в руку. Видит Бог, я не собрался стрелять. Хотел только ударами приклада отогнать не в меру бдительного стража. Пес в прыжке вцепился в руку, державшую ружье, лишая меня возможности оказать хоть какое-то серьезное сопротивление. И тут произошло нечто настолько неожиданное, что я смог прийти в себя

лишь минуту спустя, замерев в неподвижности и пораженно наблюдая за происходящим.

Стремительная серая тень буквально вылетела из-за груды камней. В высоком прыжке сбила вцепившегося в меня Юкона. Два рычащих тела на несколько мгновений сплелись в смертельной схватке. Раздался жалобный не то визг, не то вой. Юкон с разодранным горлом, предсмертно хрипя, пополз в мою сторону и навсегда замер, уткнувшись окровавленным носом в отлетевшее в сторону ружье. Большой серый пес, явно волчьей породы, неспешной трусцой уходил в сторону камней. Что-то подтолкнуло меня.

– Карай, – негромко окликнул я пса. – Карай...

Он оглянулся. Приветливо, как мне показалось, вильнул хвостом и скрылся за ближайшим валуном. Я представил себе радость Омельченко, проливавшего слезы по поводу бесследного исчезновения своего «лучшего друга», поднял ружье, оглянулся напоследок на свое покидаемое жилище и споткнулся взглядом о застывшего в оцепенении в проеме двери Рыжего.

– Советую быстрее бежать к своим нынешним заказчикам, – крикнул я уже на ходу, направляясь к тропе, ведущей в распадок. – Лучше, чтобы они не поняли, что здесь произошло. Скажи только, плевать я хотел на ваше золото! Ты правильно сообразил – наплевать и растереть!

Последние слова я прокричал, уже спускаясь в распадок. Рыжий, когда я еще раз оглянулся, так и не тронулся с места. Его столбняковая растерянность показалась мне смешной. Я почувствовал, что улыбаюсь. Ветки стланика хлестали меня по лицу, тянувший по распадку ледяной ветер с мелкой редкой снежной крупой пронизывал, казалось, насквозь, сапоги скользили по мокрым камням. А мне почему-то было весело. Я вдруг поверил, что все сложится, как надо, что все будет хорошо. И даже поразившее меня на первых парах сообщение «подполковника» об исчезновении Арсения сейчас не пугало, а радовало меня. Я решил, что он, в конце концов, окажется здесь, и мы с ним обязательно встретимся. Что будет дальше, я боялся додумывать.

Путь по распадку неведомо куда был совсем не легкой прогулкой. Следовало предельно сосредоточиться, контролировать каждый шаг и в то же время не забывать фиксировать в памяти каждую мелочь

окружающего. В первобытном хаосе, нагроможденном тысячелетними усилиями здешней природы, легко было пропустить главное – подъем, по которому два года назад Омельченко с Караем поднялись ко входу в пещеру. С Омельченко был Карай. Мне же приходилось рассчитывать лишь на свое внимание и везение, в которое я, кажется, всерьез поверил, после того что произошло со мной за последние несколько часов.

Как бы ни был сосредоточен и осторожен Омельченко, он не мог не оставить хоть каких-то следов на пути к расщелине, которая привела его в таинственную зону. К сожалению, сипуха, как назвал Незнакомец здешнюю непогоду, разыгрывалась не на шутку. Ветер тянул по распадку, как по трубе. И без того узкое пространство, зажатое скалами, освещалось лишь ошметками утреннего света, но разыгрывающаяся непогода успешно расправилась и с этим ошметками. На дне распадка было полутемно. Рассмотреть детали даже на расстоянии двух-трех метров было весьма проблематично. А усиливающийся, бьющий в лицо снег мог за считанные минуты замести и бесследно похоронить даже заметные следы, не говоря уже о тех, которые мог оставить опытный Омельченко. Приходилось надеяться только на интуицию и все то же везение, о котором, впрочем, я стал быстро забывать.

После двух часов непрерывного изматывающего движения я отыскал под каменным уступом нечто вроде неглубокой ниши и решил с полчаса передохнуть перед следующим броском. Пока на пройденном пути я так и не отыскал ничего похожего на заваленную камнями расщелину, какой описал ее Омельченко в своем сбивчивом рассказе. Останавливаться, рассчитывая на короткий отдых, все-таки не стоило. Бессонная ночь и нелегкая дорога дали о себе знать. Прикрыв глаза, я тут же провалился в тяжелое беспамятство сна, которое при усиливающемся ветре и снегопаде могло печально для меня окончиться, если бы не раздавшийся совсем неподалеку выстрел. Стрелять здесь мог только Омельченко. Хотя нет, сейчас стрелять мог кто угодно. Недаром «подполковник» предупреждал меня о здешних неожиданностях. Сегодня я не раз уже убедился в его правоте. С трудом справившись с сонливостью и болью в ногах, я двинулся дальше, решив на этот раз идти не по дну распадка, а по неровному и очень опасному для передвижения карнизу, узкой полоской

тянувшемся над зарослями стланика и то и дело почти исчезающему. В этих случаях приходилось уже не идти, а почти ползти, распластавшись по каменной стене обрыва и то и дело рискуя сверзнуться вниз на кусты стланика или на каменистую осыпь. Но зато с карниза обозревалось гораздо большее пространство. Медлительность такого передвижения заставила меня отказаться от него в самом начале, хотя в своих письменных распоряжениях Арсений советовал передвигаться только таким способом. Теперь я решил последовать его совету. И, как выяснилось, не зря. С трудом забравшись на карниз и двинувшись вперед, я скоро разглядел сверху две стоявшие в нескольких метрах друг от друга человеческие фигуры. Сквозь пелену снега они были плохо различимы, но я разглядел в их руках карабины, а одна из фигур по своим габаритам могла принадлежать только Омельченко. Кто стрелял и что там происходило, можно было понять лишь подобравшись к ним как можно ближе. Следующий выстрел или выстрелы могли прозвучать в любую секунду – оба держали свои карабины наизготовку. И тогда я решился. Прыгнув вниз, то ли побежал, то ли заскользил, то ли закувыркался по довольно крутой каменной осыпи, которая заканчивалась неподалеку от разом вскинувшихся от грохота камней и моего крика противников. Кое-как удержавшись на ногах, срывая на бегу ружье, я подбежал к Омельченко и наставил свое забитое снегом и грязью оружие на его противника.

– Ты хоть с предохранителя сними свою пушку, Алексей, – насмешливо сказал человек, в котором я не сразу узнал Незнакомца.

– Кто стрелял? – спросил я Омельченко.

– Он, – прохрипел Омельченко. – Говорит, вверх. В целях остановиться, поговорить. Хорошо, что узнал, а то поговорил бы он сейчас у меня.

– Знакомый?

– Не сказать, что корешили, но взаимное уважение имелось в наличии. Майора нашего помнишь? Его зам. Бывший. Капитан. Год назад ни с того ни с сего – в отставку. Все головы сломали – с какого перепугу такие распасы? На хорошем счету, нынешний майор ему свое место подготавливал. А он заявление подписал и с концами. Куда? Зачем? – полный мрак неизвестности. Теперь вот здесь гуляет, вверх постреливает. И что я должен думать по такому случаю?

– А ты, Петро, сейчас не думай. Я тебе сам все обрисую. Молодому человеку тоже не мешает послушать. Во избежание нежелательных выводов. Согласны?

– Тогда давай костерок сгношим, – согласился после непродолжительного раздумья Омельченко. – Заколел по этим камням ноги ломать. Заодно Алексей поделится, зачем он за мной следом рванул? Категорически было нежелательно. Что касается меня – вусмерть не хотел в эту пакость залезать. Так не сама захотела, мамка велела. Силком затащили. Выкручивайся, Петр Семенович, а мы проследим, что и как. В каком направлении будешь свою правду отыскивать? Заранее здесь поджидал?

– Приблизительно верно оцениваешь обстановку, Петр Семенович, – обламывая сухие ветки стланика, согласился Незнакомец. – Засек, когда ты с его жилища выбирался, – кивнул он на меня. – Здоров ты по местным условиям передвигаться. Думал уже, что не догоню. Пришлось стрельнуть для привлечения внимания.

Я подтащил к месту будущего костра большую сушину, Омельченко топором нарубил сучьев, и через несколько минут костер весело запылал, защищенный от ветра огромным обломком скалы, пробороздившим в своем падении сверху глубокую борозду, в которой мы довольно уютно расположились.

– Расскажу, как есть, – начал Незнакомец. – А после решайте – примите в свою компанию или будем поодиночке правду отыскивать.

– Мне кажется, вы совсем не в одиночестве по этим местам путешествуете, – не выдержал я. – Напарник имеется, – пояснил я удивленно поднявшему брови Омельченко. – Очень интересная личность. До сих пор не могу разобраться, с кем он и зачем. Когда пришел на работу наниматься, я думал, простой бомжара, у которого одна забота – выпить, поспать и как-нибудь перезимовать. Оказалось, планы у него совсем другого масштаба.

– Ты о Кошкине? – удивился Омельченко. – Ну, я бы его в напарники, Борис Борисыч, разве только с глубокого бодуна. Видать, ты за этот год свое хваленое ментовское чутье начисто растерял.

– Не спеши с выводами, Петро. Если бы не этот «бомжара», мы бы сейчас о самом главном понятия не имели. Так и думали бы, что охота идет за тем золотишком, которое Башка в этом направлении зачем-то пер. Спрашивается, зачем? Это же стопроцентное для него

самоубийство. Если помнишь, рассматривалась даже версия шизофрении на почве неожиданного богатства. Версий вообще хватало. И дурацких, и не очень. Ты же знаешь, как мы тогда пахали. Из кожи лезли. Стимул был, дай боже. В результате – утерлись. Расписались в собственной глупости. Я это не столько тебе, сколько молодому человеку. Лично ты больше всех в курсе.

– Я-то с чего? – пробурчал Омельченко. – Я лесник, а не мент. Я, если помнишь, Арсения спасал.

– Ладно, пускай так оно и будет. Я про другое. Так и недодумали тогда – зачем он сюда как танк пер? Кто его с бандюганями на старателей вывел? Об их фарте в то время еще ни одна душа не знала. Наугад? Не бывает таких наугадов. А побег? До сих пор даже догадок не имеется.

– А при чем тут Кошкин? – снова не выдержал я.

– Тут и начинается самое интересное. Занесло в наши края на гастроли как раз в то время, когда все о Башке только и говорили, не очень известный и не очень преуспевающий северный областной театрик, в составе которого числился в основном на мелких ролях, даже не ролях, а подсобных работах, какие у них там, артист Валентин Кошкин. Насколько мне известно, каждый артист мечтает сыграть когда-нибудь главную роль. Валентину пока не удавалось. Пока. Пока в нашей единственной гостинице, в которой размещалось тогда и милицейское руководство, понаехавшее к нам из Москвы и из соседних областных центров, разместились и артисты приехавшего на гастроли театра. Мест, естественно, на всех не хватило. Многие артисты спали и в коридоре, и в администраторской, и за стойкой дежурной. И вот однажды спавший в коридоре Кошкин услышал доносившийся из соседнего номера негромкий и совершенно трезвый разговор. Кошкин особенно подчеркивал, что «совершенно трезвый», потому что резонно боялся, что ему не поверят.

Я пока опускаю все подробности этого разговора, с пересказом которого наутро Кошкин прибежал ко мне – я как раз в то время дежурил по отделению. Излагаю только самую суть.

Один из московских экспертов, когда-то приводивший в порядок гугаговские архивы, причем именно по нашим местам, считавшимся в давние времена не очень перспективными, наткнулся на рапорт одного из следователей, раскручивавшего дело начальника геологического

отряда, перед самой войной шерстившего вдоль хребта в поисках каких-то редких не то металлов, не то минералов. Отряд этот бесследно исчез. Не вышел ни к назначенному сроку, ни много позже. Списали на вполне естественную в наших местах трагическую случайность. Поиски сочли нецелесообразными. Средств не хватало, на пороге война и так далее. И вообще, как вы знаете, с жертвами тогда не очень считались. А через год или полтора – не помню точно – рыбаки на побережье находят изможденного до последней степени человека, который оказывается начальником этого самого отряда. И рассказывает он очень интересную историю. Что якобы в районе нашего с вами сегодняшнего пребывания отряд наткнулся на уникальную аномалию, сути которой писавший рапорт следователь так и не понял. Не понял, кстати, и сам начальник геологического отряда – опытный геолог с дореволюционным университетским образованием. Так вот, даже он не смог толково объяснить суть найденного отрядом месторождения. Или аномалии, если хотите. В чем заключалась эта суть, Кошкин так и не понял, как, впрочем, не понял ее и следователь. Он только настоятельно предлагал своему руководству обратить внимание, расследовать, послать компетентных специалистов.

– А что случилось с отрядом? – не утерпев, поинтересовался я. – За что посадили начальника? За то, что в живых остался?

– Тут тоже интересно...

Незнакомец, которого я теперь буду называть Борисом Борисовичем Пугачевым, как он представился немного раньше, подбросил в костер несколько сухих веток, зачем-то оглянулся, взглядываясь в окружающий полумрак непогоды, и продолжил свой рассказ:

– Отряд по нынешним меркам был совсем небольшой. Два проводника, которые, впрочем, сбежали, не дойдя до хребта, топограф, студент-практикант в качестве младшего геолога, двое подсобных рабочих, повариха. Вот и все. Пятеро. Кошкин, естественно, все эти подробности не запомнил. Это я уже после отставки смотался в Москву, разыскал эксперта и кое-что уточнил. Об этом потом.

Так вот, отряд не погиб. Во всяком случае, он в то время еще не погиб. Во время какой-то катастрофы – не то землетрясения, не то лавины – погиб только подсобный рабочий. Остальные выжили, но оказались совершенно отрезанными от остального мира. Зима в том

году оказалась, как и в этом, ранняя. Все перевалы и проходы наглухо завалило. Пришлось зимовать. Дичи и рыбы вполне хватало, чтобы не умереть с голоду. Хвоя стланика, ягоды и какие-то травы спасли от цинги. Как не раз говорил на допросах геолог, почему-то особо подчеркивая это обстоятельство, состояние и настроение у всех во время зимовки было какое-то особо бодрое, приподнятое. В свободное от всяких бытовых дел и охоты время они по мере сил и возможностей исследовали и изучали доступные им места. И особенности этих мест приводили их в изумление. Иногда допрашиваемый начальник отряда рассказывал совсем уж фантастические вещи, которые следователь не стал даже записывать, считая их не то бредом, не сдвигом по фазе, возникшем вследствие многомесячных скитаний по тайге в полном одиночестве.

Весной в отряде начались разногласия. Начальник считал, что как только появится возможность, надо выходить на Большую землю и ознакомить с наработанными материалами научную и прочую общественность. Остальные были категорически против. Им просто не хотелось возвращаться в тот мир, который они оставили за хребтом. Начальник отряда, на котором лежала ответственность и за людей, и за сделанные ими, как он считал, уникальные открытия, прекрасно понимал последствия подобного решения и для себя, и для остальных участников этой добровольной робинзонады. Поэтому решил в одиночестве выходить к побережью, чтобы, если повезет, постараться предупредить суровое наказание за дезертирство, как тогда говорили, «с трудового фронта».

Вот, собственно говоря, все. Почти все. Если бы не одно короткое дополнение ко всей этой эпопее. Когда тот самый московский эксперт, который разыскал в архивах эти материалы, попытался выяснить судьбу начальника отряда, получившего десятку за преступную халатность и еще за что-то по совокупности, то выяснил, что перед самой хрущевской «оттепелью», или во время ее, лагерь, в котором тот досиживал последний год, бесследно исчез.

– То есть? – снова не утерпел я и многозначительно уставился на Омельченко, сидевшего низко опустив голову. – По-моему, эксперт что-то напутал.

– Вполне возможно, – согласился Пугачев. – Такое событие даже у нас маловероятно. Я бы даже сказал – невозможно. Тем не менее.

Началось это еще раньше, сразу после смерти Сталина. Берия, очевидно, в целях снискания популярности у народа, выпустил на волю сотни тысяч заключенных. Лагеря стали пустеть, закрываться. А после XX съезда было решено, особенно в наших северных краях, срочно ликвидировать все оставшиеся лагеря. А их тут оставалось не один-два, и даже не два десятка. Как всегда в таких случаях, суета, неразбериха, обиды, благоглупости. Эшелоны, перегруженные баржи и корабли, переполненные аэропорты, десятки тысяч людей без паспортов, без прописки и очень часто без средств к существованию. Кого тут только не было в то время. Слово «бич» было, пожалуй, самым популярным. Сибирь, заполненная вырвавшимися из-за колючки людьми, напоминала тогда разоренную пасеку с перевернутыми ульями. В общем, сам черт ногу ломает. Возможно, перепутали документы, возможно, потеряли, возможно, передислоцировали в другое место под другими номерами и индексами. Тем не менее, судьбу более двухсот заключенных и всего командно-охранного состава эксперту выяснить так и не удалось. Исчезновение это, как вы понимаете, не менее фантастично, чем судьба пропавшего геологического отряда, рассказанная и многократно повторенная на многочисленных допросах его начальником.

Узнать обо всем этом и начать узнавать дальше без помощи Кошкина я бы не смог. Так, собственно, и началось наше сотрудничество. Впрочем, оно началось еще раньше, но это уже из другой оперы.

– И вы, как ни в чем не бывало, оставили вашего сотрудника, связанного по рукам и ногам. Совершенно беспомощного перед обещавшими его убить пиратами и еще какими-то появившимися там людьми.

– Значит, ты в курсе? Он сам меня об этом попросил. Это был наш план. Пока могу только сказать, что серьезная опасность ему не угрожала. Почти не угрожала. Я своим дал знать ракетой, чтобы выдвигались. В случае их задержки должен был кричать. Тогда я бы пришел ему на помощь.

– Ему на помощь пришел я. Освободил, предложил убежать. Отказался. Испугался собаки – она могла взять след.

– Наш Юкон. Лучший сыскной пес в РУБОПе. От него действительно не убежишь. Если его пошлют по твоему следу, то

скоро и мои здесь нарисуются.

– Не нарисуются, – остановив успокаивающим жестом привставшего Омельченко, сказал я.

– Ты не знаешь Юкона. Проводник с ним тоже следопыт от Бога. Ты-то как от них ушел? По-моему, они не должны были тебя отпускать.

– Отпустили. Велели сидеть на стационаре и носа не высовывать, пока они какую-то свою операцию не закончат. Рыжего... Кошкина то есть, тоже отпустили. Чтобы меня сторожил.

– Неглупо. Интересно, что они задумали?

– А на подмогу Кошкину направили Юкона. Он не давал мне даже за порог ступить.

– Ну а как же?... Как ты здесь?

– Когда Юкон кинулся на меня, ему разорвали горло.

Пугачев, прищурившись, уставился на меня и медленно поднялся.

– Исключено. Кто?

– Другой пес.

– Этого не может быть. Я имел в виду – тут нет других псов. Перегрызть горло Юкону тоже исключено. Алексей, говори правду. Какой пес? Где Кошкин? Что, в конце концов, произошло?

– Кошкин остался на стационаре. А мне на помощь пришел Карай.

Теперь на ноги вскочил Омельченко. Рывком поднял меня, встряхнул.

– Ты чего, Леха! Ты чего! Какой Карай? Откуда? С чего ты взял, что Карай? Ты же его в глаза не видал.

– Когда он убежал, я позвал: Карай, Карай. Оглянулся. Я сразу понял.

– Серый? С черным пятном на лбу? – орал, продолжая трясти меня, Омельченко.

Честно говоря, пятна я не помнил, но согласился:

– Серый. С черным пятном.

– Ни фиги себе! – задумчиво пробормотал Пугачев. – Насколько помнится, Карай твоя собака. Исчезла два года назад.

– Не собака, а Карай! – продолжал орать Омельченко. – Что я говорил? Не мог он исчезнуть! Значит, надо было, если исчез. Он мне

сколь раз жизнь спасал. Теперь вот Лехе, считай, спас. Значит, надо было! Спас?

– Спас, – согласился я.

– Вот, видишь! Да мы теперь с ним... Карай, Карай! – что было сил закричал он, заглушая вой усиливающегося ветра.

– Это действительно многое меняет, – задумчиво пробормотал Пугачев. – Один – ноль в нашу пользу.

– Пять – ноль, – не согласился Омельченко. – Двинули! У меня, мужики, уверенность появилась. Все будет тип-топ. Только ты, Борисыч, больше самостоятельность не проявляй, если хочешь живым к жене вернуться. Я тоже хочу. Поэтому беру руководство полностью на себя. А ты мне по пути расскажешь, что вы с Кошкиным накопили и как он из артистов в поселковые бичи попал. План, что ли?

– План, – согласился бывший заместитель майора, закрепляя на спине довольно тощий рюкзак и вскидывая на плечо карабин. – До вечера дойдем?

– Куда? – сразу насторожился Омельченко.

– Куда поведешь. Ты же командир. Наше дело – след в след. Так?

– Разговорчики в строю! – ухмыльнулся довольный Омельченко. – Нам еще выбираться отсюда. Желательно живыми и здоровыми. Без доказательств нас ни майор, ни подполковник, ни сам Генеральный прокурор слушать не будут. А мы их на стол – кушайте на здоровье. И поймите в виду, хорошим людям верить надо. Без веры все наперекосяк. Согласен, Леха?

«Я-то согласен, – подумал я, – согласятся ли они?» И на всякий случай согласно кивнул обернувшемуся Омельченко.

* * *

С уверенностью утверждаю, что будь Омельченко один, ему бы ни за что не забраться на почти отвесный обрыв, на который два года назад он поднялся, по его словам, без особого труда, да еще затащил туда Карая. Несколько неудачных попыток, во время которых мы, как могли, помогали друг другу, привели нас в уныние.

– Ты часом не перепутал, Петро? – засомневался Пугачев после четвертой неудачной попытки добраться хотя бы до середины почти

отвесной стены. – Тут эти местные обрывчики почти все на одно лицо – ошибиться делать нечего.

Обескураженный Омельченко долго смотрел наверх, потом упрямо мотнул головой:

– Омельченко где и может ошибиться, только не в тайге. Видишь уступ, на который я Карая затащил? Слева вроде как ступенька, а потом прыгать надо. Площадку видишь? На ней эта вонючка нарисовалась, когда мы шум подняли.

– Какая вонючка? – заинтересовался Пугачев.

– Росомаха, подлюга. У ней, видать, норка здесь где-то. Вон за тот камень зашла и с концами. Кто-то тут специально с той поры поработал. Чтобы нежданных гостей больше не было. Старательно поработал, умненько. Камней внизу видишь сколько?

– Что делать будем? – уныло поинтересовался Пугачев, рассматривая приметы проделанной кем-то нелегкой работы.

Омельченко по дороге успел рассказать ему первую «пещерную» часть своих приключений, в которой он разыскал рюкзак Башки с золотом, после чего перепрятал его, как он выразился, «в надежное место». Про умирающую Ольгу, про выстрел, про подземную реку он пока не сказал ни слова, и я внутренне одобрил эти его пропуски. Иначе в голове нашего попутчика царил бы сейчас полный кавардак.

Чувствуя, что уныние и растерянность вот-вот достигнут совсем ненужного сейчас апогея, я бодро спросил:

– Веревка имеется?

– Прихватил, – сказал Омельченко и полез в рюкзак за веревкой. – Как знал.

Я скинул куртку, передал фотоаппарат на попечение Пугачева, быстро разулся, перекинул связку веревки через спину и, вспоминая навыки начального скалолазания, которые проходил еще на втором курсе на Красноярских Столбах, довольно бодро стал подниматься наверх. Примерно на середине я отчетливо понял, что или поднимусь наверх, или сорвусь вниз. Отказаться от попытки мне теперь не удастся. Пальцы и ноги, кажется, сами находили чуть заметные выступы и углубления. Ветер сталкивал меня вбок с такой силой, что вскоре я потерял всякое представление, где нахожусь и сколько мне еще подниматься наверх. Глаза слезились, руки окоченели, но словно какая-то неведомая сила толкала меня вверх и крепко удерживала на

почти отвесной стене, не давая сорваться. В который уже раз за сегодняшние ночь и день я поблагодарил своего ангела-хранителя и перевалился наконец на первый уступ. Дальше стало легче, и скоро я обессиленно опустился на камень у входа в пещеру.

Закрепить веревку, сбросить ее вниз было делом нескольких минут. Скоро я один за другим вытянул наверх наши рюкзаки, связку оружия и охапку собранных Омельченко сухих веток.

– Для освещения, – крикнул он мне снизу.

Затем с немалыми усилиями помог забраться своим попутчикам.

– Одевайся! – прикрикнул на меня Пугачев. – Я одетый на таком сквозняке чуть в сосульку не превратился. Как мы тебя отсюда спускать будем, если что?

– Никаких если, – стуча зубами, отмахнулся я от протянутой мне Омельченко фляжки со спиртом. – Перебьюсь. Только добро переводить.

– А я приложусь, – сказал Омельченко. – Поскольку момент, можно сказать, исторический.

– Тоже глотка на два приложусь, – поддержал его Пугачев. Исторические моменты надо уважать, а здоровье по возможности беречь.

Я тем временем одевался и осматривался. У входа в пещеру, несмотря на узкий вход, было довольно светло. Свет проникал откуда-то сверху. Глубину же пещеры скрывал непроглядный мрак.

– Солидное помещение, – констатировал Пугачев. – А снаружи не скажешь. Замаскировались профессионально.

– Природа, если маскирует что-то, то всегда профессионально, – не удержался я. – Теперь бы самое главное не пропустить.

– Не пропустим, – уверенно заявил Омельченко, заканчивая сооружение двух факелов из только что поднятых веток. Я достал из рюкзака свой фонарь и, вспомнив рассказ Омельченко, взял наизготовку ружье.

– Здесь, я думаю, оружие ни к чему. Летучие мыши не кусаются, а возможных недоброжелателей в темноте все равно не разглядишь, – пошутил Пугачев.

Не буду описывать подробности наших многочасовых поисков. Ничего интересного. Ползком мы облазали почти всю пещеру, обшарили каждую выбоину, обыскали каждую ямку. Золота нигде и в

помине не было. Измученные и усталые, мы собрались у входа в пещеру. Последние крохи умирающего дневного света позволяли нам, хотя и с трудом, разглядеть лица друг друга. Грязные, черные от копоти, с погасшими от безнадежности и усталости глазами.

– Будем спускаться или здесь переночуем? – спросил Пугачев. – Здесь все-таки ветра нет, да и безопасней, чем внизу.

– Зато костра не сообразишь, чайку не вскипятишь, – возразил удрученный донельзя Омельченко. – А вообще, как желаете. У меня лично другие планы.

– Я-то думал, у нас теперь планы общие, – возразил Пугачев.

– Были общие, теперь по отдельности. Имеются соображения, кто нам дорогу перебежал.

– Интересно, кто? – с усталым безразличием поинтересовался навязавшийся нам в попутчики бывший милиционер, а ныне неизвестно кто и неизвестно с какой целью пустившийся на поиски неизвестно чего без особой уверенности в конечном результате. Омельченко для него был, судя по всему, единственной пока реальной и достаточно надежной точкой опоры в этом поиске. Сейчас эта опора, кажется, зашаталась.

– Думаю, придется теперь в твой пропавший лагерь наведаться, – спокойно, как о чем-то обычном, пояснил Омельченко. – Там один мой старый знакомый проживает. Думаю, он в курсе, куда наше золотишко подевалось.

– Не по-онял... – как-то по-особому протянул Пугачев, и я успел разглядеть, каким колюче-напряженным сразу стал его взгляд. Наверное, таким взглядом он смотрел на допрашиваемых преступников.

– Хотел отыскать пропажу, вот тебе и случай. Только для этого дела придется нам какое-нибудь плавучее средство соорудить, на котором вы меня в путь-дорогу отправите. Спустишь сейчас вниз, поднимем сюда два-три бревешка посушей. По утранке я на них и отчалю. Вас с собой не беру – одному в обрез. Меня не дожидайтесь, сюда не вернусь. Имеется в виду не то, что подумали. Выбираться оттуда придется в другом направлении. Вам здесь торчать никакого резону. Спускайтесь вниз, выручайте своего Кошкина, действуйте по обстановке. Выберусь – дам знать. Не выберусь – тоже по обстановке.

За ночь, Борисыч, я тебе все обскажу, что знаю. А ты уже соображай, кого на помощь звать, от кого подальше бежать. Веревку подняли?

– Кажется, нет, – спохватился я.

– Я ее камнями привалил. Ничего с ней до утра не случится, – успокоил Пугачев.

– Береженого Бог бережет, – недовольно проворчал Омельченко и направился к выходу из пещеры. – Ну и где она? – спросил он через минуту снаружи.

Мы кинулись к выходу. Непогода вроде бы поутихла, снег, во всяком случае, не шел. Веревки на том месте, где она лежала, свернутая и придавленная камнями, не было. Камни были отброшены в сторону. Снег смело ветром. Следов не было.

– Хороши пироги, – подвел Омельченко итог нашей растерянности. – Хотела кума в гости пойти, а они сами к ней пожаловали.

– Может, росомаха? – предположил я. – У нее тут нора где-то.

– Росомаха, конечно, пакостная животина. Только на сей раз кто-то покрупнее и похитрее лапу приложил. Жив не буду, доберусь пообщаться лицо к морде, – и Омельченко со злобой пнул один из камней. Камень, не задев стены, упал вниз. Спускаться без веревки с такого обрыва нечего было и думать. Легче просто прыгнуть вниз без всякой надежды на спасение. – Если он думает меня остановить, то вот ему...

Видно было, что Омельченко разозлился не на шутку.

– Да кто он-то? Расскажи толком, – не выдержал Пугачев.

– Все, мужики! Пошли ночевать устраиваться.

Ночевать мы на всякий случай решили рядом с выходом, пристроившись от сквозняка за столбообразным каменным выступом, упирающимся в свод пещеры. Дежурить, вернее, караулить, решили по очереди.

– Береженого Бог бережет, – еще раз повторил Омельченко, утверждая решение о бдительности, которая после исчезновения веревки казалась совсем не лишней.

– Ты, Леха, вырубайся первый. Больше суток на ногах... Мы с Борисычем привычные к таким марш-броскам, а тебе еще привыкать и привыкать. Я, кстати, между нами, давно голову сломал, чего тебя сюда-то занесло? В других краях птичек не хватает? Интересного

женского пола полная ограниченность. Этого самого, комфорта – ноль целых. Тут каждый, который окажется, во сне видит сбежать и никогда не возвращаться. Нравится, что ли, такая житуха?

– Нравится, – буркнул я и закрыл глаза. Слишком много и долго пришлось бы рассказывать, объясняя свое решение попроситься на распределение именно в эти края.

Омельченко шепотом стал рассказывать Пугачеву про свои здешние приключения после выстрела, сбросившего его в подземную реку. Про Ольгу он опять-таки не сказал ни слова. Да и многие другие подробности и детали исчезли из его нового рассказа. Но и того, что он рассказывал, вполне хватило на то, чтобы привести Пугачева в необычайное возбуждение. Для человека, который, казалось бы, давно должен был привыкнуть к очень непростым метаморфозам здешнего бытия, его взбудораженность и удивление просто перехлестывали через край. Он несколько раз вскакивал на ноги, переспрашивал, то и дело задавал вопросы, на которые рассказчик большей частью отвечал односложно: «Хрен его знает». Хотя, надо признаться, тема рассказа Омельченко стоила подобной реакции. Помнится, лично я на первых порах вообще ему не поверил. Теперь же, после рассказа Пугачева о пропавшем лагере, если кое-что и определилось, то еще более непонятной, я бы даже сказал, фантастической оказывалась суть как происшедшего когда-то, так и происходящего сейчас. Уверен, что подавляющее большинство нашего привычного ко всему народонаселения, услышав рассказ о затерянной в сердце почти неисследованного хребта лагерной зоне, просуществовавшей в безвестности и полной оторванности от остального мира несколько десятков лет, отмахнутся от него, как от нелепой выдумки. Скажут, такого просто быть не может. Оказывается – может. И очень скоро я своими глазами увижу и деревянные столбики на безымянных могилах, и колючую проволоку, опоясывающую зажатый гольцами плац, с расположенными по периметру бараками для зеков и охраны, и какие-то подземные выработки и лабиринты, протянувшиеся на десятки километров, и сумасшедшего древнего генерала, увешанного орденами.

Кажется, я стал уже засыпать, как вдруг неожиданная мысль буквально подбросила меня. Что-то в этих моих размышлениях о таинственном лагере вдруг перекликнулось с фразой из письма,

которое я уже несколько лет подряд повторял наизусть в наиболее трудные моменты своей жизни.

«Как бы мы не пытались откреститься от нашего прошлого, оно всегда будет цепко держать наше сознание в зоне неприятия сегодняшних событий, сегодняшнего воспитания, сегодняшней неуверенности в будущем. Прошлое просто вынуждено постоянно конфликтовать с настоящим, а настоящее с прошлым. От этого конфликта теряются силы, рождаются неуверенность и страх перед будущим. А ведь именно в те мгновения истории, когда мы начинали гордиться своим прошлым, страна достигала наивысшего расцвета, а люди начинали понимать, что они едины в прошлом и настоящем. Единство рождает веру, вера рождает любовь. Я это понял слишком поздно. До сих пор стыдился и стыжусь своих ошибок, своей нерешительности. Поэтому оказался, как затерянное во времени и пространстве, заблудившееся в таежных дебрях и никому уже не нужное поселение, пытающееся жить по своим законам и потому безнадежно умершее и не способное никогда воскреснуть. Знай только, что всегда, до самой последней минуты я любил и буду любить только тебя».

Это были строки из последнего отцовского письма, которое мать получила за несколько лет до своей смерти. Тетя Вера отдала его мне в день моего совершеннолетия. Она дождалась, когда я прочитал и даже перечитал письмо и сказала:

– Ты только не думай, что он умер. Стыдно, но я наводила справки. Он неплохо устроился где-то на самом краю света – прости, забыла название не только поселка, но и области. Семейой он, кажется, так и не обзавелся, хотя точно не знаю. В тех местах он пользуется определенной известностью и даже уважением, в чем я бы ему категорически отказала. Человек, который стыдится своего прошлого, не достоин уважения. Прости, но я не буду называть его имя и фамилию. Захочешь, найдешь его сам. Сам во всем разберешься, сам определишься в своем к нему отношении. Я тебе в этом помогать не буду, даже не проси. В своем отношении к нему я определилась раз и навсегда.

Я не стал убеждать и уговаривать тетю Веру, знал, что она ни за что не откажется от своего решения. Перерыл все немногие оставшиеся от матери бумаги, расспрашивал старых знакомых. Ни

малейшего намека, ни малейшей догадки. И только однажды, перелистывая, уже не помню зачем, старые книги из нашей семейной библиотеки, я увидел в одной из них, видимо случайно проставленный где-то в самой середине, где их обычно никогда не ставят, библиотечный штамп далекого северного городка, который находился как раз на том самом краю земли, о котором упоминала тетя Вера. Книга была о каких-то геологических процессах миллионнолетней давности, которые не имели никакого отношения к покойной матери, и я решил, что это и есть та самая зацепка, которая поможет мне начать поиск хоть в каком-то определенном направлении. Скоро я разузнал, что в этом городе есть биологический институт. Как ни странно, мне, подающему большие надежды аспиранту, стоило немалых трудов добиться перевода в небольшой провинциальный институт всего лишь научным сотрудником. Мой научный руководитель, узнав о моем решении, пришел в ярость и, кажется, даже созвонился с руководством института, требуя, чтобы мне отказали, ссылаясь на отсутствие свободных мест. Но кадровые проблемы института в то время были настолько болезненными, а надежда заполучить столичного аспиранта настолько заманчивой, что профессору, несмотря на его громкое в научных кругах имя, вежливо отказали. Скоро я получил вызов. Так начались мои поиски человека, о котором я не знал буквально ничего, кроме написанного им в минуты отчаяния прощального письма. Надо ли говорить, что мои поиски оказались безрезультатными. Постепенно я узнал имена и биографии почти всех уважаемых людей областного центра. К счастью, он был не очень велик. Но ни один из них, как мне казалось, даже близко не был похож на человека, которого мне хотелось бы назвать своим отцом. Возможно, я ошибался, но мне приходилось надеяться только на интуицию и возможный голос крови, который, как говорят, иногда бывает безошибочным. И вдруг именно сейчас эти неожиданно вспомнившиеся строчки: *«Оказался как затерянное во времени и пространстве, заблудившееся в таежных дебрях и никому уже не нужное поселение, пытающееся еще жить по своим законам и потому безнадежно умершее и не способное никогда воскреснуть»*. Эти строчки мог написать только человек, знающий о существовании пропавшего лагеря, на пороге которого мы сейчас остановились, не зная, что делать дальше.

Начисто лишившись сна, я мучительно перебирал все возможные варианты проникновения в таинственное пространство «заблудившейся во времени» зоны. Ответ, как мне скоро показалось, лежал на поверхности, и надо было при первой же возможности проверить, соответствует ли он истине. Если, пытался объяснить я сам себе, Омельченко во время его первого проникновения в пещеру стреляли в спину, а снаружи вход охранял Карай, если кто-то выбросил или спер нашу веревку, не имея возможности подняться в пещеру снизу, когда мы с факелами шарашились тут в поисках золота, значит, должен быть еще какой-то выход или вход, по которому человек мог спокойно приходить и уходить, не привлекая внимания нежеланных для него посетителей. Притворяясь спящим, я пытался разгадать возможное местонахождение этого «входа – выхода». Ничего, кроме находившейся где-то совсем рядом норы росомахи, в голову почему-то не приходило. В конце концов, я решил, что как только начнет светать и настанет моя очередь бдительно следить за окружающим, попытаюсь отыскать эту нору. Если же результат окажется нулевым, обследую все уголки и закутки пещеры, служившей, судя по всему, не то карантинной камерой, не то секретной проходной в затерявшийся во времени мир.

Наконец я все-таки заснул. Во сне увидел тетю Веру, как всегда сидящую в своем любимом кресле под торшером и занятую не то шитьем, не то вязанием. Увидев меня, она подслеповато прищурилась, опустив на колени шитье, и строго сказала:

– Ты уверен, что все делаешь правильно, мой мальчик? Оттуда еще никто не возвращался.

Я возразил:

– А как же Петр Семенович?

– Он возвращается, чтобы больше не вернуться.

– Найду ее и вернусь.

– Ты никогда не найдешь ее. Никогда...

Омельченко потряс меня за плечо.

– Ты, я смотрю, любишь болтать во сне, – прошептал он, чтобы не разбудить свернувшегося калачиком Пугачева. – Неважная привычка, избавляйся. А то будущая жена будет знать все твои секреты. Разомнись, а я маленько покемарю. Кажется, светать начинает. Скоро поплывем.

– Поплывем?

– А какой у нас выход? Придется искупаться. Он там, наверное, руки потирает, что изловил косолапых. Хрен ему. Плавать-то умеешь?

– Получалось.

– Вот и ладушки. Борисыч тоже согласие искупаться дает. Так что где наша не пропадала. Прогуляйся до ветру, а я пока с Надехой погуторю. Что-то она в последнее время часто снится стала. Беспокоится, видать.

Он еще что-то пробормотал, засыпая.

Я выглянул из пещеры. Ветра не было. Ночная тьма начинала редеть, и я уже отчетливо различал узкую щель между камнями, в которую, по словам Омельченко, скрылась недовольная вторжением росомаха. Интересно, что там, за камнями? Возможность заглянуть туда была лишь одна – забраться наверх, зацепиться за нависающий над камнями выступ, подтянуться, забраться на выступ, проползти по нему несколько метров и удовлетворить наконец свое любопытство. Даже при моем небогатом альпинистском опыте я должен был понять, что если моя попытка окажется неудачной, вернуться прежним путем назад мне уже не удастся. Развернуться на узком выступе, нависающем над пропастью, в принципе невозможно. И все-таки полез наверх, хотя совсем не был уверен, что моя попытка увенчается успехом. Добраться до выступа оказалось совсем нетрудно. Из нагромождения камней складывались высокие и снизу почти незаметные ступени, замаскированные под острые угловатые обломки скалы, хаотично разбросанные по суживающемуся кверху якобы природному обвалу. Человеку знающему, который не раз привычно по ним спускался и поднимался, можно было с закрытыми глазами или в полной темноте путешествовать по этой своеобразной лестнице. Только вот зачем? Верхушка пирамиды упиралась в нависающий базальтовый козырек, забраться на который, подтянувшись, как я рассчитывал, здесь, наверху, представлялось совершенно невозможным. Даже опытному акробату это оказалось бы не под силу, поскольку дотянуться до его края, как бы скошенного кверху и выступающему далеко за пределы крохотной площадки, которой заканчивался пирамидальный подъем, можно было только в смертельном прыжке, который неминуемо закончился бы гибелью, поскольку за камнями был такой же обрыв, который я оставил за спиной. Разочарованный, я уже хотел повернуть

назад и начать спускаться, но неожиданно разглядел узкую щель, ровно тянущуюся в месте прилегания уступа к монолитному основанию гольца. Щель была почти незаметна, и я бы никогда не разглядел ее, если бы вдруг не обозначившаяся в крепчающем утреннем свете легкая цветовая разница в окрасе пород козырька и скалы. Ее не должно было быть в принципе, хотя здешние каменные аномалии уже начали приучать меня к неожиданным раскрасам и обломам. Но не в этом же случае. Ни на что в общем-то не надеясь, я, согнувшись, подполз под основание уступа и уперся в него спиной. Казалось бы тяжелейшая каменная глыба неожиданно легко поддавалась моему усилию, и деревянный люк, искусно раскрашенный под гранит, с легким скрипом приоткрыл четкий прямоугольник входа. Подтянувшись, я выбрался на уступ и увидел прямо перед собой довольно широкий лаз, совершенно незаметный снизу и, очевидно, не раз кем-то используемый, поскольку прямо перед ним лежал моток нашей веревки, а рядом стоял фонарь «летучая мышь» с чисто протертым стеклом и явно под завязку залитый керосином. «А вот теперь я тебе устрою такой же полтергейст, которым ты забавлялся с нами», – ухмыльнулся я, перекидывая через плечо связку веревки. Спички у опытного экспедиционника, каким я не без основания считал себя, были у меня в наличии. Я зажег фонарь и, согнувшись, протиснулся в лаз.

Длинная узкая штольня вела почему-то вниз, а не прямо, как я ожидал. Мне бы задуматься над этим обстоятельством, вернуться, разбудить Омельченко и Пугачева и вместе с ними двинуться по штольне, подстраховывая друг друга. Но решив, что пока они крепко спят, намаившись за прошлую и нынешнюю бессонные ночи, я быстренько прикину, что тут и куда, а потом уже заявлюсь и удивлю их отысканной мною возможностью проникнуть в таинственную зону не вплавь по ледяной подземной реке, а вполне комфортным сухопутным путем. Мое старенькое ружье осталось в пещере, но пистолет был надежно спрятан под курткой. Неожиданности меня не пугали, я был к ним вполне готов после солидной прививки всех предшествующих событий. Довольно быстро я спустился вниз и оказался в огромном помещении, которое можно было бы считать ангаром или гаражом, поскольку в нем стояли два неплохо сохранившихся ЗИСа, которые я узнал по кадрам кинофильмов 60-х годов, частично разобранные

аэросани, металлические стеллажи с какими-то деталями и ящиками. Вдоль одной из стен стояли бочки из-под горючего, хотя, может быть, из-под мазута и каких-нибудь масел. Бензином, во всяком случае, в этом гараже не пахло. И вообще складывалось впечатление, что человеческие руки давно ни к чему здесь не прикасались и с места долгие годы ничего не сдвигали. Главное, было совершенно непонятно, как все это сюда попало. Слабенький свет моей «летучей мыши» выхватывал из темноты лишь отдельные фрагменты окружающего пространства. Я обошел его по периметру, но нигде не разглядел даже следов ворот или дверей, через которые был доставлен сюда весь этот довольно громоздкий груз. И лишь в одном месте я разглядел нечто похожее на кладку из больших камней, возможно замуровавших прежний вход. Сейчас из «гаража» было всего два выхода – тот, которым спустился я, и второй, полускрытый кузовом ЗИСа – уходящий в неведомую темноту коридор. «Пройду метров сто, ну, двести – если ничего, поверну назад. Надо возвращаться к своим, а то запаникуют, не отыскав меня ни в пещере, ни снаружи». Несмотря на эти благие намерения, я продолжал идти вперед и прошел уже не меньше полукилометра, а коридор по-прежнему ровно и скучно уходил вперед. Наконец я остановился, решив все-таки повернуть назад. Неожиданно далеко впереди услышал какой-то скрипнувший звук, похожий на звук открываемой двери. Стараясь ступать как можно тише, я, прежде чем потушить фонарь, стал отыскивать глазами какое-нибудь подобие ниши или каменного уступа, за которым можно было бы притаиться. Никакого, даже самого хилого убежища поблизости не наблюдалось, а мое намерение потушить фонарь, кажется, запоздало, поскольку приближающиеся шаги стали отчетливо слышны уже неподалеку. Тогда я поднял фонарь повыше, чтобы лучше разглядеть идущего навстречу человека.

Это был высокий плотный пожилой мужчина в черном, перепоясанном солдатским ремнем ватнике. Оружия при нем не было. В правой руке он держал деревянный ящик, в котором плотники переносят свой нехитрый инструментарий. Из ящика торчали топориче тесака, рукоять ножовки и горсть пристроенных торчком больших гвоздей. Все это я успел хорошо разглядеть, поскольку он остановился буквально в двух шагах от меня и спокойно, без всякого удивления рассматривал меня. По его затянувшейся задумчивости

угадывалось, что он пытается принять какое-то нелегкое для себя решение. Наконец, коротко, как бы через силу, бросил:

– Пошли! Повернул назад и, не оглядываясь, двинулся прежним путем, словно был совершенно уверен, что я обязательно последую за ним. Решившись, я торопливо перекрестился и пошел следом. – Бога нет, – не оборачиваясь, буркнул человек, неизвестно каким образом угадав или разглядев мой жест.

– Если вы в это верите, значит, есть, – громко возразил я.

– Почему? – даже приостановился человек, по-прежнему не оборачиваясь.

– Потому что верите, – повторил я слова знакомого священника, с которым мы когда-то подолгу разговаривали на подобные темы. – Если есть вера, значит, есть Бог. Только одним вера дается как счастье, другим – как сомнение и борьба с ним. А еще кому-то – как страх перед жизнью прожитой и будущей. Потому что больше всего человек боится, что его жизнь никому была не нужна, что она прожита зря. И тогда, спасаясь, он начинает говорить, что ни во что не верит.

– Поповские штучки, – буркнул человек и двинулся дальше.

– Этими штучками, – почти закричал я ему в спину, – люди живы тысячи лет. Если их не будет, все сгинет и рассыплется в прах. Как вся эта ваша давно уже никому не нужная зона.

– А вот сейчас поглядим, кто сгинет...

Человек ускорил шаги. Поотстав во время своего монолога, я почти побежал следом и догнал его уже перед большой деревянной дверью, которая закрывала вход в неведомое. Раздался скрип, который я слышал несколько минут назад, потом бесшумно отворилась вторая, обитая железом дверь, и я невольно зажмурился от яркого света.

* * *

Свет показался очень ярким после моих блужданий по пещерам, штольням и коридорам. Приглядевшись, я понял, что это был свет раннего пасмурного утра, пробивавшийся сквозь двойные стекла двух небольших окон и освещавший сквозь полузадернутые шторы средних размеров комнату с длинным, стоящим посередине столом и расставленными вдоль него по обеим сторонам тяжелыми

«канцелярскими» стульями с обитыми коричневой кожей спинками. Слева была прикрытая и занавешенная тяжелыми портьерами дверь в другую комнату. Справа, вдоль стены стоял огромный кожаный диван, предназначенный скорее для делового, чем для бытового употребления. Над ним висела большая и довольно удачная копия суриковского «Утра стрелецкой казни». На столе стоял графин с водой и приткнувшимися к нему гранеными стаканами. Комната напоминала небольшой зал для заседаний, какие раньше располагались рядом с кабинетом секретаря райкома, который был знаком мне тоже, скорее, по кинофильмам, чем из житейской практики сегодняшнего времени. У окна спиной ко мне стояла высокая стройная женщина с тяжелым узлом темных волос, собранным на затылке в небрежную прическу.

– Проходи, садись. Алексей, кажется? – сказала она низким голосом, не поворачиваясь ко мне и к остановившемуся в дверях человеку. – А ты иди, доделывай, что хотел, – не требуя никаких объяснений, приказала она. Человек бесшумно вышел. – Садись! – по-прежнему не оборачиваясь, повторила она. – Разговор у нас будет долгий. Устанешь.

– Спасибо, постою, – отказался я и затоптался, не зная, куда деть старенький, все еще светивший фонарь.

– Поставь на стол, – подсказала так и не обернувшаяся ко мне женщина. – Я знаю, ты не очень-то любишь следовать советам, но все-таки сядь. Сейчас у тебя разболится голова, усталость удесяттерится. Не бойся, это ненадолго. Перед восходом солнца здешняя энергетика минимальна. Поэтому будешь чувствовать себя так, как и должен чувствовать после ненужной изнурительной беготни и дурацких приключений.

– Не считаю их дурацкими, – запальчиво возразил я. – Я на них не напрашивался. Так вышло.

Голова, действительно, начинала болеть все сильнее и сильнее, да и усталость постепенно завладевала каждой клеточкой моего тела. Подумав, я придвинул стул и сел.

– Так вышло, – задумчиво повторила она мои слова.

Мне очень хотелось, чтобы она обернулась, но она продолжала неподвижно стоять, обхватив себя руками, и разве только чуть-чуть вздернула голову, словно отыскивая в себе силы продолжать начатый разговор.

– Разве с вами не так было? – тоже собравшись с силами и едва справляясь с пульсирующей болью в висках, спросил я, пытаюсь этим бестактным вопросом убрать возможные будущие недоговоренности. И неожиданно испугался до полной растерянности – вдруг это все-таки не Ольга? Вдруг сейчас рухнут как карточный домик все мои надежды на долгожданную с ней встречу, когда я расскажу ей все-все. И об Арсении, и об Ирине, и об Омельченко, и о своих надеждах помочь разрулить наконец-то накопившиеся за прошедшие годы недоразумения, тайны, преступления и даже обиды, которые возникают, когда люди долго ничего не знают друг о друге.

– А разве ты знаешь, что было со мной? – тихо спросила она.

– Знаю только, что вы не хотели того, что случилось, – едва справляясь с накатывающейся волнами болью, запинаясь, пробормотал я.

– Подожди, сейчас все пройдет, – уверенно сказала она. – Солнце взошло. Сейчас выглянет из-за гольца Погодный, и тьма провала уползет в свои подземелья. Место слабости и отчаяния превратится в место силы. Арсений не говорил тебе об этом?

В это мгновение лучи солнца проникли в окна, на несколько мгновений буквально ослепив меня. Женщина раздвинула шторы окна, у которого стояла. Я по-прежнему ничего не видел, кроме ее силуэта, охваченного ореолом лучей позднего осеннего солнца.

– Смотри! – приказала она, повернувшись и делая несколько шагов ко мне. – Смотри, во что я превратилась, когда сломя голову кинулась за любовью в эти проклятые места! Говоришь – «так вышло». Никогда бы не вышло, если бы я последовала совету бежать как можно дальше от сумасшедших желаний и нелепых поступков.

Я смотрел на нее и ничего не понимал. Передо мной стояла удивительная женщина со светящимися, как мне показалось, зелеными глазами. Тонкий шрам, наискось пересекавший ее лоб, бровь, щеку, совсем не портил это выразительное, на редкость красивое лицо. Я понял, почему Арсений сразу и на всю жизнь влюбился в нее.

– Смотри, смотри! – приказала она мне, и без того не отводившему от нее глаз. – Верись, что меня когда-то называли красавицей?

Нервный спазм перехватил ей горло. Она безнадежно махнула рукой и опустилась на стул наискось от меня, низко опустив голову.

– Вы, вы... – забормотал я, пытаюсь отыскать слова, которые бы выразили все, что я чувствовал в эту минуту. – Если бы вы видели себя сейчас! Честное, честное слово – я никогда не видел такой красивой женщины. Сразу понял, почему Арсений влюбился в вас. Он тяжело заболел после того, как вы пропали. Говорят про какую-то операцию, но я думаю, он скоро будет здесь. Он хочет найти вас. Я читал его дневники...

– Глупости! – резко сказала она и отвернулась. – Все глупости и неправда. След ветра на воде. Я давно перестала о нем даже думать. У меня сейчас совсем другая жизнь. Удивительная жизнь, Леша. Ты скоро это поймешь, если только дашь слово никому об этом не рассказывать. У меня есть все. И нет ничего. Здесь я всемогуща, но несколько шагов в сторону – и я жалкий беспомощный урод, не способный даже отстоять свое право на жизнь. Я могу купить половину Парижа вместе с его Эйфелевой башней и не могу приобрести флакона даже самых дешевых духов. Я могу любить или ненавидеть всех, но никто не может любить или ненавидеть меня. Меня нет, я не существую, я растворилась во времени и пространстве. – Она долго молчала. – Правда, у меня есть друг. Единственный. Я тебя с ним обязательно познакомлю. Хотя ты с ним уже знаком. Несколько часов назад он тебя спас. Меня он спасал много раз.

– Карай? – спросил я.

– Карай? Да, я слышала, как ты его назвал. Нет, просто Серый. Не знаю, как его звали раньше. Может быть, и Карай.

У меня в голове теснились тысячи вопросов. Женщина, которая сидела напротив, внушала мне и преклонение, и страх. Преклонение перед ее судьбой и несломленностью, перед ее красотой и силой, и страх, что ее разум, кажется, не выдержал тех страшных испытаний, которые свалились на нее, когда она была счастлива и даже не помышляла о том ужасе, который свалился на нее внезапно и безжалостно.

– Я должна задать тебе много вопросов, Алексей. Кто все те люди, которые появились здесь вместе с тобой? Что им здесь надо? Почему они тебя преследуют? Я слышала, как ты говорил, что они не имеют к тебе никакого отношения. Но ты их привел сюда. Зачем?

– Я их не приводил. Это очень длинный рассказ.

– Ничего. У нас впереди много времени. Считай, что ты мой пленник. Я не выпущу тебя отсюда, пока не буду знать все.

– Честно говоря, все я и сам толком не знаю. Могу только сказать, что они ищут золото. То самое, которое нес бандит, которого вы убили.

– Убила?! Я?!

– Так все считают. Хотя не могут понять, как это вам удалось. У вас же не было никакого оружия. Эти ваши шрамы... Честное слово, они почти незаметны. Это тоже он?

– Шрамы – он. Они очень даже заметны. Но я его не убивала. У меня действительно не было тогда никакого оружия. Наверное, это Егор. Егор Степанович. Он за меня убьет кого угодно. А я тогда потеряла сознание. Он так размахивал этим своим ножом. Потом ударил...

– Простите, я не хотел вам напоминать. Вы сами спросили.

– Так это все из-за того золота?

– Ну да.

– А если его отдать, они уйдут?

– Одни уйдут, другие – не уверен.

– Этим, другим, что им нужно?

– Они хотят понять, что здесь когда-то произошло и что происходит сейчас.

– Это для них так важно?

– Кажется, да. Погибло много людей. И вообще здесь много непонятного.

– Ты тоже хочешь знать, что здесь происходит?

– Если получится. Вообще-то я хочу найти своего отца.

– Кто он?

– Не знаю.

– Имя, фамилия?

– Не знаю.

– Думаешь, он здесь?

– Не знаю.

– Ты будешь долго его искать с такими исходными данными.

– Вас я нашел.

– Это я тебя нашла. Хотя, честно говоря, не искала.

– Вы, наверное, надеялись, придет Арсений Павлович, а пришел

я.

– Я уже ни на что не надеялась. Глупо надеяться в моем нынешнем состоянии и положении. Просто мне было скучно. Захотелось узнать, кто и зачем появился в этом проклятом месте. Я слышала все, что ты мне говорил.

– Синяя ковбойка, которая то появлялась, то исчезала – это вы?

– Надо было дать тебе понять, чтобы ты был осторожным. Здесь надо быть очень осторожным.

– А голос?

– Какой голос?

– Женский. Который предупреждал.

– А... Это эхо. Не думай о нем. Здесь иногда каждый слышит то, что хочет слышать. Это просто эхо.

Так ничего не поняв, я спросил:

– Простите, у вас есть сестра?

– Нет. И никогда не было. Когда погибли родители, я осталась совершенно одна. Даже родственники не отыскались. Слава богу, я была уже совершенно взрослой и даже неплохо образованной. Так что все к одному. Я надежно вычеркнута из той жизни.

– Может быть, знакомая, которая похожа на вас?

– Нет и не было у меня таких знакомых.

– Ирина. Она очень хотела вас найти.

– Не знаю никаких Ирин и знать не хочу. Вообще-то вопросы должна задавать я. А получается наоборот. Чем же болен Арсений Павлович?

– Он остался совершенно один и, кажется, потерял волю к жизни. Считает, что над ним витает рок несчастья, и он заражает им всех, кто приближается к нему.

– Может, он прав?

– Да ерунда! Простите. Возможно, я ничего не понимаю, но мне кажется, что все это из-за того, что он вас очень любил. То есть любит. Если бы он знал, где вы, он был бы уже здесь. Прибежал бы, приполз. Вы же знаете, какой он. Он настоящий.

– Настоящий... – У нее дрогнули уголки губ, кажется, она попыталась усмехнуться. Еле слышно, словно для себя, прошептала: – Не прибежал, не пришел, не приполз.

– Он сильно разбился тогда в горах. Если бы Карай не нашел его, он бы погиб. Карай и Омельченко.

– Кто такой Омельченко?

– Хозяин Карая. Это за ним следят, не за мной. Он нашел тогда и вас, и золото, но кто-то в него выстрелил, и он упал в реку. Ту, которая под землей.

– Золото, золото... Как оно мне надоело! Все только и говорят про это золото. Тоже хочешь иметь много золота?

– Зачем оно мне?

– Правильно. Оно никому не приносило ни счастья, ни любви, ни надежды. Я вот не могу вернуть себе прежнее лицо. Хотя сейчас у меня много, очень много золота. – Она снова надолго замолчала, низко опустив голову. Потом, словно спохватившись, попыталась улыбнуться: – Что-то я разговорилась. Мне простительно. Совершенно не с кем поговорить. Мы тут не всегда понимаем друг друга. Словно на разных языках говорим. Если бы не Серый, я, наверное, разучилась бы говорить. Мы с ним иногда говорим часами. Не думай, он все понимает. Приходим иногда на этот ваш проклятый стационар, садимся на камни, и я ему рассказываю всю свою прежнюю жизнь. Между нами – это была не очень хорошая жизнь. Я больше думала и заботилась о себе, чем о других. Даже с Арсением. Мне казалось, что это небольшое забавное приключение. Роман на краю света, который закончится так же быстро, как начался. Мне очень понравился его рассказ о таежном озере, на которое собираются лоси чуть ли не со всей Чукотки. Заходят в него и часами пасутся под водой. Я представила, как из-под воды показываются огромные лосиные рога, потом лосиные морды с удивленными глазами. Во рту у них пучки водорослей, которые они жуют, жуют... И по всему этому огромному озеру лосиные рога и жующие морды. Мне очень захотелось это увидеть. В прошлом году я уговорила Егора, мы побывали на этом озере. Мне показалось, что я провалилась еще глубже, чем сейчас. На миллионы лет назад. Мне стало так страшно. Я чуть не умерла.

Она опять замолчала, и я почувствовал, что ей сейчас очень плохо. Не то от воспоминаний, не то от моего появления, нарушившего ее, ставшее уже привычным, существование.

– Кто такой Егор? – спросил я, чтобы хоть как-то разрядить нарастающее напряжение.

– Убийца, – словно о чем-то очень обычном, сказала она. – Когда-то он убил очень плохого человека и попал сюда. Здесь ему, кажется,

тоже приходилось убивать. Я думаю, что именно он убил того бандита. Он добрый и, в общем-то, хороший. Просто так сложилась жизнь. Я как-то спросила его – если бы можно было начать все сначала, ты бы снова убил того человека, который был первым? Он сказал – убил бы. Я стала его уважать. В отличие от меня он не хочет переделывать свою прежнюю жизнь.

Поговорим лучше о тебе, Алексей. У тебя есть девушка? Жена?

– Нет.

– Странно. Но ты все-таки в кого-то влюблен. Здесь это легко почувствовать. Ты, кажется, удивился, что я даже не повернулась, когда ты вошел. Просто я уже знала, что и кто. Здесь такое место. Не знаю, как это объяснить... Здесь все обострено – и хорошее, и плохое. Скоро поймешь. Так ты все-таки влюблен.

– Я не говорил этого.

– И не надо. Наверное, это та самая девушка... Скорее всего – женщина. Она действительно похожа на меня?

– Немного. Не знаю. Сейчас уже не кажется.

– Еще бы. Если бы она была похожа на меня такую, ты бы о ней даже не вспоминал.

– Я не это имел в виду. Если вы ее не знаете, почему тогда она так хотела найти вас?

– Сейчас уже не хочет?

– Сейчас она пропала. Ее похитили.

– Как интересно! Ты уверен в этом?

– Не знаю. Все так запутано...

– Хочешь, помогу тебе?

– А вы можете?

– Во всяком случае, попытаюсь. Иногда получается. Дай руку.

Она протянула через стол свою руку, и я осторожно коснулся ее пальцев. Она властно перевернула мою руку ладонью кверху и положила на нее свою крепкую холодную ладонь.

– Думай о ней. Представь ее. Спроси, где она, что с ней случилось, не нужна ли ей помощь?

Все происходящее было настолько необычным и непохожим на мои прежние фантазии, что я никак не мог сосредоточиться. Хотел представить лицо Ирины, но видел перед собой только спрашивающие и грозные, как мне казалось, глаза сидящей напротив женщины.

– Соберись! – приказала она. – Мысли о ней мучают тебя. Ты считаешь себя в чем-то виноватым. Ты ни в чем не виноват. Она сама выбирает свой путь. Спроси – где она?

– Я смотрю, у нас сегодня необычный день. День вопросов и ответов. День светских приемов. День необычных посетителей. И я, как это ни странно, узнаю об этом в последнюю очередь, – раздался за моей спиной раздраженный старческий голос.

Я вздрогнул и резко обернулся. На пороге соседней комнаты, отводя рукой тяжелую портьеру, стоял генерал. Я сразу узнал его, хотя на нем не было ни мундира с орденами, ни погон, ни штанов с лампасами. Но это был он, тот самый, о котором рассказывал Омельченко. Седой ежик густых еще волос, гладко выбритое морщинистое лицо с глубоко запавшими, выцветшими глазами, сурово сдвинутые седые брови. Гордая, слегка вскинутая посадка головы, которая вырабатывается долгими годами тренировок и парадов, крепкая, на первый взгляд, рука. И в то же время от всей его фигуры веяло такой запредельной для единственной человеческой жизни древностью, что он вдруг показался мне поднявшейся из гроба и на редкость хорошо сохранившейся мумией. Одет он был в старенький, застегнутый на все пуговицы, простой, без знаков отличия офицерский китель, галифе были заправлены в начищенные до блеска маленькие хромовые сапожки. И весь он был такой маленький, сухонький, аккуратный и хрупкий, что казался чуть ли не игрушечным – нечаянно задень, и игрушка с легким стуком упадет на пол и обязательно сломается. Скоро я понял, что это было совершенно ошибочное впечатление.

– Я неоднократно просила вас, Вячеслав Евгеньевич, не входить ко мне без предупреждения, – отдернув руку от моей ладони, каким-то казенным голосом сказала Ольга. Одновременно она поднялась, вышла из-за стола и, став чуть ли не по стойке «смирно», повернулась к стоявшему в дверях генералу.

– Прошу списать мою забывчивость, Ольга Львовна, на крайнюю чрезвычайность обстоятельств, – не меняя раздраженного тона, ответил генерал, подходя к столу и в упор меня разглядывая. Честно признаюсь, мне стало не по себе от этого взгляда. Стараясь держаться непринужденно, я слегка откинулся на спинку стула и через силу усмехнулся, сделав вид, что нахожу неестественным и даже забавным

этот профессиональный осмотр, который, хотя и был мне неприятен, но явно не мог повлиять на ближайшие минуты моей жизни. Видит Бог, я сильно заблуждался.

– И в чем же заключаются эти чрезвычайные обстоятельства? – не меняя позы, спросила Ольга, и я разглядел, что смотрит она не на генерала, а куда-то поверх его головы. Кажется, на лицо молодого Петра, похожего на картине Сурикова на молодого вурдалака, впервые отведавшего вкус человеческой крови и готового закричать: – Еще! Еще!

– Он мне не нравится, – ворчливо сказал генерал, показав на меня пальцем. – Неряшлив. Самонадеян. Верит в Бога. Не способен логически мыслить. Поэтому не отдает себе отчета в своем теперешнем положении. Совсем как те двое, что заявили ни свет ни заря. По-моему, до сих пор не понимают, где они и что с ними произойдет в самое ближайшее время.

– А что с ними может произойти? – спросил я, сразу догадавшись, кто эти двое.

– То же, что и с вами, молодой человек. Но только после того, как вразумительно ответят на заданные вопросы. Что касается вас – извините, не ведаю пока вашего имени-отчества, – то, не смотря на покровительство Ольги Львовны, будете ожидать моего решения после выяснения обстоятельств вашего здесь появления. Кстати, те двое почему-то уверены, что вы находитесь в расположении нашей зоны. Вы поставили меня в глупое положение – я заявил, что не имею о вас ни малейшего представления. А вы, оказывается, беседуете тут как ни в чем не бывало. Представьте себе – они требуют вашего немедленного освобождения. Это было бы забавно, если бы не было так глупо.

– Вы нашли удачное слово, генерал, – поднимаясь и отодвигая стул, сказал я.

Теперь генерал был вынужден смотреть на меня снизу вверх – он не доходил мне даже до плеча.

– Откуда тебе известно мое звание? – отходя от меня на несколько шагов, спросил генерал. – Она сказала?

– Ни словечка. Сам догадался.

– Допустим, – согласился генерал. – Какое слово?

– Глупость, – сказал я.

На внезапно побледневшем лице Ольги вдруг стали отчетливо заметны все шрамы. Мне показалось, что она вот-вот упадет в обморок.

– Интересно, интересно, – заговорил генерал внезапно помягчевшим вкрадчивым голосом. – И о чем это ты столь категорично?

Строчки из отцовского письма до сих пор крутились у меня в голове и сейчас, словно что-то подтолкнуло меня, хотя какой-то частью сознания я все-таки начал осознавать грозившую мне после моих слов опасность.

– Вы думаете, что еще живы и можете что-то решать, заставлять, приказывать. На самом деле вы только тень прошлого, которая неизвестно как сохранилась и в любой момент может исчезнуть. Не понимать этого просто глупо.

– Неплохо. Я не ошибся, когда сказал, что ты самонадеян и не очень умен. Тебе еще надо учиться анализировать и делать не спонтанные и излишне эмоциональные, а логически выверенные выводы. Спешись, ничего не зная, осудить путь, которым мы шли несколько десятилетий, жертвуя жизнями и своим будущим. А насчет того, что все это в любой момент может исчезнуть, ты, пожалуй, прав. Очень даже может. Я забыл сказать это твоим товарищам. Мне кажется, что они тоже излишне самонадеянны. Хочешь к ним?

– С удовольствием. Куда прикажете идти?

– Зачем же идти? Ты, наверное, очень устал. Тебя понесут. На руках. Донатас, помоги молодому человеку.

– Не успев обернуться, я почувствовал несильный удар в плечо. Поплыло куда-то вверх лицо улыбающегося генерала, и, говоря современным сленгом, я почти мгновенно вырубился. Судя по моему пробуждению, или, лучше сказать, воскрешению, вырубился на довольно продолжительное время.

Когда я открыл глаза, то сначала увидел вышку. Вышка наклонилась, потом выпрямилась. Я попытался сесть.

– Как ты, Леха? – спросил сидящий рядом на земле Омельченко. – Живой?

– Где Пугачев? – с трудом ворочая языком, спросил я.

– Ушел. Как понимаю, на допрос.

– Ушел или увели?

– Объявили, кто желает поделиться сведениями, кто мы и зачем, пройти в служебное помещение.

– Пошел?

– Пойдешь. Тебя как мертвяка сюда сбросили.

– Он сумасшедший?

– Кто?

– Генерал.

– Не исключено. Только от этого не легче. Надо, Леха, что-то срочно предпринимать. Влипли мы по самое не хочу. Сами влипли, никто не подставлял.

– Подождем, что Пугачев скажет.

– Если скажет.

– Что имеешь в виду?

– У меня нехорошая соображалка, что он с ними мирное соглашение подпишет. Мент с ментом и на том свете договорятся.

– Зря ты.

– Может, и зря. Подождем. Только делать что-то все-таки надо. Первым делом с этой точки слинять. Нехорошая точка, Леха. Ой, нехорошая. Со всех сторон просматривается и, соответственно, простреливается.

– Встану сейчас и пойду. Не будут они стрелять по живым людям.

– Еще как будут. Я это сразу понял. Они кто? Нежить. А нежити живого человека видеть маловыносимо. Она от него как можно скорее избавиться хочет. И столбики поставить.

– Какие столбики?

– Как всем. С номерками.

– Ты, я смотрю, совсем скис.

– Нехорошее у меня предчувствие, Леха. Надежда так и сказала: «Чего ты не в свое дело все время лезешь? Тебе больше всех надо?» – Больше, – говорю, – не надо, а чтобы по совести и по уму. – «Ну, – говорит, – такого у нас еще долго не будет. Так и помрем, не дождавшись».

– Приснилось?

– Да нет. Мы с ней часто на эту тему разговоры заводили. Один раз по ее получается, другой – по-моему. – Омельченко оглянулся на стоявшую поодаль темную фигуру. – Мне бы сейчас карабин мой. Я бы его навскидку снял.

«Пистолет!» – вдруг вспомнил я.

Сделав вид, что поглаживаю и разминаю болевшее плечо, я согнулся, словно от боли, и дотянулся наконец до закрепленного под мышкой мягкого футляра от фотоаппарата, в который я довольно удачно пристроил навязанный мне Птицыным пистолет. Пистолет, от которого я активно отказывался, был на месте.

– Болит? – посочувствовал Омельченко. – Борисыч говорит, они тебя каким-то новейшим парализующим зарядом долбанули. У нас, говорит, таких еще не имеется, но для изучения на курсах демонстрировали. Так что не такие они здесь оторванные. Снабжает кто-то втихаря. Или золотишко на сторону гонят. Сейчас ведь как? Деньга имеется, можешь и в тайге права качать.

– Петр Семенович, – прошептал я. – Пистолет.

– Какой пистолет? – не понял Омельченко.

– Птицын снабдил на дорогу. На всякий случай.

– Ну, Леха, счастливый твой бог, что обыскивать не стали. Не ожидали, видать, что у тебя оружие имеется. Теперь у нас совсем другой разговор может получиться. У них тут, как я соображаю, не так чтобы много народу. Тот, который тебя притащил, тот, который в прошлый раз меня отсюда выпер, генерал этот засохший – пожалуй, все.

– Ольга Львовна.

– Какая еще Львовна? – До него наконец дошло. Он даже вскочил на ноги. – Живая, значит? Буду теперь спать спокойно. Так она что, с ними?

– С Караем она. С кем еще – непонятно. Скорее всего, сама по себе. Странная немного. Не вздумай показать, что жалеешь ее. Она очень красивая.

– А то не знаю. Арсений Павлович узнает, про все свои операции позабудет.

– Забыл тебе сказать – исчез Арсений Павлович.

– Что значит «исчез»? Как исчез?

– На операцию не явился, где он – никто не знает.

– А ты откуда знаешь?

– «Подполковник» сказал.

– Тот самый?

– Тот. Я думаю, Арсений Павлович добирается сюда. Или уже добрался.

– Он мне звонил перед твоим приездом. Просил тебе помочь, если что. Потом стал расспрашивать, как я на него вышел, когда он там лежал. Про этих я ему не стал говорить. Сказал, Карай вывел. Слушай, а если я Карая кликну?

– Пусть это будет на крайний случай. Да и вряд ли он тебя услышит. Мне кажется, он сейчас далеко отсюда.

– Меня услышит, – уверенно сказал Омельченко. – Но ты прав, погодим. С твоим пистолетом и моим Караем мы теперь вполне нормальная боевая группа. Я им теперь такую зону устрою, сами на волю проситься будут. – Он погрозил кулаком фигуре и сделал, разминаясь, несколько наклонов и поворотов. Потом плюхнулся рядом со мной в положение для отжима и, отжимаясь, весело заговорил: – Ты верно заметил – скис я, как дохлая мышь. Они потому нас и повязали. Навешали лапши на уши – «в случае сопротивления уничтожим!» Мне эки рассказывали – на зоне главное дело волю сломать. Думаешь, ты человек? Не надейся. Грязь под ногами у каждого, кто сильнее. Вот я и дал слабину. Борисыч тоже настроение потерял. Потом гляжу – ты в себя пришел. Теперь – пистолет, Карай. Остальные новости тоже не слабые: про Арсения, про нее... Слушай... – Он почему-то понизил голос до шепота. – Она что, не врубается, что тут и как?

– Врубается. Но, по-моему, не совсем. Считает себя хозяйкой здешних мест, а перед генералом навтыяжку стоит. Если честно, я так ничего и не понял.

– Пойдем, разберемся, на место поставим. Я сейчас такую мощу в себе чувствую, как заново родился. Я эту гниду генеральскую...

В это время затрещали помехами включенные динамики, и многократно усиленный генеральский голос произнес:

– Петр Семенович Омельченко, Алексей Юрьевич Николаев, просьба пройти в кабинет генерала Серова для проведения следственных мероприятий.

– Ну, я тебе сейчас устрою следственные мероприятия, – проворчал, поднимаясь, Омельченко. – Пятый угол искать будешь. Ты, Алексей, пистолет мне как-нибудь незаметно передай. Меня уже обыскали, а тебя обшманать могут. Куда идти-то?!

Фигура показала рукой в сторону «штабного» барака. Я достаточно легко поднялся на ноги, но все-таки пошатнулся. Омельченко, поддерживая, приобнял меня, и мы двинулись к «штабу». Перед входом в барак я ухитрился передать Омельченко пистолет и шепнул:

– Пока в упор не припрет, делай вид, что все, как они хотят. Применяй эффект неожиданности.

– Это еще что за фигня? – удивился Омельченко.

– Ты же охотник. Лиса в капкане притворилась, что сдохла. Освободили – она деру.

– Сроду с капканами не охотился, – прошептал, вышагивая по длинному коридору, Омельченко. – Это покойный Хлесткин был специалист. Только от него ни одна лиса не убегала. Это, что ли? – остановился он перед дверью, на которой красовалась табличка с золотой надписью: «ГЕНЕРАЛ СЕРОВ В.Е. ПРИЕМ ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ С 15 до 18 ч.».

– Сегодня что, понедельник? – в шутку поинтересовался я у Омельченко.

– Спроси чего полегче. – Он стал загибать пальцы. – Вторник сегодня.

– Тяжелый день, – с притворным вздохом сказал я и приоткрыл дверь.

– Входите, входите, – разрешил генеральский голос.

* * *

Я сразу пожалел, что со мной не оказалось моего фотоаппарата. Заснять бы то, что мы тогда увидели.

– Борис Борисович, – с места в карьер, даже не поздоровавшись, наехал я на нашего попутчика. – Где мой фотоаппарат?

Пугачев, даже глазом не моргнув, воспринял мой упрек как должное.

– Я и сам, Алексей, очень сейчас жалею, что и фотоаппарат, и ракетницу оставил там, в пещере. Но сам посуди – пускаться вплавь по подземной реке, в полной темноте с твоим фотоаппаратом на шее, сейчас и фотоаппарат и я уже бы не существовали. Мы и карабины-то

с великим трудом уберегли – Петр Семенович свидетель. Правда, толку от них сейчас, можно сказать, никакого. Стрессовое состояние опасно даже для карабинов. А ты, я смотрю, вполне пришел в себя? Кстати, зачем тебе фотоаппарат?

– Ну как же, – кивнул я на собравшихся. – Где еще такое увидишь? Такое должно остаться в памяти на долгие годы.

– Прошу не отвлекаться на посторонние разговоры! Сейчас здесь присутствует все имеющее быть в наличии временное и постоянное население нашего небольшого спецпоселения. В настоящее время мне, как бывшему руководителю спецпоселения, предъявлен от имени и по поручению нынешней власти... Я правильно излагаю? – обратился он к сидевшему напротив Пугачеву.

Тот молча кивнул головой.

– ... От имени и по поручению нынешней власти в лице... – он заглянул в лежащую перед ним бумажку, – ...в лице старшего следователя РУБОП... Извините старика, не ведаю расшифровки этой аббревиатуры... Капитана Бориса Борисовича Пугачева... – Он отложил бумажку и по слогам произнес: – Уль-ти-матум.

Огромный и почему-то без единого окна кабинет освещали довольно тусклым светом четыре тяжелые хрустальные люстры, развешенные по периметру кабинета. Огромная картина Петрова-Водкина «Смерть комиссара», конечно копия, и не очень удачная, висела за столом генерала. Видимо, я настолько внимательно всматривался в картину, переводя взгляд с неё на генерала, что он, внимательно следивший за мной и Омельченко, по-прежнему стоявшими у дверей, оглянулся и, ткнув пальцем в картину, раздраженно заскрипел:

– Да, да! Советская власть была убита уже тогда. Когда на смену народным комиссарам заявили расплодившиеся как крысы комдивы, комбриги, начштабы и прочие, которым до народа уже не было никакого дела. Отсюда то, что имеем сейчас. Вы имеете. Угадываю ход ваших мыслей: забились в свою нору, оторвались от жизни, живут неизвестно как и для чего. Насчет меня – выжил из ума, несет черт знает что. Нетушки. Самым внимательным образом слушаю ваши вести, сообщения и прочую наисовременнейшую галиматью. Хотите знать мое мнение?

Пугачев согласно кивнул головой.

– Изложу позже. Сейчас перейдем к вашему ультиматуму.

Генерал, опустив голову, надолго замолчал.

По бокам картины висели два небольших, отлично выполненных портрета – слева Ленин, по другую сторону Сталин. Справа почти всю стену занимали большие застекленные книжные шкафы – я еще подумал тогда, каких немыслимых трудов и затрат стоила, наверное, их доставка сюда, за сотни, а то и тысячи километров от нормального человеческого жилья. Шкафы были сплошь заполнены собраниями сочинений вождей, как ни странно, большим количеством самых разнообразных словарей и несколькими изданиями энциклопедий – от Брокгауза и Ефрона до самых последних изданий. Что располагалось на нижних полках, я так и не разглядел.

«Кто же их тут просвещает?» – подумал я и перевел взгляд на пять довольно больших портретов, выполненных художником, скорее всего, с паспортных или плохих любительских фотографий. Четверо мужчин – трое довольно молодых, четвертый – лет пятидесяти или около того. Пятый портрет – молодая симпатичная женщина с простым, или, как выражаются некоторые снобы, «рабоче-крестьянским лицом» и гладко зачесанными короткой стрижки волосами. Видимо, «место силы» все еще оказывало свое благотворное действие на наши непривычные к нему организмы. Я без всяких объяснений догадался, чьи это портреты. Пропавший геологический отряд! Начальник отряда, молодой геолог – совсем еще молоденький парнишка, топограф – наверное, тот, в очках, подсобный рабочий и повариха. Оказывается, их здесь помнили и даже поместили портреты. Это мне понравилось. Под портретами, на низких стеллажах были разложены образцы руд, минералов, драгоценных, даже на мой геологически непросвещенный взгляд, камней. Отдельно располагались золотые самородки. Причем это были настоящие самородки, а не муляжи, как подсказало мне мое обострившееся чутье. Я бы с удовольствием рассмотрел эти образцы поближе, но генерал наконец прервал свое молчание и почему-то обратился ко мне.

– Интересуешься, Николаев? Правильно делаешь. Больше ты такого нигде и никогда не увидишь. Кстати, ничтожно малая часть того, что мы тут имеем. – Он неожиданно хихикнул: – Что имеем, не храним, потерявши плачем. Как у вас там, у верующих? Бог дал, Бог

взял. – Он снова хихикнул, потер руки и обратился уже ко всем собравшимся: – Итак, о чем это мы с вами?

– Ультиматум, – подсказала каким-то мертвым голосом Ольга.

– Ультиматум, ультиматум, – почти пропел генерал. – А это уже не ко мне, знаете ли. Если помните, я с самого начала сообщил, что я бывший руководитель. Или, как это у вас там сейчас, – глава. А нынешний глава, исполнительный директор, шеф, босс – что там еще? – вот он, перед вами. Почтительно уступаю ей руководящее кресло. Прошу любить и жаловать – Ольга Львовна. Свою фамилию она мне так и не пожелала назвать. Выяснить не имел возможности. Поэтому просто Ольга Львовна. Объясняйте ей суть вашего ультиматума, а я, в силу своего весьма преклонного возраста, пойду баиньки. Я в это время всегда, знаете ли, почиваю. Для поддержания сил. Возраст, возраст, ничего не поделаешь. Давно мечтал передать бразды правления молодому, образованному, умному, современному человеку. Все не было кандидатуры, пока не появилась Оленька. Оленька бесфамильная. Характер у нее несколько нервный, но молодой красивой женщине это простительно. Это даже так и должно быть. Именно она категорически настояла не применять к вам никаких мер, которые по уставу спецпоселения положены в вашем случае. Мы были против, но она сумела доказать. Предъявила неопровержимые доводы. Поэтому слагаю свои полномочия и исчезаю. Возраст, знаете ли...

Он открыл какую-то незаметную дверь в стене и действительно исчез. В комнате воцарилась долгая томительная тишина.

Осталось нас пятеро. Ольга, продолжавшая неподвижно стоять около покинутого генералом кресла, Омельченко, я, Пугачев и человек, которого Ольга называла Егором Степановичем, а потом «убийцей».

– Он это всерьез или как? – шевельнулся наконец Омельченко.

– Если даже не всерьез, нам-то что до этого, – задумчиво произнес Пугачев, поднимаясь со своего места. – Насколько мне известно, его никто не уполномочивал ни занимать эту должность, ни передавать ее по наследству. Поэтому все эти эффектные жесты из ранга мало что значащих условностей. Не так ли, Ольга Львовна? Мне кажется, вы тоже не принимаете всерьез это свое назначение? Разрешите, кстати, поблагодарить вас за то, что вы так активно защищали наши интересы.

– О ваших интересах я пока не имею ни малейшего понятия, – неприязненно посмотрев на представителя РУБОПа, сказала Ольга, опускаясь в генеральское кресло. – Я защищала людей, которые по неосторожности или глупости попали в смертельно опасное положение. Я предлагала вас просто отпустить, а вы стали угрожать своим дурацким ультиматумом.

– Ну почему же дурацким, Ольга Львовна? – вкрадчиво и, казалось бы, очень доброжелательно не согласился Пугачев. – Вы можете изучить мои документы. Я вполне уполномочен делать подобные заявления. Наш отдел уже достаточно давно занимается изучением обстоятельств, сбором сведений. Сейчас вот конкретно приступили к оперативной разработке. И то, что мы находимся здесь, это, знаете ли, результат. Скоро сюда придут остальные наши люди...

– Как только сюда придут остальные, как вы выразились, ваши люди, все это взлетит на воздух вместе с вами, нами и вашими людьми. Он готовился к этому много лет. Егор, расскажи им. Тебе они поверят скорее, чем женщине, у которой не в порядке нервы.

– Ну, рассказывай, – поторопил Егора явно встревоженный Пугачев.

– Так она все вам сказала. Линять вам надо отсюда со скоростью бежать бегом. Если рванет, за сто километров мало не покажется. Лет двадцать взрывчатку копили на подобный случай. Рванули бы раньше, так у него все еще надежда имела.

– Какая надежда? – так и вскинулся Пугачев.

– Тут, когда еще лагерь был, по миллиону, а то и больше в заначку каждую неделю закладывали. Понятное дело, не деньгами, а чего посерьезней. Говорил – на восстановление родной страны от преступной халатности и бесхозяйственности. Сколько у него этих миллионов набралось, никто, понятное дело, не считал. Только когда у вас там бардак начался, больше он о светлом будущем даже не заикался.

– Так он сейчас что? Действительно покемарить исчез или как? – не выдержал нарастающего напряжения Омельченко.

– Кто ж его знает. Может, и так, а может, совсем в другом направлении. Полагаю, они с Донатосом вторую линию сейчас переходят.

– Ясненько! – Омельченко явно оживал от недавнего оцепенения. – За сто километров, говоришь, мало не покажется? Значит, пока они на сто километров не отвалят, успеем все разминировать к чертовой матери. А мы с Алексеем следом за ними рванем. Не думаю, что они на ноги легче. Один чуть живой, другой, хоть и медвежатный с виду, шагает не так, чтобы в ушах свистело. Убедился по совместному передвижению.

– Ошибочка, уважаемый, – не согласился Егор Степанович. – Донатас передвигается дай бог каждому. Не побежишь бегом, будешь позади окурки собирать. А что вовсе хуже, так лучше его по здешним лабиринтам, разломам и прочим природным явлениям ни одна душа в мире передвигаться в нужном направлении не сможет. Так что полная дохлятина за ними вдогонку. И не отыщешь, и не поспеешь.

– И отыщу, и поспею, – уверенно заявил Омельченко. – Вы мне только Карая предоставьте, остальное моя забота. Я вам вашего генерала за пазухой принесу. За второго не ручаюсь, поскольку неразговорчивый больно, а генерала доставлю. Пусть по закону, как положено, ответ держит. А вы пока разминируйте, если все так, как нам тут изложили.

– Кто будет разминировать?! – взорвался Пугачев. – Я? Она? Карай твой? Связи никакой, ракетницу в пещере оставил. Выбраться отсюда – голову сломаешь. Предъявили ультиматум!

– Выбраться отсюда – я вас часа за три к вашей будке выведу, – усмехнулся Егор Степанович.

– Какой будке?

– Ну к этой, научной. Где весь этот бардак завязался. А вот насчет этого... Как его? Карая, что ли? – не знаю. Кто такой будет?

– Это они Серого Караем зовут, – вмешалась Ольга, до того сидевшая в оцепенении, опустив голову на руки. – Нет его. Еще вчера убежал куда-то. Я звала, звала – бесполезно.

– Ясненько, – так и сел Омельченко. – Значит, не будет вам генерала. А я уже губу раскатал. Может, вернется, почует хозяина?

– Побежал вдоль хребта. А когда он туда убегает, то это на несколько дней. Не знаю, что у него там за дела, но это уже не в первый раз.

– Ясненько, – тоскливо пробормотал Омельченко. – Мужик он самостоятельный, не спросишь. Получается в таком случае – рвать

надо отсюда, и поскорее.

– Сделаем, – сказал Егор Степанович. – Интерес вот только у меня имеется насчет одного обстоятельства. – Он повернулся к Омельченко. – Это вас я тогда в пещерке, проходной нашей, подстрелил неудачно? Сам не соображу, как получилось. Вроде попал, а поплыл, слышу, как живой – руками машет, матерится, отплевывается. Ну, дела, думаю, обидел мужика. Оружие потерял, переживать будет. Так я карабин ваш достал, смазал, Донатосу отдал. Возверни, говорю, чтобы без обиды было. Возвернул?

– Было дело, – еще больше расстроился Омельченко. – Золотишко тоже ты собрал, которое я там заныкал?

– Чего ему там зря под ногами валяться. Еще кто-нибудь забредет. Я его второй раз, считай, спасаю. Амбал, тот, который на Ольгу Львовну с ножом, его в реку хотел. Еле поспел. Я его опосля вас полностью собрал, в том рюкзаке и находится. Ольга Львовна говорит, вернуть надо. Так что можете забирать.

– Стрелял-то зачем?

– За Ольгу Львовну испуг был. От одного избавились, другой с оружием объявился. Я ж не знал, какие у вас намерения.

– Ладно, проехали.

– Рыжье вернуть или как?

– На хрена оно мне. Я его в качестве доказательства хотел. Теперь, когда все в курсах, мне Карая бы отыскать. А то еще под взрыв ваш угадает. Куда, говоришь, он рванул?

– Если честно, в неизвестном направлении, – вмешалась в разговор Ольга. – Он у нас пес вольный, самостоятельный. Есть, правда, места, в которые он ни за что идти не хочет. Я в них тоже не хожу. Имеются тут такие места. В них только Донатас может. Наверное, потому, что здесь родился.

– Здесь? – удивился я.

– Его мать, – показала Ольга на портрет женщины. – Она умерла, когда ему было пять лет. С тех пор заботу о нем взял на себя генерал. Донатас считает его отцом.

– А настоящий отец?

– Погиб до его рождения. Подробностей не знаю. Кажется, он был литовец или латыш. Поэтому его так называли. Станный он, конечно. Хотя тут все странные. Тут нельзя не быть странным. Природа

здешняя не позволяет. А Донатас такой же свободолюбивый, как Серый. То есть Карай. Не смогу привыкнуть. Пусть он для меня так и будет Серый. Донатас не слушает никого, кроме генерала. Да и то...

Резко отодвинув и чуть не уронив стул, поднялся Пугачев:

– Если вы действительно все серьезно насчет минирования, нам надо немедленно уходить. Выйдем к реке, я дам сигнал, мои люди свяжутся по рации, вызовут саперов...

– Вы только погубите и их, и всех остальных, – оборвала его Ольга. – Разминировать невозможно.

– Прилетят лучшие специалисты.

– Пока они прилетят, здесь уже никого и ничего не будет. – В голосе Ольги зазвучали истерические нотки. – Он мне объяснял, но я ничего не поняла. Что-то очень сложное. Какая-то особая схема. Он хотел, чтобы не осталось никаких следов, никаких доказательств.

– Выходит, ваше назначение его преемницей фикция, жестокая шутка?

– Он не любит шуток. Если вы действительно хотите уходить, мне надо кое-что вам передать. Минут через десять вернусь.

Подав какой-то знак Егору Степановичу, она направилась к выходу. Тот шагнул было следом, но Пугачев преградил ему дорогу.

– Егор... Степанович, кажется? Вы пока побудьте здесь. У меня к вам несколько вопросов.

– Он мне нужен, – остановившись в дверях, резко сказала Ольга.

– Нам он тоже очень нужен. Без него, насколько я понимаю, мы отсюда не выйдем.

– Если я ему прикажу, вы не выйдете отсюда ни с ним, ни без него.

– Ну, зачем вы так, Ольга Львовна? – Пугачев снизил тон до примирительного, почти ласкового. – У нас с вами сейчас общая цель. И если честно, я не хочу рисковать. Кто знает, какие еще тут отыщутся неожиданности и загадки.

– Борисыч, – неожиданно вмешался Омельченко. – В конце концов, она здесь пока хозяйка, а не ты. Оставь женщину в покое. А Егор мне еще золотишко обещал вернуть. Мне же надо майору что-то на стол положить. А то так и будет думать, что это я рюкзачок умыкнул.

– Майору? Вы сказали, майору? – неожиданно остановилась уже было переступившая порог Ольга. – Вячеслав Евгеньевич совсем

недавно говорил о каком-то майоре.

– Что говорил? О чем? Вы не перепутали? – торопливо стал задавать вопросы Пугачев. Видно было, что слова Ольги его чрезвычайно заинтересовали и взволновали. Он подошел к ней и придержал за локоть. – Вы обязательно должны вспомнить. Это очень важно.

– Вспоминать, собственно, нечего. Просто он помянул майора в очень неприязненном контексте. Матом и без всяких подробностей.

Неожиданно по всему лагерю включились динамики.

– Раз-два, раз-два, – проверяя связь, зазвучал голос генерала. – Хочу воспользоваться возможностью попрощаться со своим спецпоселением и с вами. Ждал этого момента много лет. Кстати, забыл поинтересоваться, как вам моя зона? Единственная и неповторимая. Не было такой и теперь уже не будет. – Генерал закашлялся, словно ему перехватило горло. – Между нами – горжусь! Знаете, сколько за все эти годы разведано, найдено, добыто? Прежней стране хватило бы на десятилетия. Построить города, заводы, электростанции. Думаете, преувеличиваю? Нисколько. Несколько лет назад я решил написать письмо Генеральному секретарю, в котором изложил всю нашу эпопею и просил взять на учет огромные материальные ценности и сделанные нами за эти годы открытия. А взамен воздать должное людям, которые смогли все это претворить в жизнь, сделать реальностью. Да, они были зэками, но здесь они не считали себя заключенными, потому что были свободны. Да, они не могли покинуть зону, но они знали, что они работают на страну, на народ, на будущее. А сейчас все изменилось. Если бы они были в курсе моего сегодняшнего решения, они бы одобрили его. Потому что великой страны не существует. Остались обломки, на которых копошатся жалкие жадные потомки, озабоченные лишь одним: потреблять, воровать, покупать, продавать, дожирая последнее, что еще осталось. Такой стране не нужны сокровища моей зоны. Они прожрут и пропьют их быстрее, чем вырастет трава на последних наших могилках.

Согласен, наша система была жестокой. Но она была правильной. Потому, что она думала о будущем и работала на него. Поэтому был народ. Сегодня нет народа – и теперь уже никогда не будет. Матери, которые выбрасывают своих новорожденных младенцев на помойку,

чиновники, которые обездоливают детей и убивают стариков, отнимая у них последние крохи, продают за границу свои леса и недра, безликое население, разворовывающее все и вся, – это не народ. Как в Дантовом кругу ада оно будет пожирать само себя, пока окончательно не сгинет, не оставив о себе даже памяти. Некому будет оставлять. Потомков не будет.

Думаете, наверное, сейчас – нахал генерал из своей сокровищницы и подался за оставшимся хвостиком счастливой и сытой жизни, подальше от своей зоны. Можете верить, можете не верить – все на месте до единого камушка и крупинки. Единственное, что прихватил с собой – бюстик вождя, сделанный по моему личному указанию. Помните, Ольга Львовна, он всегда стоял на моем столе. Все остальное оставляю там, где и было. И, слава богу, что никто теперь этим не воспользуется.

Алексей Юрьевич Николаев, мне понравилось, что вы верите в Бога. Егор рассказал, что вы перекрестились, входя в наши пенаты. Правильно сделали. Почувствовали грядущий Апокалипсис. До него вам остается всего два с половиной дня. Посоветуйте вашим товарищам не предпринимать абсолютно никаких действий, иначе не останется и этих двух дней.

Ольга Львовна, вы единственная, о ком я искренне пожалею. Но вы сами выбрали то, что выбрали. Не повезло вам в этой жизни. Прощайте.

Гул и треск помех динамиков, которыми была заполнена, казалось, вся зона, на время смолк, а через минуту зазвучало «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...»

– Он что, серьезно? – с интонацией безмерного удивления от услышанного сказал Омельченко. – Народ-то ему чем насолил? Жил здесь, как хотел, кладбище вон на полгектара устроил, бюстик спер. И еще разоряется. Генерал задрипаный!

– Сам себе повышение раз в два года организовывал. Пока до генерала не дослужился. Хватит, говорит, а то в нескромности обвинят, – прокомментировал нелестный омельченковский отзыв о генерале Егор Степанович.

– Зря, Егор, я твоему совету не последовала, – сквозь слезы сказала Ольга. – Тогда еще надо было...

– Надо было, – согласился Егор. – Улетело – не воротишь. Только вы, Ольга Львовна, не расстраивайтесь. Вас я в любом случае на волю без всяких осложнений доставлю. Насчет товарищей сомневаюсь, а вы женщина легкой комплекции. Россомаха там запросто проходит, вы тоже проникните.

– Уверены, что есть такая возможность? – оживился Пугачев.

– Был бы не уверен, не говорил.

Наконец и я очнулся от всего виденного и слышанного.

– Есть предложение, – бодрым тоном начал я излагать только что пришедшие мне в голову мысли. – Путь через хребет у нас в любом случае остается. И если Ольга Львовна сможет другим путем, то мужики уж как-нибудь. Экипируемся соответственно и бегом. Наверняка не такой уж он непроходимый, этот хребет.

– Сгодится как запасной вариант, – поддержал Пугачев.

– Можно два слова старому ээку спецпоселения? – вмешался Егор Степанович. – Для уяснения, что и как.

– Излагай, – разрешил Пугачев.

– В ту сторону у нас никогда даже охраны не было. Гуляй, если такая потребность появилась.

– Гуляли?

– По первости очень даже много желающих находилось.

– Результат?

– Через два-три дня, самое большее – четыре, назад бегом. На любое наказание соглашались, только бы в барак, на нары, на старое место допустили.

– Интересовались, что там с ними такого особенного происходило?

– Как не интересоваться. Так они и сами не знают. Никак невозможно там находиться – и все дела.

Пугачев надолго задумался.

– Оставляем хребет как запасной вариант. Еще предложения будут?

– Считаю, – снова сорвался я с места, – у генерала имеется какая-то связь. Он сказал, что регулярно слушает новости. Значит, кто-то сделал ему связь! Потом смотрите – книги, словари совсем недавнего выпуска. Продукты, лекарства наверняка тоже кто-то поставляет. Не подножным же кормом вы здесь питаетесь.

– Кстати, о птичках, – ворохнулся Омельченко. – Сутки уже во рту ни крошки. Недаром мне Надежда снилась. У вас когда тут обедают? Ну хотя бы перекус какой?

– Насчет пропитания полный порядок, – стал объяснять Егор Степанович, с явным удовольствием взявший на себя роль местного старожила и всезнающего гида. – Тушенки, сгущенки лет на десять хватит при наличном населении. Мучица там, рожки-макарошки тоже имеются. Причем прошу заметить – сколь лет хранятся, а все свежак. О червяках, мухах и прочей фигне мы тут понятия не имеем. Полная эта... стерильность. Деньков за пять до вашего ультиматума лосятиной разжились. Донатас расстарался. Ему какую дичь не закажи – как в ресторане. Тика в тикю. Ольга Львовна насчет ягоды и других там витаминов полностью обеспечивала. Так что питание, как на курорте – живи-не хочу.

– Ну что ж, едой мы на эти два дня во всяком случае обеспечены, – мрачно пошутил Пугачев. – Алексей, ты, кажется, хотел докончить свою мысль?

– Надо искать рацию, – уверенно заявил я. – Не может быть, чтобы без связи.

– Вот мы этим с тобой сейчас и займемся, – решил Пугачев. – А наши коллеги по временному заключению подготовят что-нибудь съедобное, не очень обременительное для готовки. Время, как вы все понимаете, нам надо сейчас ценить и беречь.

* * *

– С чего начнем? – довольно бодро начал я, пытаюсь открыть дверь в комнату, в которую исчез генерал.

– Считай, уже начали, – подойдя ко мне, сказал Пугачев и изо всех сил пнул запертую изнутри дверь. Дверь, явно не рассчитанная на применение грубой физической силы, выворотив петли, упала внутрь, уронив стоявший посередине комнаты стул, и мы вошли, судя по всему, в генеральскую опочивальню. Поскольку в комнате никого не оказалось, окон и никаких других дверей не было, пришлось внимательно оглядеться, отыскивая загадку исчезновения генерала. Треть помещения занимала низкая тахта, покрытая пушистым пледом,

а на низкой тумбочке у тахты расположился суперсовременный японский приемник с огромным количеством диапазонов и вещающих на всех языках мира станций.

– Что и требовалось доказать, – подвел я итоги беглого осмотра, показав на приемник. – Поставки имеют место быть.

– Странно другое, – задумчиво сказал Пугачев. – Мои ребята несколько раз пытались включить похожую игрушку – молчит, как рыба об лед. В районе озера чирикает, но весьма ограниченно. Мы потому туда и перебазировались. Без связи операция обречена. Посмотрим, как здесь...

Он включил приемник, и тот бодро отозвался десятками голосов и музык.

– Расположен в месте силы, – нашел я единственное объяснение и на вопросительный взгляд Пугачева добавил: – Долго объяснять, да и не смогу. Тупой я пока в этих вопросах. Примем как должное и продолжим наши поиски.

Я приподнял подушку на тахте. Под подушкой лежала книга «Новейшая история России». Я знал, что она появилась в продаже лишь в самом начале этого года, и, протянув ее Пугачеву, ткнул пальцем именно в год выпуска.

Книгу внимательно читали. Из нее торчало множество закладок, многие страницы были подчеркнуты и перечеркнуты. Интерьер комнаты дополнял небольшой письменный стол с висевшей над ним картиной Нестерова «Русь уходящая». Ее наличие здесь, честно говоря, весьма меня удивило и даже привело в некоторую растерянность, слишком уж она совпадала с недавними высказываниями генерала. Пожалуй, стоило над этим задуматься.

Пугачев, осмотрев тем временем все закутки и стены в поисках возможных тайников и запасных выходов, подтолкнул меня в бок:

– Ты чего стоишь, как мешком стукнутый?

– Размышляю.

– А чего тут размышлять? Ноу тут рации. Двигаем дальше. Окон тут тоже ноу. Значит, где-то должен быть запасной выход, через который они и сделали ноги.

– Очень просто, – сказал я, поднимая упавший стул и пристроив его на то же место, где он стоял, пока его не сбило упавшей дверью.

В потолке под стулом, почти незаметный в деревянной обшивке, был замаскирован люк. Став на стул, можно было легко до него дотянуться и открыть, что я и сделал. Судя по всему, генерал, в силу своего почтенного возраста и невысокого роста, вряд ли мог подтянуться и забраться наверх. Он просто поднял руки, и Донатас легко поднял его. После чего они осторожно закрыли люк и через чердачное окно выбрались наружу.

Комментируя, я проделал весь этот путь и спрыгнул на землю.

– Генерала здесь подхватил на руки Донатас, – закончил я и придержал спрыгнувшего следом Пугачева.

– Алексей, ты же прирожденный сыскарь! – хлопнул тот меня по плечу. – Кончится все благополучно, возьму тебя в свой отдел. Нечего тебе дурака валять с какими-то птичками. Нам такие, как ты, позарез.

– Спасибо, конечно, за предложение, только это не я. Просто здесь место силы. Генерал недаром устроил тут свой кабинет и спальню. Если это не так, то не знаю. По-моему, столько, как он, не живут.

– Что-то на меня эта сила не действует, – не согласился Пугачев. – Да и на остальных, по-моему, тоже. А насчет «живут – не живут» – сколько ему, думаешь?

– Наверняка за сто.

– С тридцать первого года. Считай.

– Откуда вы знаете?

– Выберемся – расскажу. Многого я, правда, пока еще не знаю, но кое до чего мои ребята уже докопались. История, достойная анналов. Весьма поучительная, кстати.

– Куда дальше? – спросил я, ощущая, что и меня начинает доставать чувство почти нестерпимого голода.

– А что твоя сила вещает?

– Вещает – есть хочу.

– Моя тоже. Только давай пробежимся вон до того скворечника. Я его еще в прошлый раз засек. Все ломал голову, как они его туда затащили. Потом понял, соорудили на месте из подсобных материалов.

– Видите, и на вас место силы начинает действовать.

– Потом разглядел – провод. Смотри, вверх по скале. Замаскировали. Потом на лесину. Видишь?

– Не вижу.

– Глаз на такие прилады не набит. А вот поперечину они грубо приколотили. И вообще место неудачное. Открыто для связи только в одном направлении.

– Так ему, наверное, только в одном и надо было.

– Может быть, может быть. Направление, между прочим, на наш поселок. Поэтому беру свои слова обратно. Очень точная точка. Со всех сторон гольца, а здесь, пожалуйста – коридорчик.

– Думаете, здесь рация?

– А вот сейчас и поглядим.

Войти в помещение, которое Пугачев назвал скворечником, на первый взгляд оказалось делом весьма сложным. Одной стороной «скворечник» был словно впаян в отвесную стену скального обрыва гольца. Другая его сторона была цельнометаллической, без малейших признаков какой-либо двери или окна и была поднята довольно высоко над землей. Без приставной лестницы добраться до нее не представлялось возможным.

– Раз ни спереди, ни сзади, ни по бокам, значит, или сверху, или снизу, – поразмыслив, сделал вывод Пугачев и, слегка согнувшись, зашел под загадочное помещение. – Что и требовалось доказать, – довольно констатировал он, потянув вниз за свисавшую веревку складную лестницу, по которой поднялся к почти незаметной двери, легко открывшейся от первого толчка. – И это уже настораживает, – прошептал он, осторожно заглядывая внутрь. – Либо мы опоздали, либо это с какой-то целью, о которой мы пока понятия не имеем.

– Либо рации тут никогда не было и скворечник предназначен для каких-то других целей, – поднимаясь следом, не удержался я от скептического замечания, слегка обиженный тем, что инициатива поиска безоговорочно перешла к Пугачеву. И надо сказать, что теперь он вел его вполне профессионально.

– Да нет, вот она, голубушка! – радостно провозгласил открывший еще одну дверь Пугачев. – Странно... Даже не выключена. Торопился слинять?

Он подошел к рации и уверенно сел на место радиста. Рация была из последних, достаточно навороченных. Я с такими еще не имел дела. Можно даже сказать, в глаза не видел. И вообще, в отношениях с радиоэлектроникой старался придерживаться тактики салаги,

следующего советам старших и опытных товарищей. Тем не менее, когда Пугачев смело взялся за ручки настройки, пробормотав:

– Попробую связаться с ребятами, – я вмешался: – И, очень возможно, собьете диапазон, по которому генерал связывается со своим поставщиком или кто он там еще.

Пугачев отдернул руки от рации и даже отодвинулся от нее вместе со стулом. Тем более что рация вроде бы ожила. Искаженный расстоянием и помехами голос забубнил:

– Дед вызывает Серова, Дед вызывает Серова. Почему не отвечаете? Прием... – И некоторое время спустя: – Дед вызывает Серова...

– Под нашего Деда, сволочь, подстраивается, – неприязненно пробормотал Пугачев. – Ну, что делать будем?

– Давай ответим, – неуверенно посоветовал я.

– И сорвем операцию, – прошипел Пугачев, показав мне кулак.

– Так вы ее уже сорвали.

– Какого хрена! Почему? – продолжал шипеть Пугачев.

– Потому, что все пошло совсем не так, как вы планировали. Теперь надо все начинать заново. И еще мне кажется, что Дед – это Дед. Пустите меня к рации, Борис Борисович. Я ему отвечу.

Озадаченный и даже несколько ошеломленный моим ответом, Пугачев молча уступил мне свое место, и я смело вышел на передачу:

– Здравствуйте, Юрий Борисович. Говорит Алексей. Орнитолог, научный сотрудник. Помните, мы с вами встречались перед моим отлетом? Как слышите меня? Прием...

Я переключился на связь.

– Повторите еще, не понял. Повторите...

Голос был растерянный, неуверенный. Совсем не похожий на глубокий, уверенный, хорошо запомнившийся мне голос Деда.

– Говорит Алексей Николаев, орнитолог. В настоящее время нахожусь в спецпоселении генерала Серова, которое через двое суток он обещает взорвать. Как слышите? Прием...

– Черт побери! Лешка... Алексей! Передай ему немедленно трубку! Ничего он не взорвет! Передай ему трубку! Прием...

– Передать не могу, передать не могу. Он исчез. Взрыв через двое суток. Будем пытаться уйти через хребет. Передайте майору, мы нашли Ольгу и золото. Как слышите? Прием.

Я переключил рацию, но либо закончилось время связи, либо сели аккумуляторы – рация безнадежно молчала.

– Вот теперь ты мне стопроцентно сорвал операцию, Алексей Николаев, – подвел итог закончившимся переговорам Пугачев. – Если он передаст твои слова майору... – Он безнадежно махнул рукой. – Тебя оправдывает только то, что ты ничего не знаешь. Все действительно пошло не так. Эта чертова зона, этот генерал... У меня, у нас первоначально была совсем другая задача. Кто побег Башке и его шестеркам устроил? Кто старателей на золото вывел, о котором раньше никто понятия не имел? А он имел!

– Кто? – спросил я, зная, что ответа не будет.

– Тот, кто Башке наводку в этом направлении дал. Сделать это мог только один человек.

– Дед? – не веря самому себе, предположил я. – Он знал о лагере, вы сами только что слышали.

– О лагере он, судя по всему, действительно знал. А о Башке? О старателях? Да и не тот он человек. Я его неплохо знаю. Расследовал как-то дело о краже. Нашлась какая-то сволота, залезли в его квартиру, искали что-то. Так он не о деньгах, не о вещах беспокоился, а о каких-то книгах, записках. Такие, как он... Другой масштаб мышления. Скорее аристократ. Философ, если хочешь. Не зависай, не он. Головой ручаюсь.

– Тогда «некто», – вспомнились мне слова майора.

– Что «некто»? – не понял Пугачев.

– Придумал, воплотил. Случайности помешали. Это майор так считает. Его теория. Он уверен, что исправить ошибки помогут другие случайности. Омельченко, например, я, остальные, кто объявится.

– Это он сам тебе сказал?

– Да. Когда напутствовал в дорогу. Очень отговаривал. Хотя... – мне вспомнились старые сомнения.

– Что «хотя»? – нетерпеливо переспросил Пугачев.

– Хотя, мне кажется, очень хотел, чтобы я здесь оказался.

– Знаешь, – после довольно долгого раздумья вдруг оживился Пугачев. – А, пожалуй, не все еще потеряно. И если я еще хоть что-то понимаю в розыске, в самое ближайшее время надо сюда ждать гостей. Сюрпризы очень даже возможны. Пираты, например, зачем-то

нарисовались. И еще... Что-то начинаю сомневаться в угрозах генерала. Пустить под откос дело всей своей жизни...

– У меня тоже мелькнула такая мысль, – согласился я. Совпадение наших ощущений показалось мне проблеском надежды в тупиковой ситуации.

– Значит, что? – решил подвести итоги наших совместных размышлений Пугачев.

– Что?

– Удваиваем осторожность. В положении, в котором мы оказались, любая ошибка может оказаться последней. Это первое. Второе – зона полна неожиданностей. К ним надо быть готовыми. А для этого надо хорошенько подкрепиться. Пошли?

* * *

Обед, собравший нас всех вместе, получился на славу. На столе было все, что перечислял Егор Степанович часом раньше. И отварная лосятина, и огромная кастрюля макарон, заправленных бараньей тушенкой, крепкий чай на выбор – со сгущенкой или черничным вареньем. Ели молча, обильно. Только Ольга ограничилась одним чаем, да и тот пила явно нехотя, то и дело поглядывая на большие напольные часы, исправно отсчитывающие время в бывшей столовой штабного барака. Про то, что мы нашли рацию и даже пообщались с Дедом, мы пока никому не говорили. Омельченко только взглядом показал мне на тяжелый рюкзак, стоявший на полу у его стула. Егор Степанович часто поворачивался к Ольге, явно ожидая каких-нибудь распоряжений, которых до конца обеда так и не последовало.

– Друзья... – неожиданно громко, так что все даже вздрогнули, начал Пугачев, дождавшись, когда даже Омельченко отодвинул от себя опустевшую кружку. – Поскольку все мы находимся примерно в одинаковом положении, я предлагаю каждому из вас высказать сейчас свою точку зрения на то, что с нами со всеми произошло. Почему произошло? Что этому предшествовало? Какие-то незначительные на первый взгляд детали могут оказаться очень и очень важными. Начну с себя, потому что мой рассказ наверняка окажется гораздо пространнее ваших.

Итак, все мы в курсе, что здесь произошло. То есть не здесь, а на месте научного стационара два года назад. Но этому в общем-то локальному событию с жестоким криминальным исходом, предшествовал ряд других событий, довольно широко разбросанных по времени и, казалось бы, совершенно не связанных друг с другом. Но, тем не менее, как это только сейчас начинает прорисовываться, все они оказались звеньями одной цепи, которая соединила, я бы даже сказал, сковала нас с вами и теми людьми, которых мы сейчас наверняка будем упоминать в своих рассказах.

– Не лучше ли подумать о том, как разорвать эти звенья, а не пытаться их восстанавливать, – резко и недовольно сказала Ольга и снова посмотрела на часы. – В конце концов, с каждой минутой у вас оказывается все меньше и меньше времени для спасения.

– Вам, Ольга Львовна, насколько я понял, шанс на спасение в любом случае обеспечен. А вот наш шанс во многом будет зависеть от – скажем так – интерпретации тех событий, которые произошли как два года назад, так и во времени, отдаленном от нас десятилетиями. С одним из этих событий вы уже знакомы понаслышке, другие попытаемся сейчас восстановить, хотя наверняка не без некоторых изъянов. Надеюсь, что рано или поздно они будут полностью восстановлены.

– Валяй, – разрешил клевавший носом Омельченко и сладко зевнул. Но уже через несколько минут начисто позабыл про сон и теперь уже сидел, подавшись к рассказчику и широко раскрыв глаза.

– Начнем с пропавшего геологического отряда. История вкратце вам известная. Я продолжу ее с 1952 года, предпоследнего года десятилетнего срока отсидки его начальника, тяжело в это время заболевшего. Человек широко образованный, он понимал, что вряд ли протянет больше года, а то и того меньше, а как человек дополнительно образованный годами незаслуженного заключения, решил пойти на сделку с руководством лагеря, дав согласие за немедленное досрочное освобождение предоставить сведения об уникальном, богатейшем месторождении золота, как, впрочем, и других каких-то уникальных ископаемых. Их местонахождение знает только он один и в случае освобождения готов сопроводить туда соответствующих товарищей, способных подтвердить правдивость его показаний. Как это нередко у нас бывает, его заявление сначала попало

в руки не очень умного сотрудника, который усмотрел в нем неловкую попытку организации побега, не удосужившись даже ознакомиться с материалами его дела. Заявление было положено в стол и только через несколько месяцев попало на глаза более умному сотруднику, который отправился с ним к начальнику лагеря. Это был уже 53-й год. Страна скорбела, плакала, организовано митинговала. Но наиболее дальновидные всерьез задумывались о своем будущем, предвидя, что места в этом будущем для ГУЛАГа уже может не оказаться. Только что назначенный молодой начальник лагеря немедленно вызвал на допрос умирающего заявителя, который, в силу обострения своей неизлечимой болезни, никого уже не мог сопроводить и лишь от руки набросал не очень разборчивый план, возможная ошибочность которого на местности измерялась в десятках, а то и сотнях километров. Через несколько дней бывший начальник геологического отряда умер, так и не сообщив точного места своего уникального открытия. Но я еще раз повторяю, что новый начальник лагеря был молодым, амбициозным и, в общем-то, неглупым человеком. Затребовав личное дело умершего заключенного, он внимательно проштудировал материалы его допросов и скоро придумал остроумный, я бы даже сказал, необычный план, как найти и как полноценно воспользоваться замечательным открытием наших советских геологов.

– Фамилия этого начальника случайно не Серов? – не выдержал я.

– Очень даже возможно. Хотя в то время у него была совсем другая фамилия. Разрешите продолжать?

ГУЛАГ действительно стали в спешном порядке расформировывать. Лагеря закрывались один за другим. Одни исчезали бесследно, от других на долгие годы остались по всей Сибири вышки, бараки, колючая проволока и ведущие в никуда дороги.

Мне придется сделать небольшой временной пропуск, поскольку мы пока не знаем подробностей, как разыскали пропавший геологический отряд, как передислоцировался туда лагерь (по последним спискам в нем числилось почти триста человек). Как, не оставив никаких следов и документов, руководство лагеря долгие годы обеспечивало себя техникой, стройматериалами, взрывчаткой, специалистами, продуктами? И, самое главное, как они долгие годы

сохраняли абсолютную секретность своего существования и независимость от власти? Поистине феноменальный факт, не имеющий, смею утверждать, прецедента. Пока просто констатируем – лагерь здесь появился, существовал, добывал, и, как только что мы с Алексеем сейчас убедились, все-таки имел связи с Большой землей. Получал оттуда все, что запрашивали и, скорее всего, покупали его последние обитатели.

Теперь о другой цепочке. Вернее, о других звеньях одной цепочки. Я возвращаюсь к событиям двухлетней давности. С ними вы знакомы гораздо лучше. Но я попытаюсь рассказать сейчас о том, чего вы не знали и к чему мы, в частности отдел, который я возглавляю, подошел, можно сказать, вплотную. Перечисляю только факты. Первый – побег из строго охраняемого лагеря нескольких заключенных во главе с опасным бандитом-рецидивистом Григорием Жгуном по кличке Башка. Причем при полном отсутствии следов побега и результатов самых тщательных розыскных мероприятий. Что говорит не столько о хитрости и ловкости бежавших, сколько о продуманной, профессиональной помощи со стороны лагерного начальства. Пусть вас это не удивляет. Такое, к сожалению, случается, и мы к этому еще вернемся.

Факт второй – то, что случилось со старательской артелью. После долгой, явно сознательно заволокитиной процедуры по отведению участка для старательских работ, старатели, уже почти потерявшие надежду, вдруг получают разрешение на разработку совершенно неисследованного участка в верховьях маленькой речушки... В общем, вы знаете, о чем речь. Им ничего не остается, как согласиться. Вдаваться в подробности не буду. Семнадцать старателей убиты, Башка с похищенным золотом направляется к стационару, где неожиданно для себя встречает красивую женщину и где, как мы узнали несколько часов назад, погибает от руки Егора Степановича, одного из немногих оставшихся в живых заключенных давно не действующего, но продолжающего существовать лагеря. Это факты. А теперь нам придется прибегнуть к логике и догадкам, поскольку явных доказательств вины человека, организовавшего это преступление, у нас нет. Хотя то, что человек этот существует, факт несомненный.

Первое. Кто-то знал о месторождении и об участке. Мы обратили внимание, что очень приблизительные сведения о нем имелись только

в первых протоколах допросов начальника пропавшего геологического отряда. Протоколы эти находились в определенном ведомстве, и воспользоваться ими мог только человек, имеющий непосредственное отношение к этому ведомству. К сожалению, фамилия этого человека по небрежности или разгильдяйству, допускаю даже преступный сговор или подкуп, не была зафиксирована. Но первую, хотя и очень тоненькую ниточку мы все-таки заполучили. Я думаю, что именно отсюда берет начало первая стадия преступного замысла. Давайте рассуждать. Где-то находится золото, сам я добыть его не могу, нужны старатели. Если у старателей все сложится, нужны люди, которые у них это золото изымут. И он приступает ко второй стадии замысла – организовывает побег Башки и его шестерок. Наконец все сложилось. Башка заполучил золото, убивает по дороге всех своих поделщиков, чтобы не делиться, и выходит, преследуемый и загнанный, к стационару. Одна из самых сложных загадок, почему он шел именно сюда? Имелись куда более удобные, простые и гораздо легче реализуемые варианты ухода. Организатор плана не мог о них не знать. Был ли это расчет на то, что никому в голову не придет искать именно в этом направлении? Не исключено, потому что розыск вышел на след, можно сказать, случайно. Не исключено и то, что Башка вышел из повиновения (а это был человек далеко не глупый и самостоятельный в своих решениях). Он понял, что его ведут на поводке и рано или поздно заставят делиться, а то и вовсе ликвидируют на этапе обещанной дележки. Поэтому мог самостоятельно выбрать это направление по каким-то, только ему ведомым причинам, о которых мы, вероятно, никогда уже не узнаем.

Ну и я не исключаю вариант того, что наш, будем пока считать, «некто» откуда-то узнал о лагере, хотел внедрить туда Башку и затем с его помощью расширить свои замыслы совсем уже до невероятных пределов.

А теперь несколько слов о том, что случилось сейчас. Имеется в виду подоплека того, что случилось. Узнав о том, что Башка убит, а золото бесследно исчезло, что вы, Ольга Львовна, пропали или убиты, и что в одиночку ему с этим делом не справиться, да и организовать без очень веских причин выезд или вылет в эти места ему вряд ли удастся, этот «некто» решается на многоходовую и достаточно остроумную комбинацию. Я бы даже сказал, почти гениальную

комбинацию. Особенно, если она закончится так, как он планировал. Чего допустить мы просто не имеем права.

Пугачев, словно в нерешительности – продолжать ли, замолчал.

– Не томите! – не выдержала Ольга. Она слушала рассказ с горящими глазами, нервно, до побелевших косточек, сжав кулаки и совершенно перестав глядеть на так занимавшие ее прежде часы. – Я бы его своими руками задушила, кто бы он ни был.

– Прежде всего, ему надо было выяснить, кто убил Башку, куда делось золото, куда пропала женщина, то есть вы, Ольга Львовна. Поэтому выждав, когда все более-менее успокоится, он летом посылает на предварительную разведку двух, как их здесь называют, пиратов, посулив им полный и, конечно же, нереальный карт-бланш на найденное золото, если они, конечно, его найдут. От них требовалось только одно – подробно отчитаться обо всем, что они встретят и что с ними произойдет. Уже в самую последнюю минуту я подключил к ним своего человека, который однажды очень помог мне, подслушав в гостинице разговор о пропавшем лагере. Миссия этих засланцев закончилась бы трагически, если бы не затесавшийся в эти края местный охотник. Некто Хлесткин, который каким-то образом догадался или вычислил, что Петр Семенович Омельченко не смог бы за такое короткое время и тем путем, о котором рассказывал следователям, найти своего умирающего друга. Но главное даже не это. Во всех следственных протоколах осмотра места происшествия и трупа застреленного Башки значилась зажатая в его кулаке золотая сережка с изумрудом. Вещь удивительной красоты и изящества. Было решено, что он сорвал ее с пропавшей женщины.

Ольга побледнела и невольно прикрыла небольшой шрам на ухе.

– Это же подтвердил уже позже Голованов Арсений Павлович. Решили, что вторая сережка осталась на пропавшей женщине.

– Она потерялась, – тихо сказала Ольга.

– Совершенно верно. А нашлась она, вернее, обнаружил ее, говорит, что совершенно случайно, гражданин Хлесткин у Петра Семеновича Омельченко. Подробностей не знаю, но он настаивал, что ее легко будет найти при обыске.

– Вот же какая сволочь! – не выдержал Омельченко, соскочив со своего места. – Он же ко мне в баньку регулярно наведывался. Свою неохота топить – она у него и на баньку-то непохожа, халупа на курьих

ножках. Видать, карманы обшаривал, когда я пару поддавал. Я же его, как человека – и попарю, и стакашку никогда не отказывал. Вот не говорят плохо о покойниках, только гнилой был человек. Эту сережку Карай у меня сыскал. У входа в пещеру, где вы тогда, Ольга Львовна, в полном беспамятстве находились. Я ее Алексею показывал... Сейчас, сейчас... Совсем из головы выскочило...

Он зашарил по своим многочисленным карманам, извлек наконец сережку и бережно положил ее перед Ольгой.

– Спасибо...

Ольга накрыла ее ладонью, и из глаз ее потекли слезы. В эту минуту мне так стало ее жалко, что я тоже готов был своими руками задушить человека, так безжалостно сломавшего ее жизнь.

– Не знаю, как уж там они состыковались с Хлесткиным, но наш закулисный «некто» догадался, что Омельченко что-то знает о женщине, а, возможно, и о пропавшем золоте. И он решает действовать. Омельченко оказался единственной исходной точкой, оттолкнувшись от которой можно было докопаться, разузнать, что же все-таки тут произошло. Для этого надо было установить за ним пристальное наблюдение. Я не исключаю, что наблюдение за ним велось и раньше, но за все прошедшее с той поры время Петр Семенович так и не предпринял ни одной попытки проникнуть в этот район. Это, по-видимому, очень беспокоило и даже сбивало с толку нашего «некто». Тем более что он уже почувствовал определенное внимание к себе с нашей стороны. Надо было спешить. Тут очень кстати появляется молодой научный сотрудник, внимание к прошлым событиям в поселке оживляется, появляется странная женщина экстрасенс, заявляющая, что обязательно найдет пропавшую Ольгу Львовну и разберется в том, что тогда случилось. И в довершение всего убивают Хлесткина, который в своей предсмертной записке пишет, что Омельченко причастен к пропаже золота. Никаких конкретных фактов он не приводит, но уже одно то, что его убивают из карабина Омельченко, плюс эта предсмертная записка, ставят Петра Семеновича в точно рассчитанное безвыходное положение.

– Насчет Хлесткина я могу объяснить, – вмешался я. – Как свидетель.

– Интересно, но пока не надо. Исходим из имеющихся данных. Что остается Петру Семеновичу? Бежать. И либо самому пытаться

разобраться во всем, либо представить неопровержимые доказательства, что золото им не похищено, а пропавшая женщина, возможно, жива. В результате Петр Семенович благополучно исчезает из кабинета начальника милиции (согласитесь, достаточно странный факт) и оказывается здесь, на стационаре, где его уже поджидают как сотрудники моего отдела вместе со мной, так и получившие задание наблюдать, ни во что не вмешиваясь, люди из нашей поселковой милиции. Правда, не кадровые сотрудники, а известные нам Доцент и Хриплый.

– А «ваши» – это «подполковник» и «следопыт»?

– «Наши» – это старший лейтенант Руднев и следователь Лендов. Кто из них «подполковник», кто «следопыт», разберемся позже. Что происходит дальше. Доцент и Хриплый, очевидно по заданию своего прежнего нанимателя, похищают твоего «лаборанта» Кошкина и заставляют его караулить не столько появление Омельченко, сколько наблюдать за твоим, Алексей, поведением и перемещениями. Из чего следует, что нашего «некто» все-таки весьма насторожило твое внезапное появление и отказ, несмотря на уговоры и угрозы, не появляться на стационаре. В твоей элементарной преданности делу он стал подозревать двойное дно и, видимо, строго-настрого приказал своим наемникам не спускать с тебя глаз. Те задачу не поняли, считая тебя, Алексей, лохом, чуть ли не придурком, и предпочли с помощью Кошкина скарауливать одного лишь Омельченко, который, как они не без основания считали, приведет их к вожделенному золоту. Что из этого, в конце концов, получилось, вы в курсе. Сейчас наверняка и мои люди, и эти нештатные «сотрудники милиции» в полном недоумении, куда мы все запропали. Я думаю, что о факте нашей пропажи и те, и другие сообщили куда следует, поэтому в ближайшее время будут предприняты меры как с той, так и с другой стороны. В эфир по неосторожности Алексея прошло сообщение, что золото и пропавшая женщина найдены. Поэтому не исключаю, что к поискам пропавших скоро присоединится или уже присоединился «некто» третий.

– Толку-то, – проворчал Егор Степанович. – Кто нас тут отыщет? Вплотную подойдут – не увидят. Сверху тоже не видать. Я как-то на ближний голец поднимался – рукой подать, а ничего не разберешь. Куда ни глянь – камни сплошь и тени от них со всех сторон. Генерал

объяснял – закон продуманной маскировки, а наши толковали, что место близирное. То одно покажется, то другое.

– Понятно, – сказал Пугачев. Потом посмотрел на меня, на Омельченко и махнул рукой: – Пропустим. Насчет вас в курсе. А вот от Ольги Львовны хоть какие-нибудь сведения хотелось бы услышать. Судя по всему, с генералом вы как-то сумели найти общий язык. Он вам, кажется, даже свои сокровища показывал.

– Только обещал показать. Говорил, все мое будет, если я соглашусь всю оставшуюся жизнь здесь провести в качестве преемницы и хранительницы.

– Дорогая цена.

– Вовсе нет. Я согласилась. Кому еще я такая нужна?

– Мне кажется, вы себя недооцениваете.

– А здесь, если умру, то очень богатой и независимой. Какая, в конце концов, разница – умереть там, умереть здесь.

– Вы что, раздумали спастись?

– Представьте себе – раздумала. Не вижу смысла.

– Bravo, Ольга Львовна! Bravo!

Все невольно поднялись, я бы даже сказал, вскочили со своих мест. В столовую, как ни в чем не бывало, вошел генерал.

– Значит, я не ошибся, когда предполагал, что именно вы можете стать моей преемницей. Есть в вас эта, знаете ли, гордость, когда человек боится не столько своего одиночества, сколько унижения и беспомощности.

Генерал придвинул к себе ближайший стул и сел между нами.

Надо сказать, что на этот раз на нем был старенький, основательно пообтершийся китель с погонами капитана НКВД и всего двумя боевыми орденами. То же старенькое галифе и те же хромовые сапожки. Вряд ли он уходил в них далеко, они были по-прежнему начищены и блестели.

– Решили погибнуть вместе с нами, генерал? – облегченно вздохнул и даже улыбнулся Пугачев.

– Совершенно верно, товарищ Пугачев, – сохраняя строгое, я бы даже сказал, торжественное выражение лица, ответил генерал. – Согласен с Ольгой Львовной. Какая разница – умереть там, умереть здесь. Зато здесь я буду уверен, что не изменил своим принципам.

– Не поделитесь, в чем они заключаются? – посерьезнел и Пугачев.

– Если интересно, могу поделиться. Но сначала я хотел бы восполнить недостающую часть вашего увлекательного рассказа, которая касается нашего становления, нелегкого развития и постепенного умирания. Вы не против? Мне бы не хотелось, чтобы по этому поводу строились фантастические или криминальные предположения.

– Будем вам очень благодарны. Жалко, конечно, что об этом больше никто не узнает. История наверняка уникальная.

– Совершенно верно. И повторить ее никто и никогда больше не сможет. Слишком много действительно уникальнейших обстоятельств сошлось вместе для ее воплощения. Страна, время, люди, климат и, наконец, этот удивительный хребет, поднявшийся миллиарды лет назад на стыке двух проконтинентов. Пытался в свое время, когда был помоложе, разобраться. Читал какие-то сверхнаучные труды, но так, между нами говоря, ни черта не понял. Да и не в этом дело. Просто все удивительно совпало – страна, время, люди.

Я смотрел на генерала и не узнавал его. Передо мной сидел совершенно другой человек. С бесконечно усталым и печально-мудрым лицом. Он говорил, глядя куда-то поверх наших голов, словно видел то, чего не видели остальные. Изредка, не рассчитывая, наверное, на понимание, он, невпопад рассказу, чуть улыбался каким-то своим мыслям и воспоминаниям. Спohватившись, даже закрывал глаза и покачивал головой, когда рассказ, по его мнению, мог показаться нам совсем уж неправдоподобным.

* * *

– Начну с того, что сначала я не поверил всему, что наговорил на допросах этот несчастный начальник геологического отряда, павший жертвой своей излишней честности, щепетильности и не совпадающими со временем интеллигентностью и образованностью. Ведь он мог и не говорить о своем отряде, который не захотел возвращаться в нашу беспощадную эпоху социалистических преобразований. Сказал бы, что все трагически погибли, а он, мол, в

одиночестве, несмотря на трудности, голод, опасности, все преодолел и вернулся. Попал бы даже в герои, такие случаи бывали неоднократно. К тому же он так и не смог справиться с пораженностью своими открытиями. Рассказы его были пространными и неправдоподобными и во многом противоречили марксистско-ленинской философии. Скорее всего, именно поэтому сочли их не очень ловкой выдумкой для запутывания следствия.

Постепенно я увлекся и, как ни странно, безоговорочно поверил замученному бесконечными дурацкими вопросами геологу. Стал кое-что почитать, расспрашивал знающих людей. Место, откуда не захотел возвращаться отряд, стало мне казаться необыкновенным, а сказочные богатства его недр единственной возможностью поймать за хвост жар-птицу, вместо того чтобы быть уволенным в запас и закончить свои дни спившимся участковым милиционером в какой-нибудь сибирской Тмутаракани. Я представлял, как мы начнем выдавать на гора потоки золотого песка, драгоценных камней, каких-то невиданных прежде руд и минералов, что на месте нашего лагеря вырастет поселок или даже город, что наши имена будут звучать по радио, а фотографии печататься в газетах. Оставалось только точно определить место и перебазировать туда лагерь. Мне казалось, что в этом нет ничего сложного, стоит лишь обрисовать перспективы и представить доказательства. Между тем уже всюду шло расформирование ГУЛАГа. Лагеря закрывались один за другим, люди увольнялись, зэки амнистировались и зачастую оказывались выброшенными в никуда – без работы, без паспортов, с жалкими справками на руках об отбытии наказания, без места жительства и почти без надежды добраться за многие тысячи километров до мест, откуда они были этапированы. Вот-вот очередь должна была дойти до нашего лагеря. Я попробовал было сунуться со своими смутными предложениями к начальству, но оно послало меня гораздо дальше тех мест, в которых мы тогда находились. Помогла случайность. Старенький грузопассажирский Ли-2, курсировавший в то время между здешними немногочисленными населенными пунктами и попутно выполнявший заказы по заброске геологов и охотников, доставке почты и перевозке в областной центр документов из расформированных лагерей, весьма неудачно приземлился недалеко от того места, где мы с вами сейчас находимся. Ребята, молодые летчики,

недавние выпускники летного училища, чудом остались живы. Их положение было в сущности безнадежным. На сотни километров вокруг не было ни одного маломальского жилища, ни одного человека, который мог прийти им на помощь. Они это отлично понимали и готовились к худшему. Но человек неожиданно появился и привел ребят в странное поселение, где жили всего четыре человека – трое мужчин и одна женщина. Их накормили, подлечили и пообещали вывести к людям, если дадут слово никому не сообщать об их существовании. Ребятам ничего не оставалось делать, как согласиться. А чтобы их не очень допекали вопросами соответствующие органы, таинственные поселенцы посоветовали указать место падения в районе большого болота невдалеке от будущего поселка, из которого все вы разными путями добрались до нашей зоны. А чтобы наши потерпевшие выглядели как можно более безупречно, вручили им несколько самородков и образцов руды, которые они якобы обнаружили неподалеку от места своего падения.

Их действительно довольно активно допрашивали на первых порах, но случай был вполне обычный для того времени. Самолет летал на честном слове, а царившие тогда повсеместно суэта и неразбериха помогли не уделять особо пристального внимания обстоятельствам их падения, спасения и бесследного исчезновения самолета и груза. К тому же, доставленные в геологуправление образцы вызвали там настоящий ажиотаж. Составленные специалистами на их основе оптимистические прогнозы позволили впоследствии назвать одного из них первооткрывателем и даже отцом-основателем нынешнего поселка.

– Дед! – не удержался я.

– Да, молодой человек, сейчас его называют Дедом. А в то время он был даже несколько моложе вас. Может быть, не так образован, как вы, но так же нетерпелив и такой же не любитель следовать умным советам.

– Разобраться бы еще, какой умный, а какой не очень, – проворчал я себе под нос.

Омельченко ткнул меня в бок.

– Поскольку падение самолета произошло в пределах высчитанного мною круга возможного местонахождения пропавшего геологического отряда, а обстоятельства спасения, излагаемые

летчиками, кое в чем явно не соответствовали их физическим возможностям (тем более что один из них был при падении довольно серьезно травмирован), я насторожился и, прибегнув к элементарному шантажу, вытянул-таки у одного из них правду.

– У Деда?

– Нет, не у Деда. Этот второй, бывший, кстати, штурманом и хорошо ориентирующийся на местности, скоро снова попал в какую-то аварию, был списан по состоянию здоровья и немного погодя сломя голову бежал в края, по его мнению, более подходящие для жизни нормального человека.

Короче. Скоро, с помощью очень опытного и преданного мне за свое спасение человека, мы отыскиали это место и даже познакомились с его обитателями. Те к тому времени уже порядочно одичали и были совсем не против, чтобы на месте их необычного поселения появилось бы еще несколько десятков человек с перспективой появления в будущем небольшого поселка, который по наследству будет как можно меньше связан с официальной властью и прочими прелестями тогдашней жизни. Преданный мне человек (о котором надо сказать особо), без которого я, конечно, не осуществил бы и сотой части задуманного (а, скорее всего, вообще бы ничего не осуществил), был до войны крупным хозяйственным работником. Чуть ли не первым заместителем Народного комиссара (по нынешнему министра), и, по сути, один тянул на себе весь воз Наркомата. Однажды, не выдержав, он высказал своему руководителю все, что о нем думал. Соответственно, очень быстро попал под политическую статью. После долгих мытарств и переводов из лагеря в лагерь оказался в моем подчинении и стал совершенно незаменимым во всех моих хозяйственных и прочих делах. Как я его спас, рассказывать не буду. Скажу только, что мы понравились друг другу и даже подружились. Моя идея перебросить лагерь на место крохотного поселения потерявшегося геологического отряда заинтересовала его и понравилась чрезвычайно. Заинтересовала больше, чем меня самого. В моей заинтересованности, признаюсь, было больше эгоизма. Он же выстроил целую философско-хозяйственную, экономическую теорию существования автономного, независимого от общей политической и хозяйственной системы поселения, полностью обеспечивающего себя всем необходимым и способного постепенно сконцентрировать

огромный капитал для дальнейшего его использования в определенном направлении. Может, я не очень точно сейчас выразился, но суть приблизительно такая.

Его идея была чрезвычайно проста. Мы подготовили документы о передислокации лагеря к месту будущего месторождения. В тогдашней неразберихе кто-то из больших начальников и прежних знакомых моего теперь уже заместителя по хозяйственной части по пьянке подмахнул приказ, почти не глядя. Необходимые печати чуть ли не за неделю изготовили лагерные умельцы. Были у нас такие, которые не раз нас потом выручали...

– Санька Воробьев, – неожиданно хмыкнул Егор Степанович и добавил: – Тот еще артист!

– Воробьев, – согласился Генерал. – А прозвище у него было Герб. Потому что особенно любил резать республиканские и государственные гербы, отличить которые от настоящих не было никакой возможности. Действительно артист. Я бы даже сказал – народный артист. Он потом в нашем лагерном театре с огромным успехом исполнял женские роли.

Егор Степанович снова неопределенно хмыкнул.

– Мы быстро сформировали санный поезд с необходимой техникой и продуктами. Теперь предстояло самое трудное – объяснить всем остальным, куда и с какой целью мы двинемся в путь. То есть мы-то это прекрасно знали. Но теперь предстояло объяснить это заключенным, добиться, если хотите, их согласия на подобное перемещение. Не буду лукавить – я смотрел на это очень просто – зэк есть зэк, и пока его не освободили, он должен делать то, что ему приказано и положено по писанным и неписанным правилам мест, подобных нашему. Поэтому, куда и с какой целью мы направляемся, их не должно было касаться.

– Ну, хорошо, – не соглашался со мной мой, будем называть его, – Комиссар. – Давай додумаем ситуацию до конца. У всех этих людей разные сроки. Через некоторое время их надо будет освободить. Учти также, что у всех сейчас на слуху амнистия, а значит, предстоящая, как многие из них думают, свобода. Ты уверен, что на свободе они не расскажут, что с ними произошло? С заявами они, конечно, никуда не пойдут, но слухи, сам понимаешь, иногда бывают убедительнее доносов. К нам потянутся тысячи. Что мы будем с ними делать?

Хочешь не хочешь, придется объявляться властям. Идея сгинет на корню, результат предсказуем. Независимое мышление, а тем более существование, у нас не приветствуется.

– Что же делать, Комиссар? – спросил я.

– До окончательного ледостава у нас еще есть время. Подготовим сначала списки тех, кто будет освобожден в ближайшее время, и тех, от кого надо будет обязательно избавиться. Я тут предварительно кое с кем поговорил. Избавляться будем от стукачей, бандеровцев, воря и откровенных крысятников. Потом соберем оставшихся. Разрешите мне выступить перед ними.

– Отвечаешь?

– Отвечаю. В случае чего, вали все на меня.

– Нарисую вам картинку из того времени. Октябрь. Мороз нешуточный. Ветер. На плацу почти триста человек. Ежатся, недовольны, переминаются с ноги на ногу, переговариваются. Кое-какие слухи уже расползлись, но толком никто ничего не знает. Ждут. И вдруг – «Все в столовую! Будет разговор. Будем решать, как жить дальше».

– Быть или не быть? – выкрикнул кто-то из толпы эков.

– Верно! – крикнул в ответ Комиссар. – Быть человеком или остаться лагерной пылью, винтиком, строительным материалом неизвестно какого будущего.

В столовой он им подробно и красочно обрисовал место, куда не сегодня завтра двинется наш лагерь. Рассказал о наших планах добиться через несколько лет процветания, обосновал необходимость трудиться честно, усердно и заинтересованно, чтобы, когда наступит долгожданное процветание нашей, как он выразился, «особой производственной зоны», выйти всем вместе на окончательную и обеспеченную свободу. «С чистой совестью и почти незапятнанной репутацией». После чего предложил высказываться.

Что началось, я вам пересказывать не буду. Высказались, наорались, по-моему, все до единого. И по отдельности, и кучками, и бригадами, и отрядами. В общем, когда Комиссар предложил проголосовать, за наше утопическое предложение высказалась едва ли треть присутствующих. И то больше из интереса посмотреть, что из этого получится. Были среди них и те, у кого срок был посolidнее, и те, кто не захотел оказаться зимой на воле с липовой справкой об

освобождении, без малейшей надежды трудоустроиться или податься домой. Эти посчитали, и вполне резонно, что такая свобода равносильна смертному приговору. Большинство же проголосовало, чтобы оставаться на месте и дожидаться законной всеобщей амнистии, слухи о которой смущали обиженные эковские души надеждой на несуществующую справедливость.

– Черт побери! – не выдержал Пугачев. – Как же вы выкрутились?

– В общем-то очень просто. В два часа ночи я грохнул по столу табуреткой, на которой сидел, и дважды выстрелил в потолок. После чего произнес самую короткую в своей жизни речь:

– Не захотели по-хорошему, будет, как всегда. Встать! Разобраться по отрядам. Утром выступаем. За побег, саботаж, неповиновение – расстрел на месте. С половины пути конвоя не будет – побег оттуда равносителен самоубийству. Почему? – поймете сами. Все! Отбой! Это подействовало куда эффективнее, чем обращение к совести и обещание счастливой жизни.

Не буду больше грузить вас подробностями. Добирались мы до нашего распадка больше месяца. Комиссар организовал это, как десант к будущему месторождению, которое и сейчас еще находится в районе нынешнего поселка. Там мы оставили строительный отряд, человек сто, который начал строить первые дома и прокладывать просеку и дорогу к будущему разрезу в сторону, совершенно противоположную направлению, в котором продолжали двигаться остальные. Отряд этот уже со следующего года превратился в крупное строительное управление, руководил которым – правильно думаете – Комиссар. В этом строительном управлении долгие годы существовал филиал по перспективным разработкам будущих месторождений, через который исправно поставлялись в наш лагерь техника, взрывчатка, строительные материалы, консервы и прочие пищевые продукты, вполне достаточные для нашего нормального существования и работы. Как все это удавалось проворачивать Комиссару, понятия не имею. Причем многочисленные ревизии, зачистившие на первых парах в Управление, ни разу не высказали ни малейших претензий. Он был уникальным, универсальным руководителем и специалистом. Я бы даже сказал – гениальным. Его внезапная смерть – не выдержало сердце – стала страшным ударом для меня и для всех нас. Впрочем, к этому времени мы обладали уже достаточными средствами. Обжились,

обустроились, сумели почти полностью отгородиться от остального мира. Это все вы видели. Хочу только добавить, что за прошедшие десятилетия у нас не было ни одного побега. Хотя охрана у нас отсутствовала. Почти. Не бежали по двум причинам – боялись и не хотели. Как мы этого добились, думаю, вам не очень интересно.

– Вы сказали, что «почти полностью отгородились от остального мира». «Почти». Значит, какие-то связи вы все-таки поддерживали?

– Не без этого, – не сразу ответил Генерал. – Вы, по-моему, сами об этом уже догадались. Фамилий никаких называть не буду, теперь это не имеет абсолютно никакого значения. Это была связь с хорошими, сочувствующими нам людьми, и носила она в основном просветительский характер. Наши поселенцы могли расширять свой кругозор и повышать свое образование.

– И на хрена тебе теперь все это взрывать? – не выдержал Омельченко.

– Взрывать? Да, да, взрывать... – словно спохватился Генерал. – Это только на первый взгляд кажется бессмысленным. Когда-нибудь вы меня поймете. – Он встал и посмотрел на часы. – Впрочем, у вас еще остается вполне достаточно времени, чтобы удалиться на безопасное расстояние.

– Решили проявить милосердие? – выведенный из себя последними словами Генерала, ворвался наконец в разговор и я. – Кстати, как прикажете теперь к вам обращаться? Генерал Серов? Капитан Серов? Или еще как-нибудь?

Генерал, словно не поняв вопроса, долго смотрел на меня, потом усмехнулся:

– Зовите, как заблагорассудится. Не имеет значения. У меня к вам только одна просьба.

– Неужели мы вам можем быть еще чем-то полезны, Генерал? – не унимался я, испытывая одновременно и раздражение на старика, и пронзительную к нему жалость.

– Почему бы нет? У меня будут даже две просьбы. О второй я скажу позже. А сейчас хочу попросить вас на прощание распить со мной бутылку старого массандровского портвейна. Надеюсь, вы не откажете старику. Я дал себе слово открыть ее, когда все будет окончательно решено. Окончательно и бесповоротно. Как сейчас. Пить одному как-то не по-русски. Подождите минуточку, я быстро...

Старик, поскрипывая хромовыми сапожками, вышел из столовой.

– Ну и что будем делать? – обращаясь почему-то к Ольге, спросил Пугачев.

– Почему вы спрашиваете об этом меня? – удивилась она. – Я же сказала – я остаюсь.

– Глупо! – пристально посмотрев на нее, припечатал Пугачев. – Простите, не выношу женских истерик.

– Да мы вас... Мы вас на руках! – заорал Омельченко. – Еще не хватало – мужики спасаются, а бабы... простите – женщины, остаются. Да нас, когда узнают... Мне потом ни на работе, ни дома не появляйся. Надежда точно на развод подаст.

– Могу дать расписку, что остаюсь добровольно и в сочувствии не нуждаюсь, – довольно холодно прореагировала Ольга на возмущение Омельченко.

Повисла неловкая пауза. Сидевший до этого, низко опустив голову, Егор Степанович, не глядя ни на нас, ни на Ольгу, сначала неразборчиво, потом все более отчетливо и громко вмешался в наш разговор.

– Я красивые слова говорить, конечно, не научен. Кому их было говорить? С четырнадцати лет по кэпэзухам да по тюрягам. Здесь вот столько лет отмунтулил. Считай не считай, в полном почти объеме. Хорошо здесь место такое, силы дает. А то где бы я уже находился. Я что вам скажу, Ольга Львовна... Вы и сами в курсе, что и как. Зря вы так-то с собою... Только у меня понятие такое – как вы, так и я. Зарок у меня такой, как только вы у нас появились. Мне только в радость будет так-то сгинуть.

– Спасибо, Егор. Я знаю, – сказала Ольга и поднялась. – Пойду, помогу Вячеславу Евгеньевичу, а то он опять куда-нибудь исчезнет. Есть у него такая слабость – исчезать и появляться.

Она вышла из комнаты, и мы остались вчетвером.

– Не соскучишься, – проворчал Омельченко. – Голова уже кругом. То одно, то другое. То ли бежать, то ли стоять, то ли ложиться и помирать.

– Передумает, – не очень уверенно сказал Пугачев. – Помирать никому не охота. Было бы за что.

– За что – она бы не стала, – хмуро объяснил Егор Степанович. – Ей жить неинтересно. Такое у ней состояние души в настоящее время.

– Надо переубедить, надо доказать, надо... надо... – пытался я найти слова, которые могли, по моему мнению, что-то изменить, исправить.

– По какому поводу столь бурная дискуссия? – спросил вошедший с бутылкой в руке Генерал (я, наверное, так и буду называть его «Генералом», несмотря на обнаружившиеся фамилию, имя, отчество и настоящее, так сказать, исходное звание). В другой руке Генерал держал небольшой, стандартный, настольного размера бюстик Ленина, отлитый, по словам Омельченко, из чистого золота. Следом вошла Ольга с небольшим подносом, уставленным стаканами. Генерал поставил бутылку на стол, жестом попросил Егора Степановича разлить ее содержимое по стаканам. Тот молча стал разливать.

– Я бы чего-нибудь покрепче, – недовольно поморщился Омельченко. – В прошлый раз вы мне супер спиртягу поставили. С первого глотка вырубился. Первый раз в жизни со мной такая оказия. До сих пор неудобно.

– Кто прошлое помянет... – улыбнулся Генерал. – А вырубаться я вам сейчас категорически не советую. Прошлый раз вас Донатас на нары доставил, а сейчас самому придется, ножками. Ошиблись мы тогда с Донатосом. Думали, после того путешествия, если живым останешься, по кругу нас обходить будешь. А вы вот целой кучей пожаловали. Урок не впрок. Впрочем, я не в претензии, не хотите – не пейте. Остальным все-таки предлагаю. Массандра шестьдесят восьмого года. В память о моем Комиссаре. Кстати, это будет вторая моя просьба. Я считаю, что этот человек вполне достоин, чтобы память о нем все-таки осталась. Хотя бы мемориальная доска. Нет, не здесь. Здесь, как понимаете, это не имеет смысла. В поселке, где он умер и похоронен. Запомните, пожалуйста: Иосиф Абрамович Зельманов. Год рождения 1901. Смерти – 1966. Давайте выпьем это прекрасное вино за его светлую память.

Все молча выпили.

– А этот бюст нашего вождя вы можете использовать для оплаты расходов по изготовлению, установке, и что там еще полагается.

И он почему-то протянул этот бюстик мне. Все остальное время я так и простоял с этим бюстиком в руках.

– Так о чем у вас была, если не секрет, дискуссия? – посмотрев на часы, спросил Генерал.

– Ольга... Ольга Львовна решила остаться, – начал я, еще не зная, что скажу в следующую минуту. – Здесь, с вами.

– Я всегда говорил, что она гордая женщина. И мужественная.

– Это – не мужество! – заорал я, кидаясь очертя голову в неизвестность. – Это отчаянье! Это страх!

– Не усматриваю логики, – нахмурился Генерал.

– Она боится. Боится, что никому не будет нужна, что все считают ее уродом. Она сама говорила. Ну, скажите, скажите вы ей! Вы же все видите, какая она красавица. Эти шрамы такая ерунда.

– Сразу видно, что вы совершенно не разбираетесь в женщинах, молодой человек, – неожиданно улыбнулся Генерал. – Для вас – ерунда, для женщины – трагедия. Конечно же вы правы. Она – красавица.

– Перестаньте! – крикнула Ольга. – В конце концов, это мое право выбирать... судьбу. Всю жизнь я зависела от обстоятельств, которые вертели мной, как хотели. А я только делала вид, что сопротивляюсь или подчиняюсь им. Не хочу никому и ничему подчиняться. И потом... Почему вы решили, что я собираюсь умирать? Вячеслав Евгеньевич, вы же передумали все это взрывать? Передумали? Я права?

Генерал допил оставшееся в его стакане вино и тихо сказал:

– Вы еще и мудрая женщина, Ольга. Можно, я буду называть вас по имени? Раньше вы мне этого не разрешали. За годы нашего многолетнего мужского одиночества мы здесь отвыкли от женских слез, женских капризов, женской интуиции. Нет, я еще не передумал.

– Вы не имеете права! – закричал я. – Если она останется, умрет человек, который ее любит. А если он узнает, что она жива, он тоже будет жить.

– Как же он узнает? – резонно возразил Генерал. – Он где-то там, она здесь. Если он действительно так ее любит, ему бы тоже надо находиться здесь. Или я ошибаюсь?

– Он не знает, он куда-то исчез.

– Вот видите, вы сами ничего толком не знаете. Вам не кажется, молодой человек, что вмешиваться в чужую судьбу, в чужую любовь, в чужие решения не очень... этично. А иногда, простите старика, просто бессмысленно. Человек сам должен отвечать за свои поступки и решения. Особенно если они... судьбоносны.

– А вы? Вы разве не вмешиваетесь? В ее жизнь вы разве не вмешиваетесь сейчас?

Сознаюсь, вел я себя тогда не очень умно, если не сказать – просто глупо. Да и ситуация была, прямо скажем, не очень подходящая для предъявления обвинений человеку, от которого зависела сейчас наша жизнь.

– Дело в том, что я вмешался в ее жизнь гораздо раньше. Ее принесли сюда тяжело раненную, окровавленную. Она уже почти не дышала. Если бы не наша особая во всех отношениях зона, она вряд ли выжила. С самого начала ей была предоставлена полная свобода. Она не захотела ею воспользоваться. И я ее хорошо понимаю. Не очень-то тянет возвращаться туда, где тебя убивают просто так, ни за что. Только за то, что ты одинокая и беспомощная женщина. Скажу прямо – она и нам долго не доверяла. Жила совершенной отшельницей. Мы ее не беспокоили, хотя понимали, как ей одиноко и страшно. Потом у нее появился друг – она, наверное, вам об этом рассказала. Часто уходила на ваш нелепый стационар, часами сидела там, глядя на реку. Если бы она хотела уйти, то за два года у нее не раз была такая возможность.

– Почему нелепый? – обиделся я за свой стационар.

– Потому что за два года там так и не появилось ни одного человека. Я, в конце концов, ей прямо сказал: «Дорогая Ольга Львовна, если вы решили остаться, я должен ввести вас в курс дела и передать свои полномочия». Мне ведь осталось всего ничего. Донатас остаться не захотел, двинул на родину своего отца, о которой не имел и не имеет никакого представления. Разве что несколько страниц и фотографий в энциклопедии. Все равно что пытаться узнать вкус блюда из поваренной книги. Не знаю, как он доберется без документов и денег. Он мог бы унести с собой любое количество ценностей, я ему предложил. Он почти ничего не взял, только на дорогу. Доберется до побережья, там рыбаки, другие возможности. Я уверен, он доберется. Он очень сильный и способный человек. Егора Степановича я очень уважаю за его преданность и честность, доходящую до абсурда. Но какой он наследник? Не обижайся, Егор. В случае чего, с ним даже не будут разговаривать, сразу поставят к стенке.

– Сейчас к стенке не ставят, – буркнул Омельченко.

– А жаль. Может быть, тогда стало бы поменьше того, как вы сейчас выражаетесь, беспредела, который, как раковая опухоль,

пожирает остатки государства и жизненного смысла. Все эти ваши сегодняшние новости! Неужели не видите, куда все катится? Впрочем, не будем отвлекаться. Сегодня я вижу только два выхода для более-менее достойного финала своей жизни и своего дела. Или взорвать все к чертовой матери, чтобы даже следов не осталось. Или оставить все это человеку, которому я доверяю, верю, который, кажется, понял, что такое «зона», и никогда не отдаст ее в грязные или преступные руки. Если Ольга согласна, вы можете уходить. Егор, выводи их через первый выход.

Я смотрел на Ольгу. Она стояла, закаменев, и глядела куда-то поверх наших голов. словно вглядывалась в то страшное одиночество, которое уготовила ей судьба и которое она выбрала сама, видимо так и не поверив, что ее жизнь может измениться к лучшему. Я был уверен, что будь с нами Арсений, все сложилось бы, разобралось, стало на свои места. Он сумел бы договориться с Генералом. В эти минуты я просто ненавидел его за то, что он отказался от нашего совместного с ним поля, оставив меня в одиночестве с непосильными для меня проблемами. А я-то дурак еще наивно надеялся, что стоит мне разобраться с тем, что случилось тогда в районе нашего «нелепого», как выразился Генерал, стационара, как все станет на свои места и непосильная тяжесть тайны перестанет давить на сердце сразу нескольких человек. Сейчас почти во всем разобрались, но от этого стало еще тяжелее. Стало невыносимо печально и почему-то даже страшно.

– Жаль, что так все получилось, – сказал Пугачев. – Честное слово, мы не собирались разрушать вашу жизнь. Лично у меня была совсем другая задача. И ультиматум мы заготовили на тот случай, если вы окажетесь связанными с преступником, виновным в смерти десятков людей. Я рад, что мы ошиблись. И все-таки мне очень жаль, что получилось так, как получилось. В нашей стране действительно сейчас не все ладно. То, о чем вы говорили, к сожалению, имеет место быть. Я только хочу сказать, что остаются еще многие миллионы людей, которые не хотят, чтобы все так оставалось. Которые все понимают, которые делают или начинают делать, чтобы все исправить, починить, вернуть, построить заново. Я не умею хорошо и правильно говорить. Хочу только сказать, капитан Серов – не ставьте крест на

нашей будущей жизни, которой ваша «зона» еще очень и очень пригодится.

Пугачев протянул Генералу руку, и тот, подумав, пожал ее.

– Помолитесь, молодой человек, – сказал он, обращаясь ко мне. – Помолитесь, чтобы все это оказалось правдой. А будущее «зоны», – сказал он уже всем нам, – уже не в моих руках, а в ее. Я уверен, что это крепкие и чистые руки.

Омельченко одной рукой приподнял и опустил, словно взвешивая, рюкзак с золотом и, обращаясь к Ольге, сказал:

– А эту сволочь, которая вот из-за этого мешка сделала с тобой и с нами, я достану. Это тебе Петро Омельченко говорит. И если разрешаешь, мы к тебе с Надеждой моей как-нибудь в гости наведаемся. Втихаря, не бойся. Тогда и расскажу тебе, что и как. Карая береги. Он друг – лучше не бывает.

– Пошли, пока не стемнело, – разогнувшись и подобрев голосом, сказал Егор Степанович и, взяв у меня из рук изрядно надоевший мне бюстик Ленина, подтолкнул меня к выходу из столовой.

* * *

Каким путем мы снова оказались в пещере, из которой я, никого не предупредив, пустился в свое одиночное путешествие, я даже не пытался запомнить. Врезалось только в память, как в одном из подземных переходов пляшущий свет фонарей выхватил из темноты метнувшуюся в сторону спину росомахи и сверкнувшие мертвой зеленью глаза, тут же погасшие. То ли отвернулась, то ли закрыла.

– Сколько помню, шарашится здесь одна-одинешенька, – объяснил шедший первым Егор Степанович и посветил фонарем в сторону росомахи. Та прижалась к стене и негромко рыкнула. – Хозяйкой себя ощущает. Страх не любит, когда беспокоят. А какая ты хозяйка, если ни самца, ни щенят за все годы не завела. Все хозяйство – когти да шерсть, да и та седая. Никакого продолжения. Помрет, никто и не вспомнит.

И вдруг сообразив совсем близкую аналогию, огорченно хмыкнул, что-то пробормотал под нос и надолго замолчал. И только в одной из очередных каменных ниш недалеко от выхода, посветив фонарем, он

показал нам ящики с взрывчаткой, загороженные от нечаянного постороннего взгляда потемневшими от времени деревянными щитами.

– Не отсырела? – недоверчиво прикоснулся ладонью к ящикам Пугачев.

– Тут, когда готовили это дело, инструкцию какую-то позабыли из прошлого века насчет использования. Сколь лет пролежала, хоть бы пожелтела. Росомаха эта, когда помрет, сто лет будет лежать как живая. Место такое. Я почему Ольгу Львовну торопился сюда доставить. Там бы, на берегу, ей точно не выжить.

Спустились мы, осторожно нащупывая ногами каменные опоры, через люк по тому же пирамидальному спуску, по которому я поднялся наверх. И только Егор Степанович, быстро и не глядя под ноги, как по ступенькам сбегал вниз и стал разматывать бухту толстой веревки, которую прихватил где-то по дороге и перекинул через плечо. Мы забрали в пещере фотоаппарат, ракетницу Пугачева и мое старенькое ружье. Егор Степанович помог нам спуститься вниз. На прощанье я хотел его сфотографировать, но он, резко отвернувшись, скрылся в пещере.

– Вот хоть и стрелял в меня и фляжку попортил, а человек, кажется, хороший, – прокомментировал Омельченко наше безмолвное прощание. – Может, свидимся еще, если все пойдет как надо.

– А как надо, Петр Семенович? – неожиданно спросил Пугачев, до того долго и упорно молчавший.

– Так дела все доделать, – уверенно ответил Омельченко. – А то вроде как и не начинали. На мне Хлесткин так и висит. Потом этот самый, «некто», про которого ты, Борисыч, рассказывал. До сих пор в голову не возьму, как он вообще на свете существовать может. Получается, всё по новой начинать надо.

Устало переговариваясь, мы с трудом продвигались по распадку, направляясь к стационару. Смеркалось. Вчерашний снег еще днем согнало внезапно потеплевшим ветром. Мокрые ветви стланика, через которые часто приходилось пробираться напролом, скоро вымочили нас с ног до головы. Усталость навалилась словно сразу за несколько дней, и к концу мы уже еле передвигали ноги. Даже неутомимый Омельченко то и дело спотыкался.

– Хорошо, что Егор накормил, – ворчал он, поднимаясь по скользкому откосу на площадку перед стационаром. – У тебя, я прошлый раз заглянул, запасов кот заплакал. Завтра придется на лось сбегать. Пробежусь по речке. Лось на тальнике сейчас, а мороз вдарит, близко не подберешься.

Мы выбрались к груде камней напротив моего научного жилища и замерли. Тускло светилось единственное небольшое оконце, из трубы торопливо сносило ветром едва заметный дымок. Моя старая заплатанная резиновая лодка, туго надутая, была подвешена на одном из выступов кровельного настила и, раскачиваемая ветром, то и дело с противным скрипом, задевала то стену, то лиственничную колоду, на которой мы рубили дрова.

– Кажись, гости, – прошептал Омельченко, снимая с плеча карабин. – Не те ли, что меня скарауливают?

– Тебя сейчас много кто скарауливает, – тоже прошептал Пугачев. – Ты лучше пока не возникай. До прояснения.

– Это, наверное, Рыжий. То есть Кошкин, – не очень уверенно предположил я.

– Проверим? – предложил Омельченко. – Жрать охота. И спать.

– Проверим, – согласился Пугачев. – Алексей, входи первым. На основании законного хозяина. Если чужие, качай права. А мы наготове.

Я, взяв на всякий случай наизготовку ружьишко, направился к своему законному месту жительства и рывком распахнул дверь. Сидевший за столом и что-то писавший Арсений Павлович поднял голову и спокойно смотрел на меня, застывшего в дверях в довольно нелепой позе.

– Ну наконец-то, – как ни в чем не бывало сказал он. – Заждался. Утром решил подаваться на поиски. Пишу вот записку, что и как, на случай, если разминемся.

Слегка подтолкнув меня внутрь, вошли Пугачев и Омельченко.

– Здоров, Арсений Павлович, – загремел чуть ли не с порога Омельченко. – Мы его, понимаешь, хороним, а он сидит, чай распивает. Ну и заведение ты тут основал. Не знаю, как насчет науки, а насчет нечистой силы – вагон и маленькая тележка. Мы тебе такого сейчас порасскажем...

Омельченко заткнулся на полуслове от осязаемого удара в бок, которым притормозил его Пугачев.

– Добрый вечер, Арсений Павлович, – приветливо улыбаясь, сказал он, подходя к столу и протягивая руку. – Пугачев Борис Борисович. В данный момент нахожусь здесь по служебной надобности. Если не возражаете, до утра придется потесниться. Устали, промокли. Если честно, то и проголодались. Хуже нет в межсезонье по здешним местам шастать. То снег, то дождь. Ни Богу свечка, ни черту кочерга. Чем добирались, если не секрет?

Разговаривая, Пугачев скинул свой вещмешок, поискал глазами, куда бы повесить карабин, пристроил его на гвозде у входа, снял мокрую куртку и, подавая пример нам с Омельченко, сел на нары и протянул к топившейся печке мокрые озябшие руки. Арсений как всегда помолчал, словно прислушивался или ожидал продолжения, и лишь после этой хорошо знакомой мне паузы сказал:

– Я сам тут на нелегальном положении. Хозяин здесь сейчас вот он – Алексей. Думаю, он будет не против. Как, Алексей Юрьевич, потеснишься?

– Без проблем, – буркнул я, удивляясь ненатуральной обыденности завязывающегося разговора. И это в то время, когда каждому кричать было впору о том, что произошло и происходило, тысячу вопросов друг другу задавать.

– Тогда дровишек, пожалуй, подброшу, – поднялся Арсений и, как-то неловко обойдя меня и чуть не споткнувшись об омельченковский мешок с золотом, вышел наружу.

– Ни себе хрена! – проворчал Омельченко, садясь на нары рядом с Пугачевым. – Мы его, считай, похоронили, а он здесь как ни в чем не бывало. Кто-нибудь что-нибудь понимает?

– Разберемся, – уверенно сказал Пугачев. – Алексей, тащи свои запасы. Потом возместим. И если имеется – что-нибудь покрепче. Чувствую, что мне это подземное купание боком выйдет. В зоне ничего, а здесь сразу грудь заложило, не продышусь никак.

– Если Кошкин или его компания не добрались, то найдем, – обрадовался я предлогу выйти наружу и перекинуться двумя-тремя словами с Арсением.

– Побереги свой НЗ. Кто знает, что еще будет. Мне Егор, когда я ему свою покалеченную фляжку демонстрировал, под завязку ее набулькал того самого. Сейчас мы его и приговорим. – И Омельченко выложил на стол свою заветную посудину.

Вошел Арсений с дровами и стал молча подбрасывать их в печку. Пугачев с Омельченко разоблачались, развешивая вокруг печки промокшую одежду. Я открывал консервы, а Арсений зачем-то выложил на стол несколько плиток шоколада. Разлили по кружкам спирт. Арсений долго и заинтересованно рассматривал покалеченную фляжку.

– Такое впечатление, что я ее где-то уже видел.

– Было такое дело, Арсений Павлович, – стал было объяснять Омельченко. – Сначала меня Бог спас, потом вроде как тебя уберег тоже при ее участии... – и, смешавшись предостерегающего взгляда Пугачева, сделал вид, что закашлялся.

– За что выпьем? – спросил я, плеснув в свою кружку наравне с другими.

– Сам говорил – тебе пить, добро переводить, – удивился Омельченко, обошедший было мою кружку спиртным. – С устатку или тоже грудь заложило?

– За встречу! – неожиданно поднялся Арсений. – Если бы вы только знали, как трудно и долго я шел к этой встрече. Именно здесь, в этом месте. Вы немного меня опередили. Но все равно, огромное вам спасибо. Особенно тебе, Алексей. Если бы ты не сообщил Деду, что вы ее нашли, я бы наделал массу глупостей. Теперь ты покажешь мне, где она похоронена, а я... – он повернулся к Пугачеву, – я назову вам имя человека, который, кажется, больше всех виноват в том, что тогда случилось. Если бы не твое сообщение, я бы его уже убил.

Он поднес ко рту кружку со спиртом, и тогда я, не обращая внимания на медленно поднимающихся со своих мест Пугачева и Омельченко, закричал:

– Она жива, Арсений Павлович! Жива и здорова! Просто она... Я сейчас вам все-все расскажу.

Из кружки в опустившейся словно без сил руке Арсения на стол потекла струйка спирта. Не растерявшийся Омельченко подставил под нее свою кружку, проворчав:

– Выпили бы сначала, потом бы трезвонил. Заорал, даже я испугался. Чего орать-то? Все бы сейчас рассказали. По порядку, спокойно, постепенно. У человека сердце могло обмереть...

– Ты уверен? – каким-то не своим, низким, хриплым голосом спросил Арсений, опускаясь на нары и не отводя от меня глаз, словно

боялся, что мои слова ему почудились. – Это она? Ты уверен? Ты ничего не перепутал? Почему мне Дед ничего не говорил о ней? Он мне все в конце концов рассказал – о лагере, о зоне. И ни слова, ни слова о ней. Ты не перепутал? Может, это не она? – голос Арсения срывался.

– Она! Она! Ольга Львовна. Просто она просила никогда никому не говорить о ней. Это было ее условие, чтобы она там осталась. Я сейчас вам все расскажу. Вы только успокойтесь.

Арсений каким-то сомнамбулическим жестом, словно слепой, нащупал и забрал у меня кружку, сделал глоток и, закашлявшись, закрыл лицо руками. Наконец, он, кажется, взял себя в руки, выпрямился и попросил:

– Рассказывай. Ты сейчас вернул меня к жизни. Рассказывай.

Никогда еще мне не приходилось с таким трудом складывать более-менее вразумительный рассказ о том, что произошло с нами за последние два дня. Пугачев и Омельченко молча ели и не помогали мне ни единым словом. И лишь когда я, путаясь и запинаясь, пытался объяснить, почему она все-таки там осталась, Пугачев остановил меня:

– Они сами, Леш, во всем разберутся. Он и она. Сами.

Я заткнулся, пораженный простотой и невыполнимостью этого предложения.

– Да, да, – словно очнувшись, заговорил Арсений, до этого не задавший мне ни одного вопроса, ни разу ни о чем не переспросивший. – Мы сами... Завтра отведешь меня к ней.

Я уже открыл было рот, пытаюсь объяснить, что это невозможно, но предостерегающий жест Пугачева, приложившего палец к губам, вовремя удержал меня.

– Отведешь, – повторил Арсений. – Очень тебя прошу. Раз уж ты влез в это дело... Вернее, втянули мы тебя в это дело. А у меня для тебя тоже новости. Птицын отыскал твою пропажу. Там тоже все очень непросто. Я все тебе расскажу. А сейчас давайте подкрепимся. У меня со вчерашнего дня ни крошки во рту...

Таким оживленным и разговорчивым я Арсения, пожалуй, еще и не видел. Словно спохватившись, он кинулся к своему рюкзаку, достал буханку свежего хлеба, доставал еще какие-то припасы, выкладывал их на стол.

– Хлеб-то – свежачок, – пробормотал Пугачев, разрезая буханку.

– Дед на ходу что-то там насовал, – объяснил Арсений. – После твоего сообщения он всех там на уши поставил. Выбил внеплановый рейс на прииск. По дороге прямо здесь на косе выбросили меня. А Птицын обещал сам добраться. Думаю, завтра к вечеру будет здесь, если не запуржит. Прогноз не очень. Поэтому пришлось торопиться с рейсом. Буквально бегом. Лешка, я, кажется, твой тост выпил, извини. Давайте еще нальем. А потом я вам все расскажу. Самого главного вы еще не знаете. Дед его вычислил. Вы, – обратился он к Пугачеву, – сказали, что вы здесь по служебной надобности. Очень хорошо. Мне кажется, что по той же самой. Я не ошибаюсь?

– Вполне возможно, – осторожно ответил Пугачев.

– Вполне возможно, что не ошибаюсь? Или все-таки нет? – засмеялся Арсений.

И снова я не узнавал его. Это был совсем другой человек, очень мало похожий на того, которого я, казалось бы, хорошо изучил за время своей полуторагодовой работы в институте. «Что делают с человеком любовь и радость», – подумал я. И тут же буквально похолодел от страха. Как говорится, «кусочек в горле застрял». Просьба Арсения провести его завтра к Ольге была невыполнимой по многим причинам. Надо будет, конечно, посоветоваться с Омельченко и Пугачевым, но вряд ли они смогут мне помочь. Омельченко уже сейчас с явным сочувствием поглядывал на меня и даже однажды покачал головой – не знаю, мол, как ты выкрутишься.

Стали пить чай. На несколько минут прекратились разговоры, и лишь резиновая лодка за стеной противно поскрипывала, ударяясь то о стену, то о колоду.

– Какой дурак резинку там закрепил? – не выдержал наконец Омельченко. – Скрипит, как колесо несмазанное. Не заснешь.

– Дурак этот я, – улыбнулся Арсений. – Дело в том, что тут еще один сюжет обозначился, забыл предупредить. Мы, когда над косою зависли, чтобы меня десантировать, там какие-то двое с этой лодкой возились. Судя по всему, пытались привести в рабочее состояние. Но вместо того, чтобы обрадоваться нам, кинулись со всех ног скрываться. Лодку я потом узнал – наша. Убегавшие ни Алексея, ни его подсобного рабочего не напоминали. Вывод однозначен – лодку пытались похитить. Или для переправы, или для путешествия вниз по реке. Я не исключал возможность – увидев, что я высадился один, они

могут повторить попытку снова завладеть данным плавсредством. Или украдут, или нападут. На случай нападения я меры принял, а на случай похищения подвесил так, чтобы не давала мне заснуть. Напасть они, скорее всего, не решатся, а похитить могут попробовать. Лодка в этих местах зачастую вопрос жизни и смерти. Особенно сейчас.

Вы совершенно правы, Петр Семенович, – неожиданно переменяет он тему разговора. – Неудачно я выбрал место для нашего стационара. С одной стороны, вроде удачно, с другой – сами видите. Как чистой, так и нечистой силы здесь оказалось гораздо больше, чем требуется для нормальной научной работы. Сами видите, долго еще придется разгребать и распутывать здешние загадки и аномалии. Как ты ее назвал, Алексей? Зона? Я бы назвал ее зоной экстрима. Я давно догадывался о некоторых ее особенностях, но все руки не доходили заняться вплотную. Я не о месте, откуда вы только что вернулись. Это особая тема. Я действительно о зоне. Даже целом регионе. Теперь, что бы ни случилось, я ни за что не уйду отсюда.

Эти двое... – Он снова резко сменил тему разговора и, словно прислушиваясь, выждал уже знакомую мне паузу. – У вас есть предположения, кем бы они могли быть?

– Мои люди не стали бы убегать. Скорее, наоборот, – не сразу ответил Пугачев. – Кошкин, вероятно, тоже с ними.

– Декан и Хриплый, – подсказал я.

– Не исключено, – согласился Пугачев. – Поняли, что запахло жареным, и решили смыться, пока не поздно. Возможны и другие варианты. Здесь все возможно, вплоть до самого невероятного. Вы правы, Арсений Павлович, нечистую силу тянет сюда как магнитом. Неизвестностей тоже хватает. Кстати, вы обещали поделиться какими-то сведениями. Лично у меня сон как рукой сняло. Думал, приду и свалюсь, а сейчас ни в одном глазу. Как вы, Петр Семенович?

– Я-то вообще спать не должен. Как лицо особо заинтересованное, – заявил Омельченко. – Хватит того, что Хлесткина проспал. С под носа карабин увели. Я эту гадалку теперь с избытком выволоку. Пригрел змеюку на свою погибель. Надеха узнает, все волосья ей повыдергает.

– Её обманули, – не выдержал я. – Она уже во всем призналась.

– Призналась, что с чертом зналась. Так это еще доказать требуется.

– Тогда о Хлесткине, – вмешался Арсений. – Вы его собак хорошо знаете?

– Кто же их не знает, – нахмурился Омельченко. – После моего Карая первые добытчики на всю округу. А Жульке его вообще цены нет. На соболя только так идет. Он первым охотником из-за них и числился.

– Как считаешь, мог ты их отравить?

– Кто? Я?! – подскочил Омельченко. – Да я, хочешь знать, собак больше чем некоторых человек уважаю. В том смысле, что дружбу понимают и подлянку даже по злобе не сделают. Как думают, так и поступают. Ты к чему это?

– К тому, что в поселке все в один голос: «Кто угодно, только не Омеля. Он за собаку себя не пожалеет. Да и зачем ему их травить, если они к нему лучше, чем к хозяину, относились».

– Так в чем дело-то? Ты толком объясни.

– Стреляли в Хлесткина со двора, через окно. Во дворе у него всегда собаки. Чужого не запустят. Значит что? Надо было этих собачек тем или иным способом убрать. Вот их и убрали. А в протокол не занесли, потому что, сами знаете, какой был снегопад. Занесло. Потом уже спохватились – где собаки? В поселке не видать. В тайгу без хозяина не пойдут. А снег подтаял – увидали. Что интересно – яд тот же самый, что старателям в чаек сыпанули. Что еще интересно – яд милиции отказались проводить экспертизу. Сослались на то, что и без того все ясно. Мол, Омельченко своим побегом сам себя выдал. На экспертизе настоял Дед. Вызвал следователя. Вывод: незачем, Петр Семенович, было травить тебе собак. Значит, стрелял не ты. Плюс признание Ирины Игоревны. Так что вина в убийстве с тебя снимается полностью. Только об этом пока никто не знает.

– Почему? – удивился Омельченко.

– А как ты сам думаешь?

– Элементарно, – вмешался Пугачев. – Чтобы не спугнуть.

– Сейчас Дед со следователем копают насчет яда – где и как? Кое-что вроде прорисовывается.

– Вы сказали, что Дед еще что-то вычислил.

– Это мы с ним вместе. Сначала чисто логическим путем. Все сходится на одном человеке.

– Вот! А я что говорил! – на этот раз вскочил и Пугачев. – Помните, что я вам говорил? Один, гад, один! Без вариантов. Вы сказали, что нашли доказательство. Какое?

– Насчет того, почему Григорий Жгун, то есть Башка, шел именно сюда.

– Так это же самое главное! – закричал Пугачев и что было сил грохнул кулаком по столу. – Стоп! Стоп! За это надо выпить. А потом все подробности и по порядку.

Остатки спирта из фляжки Омельченко перекочевали в кружки.

– За погоду, – сказал Арсений. – Как бы она не спутала все наши планы.

* * *

Все мы, кроме Арсения, остаток ночи спали как убитые. А он, кажется, не спал совсем. Довольно поздно я проснулся от осторожного скрипа отворяемой двери. Спросонья мне показалось, что вошло сразу несколько человек. Вошли только двое – Птицын и Арсений. Третьим оказался бесшумно возникший из темноты Пугачев. Разглядев вошедших, он снова отступил в темноту и опустил карабин. Света из крошечного окошка и полузакопченного фонаря едва хватало на тусклый полумрак, и Птицын с Арсением, войдя в него из снежной круговерти ненастного утра, не сразу разглядели укрытого с головой Омельченко, меня, полусонно приподнявшегося на нарах, и почти неразличимого в углу Пугачева.

– Будим? – шепотом спросил Птицын, стряхивая снег с большой лохматой шапки, памятной мне со времени наших с ним метаний по заносимому снегом поселку в поисках Ирины. Собственно, по этой шапке я его и узнал, хотя его появление утром, да еще в такую погоду, казалось бы, совершенно исключалось. «Сумасшедший! – подумал я, окончательно просыпаясь. – Недаром Арсений про него легенды рассказывал. Но ведь просто так жизнью не рискуют. Значит, что-то случилось».

– Подъем, мужики! – как-то очень буднично сказал Арсений. – Он уже три дня на Старом прииске. Не исключено, что с часу на час будет здесь.

– Кто? – сорвалось у меня с языка, хотя я сразу понял, о ком речь.

– Дед Пихто, – раздраженно буркнул Пугачев. – Надо моих срочно подтягивать. Где их черти носят?

– На прииск он заранее своих людей отправил. Повод: «для сбережения государственного достояния», – прорезался наконец Птицын. – Хорошо, что запуржило, а то бы уже здесь были.

– Ты-то как добрался? – высунул из мешка голову Омельченко. – По воздуху, что ль, летел? Мы тебя раньше вечера не ждали. А если запуржило, вовсе непонятное дело. Лично я при таком раскладе с Боженькой бы на десять рядов посоветовался. Да и то...

– Потом расскажу, – отмахнулся Птицын. – Чайку бы сейчас горячего.

– Может, покрепче чего? – предложил Омельченко, окончательно выпрастываясь из спальника. – Представляю, как ты сопли на кулак наматывал по такой погодке. «Фактор повышенного риска», как Дед иногда высказывается. Я ночью по нужде выскочил, в двух шагах заблудился. По радару, что ль, шел?

– По звуку, – отмахнулся Птицын, присаживаясь рядом со мной на нары.

– Интересно, – заинтересовался Омельченко. – Поделись, если не жалко.

– На твой храп держал. По ветру очень даже далеко слышать.

Птицын скрюченными, все еще не отошедшими от холода пальцами полез в какой-то дальний внутренний карман, вытащил сложенные вчетверо тетрадные листки и протянул мне.

– Держи. Будет время – прочитаешь. Потом, не сейчас.

– Не всякий спит, кто храпит, – обиженно проворчал Омельченко. – Я тебя жалеючи вопросы задаю, а ты топорщишься как та россомаха.

– Кстати, насчет россомахи, – неожиданно вмешался Арсений. – Не встречалась случайно?

– И случайно, и не случайно, – пробормотал я, не отводя глаз от переданных мне тетрадных листков.

– Не понял, – переспросил Арсений, снимая с печурки закипевший чайник.

– Сдохнуть, Палыч, в скором времени обещалась твоя россомаха. Лично наблюдали, – объяснил Омельченко.

– Жалко, – заметно огорчился Арсений.

– Нашел, кого жалеть, – хмыкнул Омельченко.

– Предсказание было, – объяснил Арсений свою реакцию. – Умрет или уйдет россомаха – к большой беде. Она вроде как хозяйка здешняя. Дух окружающего пространства. А когда хозяева исчезают, что-то обязательно рушится и тоже исчезает.

– Ерунда, – неожиданно для самого себя возразил я. – Никакая она не хозяйка. Старая, седая. Глухаря у меня сперла. Жила тут под нарами, пока мы не появились. Если бы не она...

Я замолчал, догадываясь, что продолжать, наверное, не стоит.

– Вот что, друзья! – неожиданно громко вмешался в наш разговор Пугачев. – В свете новой информации принимаю командование на себя. Если не принять немедленные меры, положение может сложиться критическое. Предварительно мы с вами расставили точки, как и что. Теперь надо действовать. Не отвлекаясь на личные обстоятельства и желания.

Он подошел к столу, погасил фонарь и повернулся к Птицыну.

– Ты уверен, что они идут сюда?

– Не уверен, но сведения имеют место быть.

– Тогда давайте прикинем, – Пугачев жестом остановил дернувшегося было Омельченко, явно хотевшего что-то сказать. – Мои сотрудники (их, к сведению тех, кто не в курсе, двое, плюс всем известный Кошкин) пока в непонятном отсутствии. Что меня не просто настораживает, но и серьезно беспокоит. Три моих ракеты, которых они не могли не видеть. Одна за одной. А если видели, обязаны явиться в кратчайший срок. Как видите, результатов – ну. Получается, весь наш реальный наличный состав находится сейчас здесь. Сколько у противоположной стороны – неизвестно. Надо быть готовыми ко всему. Каким временем мы располагаем до их возможного появления, тоже неизвестно. Это минус. Но мы предупреждены. Это плюс. Еще один большой плюс – умение каждого из нас ориентироваться в экстремальной ситуации, четкое осознание непростой окружающей среды и, надеюсь, вполне профессиональное владение имеющимся оружием. Поэтому при полном спокойствии удваиваем осторожность, готовность и остаемся на месте. Если мои ребята все-таки объявятся, результат обещает быть положительным. У кого есть предложения, излагайте.

– Что, так и будем сидеть-дожидаться, когда жареный петух клюнет? – не согласился Омельченко.

– Будут другие предложения? – с явным неудовольствием поинтересовался Пугачев. – Выбор, по-моему, у нас небольшой. Или «дожидаться», как ты сказал, либо уходить. Только вот куда и зачем?

– А есть уверенность, что они идут именно сюда? – после довольно продолжительного молчания спросил Арсений.

– Не понял, – нахмурился Пугачев.

– О нашем здесь присутствии они вряд ли осведомлены. Птицын и я для них полная неожиданность. Об Омельченко, насколько я понимаю, пока ни слуху ни духу. Кто его видел кроме нас? Ну а Алексей в своем единственном здесь наличии им вряд ли интересен.

– А то, что на ваши ракеты ни ответа, ни привета, – пробормотал вроде бы задремавший Птицын, – очень даже просто: ночью река стала. Теперь, пока лед не окрепнет, они так и будут там находиться в целостности и сохранности. Если, конечно, они там, на озере.

– Но ответить-то они могли, – раздраженно не согласился Пугачев. – У них тоже ракетница имеется. Даже две.

– А это действительно непонятно, – сказал Арсений. – Если только... – Он по привычке замолчал.

– Если что? – поторопил его Пугачев.

– Если с ними что-то не случилось.

– Так и я об этом же.

– Кошкин тоже куда-то исчез, – внес и я свою лепту в явно заходящие в тупик рассуждения.

Омельченко неразборчиво выматерился на мое дополнение и стал одеваться.

– Куда? – спросил Пугачев.

– На кудыкину гору, – огрызнулся Омельченко.

– Я надеялся, что у нас команда, а не шалтай-болтай, – недовольно буркнул начальник следственной бригады.

– На двор. Заодно послушаю и понюхаю, что вокруг и около происходит. Привык на чутье надеяться, а не на распоряжения и приказы.

– Кроме девятибалльной пурги ничего там сейчас не вынюхаешь, – проворчал Птицын. – Здесь закуток, поэтому почти терпимо. А шаг в сторону – руки вытянутой не видать. Ракеты в том

числе. Через перевал, где Арсений Павлович хотел пройти, полностью не проханже. Река только что стала, лед чуть живой, на нее тоже не свернешь. Так что какое-то время у нас имеется. А порассуждать, что к чему, лишний раз не вредно.

– Попрут наугад, на зону могут выйти, – замерев на месте от пришедшей в голову мысли, медленно, словно самому себе, тихо проговорил Омельченко.

– Понимаешь, что тогда? – тоже каким-то осевшим голосом спросил Пугачев.

– Взорвет все на хрен. Выхода у него не будет, – опускаясь на нары рядом с Пугачевым, по-прежнему еле слышно сказал Омельченко.

Пурга снаружи расходилась все сильнее и сильнее. Стонущие порывы ветра, пронзительный шорох несущегося снега, скрип раскачивающихся лиственниц, треск ломающихся веток, как ни странно, не помешали всем расслышать его слова.

О том, что в зоне все подготовлено к страшному взрыву, знали только мы трое. По безмолвной договоренности при Арсении мы решили пока даже не заикаться об этом. Птицын тоже ничего не знал. Сейчас они с Арсением вопросительно смотрели на нас.

– Взрыв... Какой взрыв? – тоже еле слышно, словно самого себя, спросил Арсений.

Я понял, что мы невольно вплотную подошли к той критической точке, после которой события могут повернуть в совершенно непредсказуемом направлении, и решил вмешаться.

– Да ерунда! – закричал я на Омельченко и Пугачева. – Вы же прекрасно понимаете, что добраться туда исключается. Стопроцентно исключается!

– Племянничек проговорился, – невпопад вмешался сонный Птицын. – Помнишь, которого ты приемчиком уложил, когда убегали? До сих пор простить тебе не может. Теперь, говорит, твоему «оритологу» придется на другое место переселяться. У покойного Хлесткина карту какую-то в записке надыбали. Государственного масштаба дело, а он там с птичками какими-то. Племянник, конечно, дурковат маленько, но я рванул на всякий случай.

– Прошу вразумительно объяснить, что вы имеете в виду. Какой взрыв?

– Подожди, Арсений Павлович, объясним. Не все сразу. Сейчас главное – понять, где они и в каком направлении? Не было на эту местность никаких карт. Мои сотрудники все архивы перерыли. Только самые общие контуры. Сплошное белое пятно.

– Хлесткин, когда ко мне в последний раз приперся, нес что-то насчет... Сообразил, мол, как я Арсения Павловича отыскал. Он летом в этих местах зачем-то шарашился, – осторожно, словно нащупывая ускользающую мысль, заговорил Омельченко. – Кошкин об этом вроде Алексею рассказывал. Рассказывал? – повернулся он ко мне.

– Он тогда Доцента, Хриплого и Кошкина, кажется, спас.

– Кошкин меня тоже об этом информировал. Но о карте ни слова, – поддержал меня Пугачев.

Омельченко неожиданно взорвался, заорал:

– Да какая на хрен карта! Накалякал, где шарашился, чтобы не забыть. Да если бы он о зоне узнал что, он бы тогда... не знаю... В эти самые... в олигархи записался. Если бы сообразил, что к чему. Только мозги у него не те. В одну сторону извилины – урвать и напакостить.

– А я думаю, он не зону вычислил, а путь, которым Арсений Павлович отсюда выходил, – пробормотал снова начавший было засыпать Птицын. – На перевале и летом гробануться нечего делать. А сейчас вообще... Белое пятно и в Африке пятно. Без вариантов. Когда-нибудь напишу стихи – «Оттуда не возвращаются».

– Нам только стихов не хватало, – проворчал Омельченко и, надвинув капюшон на самые глаза, чтобы не видеть кажется уже обо всем догадавшегося Арсения, шагнул к двери. С трудом открыв ее, он буквально вывалился в снежную круговерть.

– Мне Дед много рассказывал про этого Генерала. Ни о каких взрывах даже не заикался. По его словам, адекватный и по-своему благородный человек. Со своими несколько устаревшими, но достаточно умными взглядами на происходящее, – неуверенно нащупывал возражения Арсений. – Вы, например, ушли оттуда как ни в чем не бывало. А она... Она предполагает такую возможность? Она же осталась. Значит... Значит, просто быть этого не может. Они же не самоубийцы...

– Так она для этого и осталась, чтобы не взрывал, – вскочил с нар Пугачев. – Он ее вместо себя назначил. Сам не хотел взрывать, поэтому ее руководить. Устал, говорит. Что, он не знал, что она не

будет взрывать? И ему не даст. Главное, чтобы эта сволота туда не добралась. Там же не миллионы. Там миллиарды и миллиарды. Говорил – страну на ноги поставить запросто хватит. Это то, что уже добыто за десятки лет. И заначка лет на сто-двести надежная имеется. Такое не взрывают. Берегут, как зеницу. Он и берег. Столько лет берег. – Он помолчал и каким-то уже совсем другим, усталым и не очень уверенным голосом, обращаясь к застывшему в неловкой позе Арсению, добавил: – Еще положительный факт то, что сейчас снаружи творится. Добраться полностью исключается. Полностью. В любую погоду полностью. Сдохнут, не доберутся. Так что возможный вариант – от безнадёги все-таки сюда двинут. Пообщаемся при таком раскладе.

– Сюда тоже не так просто, – пробормотал я и вздрогнул от тяжелого удара в дверь.

Пугачев вскинул карабин. Птицын перекатился на нарах по направлению к своему винчестеру. Арсений смотрел на дверь и не трогался с места. На правах хозяина я шагнул было к двери, но Пугачев придержал меня. Послышались еще два тяжелых удара. Кто-то явно стучал ногой, а не рукой. Омельченко так стучать не было никакого смысла. Если только...

За дверью что-то неразборчиво прокричали. Голос вроде Омельченко. Я оглянулся на Пугачева. Тот разрешающе наклонил голову. Я отворил дверь и отступил в сторону. В дверь задом протискивался занесенный снегом Омельченко, затаскивая не то обессилевшего, не то смертельно раненного человека. Ворвавшиеся следом снег и ветер убедительно доказали, что непогода не только не утихомиривалась, но, кажется, разошлась вовсю, уверенно завладев даже относительно укромным уголком площадки нашего стационара. Выглянувший было наружу Пугачев покрутил головой и с трудом закрыл дверь. А я, кажется, уже узнал лежавшего на полу человека. Это был Егор Степанович. Он тяжело зашевелился и даже попытался подняться. Омельченко помог мне поднять его на нары. Егор Степанович неразборчиво не то пробормотал что-то, не то застонал и, кажется, потерял сознание.

– В распадок спустился – лежит. Занесло уже, еле разглядел. То ли по реке шел, то ли в воду свалился – мокрый наскрозь. Раздеть его надо, растереть. Кто его знает, сколько он там пролежал.

– Говорил что-нибудь? – спросил Пугачев.

– Мычал что-то, не разобрать.

Мы с Птицыным стали осторожно раздевать Семена.

– Ранен, – констатировал Птицын, показав свою окровавленную руку. – Спирт остался?

Омельченко протянул ему фляжку.

– Скорее от усталости и холода, – комментировал Птицын свои достаточно профессиональные усилия. – Ранение несерьезное, вскользь. Жить будет. Интересно, кто его? Бинт в этом доме имеется?

Таинственно являвшуюся старенькую ковбойку я запрятал в кармашек своего рюкзака, чтобы когда-нибудь отдать ее возможной законной хозяйке, но в конце концов начисто о ней позабыл. А вот теперь пригодится. Я торопливо отыскал ее, развернул, чтобы оторвать рукав и использовать его для перевязки. Тяжелая рука Арсения придержала меня.

– Откуда она у тебя? – хриплым незнакомым голосом спросил он.

– Ковбойка? – переспросил я.

– Ну да, вот это. Откуда?

– Долго рассказывать. Единственное, что оставалось здесь от прошлого, когда я впервые переступил порог этого сооружения. Еще, правда, россомаха. Потом расскажу. Бинта у меня не имеется, придется ее вот использовать.

Я снова хотел было оторвать рукав, но Арсений буквально вырвал ковбойку у меня из рук.

– Буду тебе очень благодарен... Найдем, чем перевязать. Это ее ковбойка. Мне сказали, что из наших вещей тут абсолютно ничего не осталось. Абсолютно. Здесь ты ее не мог найти.

– Запросто, – возразил я. – Она ждала вас. Все это время ждала. Пришла и положила. Чтобы вы поняли, что жива. А пришел я и ничего не понял. Потом стал догадываться. Решил, что верну ей, и забыл.

Понять сумбурную логику моего объяснения постороннему человеку было бы, прямо скажем, трудновато. Но все, кажется, поняли. Даже вроде бы потерявший сознание преданный помощник Ольги Львовны Егор Степанович.

– Я принес. Она попросила, – прохрипел он, пытаясь приподняться.

– Мы же, кажется, попрощались, – сказал Пугачев, подходя вплотную к пострадавшему. – Как понять ваше неожиданное

появление?

– Перевязать его надо, – отодвинул Пугачева Птицын. – Свет загораживаете. Дай полотенце какое-нибудь! – заорал он на меня. – Полотенце есть, надеюсь? Давай скорее.

Я торопливо отыскал в рюкзаке свое старенькое полотенце и протянул Птицыну, но Егор Степанович отстранил мою руку.

– Так сойдет. Мы привычные. Я чего сюда... Поспешать вам надо. Донатос на них на прииске наткнулся, слабину дал. Или обманули. Кроме него никто этого прохода не знал. А когда дотумкал, что к чему, поздно уже было. Ольга Львовна приказала любым способом к вам сюда. Иначе шандец. Без вариантов. Пока они там обещалки разные красивые травят, а наш вид делает, что интересуется, времени маленько наскребется. Про концовку у них еще соображения не имеется, а то бы сразу всех положили. Я вас своим путем хотел провести, если решение такое примите.

– Сколько их? – спросил Пугачев.

– Семеро. С главным, который – восемь. С автоматами. Серьезный народ.

– Серьезный... – задумчиво повторил Пугачев. – Интересно, из какого они загашника. Что-то новенькое.

– Вставать категорически воспрещается, – придержал Птицын пытавшегося встать на ноги Егора Степановича. – Расскажи толком, что, где и как – найду.

– Нипочем, – не согласился тот. – Рядом стоять будешь, в голову даже не придет. Рассказывай – не рассказывай. Он когда мне вслед шмальнул, я поначалу не почувствовал. Потом только. Соображаю – если не дойду, вы по старому пути двинете. Веревку вам там сбросил. Не климат сейчас, конечно, если по веревке. Чей фарт сложится, не понять. Доберетесь, ваш будет. А мне, видать, здесь погибаться. Сил не осталось. Он мне еще ногу зацепил, дурак. Нет сообразить – не дойду, им всем там подыхать. Всем разом, как и рассчитано было...

Последние слова Егор Степанович проговорил еле-еле и снова потерял сознание.

Арсений наконец очнулся от своего оцепенения. Стал торопливо одеваться.

– Я с вами, – твердо заявил я. – Место помню. Забраться наверх кроме меня некому, даже вам, Арсений Павлович. В зоне тоже все

помню, что и как. Все! Возражения не принимаются.

Стал натягивать куртку.

– Получается четверо против восьми, – задумчиво сказал Пугачев и повернулся к Омельченко.

– С нами?

– Сам слышал, что я насчет этого гада обещался, – зло огрызнулся тот. – Карая тоже выручать надо. Он с какого... страдать должен?

– Ты здесь, – скорее не приказал, а попросил Пугачев Птицына. – Егора долечивай и в себя приходи. Две ночи без сна – серьезней некуда. Будешь нашим надежным тылом. Еще неизвестно, как все повернется. Пираты шарашатся, Кошкин неизвестно где. Мои если заявятся, обрисуешь, что и почему. Как сказал наш молодой ученый – возражения не принимаются.

Птицын не возражал. Молча передал свой карабин Арсению. А я вернул ему пистолет его отца.

– Молоток! – похвалил Омельченко. – Без стрелялки в такой ситуевине, как в бане без веника. Вспотеешь, а помахаться нечем. Ну что, двинули?

* * *

В распадке было все-таки не так беспросветно, как на открытом пространстве речной долины. Там сейчас нам и сотни шагов не сделать, разве только держась друг за друга, чтобы не свалило с ног и не занесло снегом. Хотя и в распадке тоже все ходило ходуном, и как добрался до нас Егор Степанович, да еще дважды раненный, поневоле заставляло задуматься о том, какую силу и надежду черпали в этой необычной зоне люди, сумевшие выжить в условиях, от которых другие шарахнулись бы как от воплощенного ужаса, среди которого не то что жить, оказаться ненадолго было бы для них смерти подобно. Поневоле поверишь в таинственную силу этих мест.

Ровный надрывный вой сжатого скалами ветра выматывал душу своей нескончаемостью. Мы шли друг за другом, стараясь не отставать и не терять из виду впереди идущих. И только Арсений то и дело вырывался вперед, уверенно отыскивая путь среди нагромождения камней, зарослей цепкого стланика и обломков стволов когда-то

принесенных потоком деревьев. Я не сразу сообразил, что это, сейчас почти смертельное бездорожье, было ему неплохо знакомо по прежним маршрутам, и, судя по его «Полевому дневнику», однажды он даже выбрался из этого распадка на какое-то таинственное плато, чью необычность он сумел почувствовать, но так и не успел изучить и понять. Хотя, казалось бы, что может быть удивительнее того, что мы здесь уже увидели и узнали, с чем сталкивались и, может быть, еще столкнемся. Как ни странно, но мысль о том, что мы ввязываемся в смертельно опасное дело, которое для кого-то из нас, а, может быть, и для всех, может оказаться последним в жизни, мне тогда даже в голову не приходила. Не то что я так уж был уверен в благополучном исходе нашего утомительного броска на выручку, а потому, что каждому из нас теперь уже не просто обстоятельствами, а самой судьбой было приурочено это изнурительное движение. Движение к спасению не только оказавшихся в смертельной ловушке людей, но и спасению нас самих, всего, что нас здесь окружало, всего, что могло случиться, если мы не успеем. «Мы должны успеть, мы обязательно успеем» – твердил я себе, зарываясь в падении в очередной сугроб или соскальзывая со скального уступа в опасную ловушку расщелины, выбраться из которой в одиночку вряд ли удалось любому из нас.

– Держись, Леха! – крикнул Омельченко, протягивая мне руку. – Не имеем права! Не мы, значит, никто! Не имеем права!

Где-то он тоже крепенько приложился. По лбу стекала кровь, левый глаз полузакрыт отеком. Я понял, что он думает о том же, о чем думал я. Во всяком случае, настрой тот же самый. Попытался ему улыбнуться, хотя вряд ли получилось.

– Близо уже! – крикнул Омельченко и показал рукой на почти перегородившее распадок каменистое подножие сопки, справа от которого узкое ущелье круто сворачивало к югу. Пройти по нему до намеченного подъема оставалось действительно всего ничего, и я испугался, что вырвавшийся вперед Арсений минует малозаметный в такой круговерти сворот и двинет по распаду дальше вдоль потока. Но насколько я сумел разглядеть сквозь порыв хлестнувшего в лицо ветра, он уверенно свернул в ущелье и исчез из вида.

– Не журишь, Леха! Дело правое, победа будет за нами! – прокричал Омельченко, окончательно утвердив меня на уступе.

И снова я внутренне порадовался полному совпадению наших внутренних ощущений и ожиданий.

Сумрачный провал ущелья удивил безветрием и чуть ли не тишиной, показавшейся после надсадного воя прорывавшегося по распадку ветра. Словно отгораживаясь от бесновавшейся непогоды, кто-то прикрыл дверь, и мы оказались в обособленном от окружающего пространства некоем природном сооружении, где почти не чувствовалось оставшейся за поворотом пурги. Правда, снега в эту тихую обитель навалило чуть не по пояс, да и дневного света по сравнению с распадком тут было на порядок меньше, что могло сильно затруднить наши поиски. Я увидел, что шедший впереди Арсений остановился, внимательно рассматривает окружающие нас скалы и камни, потом направился к нам с Омельченко. Подоспел и приотставший Пугачев.

– Чуть не проскочил, – виновато пробормотал он, оправдывая свое отставание.

– Насколько я понимаю, это где-то здесь или совсем рядом? – спросил Арсений.

– Рукой подать, если бы не тетка-погодка. Еще песенки распевают, что плохой погоды не бывает. Их бы с городского асфальту в эту нашу Тмутаракань. По-другому бы запели. Нет в нужном деле подсобить, вон какую подлянку раскручивает.

– Правильно ваш Птицын выражается. Погода она и в Африке погода, – вроде как согласился с ним Пугачев. – Им сейчас тоже соображать надо насчет ближайшей перспективы: то ли подаваться, то ли оставаться. А тут, глядишь, и мы подоспеем. Мне бы еще ребят моих...

– А мне бы Карая, – тяжело вздохнул Омельченко. – Раскатали бы их только так. Автоматы в таких условиях ворон пугать.

– Не водятся здесь вороны, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать. – Не выдерживают местного экстрима.

– Кто-нибудь слышал голос? – неожиданно спросил Арсений. – Сначала думал: ветер, гул, треск – кажется. Здесь вроде потише, все равно слышно: «Быстрее, быстрее, быстрее...»

– Это мы сами, – наконец сказал я. – Я тоже слышал несколько раз. Раньше. В других обстоятельствах. Пока не понял, что это наш внутренний голос. Место здесь такое. Все усиливается. И Ольга

Львовна сказала – место такое. Вы тоже писали об этом в своем дневнике. Я, например, сейчас всю дорогу себе твердил – быстрее, быстрее!

– Верно, Леха! Идти надо, рядом уже, – поддержал меня Омельченко и пошел к смутно черневшему за пеленой густого снега отвесному скальному выступу. Мы двинулись следом.

Веревки, которую якобы сбросил Егор Степанович и которая при любых погодных условиях должна была свисать там, откуда он ее сбросил, не было. Мы голыми руками ощупали, огладили каждый скальный выступ, чуть ли не каждый камень окрест на земле у подножия – вдруг оборвалась, занесло снегом, отбросило порывом ветра – веревки не было! Обессиленные, мы собрались кучкой у того места, с которого я когда-то начал свой первый подъем к замаскированной проходной в зону, в которую тогда еще почти не верил, но очень хотел, чтобы она все-таки оказалась.

– Одно из двух... – раздраженно сказал Пугачев и снова, в который уже раз посмотрел наверх, откуда два дня назад, изгнанные из зоны, мы благополучно спустились, может быть, по той самой веревке, которая сейчас отсутствовала. – Одно из двух, – снова повторил он. – Либо дважды раненному Егору Степановичу показалось, что он сбросил для нас эту веревку, или... – он недоговорил и снова посмотрел наверх.

– Или что? – не выдержав затянувшегося молчания, спросил я.

– Или вариант похужей. Ее кто-то убрал.

– Это вряд ли, – не согласился Омельченко. – Им в этот предбанник с обратной стороны нипочем не пролезть. Полностью исключается.

– Мы это «полностью исключается» сегодня на сто рядов обмусолили, – зло возразил Пугачев. – Оказывается, не полностью.

– Если не полностью, должен кто-то остаться здесь, караулить, – неуверенно предположил я. – Для страховки.

– Какая на хрен страховка? – не согласился Пугачев. – Стенка эта лучше любой страховки. Они, что, не понимают?

– А вот сейчас проверим, понимают или не понимают.

Скинув с плеча карабин, Омельченко прицелился в сторону замаскированного наверху входа и что было сил закричал:

– Кончай дурака валять, кто там заныкался! Поднимемся – вам же хуже будет. Посягательство на чужую собственность карается по закону. Можете у своего пахана проконсультроваться.

В наступившей тишине, как говорится, ни ответа, ни привета. Только из распада доносился ровный гул окончательно распоясавшейся непогоды. Не выдержав нарастающего напряжения, Омельченко выстрелил. Слышно было, как пуля щелкнула о камень.

– Тоже исключается, – констатировал Пугачев.

– Собака! – вдруг сказал давно уже прислушивающийся к чему-то Арсений.

– Какая собака?

– Давно уже слышу – лает. Слышите?

– Ни фиги! – прислушался Омельченко. И вдруг заорал во все горло: – Карай! Карай! Караюшка! Здесь мы, здесь, здесь!

Лай действительно стал слышен. Ближе, ближе. И вдруг, вынырнув из-под полога непрекращающегося снега, показался пес. Он подбежал к Омельченко и замер, подняв голову и чуть склонив ее набок, словно вглядывался тому в глаза или прислушивался. Омельченко передал мне свой карабин, бухнулся на колени и двумя руками обнял тихо поскуливавшего пса. Лицо у него было мокрое не то от снега, не то от слез и совершенно счастливое. Он что-то неразборчиво говорил Караю, оглаживал его, стряхивая снег, потом, посмотрев на нас, срывающимся голосом сказал:

– Ну, теперь мы их видали! Сделаем только так!

– Хорошо бы сначала увидеть, – не удержался Пугачев.

– Раз прибежал, значит, повидаем, – поднимаясь, уверенно сказал Омельченко.

Карай оглянулся на свой уже почти занесенный снегом след, рыкнул, привлекая к себе внимание, и вдруг неожиданным прыжком почти сразу исчез из виду.

– Теперь интересно, что дальше? – по-прежнему ворчливо-недовольным тоном поинтересовался Пугачев, обращаясь почему-то не к Омельченко, а ко мне.

– Карай просто так не появляется, – уверенно пояснил я. – Пойдем по его следу. Выбора у нас все равно пока ноу.

– Плагнат, – проворчал Пугачев по поводу использованного мною его любимого словечка, но, тем не менее, послушно двинулся за

Омельченко. Впрочем, первым по собачьему следу пошел Арсений. Он-то хорошо знал Карая.

У места, куда привел нас Карай, он оказался первым. Место было почти неотличимо от всего, что находилось окрест – на первый взгляд, ни малейшей особой приметы. Основательно измотанные, мы с недоумением осматривались, то и дело поглядывая на пса, усевшегося у огромного камня под скалой. Первым не выдержал Пугачев.

– Ну и что мы имеем? Пришли или перекур?

– Оглядеться требуется, – буркнул Омельченко. – Я там первый раз тоже ничего не разглядел, росомаха с направлением выручила. Вредная скотина, но приглядистая. До сих пор сообразить не могу, как она туда забралась, – бормотал он. – Видимо, не один ход у нее имеется. Егор тоже намекал. – Он присел перед Караем и спросил: – Ну, что делать будем?

– А ты росомаху позови, – не без яда посоветовал Пугачев. – Или еще раз стрельни. Карай твой на выстрел прибежал, может, и сейчас кто явится.

Арсений, также внимательно оглядывавший все вокруг, подошел и остановился напротив пса рядом с его хозяином. Карай смотрел на них, словно чего-то ждал.

– Как думаешь, почему сюда? – спросил Арсений. – Он явно чего-то ждет.

– Точно, ждет, – согласился Омельченко. – Давай думать.

Все это время я стоял стороне и, словно в забытьи, пытался ухватить за хвост не то ускользающую мысль, не то какой-то смутный образ. Несмотря на гул и вой непогоды и приличное расстояние между нами, я отчетливо слышал каждое их слово. В такое состояние я впадал уже несколько раз, оказываясь в «местах силы», как называла их Ольга Львовна.

– Мне кажется, такого камня здесь просто быть не должно, – разобрался я наконец в путанице своих мыслей. – Свалиться ему сюда просто неоткуда. У Глухой силенок не хватит своротить или даже с места сдвинуть. Карай рядом уселся, не уходит.

– Точно! – оживился Омельченко. – Камушек действительно не из местных. Откуда, интересно, его принесло?

– Остается только убрать, чтобы не мешал. Взорвать, например, – продолжал иронизировать Пугачев.

Неудача наших попыток проникнуть в зону явно его обескуражила. Ограниченное количество времени, отведенное нам для возможного противодействия назревающей катастрофе, сокращалось час от часу, а мы по-прежнему не просто топтались на месте, но абсолютно не представляли, что делать. Человека действия и решительных поступков это, понятное дело, не могло не раздражать. Тем более в ситуации подобной нашей, которая в любой момент могла закончиться трагедией.

– Предлагаю возвращаться на прежнее место и всеми силами попытаться найти способ подняться наверх, – предложил он. – Собачье чутье тут не помощник. Надеяться надо только на самих себя. Других вариантов я не вижу.

– Да нет, – покрутил головой Омельченко. – Карай зря не прибежит. Что-то тут имеется, чего мы не замечаем.

– Соображай. Только недолго. Пока не стемнело. В темноте мы вообще отсюда не выберемся.

Между камнем и базальтовым основанием очередной отвесной стены, тянувшейся по распадку вдоль правого берега, едва виднелась узкая щель, полузанесенная снегом. При желании туда с трудом можно было протиснуться. Впрочем, Омельченко, когда осматривал камень, сделать этого не удалось – щель была явно не для его габаритов, и он посчитал ее бесперспективной для дальнейшего исследования. Карай, которому, видимо, надоело наше бесполезное топтание на одном месте, вскочил, обежал камень, уселся с другой стороны щели и, подняв голову, коротко пролаял какую-то одному ему понятную фразу, которая едва ли одобряла наше беспомощное бездействие. И тут я отчетливо вспомнил каменные ступени, по которым поднялся в поисках хоть какого-нибудь выхода из пещеры, превратившейся для нас в ловушку. Каменный уступ, преградивший мне путь, тоже казался непроходимым и, тем не менее, довольно легко поддался моему усилию сдвинуть его с места и открыл замаскированный проход в зону. Не скрыто ли и здесь что-то похожее? Там путь подсказала едва заметная разница в окраске прикрывающей вход плиты и стены, в которой был проделан проход. Этот камень тоже вроде не вполне совпадал по окрасу со скалой, к которой приткнулся. Может, ерунда, а может, вполне возможная аналогия? Егор Степанович сказал: «Рядом будете стоять, нипочем не разглядите». А разглядывать здесь кроме

камня особенно нечего. Камень, конечно, не уступ, на который я тогда нажал плечом. Никому и в голову не придет попытаться сдвинуть его с места. Такую громадину бульдозером не свернешь. Взорвать разве только. Понятно, что и то, и другое полностью исключается. Попробовать разве протиснуться в щель? Может, там что-нибудь? Карай с нее глаз не сводит.

Скинув куртку, я подошел к щели, встретил понимающий взгляд посторонившегося Карая и стал разгребать еще не слежавшийся снег. С противоположной стороны чуть погодя этим же занялся Арсений. Омельченко торопливо выудил из своего рюкзака небольшую саперную лопатку, передал мне, уже частично углубившемуся в узкий проход между камнем и базальтовым основанием скалы, гладко отполированным стремительным течением воды, ветрами и прочими природными неурядицами, и стал отбрасывать снег вокруг камня. Скоро я увидел пробивавшегося навстречу с противоположной стороны щели по пояс в снегу Арсения Павловича.

Оказавшись рядом мы прежде всего внимательно стали осматривать базальтовую стену. Я даже обстучал ее полотном лопатки, а Арсений несколько раз провел ладонью по гладкой поверхности. Все указывало на стопроцентную целостность скального основания. Затем мы одновременно развернулись к темной поверхности камня.

– Давай, Алексей, подумаем хорошенько, – предложил Арсений после затянувшегося молчания. – Случайностей я не усматриваю. Что-то должно быть. Что?

Внимательное обследование камня сначала не дало никаких результатов.

– Помочь, может? – пытаюсь протиснуться в щель, предложил Омельченко.

С противоположной стороны пробрался в щель и Пугачев.

– Как насчет голосов? – не удержался он от очередного сарказма.

– Есть посветить? – спросил Арсений. – Темно тут.

Омельченко, словно ждал этой просьбы, протянул мне фонарь. Включив его, я почти сразу разглядел смазанные следы крови на высоте человеческого роста. Сомнений не оставалось – Егор Степанович был здесь. Но откуда и как он сюда попал? Кровь была только с того края камня, у которого стоял я. Это могло быть

случайностью, но что-то мне подсказывало – в этом что-то есть. Вот только что?

Арсений подошел ко мне вплотную, забрал фонарь.

– След от руки, – уверенно сказал он, внимательно вглядываясь в не очень ясный отпечаток ладони. – А это вторая рука, – разглядел он еле заметный след. – Опирался здесь двумя руками. Зачем? Чтобы не упасть? Тут при желании не упадешь. Как по-твоему?

– Прислонился к стене спиной и двумя руками уперся в камень.

– Хотел его сдвинуть?

– Думаете, этот камень можно сдвинуть? Он же в землю врос.

– Надо попытаться.

– Вы что, всерьез? – спросил Пугачев, протискиваясь к нам поближе.

– Почему нет? – поддержал Арсения Омельченко. – Мы в этой зоне и не такого еще навидались. Меня когда этот литовец по пещерам на волю выводил, я только глазами хлопал и мысленно затылок чесал. Обустройство там на все возможные неприятности. С головой планировали. Карай тоже вот одобрение высказывает, – расслышал он поскуливание пса. – Ну что, нажмем?

– Чем черт не шутит, – пробормотал Пугачев, и первым упершись спиной в базальтовое подножье скалы и согнув ноги, надавил ими на камень. Мы даже не успели к нему присоединиться. Камень дрогнул и медленно стал отодвигаться, открывая проход в подземелье.

Назвать открывшуюся щель проходом – явное преувеличение. Лаз. Проникнуть в который нам с трудом удалось, разоблачившись почти до исподнего. И хотя мы спешили и старались не потерять ни минуты, наше проникновение в зону заняло немало времени. Конечно, это была еще не сама зона, а всего лишь один из путей проникновения в нее. Или исчезновения из нее? Надо будет потом поинтересоваться. Если, конечно, это «потом» предоставит нам такую возможность.

Света единственного нашего фонарика хватило лишь на торопливые сборы и не менее торопливую оглядку. Успели лишь рассмотреть, что основание камня покоилось на какой-то полукруглой платформе, что «предбанник», как обозвал его Омельченко, был совершенно не рассчитан на количество посетителей, которые в нем сейчас оказались, и двоим из нас пришлось перебраться в следующий тесный лаз, открывавший узкий проход в непроглядную темень

неведомого подземелья. Карай, первым нырнувший в темноту лаза, бесследно исчез именно в этом проходе, словно подсказывая нам наш дальнейший путь. Мы торопливо одевались и приводили себя в прежний боевой порядок. Усталости как не бывало. Последние блики света погасающего фонарика судорожно выхватывали из темноты какое-то явно искусственное сооружение, напоминавшее непонятно с какой целью грубо сложенную пирамиду, а на возвышении платформы под основанием камня стояли какие-то ящики... Разбираться, что тут еще и для чего, времени не было. Туго обмотав черенок лопатки какой-то тряпкой, добытой все из того же вещмешка, Омельченко смочил ее спиртом из своей покалеченной фляжки, поджег, и мы, протиснувшись в очередной тесный лаз, двинулись по довольно круто поднимавшемуся в неведомое проходу. Судя по всему, проложен он был когда-то подземным потоком и приведен в относительный порядок людьми: мешавшие движению валуны отодвинуты в сторону, через ямы, заполненные водой, прокинуты доски, на развилках углем нарисованы стрелки, показывающие, куда надо сворачивать.

– Карай твой в этом лабиринте не заблудится? – сменив привычную интонацию недовольства на почти заискивающую, спросил Пугачев.

Вместо ответа Омельченко лишь презрительно хмыкнул и ускорил шаг, догоняя опередившего всех Арсения. Фонарик у того в руках был на последнем издыхании и света почти не давал, но Арсений уверенно шел впереди, безошибочно угадывая нужное направление. Путь, судя по всему, нам предстоял не близкий, и никто из нас не имел ни малейшего представления, в каком месте обустроенной за десятилетия обширной зоны мы могли оказаться. К тому же, не исключено, что обеспокоенные исчезновением Егора Степановича непрошенные и хорошо вооруженные, по его словам, посетители зоны могли на всякий случай заложиться охраной. Вот только охраной от кого? Что им могло прийти в голову? О нашем присутствии они вряд ли догадывались и за себя наверняка не опасались. Охранять им стоило только своих пленников – старика, женщину и обманутого ими «литовца», который, по словам Егора Степановича, подсказал им дорогу. Интересно узнать, на чем они его прикупили? Сейчас, когда снаружи свирепствует местный буран, они вряд ли рискнут предпринимать какие-то решительные действия. Выбраться без посторонней помощи им не

светит. Своя связь при здешнем экстриме весьма проблематична. Разве только отыщут генеральскую рацию в вагончике на скале? А если отыщут и сумеют с кем-то связаться, взрыв неизбежен...

Какие только мысли не мелькали и не путались у меня в голове во время этого непростого торопливого продвижения по подземным коридорам, выработкам, пещерам и бесконечным ответвлениям в разных направлениях. Ориентировку я потерял начисто, и в случае возвращения нам без исчезнувшего Карая вряд ли обойтись. Надеюсь, что он все-таки появится. Сейчас же, главное, не просто спешить, а бежать. Да мы и так уже почти бежали.

Внезапно Арсений остановился и предупреждающе поднял руку. Мы замерли и стали прислушиваться. За поворотом, куда указывала очередная стрелка, кто-то разговаривал. Да нет, на разговор это было непохоже. Собеседник у говорившего явно отсутствовал. Не то он разговаривал сам с собой, не то бубнил какой-то монолог. Мы осторожно подтянулись к Арсению. Пугачев взял оружие наизготовку. Несмотря на подземную спертость пространства и не всегда разборчивые отдельные слова, угадывалось, что неизвестный читал вроде бы стихи:

Быть или не быть – таков вопрос:
Что благородней духом, – покориться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль ополчась на море смут, сразить их
противоборством?

Что это за строчки и откуда они, я узнал позже. Тогда только удивился несоответствию высокого слога и довольно унылого, я бы даже сказал, бесцветного прочтения. А тут еще и голос показался мне знакомым. Почти не веря своей догадке, я все-таки решил рискнуть и, дождавшись, когда неведомый артист выдавит из себя последнее слово, преодолел сопротивление попытавшегося удержать меня Пугачева, вышел из-за угла и выдал реплику, на мой взгляд, полностью соответствующую данной мизансцене:

– Читать под землей в темноте монологи – верный признак серьезного нервного расстройства. Что, дорогой Валентин Николаевич,

в очередной раз выбило вас из колеи?

В ответ довольно продолжительное молчание, и лишь чуть ли не минуту спустя вздрагивающий от испуга и волнения голос произнес:

– Товарищ старший научный сотрудник... Вы живой или как?

– А лично тебе, раб Божий Кошкин, чего бы хотелось? – подошел и остановился рядом со мной Пугачев.

– Еще, что ль, один покойничек на мою голову? – плачущим голосом поинтересовался Рыжий. – Или еще кто имеется?

– Покойники народ безвредный, в отличие от тех, кто тебя сюда законопатил, – подал свою реплику подошедший к нам Омельченко.

– Пожалуйста, рассказывай побыстрее – кто, где, почему и как? – попросил Арсений.

– Или оставайся. А мы дальше двинули, – предложил Пугачев своему, как я это уже понял, давнему добровольному сотруднику.

– Не имеете права! – чуть ли не взвизгнул осторожно двинувшийся к нам Рыжий. – Я тут тысячу и одну отходную Боженке прочитал. В самое ближайшее время дуба дать собрался по причине полной безвыходности. А вы – «оставайся»! Полная с вашей стороны негуманность.

– О гуманности потом поговорим. Рассказывай по-быстрому, – оборвал его Пугачев. – Почему и каким образом ты здесь? И без всяких твоих выкрутасов и монологов.

– Слушаюсь, товарищ капитан! Только без выкрутасов ни хрена не получится. Вся моя жизнь за последние дни и месяцы сплошные выкрутасы. Как снаружи, так и изнутри. И такой репертуар полностью благодаря тем, кто сейчас здесь рядом находится. Разве вот только Арсений Павлович под сомнением. Хотя если он здесь, значит, тоже в репертуаре.

– Я сказал – короче! – не выдержал Пугачев.

– Короче не получится. Сами сказали – выкрутасы. Самому бы разобраться, что к чему и откуда.

Я решил защитить свою то и дело попадающую впросак подсобную единицу:

– Пусть рассказывает. Несмотря на излишнюю многословность, в основном он все-таки вещает правду. Я в этом успел убедиться.

– Спасибо, Алексей Юрьевич, – поклонился мне Рыжий. – Значит, рассказываю. Выводы сами делайте, вам за это денежки платят.

– Я сейчас тебе точно заплачу! – не выдержал уже и Омельченко. – Мало не покажется.

– И это вместо благодарности. Я его всеми силами и возможностями от врагов защищаю, а он мне морду бить собирается. Я вот почему монолог в полной темноте и одиночестве вспоминал? Заранее предвидел такое несправедливое отношение.

– Ты мне своими монологами мозги не парь! – сорвался в полный голос Омельченко. – Говори, как здесь оказался. У нас каждая минута на счету, а ты какие-то монологи базарить будешь.

– Не какие-то, а товарища Шекспира. Так что поимейте уважение. Классика она и под землей классика.

Рыжий явно начал приходить в себя от ошеломившей его неожиданной встречи.

– Послушайте, как совпадает...

Он выпрямился, избавляясь от своей привычной сутуловатости, и с явно наигранной артистичностью выдал:

– А судьи все мои,
Меня судив, самих себя клеймят.
Ведь, может быть, я прав, а у судьи
В кривых глазах кривых оценок ряд.

И отшатнулся от показушно замахнувшегося на него Омельченко.

– Не я, Шекспир сказал. Короче, так... Выполняя задание не терять из виду и по возможности поддерживать контакты, сами знаете с кем, выяснил, что... Короче – подслушал. Поскольку товарищ старший научный сотрудник Николаев Алексей Юрьевич подался в неизвестном направлении, сотрудники ваши, товарищ майор, тоже неизвестно где находятся, соответственно Доцент и Хриплый принимают решение делать ноги и как можно скорее. После чего тоже исчезают в неизвестном направлении. По уму, мне бы спокойно оставаться на своем рабочем месте и дожидаться, чем дело кончится и чем сердце успокоится. Что, кстати сказать, настоятельно советовали и мой научный шеф, и ваши сотрудники, товарищ капитан, и вы лично. Виноват – мудрому совету не последовал, принял решение – прыгнуть.

– Что значит «прыгнуть»? – не выдержал я.

– Я же вам рассказывал... Как тогда, летом... В речку, со скалы. Озарение такое накатило. Или одурение? Вот и сейчас. Прибарахлился маленько в нашей научной избушке – спальник, пожрать, по мелочи кое-что – и рванул.

– Куда? – снова не выдержал я.

– С целью кого-нибудь отыскать. Одиночество в здешней местности совершенно невыносимое состояние. По вашим личным словам и по приметам из дополнительных источников, главные направления возможных здешних передвижений река и распадок. Поэтому принял решение двигаться в этом же направлении.

– По реке, что ль? – удивился Омельченко.

– Насчет реки – полное отсутствие средств передвижения и взаимное с ней недоверие, а насчет распадка кое-что рисовалось. Смутненько, правда, но рисовалось. Ну и рванул... Сразу следом за шефом.

Рыжий замолчал, не то собираясь с мыслями, не то пытаюсь сообразить, как позамысловатей изложить свои дальнейшие приключения.

– Побыстрее можно? – прикрикнул на него Пугачев.

– Побыстрее по той дорожке, по которой направился, ни фиги не получится. Ни дорожки, ни погодки. Сами знаете, если в этом направлении прибыли. Если бы не росомаха, пришлось бы вам, дорогие товарищи работодатели, писать справку о бесследном исчезновении Кошкина Валентина Николаевича.

– Росомаха? Она тут при чем? – удивился Омельченко.

– Та самая, которая в нашем жилище обосновалась. Я тогда еще усек – животиная старая, еле ноги передвигает. Не зря, выходит Алексей Батькович ее пожалел. Была бы здоровая, мне бы за ней нипочем не угнаться. А так и она спотыкается, и я за ней носом снег ковыряю. Соображаю, если идет куда-то, значит, норка у нее какая ни на есть имеется. Мы ее выселили, а жить где-то надо. Может, и я поблизости приткнулся. Местность и погода к тому времени полностью непроходимыми стали.

– Приткнулся?

– Мы уже – и я, и она – еле ноги передвигали. Можно сказать, рядышком шли. Оглянется на меня, посмотрит, словно спрашивает о

чем-то, и дальше идем. А на кого мне было еще надеяться, как не на неё. Хоть одна живая душа. Вдвоем и помереть веселее.

– Ну, на покойника ты вроде не смахиваешь, – проворчал Омельченко, поправляя коптивший факел.

– На секунду только и отвлекся – оглядеться вокруг. Поворачиваюсь – как сквозь землю провалилась.

– Не захотела, значит, с тобой ночевать, – продолжал ворчать Омельченко, пытаясь привести в порядок свой забарахливший светильник.

– Видать, не захотела. А может, на место пришла. Куда она за пару секунд деться могла? Ну, тут я подсуетился, конечно. Помирать-то неохота. Не хуже этого... Холмса все вокруг облазал.

– Все, мужики, надо двигать. Без освещения мы тут и ноги, и головы сломаем. Или не в ту сторону наладимся, – предложил Омельченко после своей не очень удачной попытки справиться с сооруженным в спешном порядке и явно готовым вот-вот погаснуть факелом. – Потом дослушаем этого артиста-афериста. Живой остался, и слава богу.

– Так я это... – засуетился Рыжий. – Это я временно сейчас находился без света в целях экономии и полного пессимизма. Я когда в этих помещениях оказался, фонарь отыскал. «Летучая мышь» называется. Керосину под завязку, но экономить все равно приходилось. Думаю – хрен его знает, сколько тут еще путешествовать придется. Назад дорогу начисто позабыл. Куда идти, никакого соображения нет. От одной беды уберегся, в другую занесло. Вообще непонятно, куда занесло. Но что определенная цивилизация здесь имелась, доказательства в наличии. Фонарь вот. Сейчас я его предоставляю...

– Кого-нибудь видел или слышал? – спросил Арсений.

– Полное ничего. Кричать пытался – только голос сорвал. Монологи вспоминал, чтобы крыша не поехала. От безнадеги, говорят, бывает...

– Давай свой фонарь, – прервал его Омельченко.

Так и не договорив, как он спасся, оказавшись в безнадежном положении, Рыжий принес свой фонарь. Мы двинулись дальше. Заблудиться не боялись. Следы давнего и недавнего присутствия человека встречались не так чтобы часто, но все-таки встречались. Мы

находились в сфере таинственной зоны, кое-где обустроенной людьми, но в подавляющей своей части созданной природой и лишь умело используемой человеком для своих потребностей. Все эти проходы, коридоры, пещеры в конечном счете должны были иметь вход, который наверняка находился в том месте, откуда все начиналось и где сейчас находились люди как имевшие полное право там находиться, так и задавшиеся целью это право себе присвоить. А каждый из нас был уверен, что присвоение это преступно и может привести к катастрофе. Рыжий, видимо не на шутку испуганный перспективой снова оказаться в одиночестве, старался держаться поближе ко мне и изредка подавал предостерегающие реплики: «Осторожно!»... «Яма»... «Пригнитесь, шеф!»...

Уже давно у меня в голове вертелась мысль, что если этим путем выбирался в распадок раненый Егор Степанович, а до этого он, по его словам, скинул из пещеры веревку, которая таинственно исчезла, то мы в конце концов можем оказаться именно в этой пещере, которую про себя я самонадеянно называл нашей. Из неё, или по подземному потоку, или по пути, которым в самый центр зоны проник я, мы сможем выйти в то самое место, которое я хорошо запомнил и где встретился с людьми, которых мы сейчас спешили спасти. Я поделился своими соображениями с Пугачевым и Омельченко, и они, не без видимых сомнений, со мной согласились. Впрочем, с каждым часом сомнения эти усиливались. Пока вдруг неожиданно забежавший вперед Рыжий не растопырил руки, призывая нас остановиться.

– В чем дело? – недовольно поинтересовался Пугачев. – Только, пожалуйста, без монологов.

– Знакомая местность. Вон там, – Рыжий показал куда-то в темноту, – имел возможность спокойно переночевать. А если спуститься вон там и протиснуться за угол, то окажемся в очень интересном месте, куда с огромным трудом, сам не знаю как, забрался по веревке.

Омельченко почувствовал интересный поворот темы и подошел к Рыжему вплотную.

– Другого выхода просто не было. Росомаха испарилась, а веревка в данной ситуации – единственная возможность остаться в живых. Поднялся сначала туда, а оттуда сюда.

– А там, где «туда», что тебя не устроило?

– Сплошные сквозняки, и речка еще какая-то шебаршится, спать не дает. Очень нервная обстановка.

Кроме Арсения мы сразу догадались, о каком месте нам сейчас рассказывал Рыжий, и наконец-то с облегчением перевели дух. Дальнейший путь теперь стал ясен.

– Ну а веревку куда дел? – грозно спросил Омельченко.

– Сообразил, что входную дверь в случае окружающей неизвестности лучше держать закрытой. Смотал и камушком придавил. Могу показать. Спустимся по ней в лучшем виде, когда погодка предоставит возможность.

– Спустил бы я тебя оттуда без всякой веревки. Полдня, если не больше, из-за тебя, долболома, у нас гикнулись. Хорошо еще, что фонарь отыскал, а то бы точно спустил.

– Не по-онял, – обиженно протянул Рыжий. – Я вам, можно сказать, возможность предоставил, а вы бочку катите.

– Какую возможность? – не унимался Омельченко.

– Какую, какую! – заорал ничего не понимающий Рыжий. – Выхода! В направлении, куда душе желается.

– Душам нашим желается не туда, а туда, – Омельченко показал рукой в неопределенном направлении, но явно не в сторону обретенного спасительного выхода.

– Не понял, – упавшим голосом в который уже раз повторил Рыжий, взглядываясь в наши лица и, кажется, уже начиная кое-что соображать.

– А это пусть тебе твои начальники объясняют. Ты только веревку на прежнее место верни. И карауль хорошенько, чтобы росомаха не утащила.

– Не понял... – снова завел было Рыжий. Но, уже догадываясь, что события, кажется, разворачиваются гораздо серьезнее, чем ему показалось сначала, резко сменил свой прежний искательно подхалимский тон на деловой и уже совсем другим голосом потребовал: – Прошу свое непосредственное руководство объяснить настоящую задачу и мое в ней участие.

– Я же тебе объяснил – веревку карауль. Головой отвечаешь, – опередил мой ответ Омельченко.

– А вы, гражданин Омельченко, мне не начальник, чтобы ставить дурацкие задачи. Нормальное исполнение возможно лишь при четко

обозначенной цели и понятном смысле. Чего в ваших несерьезных предложениях не усматриваю.

Омельченко от подобной перемены в поведении Рыжего несколько опешил, а Пугачев, опередив меня, хохотнул и, хлопнув Рыжего по спине, попробовал вернуть взаимоотношения с моим подсобным рабочим в товарищески деловую колею.

– Вольно, товарищ Кошкин. Выношу благодарность за проявленную в непростых условиях инициативу. Особенно за найденный фонарь и сохраненное средство подъема и спуска. Ну а поскольку остальному нашему составу предстоит весьма непростое, я бы даже сказал, весьма опасное мероприятие, привлечь вас к дальнейшим совместным действиям считаю нецелесообразным. Честно говоря, не имею права, как человека сугубо штатского и к возможным оперативным действиям неприспособленного.

– Они, что ль, приспособленные? – Рыжий ткнул пальцем в меня и Арсения Павловича. – А Омеля? Еще надо подумать, кто приспособленный, а кто нет. С Хриплым и Доцентом кто одной левой? Сами полностью одобрили.

– Когда это я одобрял? – посерьезнел Пугачев. – Короче. Заставить не имею права, а при добровольном согласии, если коллектив не возражает.

– Насчет моего согласия, ради бога. Хотелось бы только уточнить, с кем воевать собираемся? Насколько понимаю, с теми, кто здесь обосновался?

– Те, кто здесь давным-давно обосновался, – наконец смог вмешаться и я, – прекрасные люди. Только, как это часто бывает, прекрасные люди сторона потерпевшая. А вот другие, кто здесь совсем недавно, – наоборот. И это действительно очень опасно.

– Здесь все очень опасно. Живем тем не менее. Жрать только охота.

– Не гарантирую, но в случае благополучного исхода чего-нибудь сообразим. Не исключено, что и твой любимый напиток найдется, – усмехнулся Пугачев. – Вот только с вооружением у тебя полный швах. Будешь непроезжей обузой. А здесь хотя бы веревку укараулишь. На случай вынужденного отступления.

– Фонарь нашел, оружие тоже отыщется. Только можно и без оружия.

– Это как? – удивился Пугачев.

– Какое оружие у бывшего актера, липового бомжа и нештатного сотрудника правоохранительных органов? Заговаривать зубы, вешать лапшу на уши, разбавлять сгустившуюся атмосферу до состояния дурацкой ирреальности. Можно считать – роль второго плана, которая иногда становится главной. Расскажу им про росомаху, которая меня сюда заманила, изображу мало что соображающего идиота, пообещаю показать выход, если у них возникнет такая необходимость. А вы пока на стреме, за уголком. Их там сколько?

– А что? – почесал затылок Пугачев, не ответив на последний прямо поставленный вопрос. – Вариантов может возникнуть множество. Этот не из худших.

– Значит, так, – подошел и вмешался наконец в наши переговоры Арсений, до этого пребывавший в глубокой задумчивости, которой неожиданно сменилась его торопливая целеустремленность. – Все очень серьезно. Поэтому действуем по обстоятельствам, которые пока не предсказуемы. Из ваших рассказов и проговорок я понял, что отсюда к нашей конечной цели два пути – подземный поток с выходом на открытое пространство, что чревато, и путь, которым добрался до центра зоны Алексей. Он будет нашим проводником. И еще... Кто-нибудь что-то слышал или слышит? Я имею в виду «внутренний голос», как вы его называете.

– Я – нет, – уверенно сказал я.

– Тоже вроде, – буркнул Омельченко.

Пугачев покрутил головой:

– Ноу.

– Все время, – нарушил однообразие ответов Рыжий.

– Что «все время»? – спросил Арсений.

– Слышу. Не понять только – мужской или женский. Раньше в основном женский вмешивался. А сейчас не понять.

– Хоть что-то можно разобрать?

– Иногда вроде можно. Только, по-моему, сплошной порожняк.

– Если твой внутренний, то точно порожняк, – недовольно проворчал Омельченко. И добавил: – Поспешим, мужики. А?

– А что-нибудь конкретное? – не отставал от Рыжего Арсений.

– Конкретное? Не разобрал: то ли контролирую ситуацию, то ли не контролирую. Про Бога несколько раз. Не то «спаси, Господи», не

то «помоги». Но это точно мой внутренний.

– Ясно, – сказал Арсений и, помолчав, добавил: – Пошли, Алексей!

* * *

Не буду повторно описывать путь, который я когда-то преодолел в одиночестве и которым сейчас мы осторожно продвигались к центру зоны. На часах была почти полночь, когда соблюдая все меры предосторожности, наш небольшой отряд подошел к перегородившей проход двери, которую когда-то открыл передо мной Егор Степанович. Судя по чрезвычайно обострившимся чувствам и совершенному отсутствию усталости, мы вплотную подошли к тому самому, то появляющемуся, то исчезающему феномену зоны, который его обитатели называли то «местом силы», то «уникальными особенностями» когда-то освоенного ими места. Молчаливая сосредоточенность, безошибочная точность каждого шага, каждого движения подсказывала, что все мы испытываем то самое состояние готовности к немедленному решительному действию, которое могло как помочь нам, так и оказать медвежью услугу. Потому что в той ситуации, в которой мы сейчас оказались, любое опрометчивое, неосторожное движение может повлечь за собой необратимые последствия. Запланированный когда-то «генералом» на случай нежелательного вторжения и непредвиденных обстоятельств взрыв сейчас мог случиться в любую минуту. Надо было сделать все возможное, и даже невозможное, чтобы этого не случилось. Но для этого предстояло открыть преградившую нам дорогу дверь. Я не сомневался, что она закрыта. Иначе просто быть не могло. Вторгшиеся сюда люди, если они хоть что-то знали об этой зоне, не должны оказаться настолько беспечными, чтобы не остерегаться любых возможных осложнений и неожиданностей, которые могли здесь случиться в любую минуту. Вот что бы я сделал на месте известного мне их руководителя? Рассредоточил бы своих людей по периметру обозримого жилого пространства? Или же, наоборот, собрал бы всех в одном месте для упрощения коллективной защиты и гарантированной охраны тех, кого они считали хозяевами зоны?

– Они сейчас все в одном месте, – словно подслушав мои мысли, прошептал Арсений.

– Почему так думаете? – тоже прошептал Пугачев.

– Не знаю, – признался Арсений. – Мне так кажется. Для них это лучший вариант. Они могут быть за этой дверью? – спросил он у меня.

– Здесь две двери. Эта и еще одна. Насколько я понял, здесь живет Ольга Львовна. Она отдельно от всех живет. Если она сейчас здесь, то может быть охрана. Тогда дверь закрыта.

– А это мы сейчас проверим, – сказал Омельченко и, отодвинув меня в сторону, взялся за кованую скобу, служившую ручкой, и потянул на себя тяжелую дверь. Та неожиданно и совершенно бесшумно подалась. Держа наготове оружие, мы прижались к каменным стенам и некоторое время выжидали возможную реакцию. Тишина, с которой мы уже свыклись в пространстве преодоленных подземелий, казалась сейчас особенно гнетущей. За второй дверью могли таиться любые неожиданности.

– Там никого нет, – сказал наконец Арсений. – Я чувствую.

– Я тоже, – поддержал я его.

– Что «тоже»? – прошипел Омельченко.

– Тоже чувствую.

Пугачев, ни слова не говоря, подошел к двери и взялся за ручку.

– Ну? – поторопил его Омельченко.

– Потушили фонарь и рассредоточились! – приказал Пугачев и, выждав время на исполнение, потянул дверь на себя.

Дверь, так же бесшумно, как и первая, приоткрылась. Из темноты, оказавшейся за ней, через несколько мгновений раздался голос:

– Вы почти опоздали. До взрыва несколько часов. Если успеете, выводите тех, которые не ведают, что творят. Остальные получают то, что заслужили. – После паузы добавил: – Должны получить.

Это был голос «генерала». Вернее, того, кого я все время называл генералом – капитана Вячеслава Евгеньевича Серова. После этого зажегся свет.

В уже знакомой мне комнате никого не было. Посередине стола лежал диктофон, провод от которого был протянут к ручке двери.

– Элементарно, – облегченно вздохнув, сказал Пугачев. – Сигнализация на уровне самостоятельности шестого класса. Весьма

своевременная, надо признать. Могло быть похужей. Кажется, у нас есть еще немного времени.

– Выходит, нас все-таки ждали, – внимательно осматривая комнату, сказал Омельченко.

– И даже оставили путевоитель.

Пугачев развернул лежавший рядом с магнитофоном листок бумаги и стал внимательно его изучать.

Арсений тем временем подошел к беспорядочной груде женской одежды, лежавшей на диване, и, узнав что-то, выпростал из нее и прижал к лицу выцветшую джинсовую куртку с так и не замытыми, потемневшими от времени потеками и брызгами крови. Остальная одежда свалилась на застланный ковром пол, открыв припрятанную под ней прекрасную винтовку, кажется винчестер, с новейшим оптическим прицелом.

– Я же говорил – нашли фонарь, найдем из чего стрельнуть в случае необходимости.

– В случае предельно крайней необходимости, – поправил Рыжего Пугачев, забирая у него винчестер.

По дороге сюда Рыжий осторожно выпытывал у меня детали предстоящей операции, к которой он так опрометчиво примкнул, не желая остаться в одиночестве в неопределенной должности караульщика запрятанной им веревки. Уяснив, хотя, кажется, не до конца, возможную опасность нашего столкновения неизвестно с кем и с чем (я, естественно, не раскрыл ему всех подробностей), мой помощник слегка приуныл, но вскоре, заразившись нашей решимостью, уверенно зашагал рядом с Пугачевым, изредка спрашивая его о чем-то. На все его расспросы Пугачев в основном отмалчивался и лишь иногда изрекал свое любимое «ноу».

– Насколько я понял, отсюда у нас два выхода или, если хотите, входа. Либо выходим на плац перед штабным бараком, где мы прошлый раз тесно общались с местными обитателями и где рискуем оказаться на виду у нежелательных новоселов. Лишая себя плюса неожиданного появления. А вот через этот вход-выход, – Пугачев ткнул пальцем в нарисованную от руки схему, – мы оказываемся в небольшом предбаннике перед кают-компанией, где нам посчастливилось в прошлый раз пообедать и даже вкусить по глотку великолепного массандровского вина 1968 года разлива. Не

исключено, что в этот раз они все вместе находятся именно там. Позднее время позволяет нам надеяться на частичное снижение бдительности. Хотя не исключено, что наоборот – оцетинились автоматами во всех направлениях. – Пугачев надолго замолчал и, выждав чуть ли не минуту, спросил: – Какие будут предложения?

– Положение у них, в общем-то, безвыходное. Они, скорее всего, этого не знают. Поэтому будут качать права, – предположил Омельченко.

– Кто качает, тот и отвечает, – некстати вмешался Рыжий.

– Значит, что? – недовольно поморщился Пугачев.

– Надо поставить их в известность, – уверенно заявил я, покосившись на висевшую над диваном картину. «Утро стрелецкой казни» никогда не внушала мне особого оптимизма. Вот и сейчас, по какой-то не очень внятной ассоциации, она почему-то связалась у меня с трагической ситуацией, в которой находились сейчас и мы, и наши вероятные противники. Непонятно – Петр командовал написанными художником событиями, или события заставили его поступить так, как он тогда и поступил? Жестоко поступил, если уж называть вещи своими именами.

– Кто-то из нас должен пойти к ним и все рассказать. Поставить, как вы говорите, в известность. В зависимости от того, что они решат, и будем действовать, – продолжил я свои рассуждения.

– Напекаешь, что пойдешь ты? – спросил меня Омельченко.

– На каждого из вас он может среагировать весьма отрицательно. А я лицо совершенно независимое от того, что происходило раньше, и материально не очень заинтересованное в том, что происходит сейчас. Он может удивиться, но вряд ли начнет стрелять.

– Первый вопрос, который он задаст, – откуда ты узнал про взрыв?

– Десятки вариантов, – отмахнулся я.

– И все недостоверные.

– Какой взрыв? – заинтересовался Рыжий.

Ни я, ни Пугачев ему о возможном взрыве, естественно, не сообщили.

– Думаете, они о нем еще не знают? – спросил Омельченко.

– Если знают, то, скорее всего, не поверили, – предположил Пугачев, поворачиваясь ко мне. – Придумывай убедительную версию и поскорее. Не исключай возможности, что «генерал» им уже все сказал.

– Он скажет об этом в последнюю минуту, – уверенно заявил Арсений.

– Почему? – удивился Омельченко.

– Главный у них очень жестокий, умный и беспринципный человек, который ни перед чем не остановится. Даже перед пытками. Серов не может этого не понимать. С ним женщина, которую он спас. Поэтому скажет о взрыве в самую последнюю минуту. Когда не останется выхода.

– Резонно, – поддержал Арсения Пугачев. – Значит, очень важно, чтобы они тебе поверили. Сразу поверили. Сможешь?

– Не сможет, – сказал Арсений. – Он не поверит, что Алексей решил спасти незнакомых людей ценой собственной жизни. Ведь если будет взрыв, то и он погибнет. Значит, с его точки зрения, никакого взрыва не будет. Стопроцентный блеф. Это еще не считая вопросов – как узнал, от кого, как здесь оказался? – Последовала привычная у Арсения пауза. И только после нее он решительно заявил: – Если доберемся без осложнений, пойду я. Я знаю, что и как им сказать.

– Уверены? – недоверчиво спросил Пугачев.

– Насчет себя – уверен, насчет них – будем посмотреть. Для начала надо ошарашить, вызвать неуверенность. Вы должны появиться только в самом крайнем случае. А то, что я буду один и без оружия, скорее всего, снизит их возможную агрессивность. Мы ведь пока не знаем, что там происходит. Мое появление будет неожиданным. Кроме тех, кто нас все-таки ждал и ждет. Возможно, это удержит Серова от трагического поступка.

– Может, я с вами? – нерешительно вмешался Рыжий. – Вроде как проводник и все такое...

– Из тебя проводник, как из меня росوماха, – не удержался Омельченко. – У меня другой вопрос – куда Карай рванул? Просто так у него не бывает. Он нас сюда предоставил, чтобы действовать, а не монологи травить. Сейчас момент за горло этого гада взять. Безо всякой жалости и оглядок. Забыли, сколько трупов на нем? Он не дурак, не раз убедились. Оглянешься – либо подстава, как со мной, либо пуля, как Хлесткину. Генералу тогда ничего не останется, как осуществить. Я, в отличие от вас, ему в глаза глядел. Такой обязательно осуществит, если не подсуеетимся по-умному и по-

быстрому. Я там прошлый раз, когда Егору пожрать приготовить помогал, вроде как в кухне бывшей находился. Если кто по соседству находится, то все слышать при желании. Лишь бы по дороге никто не нарисовался. На месте разберемся – одному ему идти, – он ткнул пальцем в Арсения, – вдвоем или всем скопом для создания соответствующего впечатления. Так что предлагаю двигать.

– Резонно, – согласился Пугачев. – План нашего передвижения я изучил, пойду первым. Остальные – чтобы не спотыкаться, не кашлять, за посторонние предметы не зацепляться. И все такое прочее. Мало ли что. Оружие наготове. В критической ситуации даже не дышать. Ну что, двинули?

Мы, конечно, не двинули, а очень осторожно, как и велел Пугачев, пошли за ним по темному переходу, не забыв прихватить довольно мощный и вполне современный фонарик, который лежал рядом с винчестером под беспорядочной грудой походной и рабочей одежды, которую с большим трудом можно было посчитать женской.

* * *

Опускаю подробности нашего продвижения к самому эпицентру прошлых и назревающих событий. Все мы, конечно, умели продвигаться осторожно, а кое-кто даже почти бесшумно. И по пути нам никто, слава богу, не встретился, на что мы, честно говоря, не очень рассчитывали. Прав был Арсений – пока они чувствовали себя в полной безопасности и, очевидно, действительно собрались все вместе в самом обширном помещении бывшего штабного барака, в столовой. Так оно и оказалось. Арсений ошибся в одном. Серов уже сказал им о взрыве. Сказал, видимо, совсем недавно. Бесшумно сгрудившись у забранного фанерной перегородкой бывшего раздаточного окошка в довольно обширном бывшем кухонном помещении, мы отчетливо слышали каждое слово начальника поселковой милиции, казалось, совсем недавно предостерегавшего меня от вольного или невольного вмешательства в предстоявшие неведомые события, которые могли стать для меня весьма и весьма опасными. Он не обманул, они действительно оказались опасными, потому что изначально покоились

на безжалостно осуществляемой им цели – оказаться наконец именно здесь. В этом я был теперь совершенно уверен.

Сейчас говорил он. Я сразу узнал его голос.

– То, в чем, Вячеслав Евгеньевич, вы пытаетесь меня сейчас убедить, совершенно бессмысленно. Я бы даже сказал – абсурдно. Уничтожить плоды самоотверженного, немыслимого ни в каких других условиях труда... Полувекового труда сотен людей... Ведь не один же вы создавали все это. Хотя решение, между прочим, принимаете сейчас единолично. Но дело не в этом. Я уверен – ваше сообщение чистейший блеф. Не знаю только с какой целью. Выгадать время? Считайте, что его у вас уже ноль. Заставить нас испугаться и исчезнуть – глупо.

Если помните, год назад через своего человека я предпринял попытку предложить вам прекрасные условия для почетной капитуляции, хотя в то время еще даже не был вполне уверен в вашем реальном существовании. Вы могли получить все – прощение, признание заслуг, даже награды. Плюс любую сумму, которая бы вам пожелалась. Без ограничений. Человек этот бесследно исчез. Что еще раз подтвердило мою догадку – вы есть, вы реально существуете. Вы не легенда, не вымысел, а факт достойный восхищения и даже преклонения. Я действительно преклоняюсь перед тем, что вы сделали, чего вы добились. А теперь якобы хотите все это взорвать. Вместе с собой и своими прекрасными преданными друзьями. Согласитесь, это было бы нелепо и даже преступно.

– А вы? Что вы собираетесь делать со всем этим? – услышали мы женский голос.

Я заметил, как вздрогнул и побледнел Арсений.

– Без вариантов, – насмешливо, как мне показалось, ответил спрашиваемый. – Я всего лишь исполнитель. Скромный государственный служащий. Кстати, мадам, я заметил, что вы избегаете обращаться ко мне по фамилии или хотя бы по званию. А я ведь сразу представился вам по полной программе. Пусть так, называйте меня просто – «исполнитель». Коротко и ясно. Вы, впрочем, Ольга Львовна, тоже не представились. Хотя, как видите, я прекрасно знаю и ваше имя, и фамилию, и прочие подробности, о которых пока промолчим. Задали вы нам загадку своим таинственным исчезновением. Искали ваш труп, а вы, оказывается, живы, здоровы,

выглядите просто прекрасно. Мои сотрудники глаз с вас не сводят. Как вам удалось? Поделитесь воспоминаниями.

– Поделюсь. Специально для ваших, как вы выразились, «сотрудников». Чтобы они поняли, во что вляпались и чем это может для них закончиться.

– Интересно будет послушать. Время, правда, не совсем подходящее, но все-таки занятно, в каком ракурсе именно вам видится все происходящее. Надеюсь, взрывом вы нас пугать не будете?

– Это зависит только от вас. Признаете свою вину, сложите оружие, и тогда мы дадим вам возможность покинуть нашу зону. Без нашей помощи вам это сделать не удастся. А там уже власть предержавшие пусть разбираются в ваших преступлениях.

Омельченко, не удержавшись, подтолкнул меня и показал большой палец. Пугачев болезненно поморщился, осознавая критическую опасность завязавшегося диалога. Арсений облизал пересохшие губы и переступил с ноги на ногу, словно собирался немедленно вмешаться в смертельно опасный поединок любимой женщины и человека, для которого, как мы полагали, не существовало ничего святого.

– Мне не нравится, что вы говорите о каких-то якобы моих преступлениях. Вы же обо мне совершенно ничего не знаете. Во всяком случае, не должны знать. Уж в этом-то я уверен, учитывая место вашего жительства в последние два с лишним года.

– Я коротко, если вы не возражаете. Времени у нас, как вы правильно заметили, почти ноль. Поэтому только факты. За год до того, как здесь началась вся эта смертельная заварушка, вы, неожиданно для всех неплохо вас знающих, отказались от весьма приличного места в региональном управлении и буквально напросились на абсолютно неперспективную должность начальника поселковой милиции. Просьбу свою мотивировали пошатнувшимся здоровьем, стремлением к оперативной, а не штабной работе, увлечением охотой и прочими не очень внятными доводами типа «должен же кто-то». Вас отговаривали, но вы настояли. А через год после вашего назначения состоялся знаменитый побег Григория Жгуна с поделщиками, которые, как теперь стало известно, именно с вашей помощью благополучно пересидели время самых интенсивных поисков. Дальше. Именно с вашей подачи погибшим старателям был

отведен казалось бы самый неперспективный участок, оказавшийся золотым. Интересно будет разобраться, как вам стало об этом известно. Одного из сбежавших вы пристроили к старателям поваром, с заданием в нужный момент – как это у вас говорят – «вывести из строя» как можно больше тех, кто мог помешать Башке, то есть Жгуну с его командой, похитить результат их многодневного потрясающего форта. Из строя вывели всех. Редкий яд, который использовали в этом случае, никто кроме вас предоставить не мог. Это тоже уже доказано.

– Вы из меня совсем уж невероятного преступника изобразили, уважаемая. Неужели все это ради кучки золотого песка, который я и сбывать-то не смогу и который, между нами говоря, мне совершенно не нужен.

– Хорошенькая кучка – почти три пуда песка и самородков. Но, судя по всему, это был лишь первый шаг к более масштабной цели.

– Просветите – какой?

– Оказаться здесь.

– Вот тут вы, возможно, правы. Только я не вижу ни малейшей связи между ужасами, которые вы тут наговорили, и нашей неожиданной встречей. – Насмешливая до того тональность его общения неожиданно резко изменилась. – Уймите, если не трудно, свою собаку! Она все время рычит, когда я что-то начинаю говорить. Как бы кто-нибудь из моих ребят сгоряча не пристрелил ее. Как она, кстати, здесь оказалась? До этого никаких собак здесь не было.

Мы с Пугачевым еле удержали Омельченко, порывавшегося кинуться на защиту Карая.

– В отличие от вас Серый здесь очень желанный гость. Он неплохо разбирается в хороших и плохих людях и в их намерениях. Пока я держу на нем руку, вам ничего не грозит.

– Будем считать, что вам и ему пока тоже. Так что держите крепче.

– Мне продолжать?

– Думаю, не стоит. Вы уже столько наговорили, что поверить вам способен только полный идиот. Видимо, от долгого одиночества и явной женской неудовлетворенности ваши фантазии разыгрались совсем уже до невероятных размеров. Представляю, каково это – сидеть два года взаперти с выжившим из ума стариком и вот этим дебилом, не способным связать и двух слов. Поневоле начнешь придумывать сказки. Правда, был еще какой-то старик из местных, но

мои ребята его, кажется, пристрелили. Сам виноват – не остановился, когда его вежливо об этом попросили.

Голос Ольги тоже стал жестким и отрывистым.

– Этот, как вы выразились, «дебил» способен без труда справиться с вашими сотрудниками и с вами. Как и «старик», которого вы якобы пристрелили. Поэтому следите за вашими оценками во избежание неприятностей.

– Вы неосмотрительны, Ольга Львовна. Неприятности пока грозят только вам и вашим тюремщикам. Кажется, такова их подлинная ипостась?

– Не спорьте с ним, Оля, – послышался наконец голос Серова. – Можно, я все-таки наконец буду вас так называть? Перед смертью надо быть честным. Как на исповеди. Про себя я давно вас так называю. Потому что очень вас любил.

– Ха! – насмешливо фыркнул начальник поселковой милиции.

– Как дочку. Вернее, как внучку. Зачем с ним спорить, возражать, угрожать? Стоит ли вообще спорить с человеком, который в любом случае обречен.

– Вы опять про взрыв? Если даже у вас и заминировано что-то, – в чем я весьма и весьма сомневаюсь, – то за минувшие десятилетия все превратилось в труху, в мусор, такой же, как и вы сами. Жалеючи вас, хотел соблюсти приличную мину и получить нечто вроде расписки, в которой вы добровольно передадите горячо любимой Родине разведанные за десятилетия ресурсы, добытые и накопленные природные богатства. Но на нет и суда нет. Родине и без расписки все это принадлежит по праву, так что обойдемся без соплей и формальностей. От вас сейчас требуется только одно – по возможности добровольно передать, выражаясь фигурально, «ключи» от тайников, где вы храните свои сокровища. Судя по всему, запрятаны они основательно. Можно потерять массу времени на их поиск, особенно учитывая специфические особенности этой местности. А это весьма нежелательно и непродуктивно. Родина долго ждать не может. Не думаете же вы, что мы ограничимся теми крохами, которые отыскали в вашем музее. Кстати, идея с музеем не так плоха. Теперь мы имеем полное представление о том, что здесь находится и что еще может быть найдено. Ну а чтобы не затягивать время с передачей ключей и прочей документации, придется приступить к силовому

решению данной проблемы. Да уймите же вы наконец этого пса! – закричал он вдруг каким-то не своим голосом. – Стреляйте, стреляйте! – и чуть погодя сдавленно захрипел, очевидно, защищаясь от нападения.

Выстрел действительно раздался. Выбив ногой дверь, выстрелил Омельченко. Но не в катившегося по полу человека с Караем, вцепившимся в его руку с пистолетом, а в кинувшегося к начальнику на помощь с занесенным для удара «калашом» одного из находившихся поблизости «сотрудников». Одновременно Донатас неуловимым движением припечатал лбами друг о друга сидевших по обе стороны от него, очевидно для охраны, пришельцев и, завладев их оружием, наставил автомат на устроившихся за отдельным столом и явно не ожидавших такого развития событий еще троих подчиненных лежавшего на полу главного «исполнителя».

– Руки за голову! Всем оставаться на местах! – закричал Пугачев. – За попытку сопротивления стреляем на поражение!

Мы с Арсением вслед за ним тоже ворвались в уже знакомый мне зал. Я направил винчестер на поднимавших руки, Арсений кинулся к шагнувшей ему навстречу Ольге. Она внимательно, словно не узнавая, посмотрела на него, покачнулась, удержалась одной рукой за спинку стула, другой попыталась прикрыть шрам на лице и... стала падать. Арсений едва успел подхватить ее на руки. Рыжий тем временем подобрал выпавший из прокушенной руки главного «исполнителя» пистолет, направил его на сидевших с поднятыми руками и явно ошеломленных происходящим «сотрудников» и, весьма заинтересованный содержимым стола, за которым они расположились, стал осторожно подходить к ним поближе, не отводя глаз от обильной еды и раскрытых бутылок, явно предназначенных для последующего позднего ужина.

– Молодец Карай! – похвалил Омельченко своего любимого и все еще рычащего пса и потрепал его по загривку. Донатас тем временем собрал все оружие наших пленников. А Пугачев, подойдя к их столу, налил себе полстакана не то вина, не то водки, двумя глотками выпил налитое, закашлялся, а затем хриплым изменившимся голосом объявил:

– С вами говорит начальник оперативного отдела РУБОПа капитан Пугачев. Надеюсь, слышали? На добровольное понимание

пока не рассчитываю, но соображать должны. Во избежание. – Как он? – спросил он меня, когда я подошел к подстреленному Омельченко амбалу.

– Живой, – констатировал я, разглядев расплывавшееся на плече раненого кровавое пятно. – Судя по всему, задет по касательной. Не очень серьезно, хотя и притворяется покойником. Шок, наверное.

– Узнаю, что это он стрелял в Егора Степановича, будет ему очень даже серьезно. Притворяться не надо будет, – пообещал Омельченко.

Занимаясь каждый своим делом, мы старательно делали вид, что не обращаем внимания на поднявшегося на ноги и зажимавшего прокушенную Караем руку начальника поселковой милиции. Пока голос Серова, сидевшего в стороне, не напомнил нам о том, что вроде бы удачно проведенная операция ещё весьма далека от завершения.

– На вашем месте я бы поторопился, – спокойно сказал он, адресуясь почему-то к Арсению, все еще державшему на руках Ольгу, сразу открывшую глаза при звуках его голоса. Она резко высвободилась из объятий Арсения, стала на ноги, отвернулась от него, но осталась стоять рядом, прислонившись спиной к его плечу. – Времени, как вы уже слышали, у вас не так много, – продолжал Серов и улыбнулся каким-то своим мыслям. – Только-только покинуть пределы зоны. Донатас вас выведет самым коротким путем. А этих, – он показал на наших пленников, – на ваше усмотрение. Если что-то поняли, пусть уходят с вами, не дошло – пусть остаются. А вот нашего общего знакомого я бы в любом случае оставил здесь. Слишком долго и настойчиво он рвался сюда.

– Исключено, – хриплым, не своим голосом, но с четко прорезавшейся командирской интонацией отрезал Пугачев. – В отличие от него я верю, что вы можете все это взорвать. Вместе с собой и с ним, естественно. Но за свои преступления он должен ответить перед судом, по закону.

– Всенепременно отвечу, – вроде бы совершенно спокойно пообещал укушенный Караем главный «исполнитель». – В отличие от вас, товарищ начальник оперативного отдела, я при первом же знакомстве с жителями этого, скажем так, «незаконного поселения» вручил им постановление о своих полномочиях и предъявил свои документы. Вы же предъявляете лишь ваше устное заявление, доверять которому просто глупо. Думаете, мне бы выделили на эту

операцию бойцов и средства без санкции самого высшего руководства? Так что действовали мы на самых законных основаниях в отличие от вас. Поэтому вполне официально и, повторяю, на вполне законных основаниях мы должны протоколировать и передать обнаруженные здесь ценности в распоряжение государства. А что касается якобы моих преступлений, о которых она тут вещала, то все это опять-таки с санкций и одобрения соответствующего руководства. Хотя, конечно, с нежелательными проколами. Впрочем, у кого их не бывает?

Он подошел к столу, у которого стоял Пугачев, здоровой рукой налил себе в стакан какой-то напиток, залпом выпил и так же, как и Пугачев, закашлялся. Видимо, напиток был слишком крепкий. Не тот ли «спиртыга», о котором с умилением вспоминал Омельченко?

Мы молчали, глядя на двух, стоявших друг против друга, представителей наших органов, и ждали продолжения завязавшегося, судя по всему, очень непростого диалога. Сидевшие с поднятыми за голову руками зашевелились было, но Донатас выразительно навел на них опущенный автомат, и они остались сидеть в прежних позах, не сводя глаз со своего пытавшегося перехватить инициативу командира.

– Только посмотри, кого ты сюда привел! На одного из них ордер на арест за убийство. Теперь добавим покушение на сотрудника внутренних органов. Мало не покажется. Бомж, для которого сейчас важнее всего содержимое этого стола, а вовсе не ваши якобы оперативные действия. Молодой ученый, еще недавно не имевший ни малейшего представления, куда и зачем его понесло и чем это для него может закончиться. Гражданин Стерхов, который должен был вылететь на операцию в Москву, а оказался почему-то в здешних краях. И вообще, вся его история от начала до конца пахнет весьма подозрительно и не вполне правдоподобно. Думаю, нам еще предстоит поосновательнее разобраться в его передвижениях, приключениях и любовных романах. Есть над чем поразмышлять. Не от него ли это повышенное внимание к моей скромной особе, которое я почувствовал в последнее время? Я тебе давно говорил, Борис, не на ту лошадку ты делаешь ставку. Вдвоем мы бы давно уже расставили все точки. Но тебя понесло на самостоятельное расследование. Результат, как видишь, не в твою пользу. Ты что, действительно поверил в этот взрыв? Уверяю тебя, никакого взрыва не будет. Признавай, пока не

поздно, свои ошибки и присоединяйся. А команда твоя пусть убирается восвояси, тоже пока не поздно. У нас тут дел непочатый край, некогда сейчас ими заниматься. Как пришли, так пусть и уходят. А вот со здешними жителями у нас, судя по всему, разговор будет непростой.

– Пытать будешь? – спросил Пугачев.

– Зачем такие крайние меры? Укольчик, другой – и все как на ладошке. И ключики, и документы.

– А если мы тебе этот укольчик закатаем? – не выдержал Омельченко. – Выясним, кто тебе санкции давал и с какими такими целями.

– Все уже выяснено, – неожиданно сказала Ольга. – Именно поэтому взрыв неизбежен.

– Снова блефуете, мадам. Мне это уже начинает надоедать. Опять этот взрыв, который по тысяче причин принципиально невозможен. Хотя в данном случае достаточно одной причины – он совершенно бессмыслен. Не хотите же вы совершить самоубийство только из-за того, что здесь появились мы и требуем вернуть стране то, что и так принадлежит ей по праву. Теперь, что касается вашей якобы осведомленности. В этой аномальной и заблудившейся во времени зоне оперативная осведомленность так же невозможна, как и взрыв. Не исключаю, что краем уха вы кое-что слышали. Возможно, от кого-нибудь из появившихся здесь ваших благородных спасателей. Но, уверяю вас, они знают лишь то, что знают все, ни больше ни меньше.

– Что уж вы так нас недооцениваете, – неожиданно вмешался Арсений. – Мы ведь не с бухты-баракты здесь оказались, это-то вы должны понимать. Готовились к встрече с вами. Правда, не так долго и тщательно, как вы, но, как видите, достаточно эффективно. Во всяком случае, вычислили мы вас безошибочно. На что вы наверняка совершенно не рассчитывали.

– Ну почему же. В любом, особенно таком нестандартном деле, как это, случайности неизбежны. Иногда счастливые, как он, – показал здоровой рукой на внимательно прислушивающегося к происходящему Донатоса. – А иногда вроде вас – досадные. Я бы даже сказал – глупые. К этому всегда надо быть готовым.

– Насчет готовности, возможно, вы правы. Но чтобы у вас не оставалось иллюзий, добавлю к нашему появлению здесь еще

несколько, по вашим словам, «досадных» для вас и для ваших людей случайностей. Да и глупыми их вряд ли можно назвать. Перечислять?

– Сделайте милость. Чем больше информации, тем больше возможностей разобраться в происходящем.

– Я очень коротко – времени все меньше. Яд, которым были отравлены старатели, а затем собаки Хлесткина. Выявлено, как уже сказала Ольга Львовна, его происхождение и заказчик. Затем проявивший нежелательную для вас самостоятельность Григорий Жгун, то есть Башка. Золото, которое он должен был вам доставить, было только первым шагом в сложнейшей комбинации, которую вы разрабатывали несколько лет после того, как ознакомились с материалами о якобы существующей где-то таинственной зоне. Продолжать?

– Обязательно. Все это очень интересно, хотя и совершенно недоказуемо.

– Тогда продолжим. Из серии досадных случайностей – она. – Он приобнял за плечи и прижал к себе Ольгу. – Я. Он. – Показал на меня. – Он. – Показал на Пугачева. – Ваша многомесячная головная боль Омельченко. Даже он, – показал он на Рыжего, – случайно подслушавший в гостинице ваш разговор с вашим будущим высоким заказчиком. Тогда он, правда, вас не узнал, но сейчас все становится на свои места.

– Сколько времени голову ломал – он, не он? Как Гамлет, извините. Он, сволочь.

– Из той же серии, – вмешался я, – Егор Степанович, застреливший Башку, спрятавший похищенное золото и спасший Ольгу Львовну. А главное – Дед. Он давно уже начал подозревать вас. Наблюдал за вами и в конце концов сумел распутать весь этот ядовитый и страшный узел. Это он их предупредил, – показал я на Серова и Ольгу Львовну, – о вашем возможном появлении. Я прав? – спросил я неизвестно кого.

– Интересно, как он сумел их предупредить? – все еще не сдавался бывший начальник поселковой милиции. – Связь здесь полностью парализована, о чем мы были заранее проинформированы и сами неоднократно в этом убедились. Очередной ваш блеф, вроде взрыва?

– Для кого парализована, а для кого в здравии и наличии, – вмешался наконец в общий разговор Пугачев. – Доказательства налицо. Если не ошибаюсь, Ольга Львовна полностью изложила вам последний сеанс связи с Дедом. Надеюсь, ошибок не было? Так?

– Так, – подтвердила Ольга Львовна. – Есть еще кое-что, но это только для Алексея. Я потом ему все расскажу.

– Надеетесь все-таки на «потом»? А как же неизбежный взрыв?

Судя по выражению злобно закаменевшего лица, главный «исполнитель» лихорадочно искал выход.

– Наше дело – что же делать; ваше дело – как же быть, – вроде бы совсем ни к селу ни к городу выдал Рыжий. Но попало, кажется, в точку. Пленники, переглядываясь, зашевелились, раненый, с которым мне уже надоело возиться, вышел из своей явно притворной комы, приподнялся и уставился на командира. Арсений, понявший по ответу Ольги, что оставаться здесь она не собирается, впервые за прошедшие два дня улыбнулся, облегченно вздохнул и продолжил разоблачение, я бы даже сказал, добивание «исполнителя»:

– Тогда уже не из разряда случайностей, а неизбежных в данном случае закономерностей. Родине все это вы передавать вовсе не собирались. Я имею в виду месторождения и все эти таинственные, аномальные пространства. А то, что здесь уже найдено, добыто, спрятано до поры до времени, попадет, как вы рассчитывали, целиком в ваши руки. Этого вам и вашему высокому покровителю хватит на весьма почетное место среди не только российских, но и зарубежных миллиардеров. Довожу до вашего сведения, хотя, может быть, не стоило раньше времени. Перед самым моим вылетом сюда – это было позавчера – неизвестный вам Юрий Борисович Стерхов, то есть Дед, сообщил мне, что судно «Шилкан», арендованное вами и вашим сообщником для вывоза здешних сокровищ, задержано в бухте Гартнера, и его капитан будет теперь дожидаться очной ставки с заказчиком. Хочу еще добавить, что вам и нанятой вами вот этой команде очень повезло, что во время вашего пребывания на прииске там оказался возвращавшийся на родину сотрудник данного спецпоселения. Если не ошибаюсь, Донатас. Пока мы еще не в курсе, как вы ему сумели заморочить голову, но если бы не он, вы бы никогда сюда не попали. По дороге вы, кажется, это поняли. А уж вывезти

отсюда все, что вы надеялись здесь найти, вам бы точно никогда не удалось. Скорее всего, именно поэтому вы его еще не пристрелили.

– Донатас в конце концов понял, какого он сваял дурака, – объяснил Серов. – Ему простительно, он пока еще редко встречался с такими людьми, как эти.

– Они сказали, вас убили, а она, – Донатас показал на Ольгу, – очень плохо себя чувствует, надо спасать. Что их специально послали ее спасать. Какие-то плохие люди сюда пришли. Спасать срочно надо. Дурак, испугался. За нее испугался. Когда все понял, решил – всех убью.

– Всех, наверное, не надо, – сказал Серов. – Пусть сами решают, что и как. Последний раз объявляю – до взрыва осталось только уйти.

– Проголосуем? – предложил Пугачев команде непрошенных пришельцев, растерянно пытавшихся разобраться в происходящем.

– Я вообще-то тоже, чтобы не взрывать, – начал, словно раздумывая, Омельченко. Но потом спохватился, выдал в полный голос: – Но уж пусть лучше все здесь лежит до поры до времени, чем этой сволоте в руки. За бугор, значит, гады вывозить собрались? Вы бы по погосту здешнему походили, фамилии почитали. Может, кто из родни притулился? На это они рассчитывали, когда бежать отказывались и вкалывали от темна до темна?

– У нас был нормальный восьмичасовой рабочий день, – недовольно буркнул Серов.

– Так и я говорю. А они в Америку. Узнали бы мужики, на куски порвали. Хрен тебе, а не Америка! – сунул он огромный кулак под нос невольно отшатнувшегося и болезненно сморщившемуся главному «исполнителю».

– Через десять минут уходим, – объявил Пугачев. – Кто ничего не понял – оставайтесь. Остальные затаривайтесь, чем пожрать. Идти далеко и нелегко. Надеюсь, успеем. Твое решение? – повернулся он к своему бывшему коллеге. – С нами у тебя есть шанс, здесь – нет!

– Пошел ты! – прокрипел тот. – Кровь идет, перевязать надо.

– Вся наша медицина – вторая комната направо. Ключ на гвозде над дверью. Медикаменты в шкафу, – нехотя объяснил Серов. – Мы ими почти не пользовались, нужды не было.

– Справишься или помочь? – спросил Пугачев.

– Помогли уже. Он пускай тоже со мной, – кивнул он на раненого. – Он мне поможет, я – ему. Заодно подумаем, какое решение принимать. Десять минут выделите?

Пугачев оглянулся на Серова. Тот как-то безразлично махнул рукой – пусть, мол, идут.

Карай угрожающе зарычал, когда эти двое направились к выходу.

– Карай не одобряет. Пять минут им за глаза, – недовольно проворчал Омельченко.

Ухвативший было с накрытого стола бутылку, но пока так и не решаясь, несмотря на разрешение Пугачева, хотя бы частично использовать ее содержимое, Рыжий довольно фальшиво пропел:

– Не думай о минутах свысока...

– Да куда им деваться, – объяснил свое разрешение Серов. – Хоть пять, хоть десять. Мы тут на минуты считать разучились. Эпоха заканчивается, а ты про минуты. Впрочем, вы не ждите, двигайте. А то как бы на секунды считать не пришлось.

– Значит, не передумаете? – спросил Арсений.

– Все уже на сто рядов передумал. Была надежда – образуется как-нибудь, спохватятся, поймут. Вот вам, может быть, и поверил. Только сколько таких, как вы, сейчас? Может, когда-нибудь... А сегодня наверху те, которые перевязываться пошли. Без соображения, без закона, без будущего. Только сейчас и только для себя. Как там у вас говорят – «деловые». Это здесь вы им хвост прижали, а там их возьмет. Им – не хочу. Не имею права. Комиссар не разрешил бы. И те, которые здесь навсегда остались, тоже не разрешают. Категорически. Мы на будущее работали. Вот пускай будущему все и останется. Мало ли что еще случится. А вам – спасибо. За надежду спасибо.

– Доброе слово и росомaxe приятно, – пытаюсь разрядить гнетущую тишину воцарившегося молчания, брякнул Рыжий и решительно вернул бутылку на стол.

– Выводи их, Оля! – сказал Серов. – По своему пути выводите. Знаю, что Егор Степанович тебе чуть ли не к самой их избушке проход обустроил. Я все боялся – уйдешь, не попрощаешься. Рад за тебя – правильно решила. Уходи. Тебе еще жить и жить. А этих, если захотят, Донатас выведет. Нечего вам рядом с ними пачкаться. Я тут за ними понаблюдал, послушал, прямо скажу, путаный народ. Как там у вас сейчас говорят – «поколение пепси». Значит, с гомнецом. Шарахнуться

могут. Сами не знают – куда и зачем. А у Донатаса не шарахнутся. Как, служивые, осознали хоть что-то?

– Ну, – сказал один из пятерых, потирая ушибленный лоб. – Вы только оружие верните, а то нас... сами понимаете.

– Не будем шарахаться, – пообещал еще один. – Расклад пока не в нашу пользу.

– Это точно. Пользы у вас теперь никакой не нарисуеться. Радуйтесь, что живыми вернетесь.

– Это если хорошо вести себя будут, – добавил Омельченко. – Проводник у вас экстра, по себе знаю. Так что лучше не возникайте, себе дороже.

– Оружие вернем. Только без патронов, – объяснил Пугачев. – Чтобы дурь в голову не залезла. А с начальством вашим я сам разберусь – за какими такими сокровищами вас сюда отрядили. И кто дал приказ по мирным людям стрелять.

– Мы не стреляли. Это тот, который с майором ушел. Его кадр. Мы не при делах.

Серов наконец встал и подошел к Донатосу.

– Доведешь до прииска и возвращайся в поселок. Они тебе помогут до места добраться. Дед поможет, он мне обещал. – Он приобнял Донатаса, слегка встряхнул, напутствуя, и развернул к выходу: – Уводи.

– Одеваться! – приказал Донатас пленникам. И пока те торопливо одевались, прихватывая с накрытого стола что посьедобней, связал в одну охапку их автоматы, легко вскинул на плечо, подошел к Арсению и тихо сказал: – Обидишь – убью!

– Спасибо, – сказал Арсений и снова одной рукой прижал к себе Ольгу, все еще отворачивающую от него свое, как она считала, изуродованное лицо.

– К утру стихнет, – сказал Серов. – Деда я предупрежу, что и как. Заодно попрощаюсь. Хороший он человек, берегите. Еще непонятно, как там все закрутится.

– Закрутится, как надо, – уверенно пообещал Пугачев и оглянулся на дверь, через которую должны были вернуться ушедшие на перевязку. Отведенное им время давно закончилось.

– Не спешат, гады, – подтвердил Омельченко. – Карая, что ли, за ними послать?

– В музей рванули, – улыбнулся Серов. – Отовариться надеются перед дальней дорогой. Только мы со Степанычем, когда Дед предупредил, все, что поинтересней, в нужное место спровадили. Как он? Я так понимаю, раз вы здесь, значит, добрался.

– Добрался, – подтвердил Пугачев. – Раненный, но добрался.

– Это хорошо. Мужик он надежный, не обижайте. Покажет потом, что и где. Я там маленько на внучкино приданое отложил. Не обижай, Оленька, старика. Мне это на радость, а тебе на память. Сколько ты здесь натерпелась, мужик бы на ногах не устоял.

– Я эти годы буду считать если не самыми счастливыми, то самыми дорогими для себя.

– Так уж? Из вежливости утешаешь.

– Я наконец настоящих людей увидела, узнала. Вас, их, – она повернулась в нашу сторону. – Можно, я вас обниму?

Она обняла Серова, потом подошла к стоявшему в дверях Донатосу, тоже обняла, поцеловала в щеку. Тихо сказала: – Будь осторожен. Они еще ничего толком не поняли.

– Поймут, – пообещал Донатас и скомандовал: – Шагом марш! Пошли, пошли! – Подождав, когда его пленники выйдут, сказал Ольге: – Я их через то место проведу. Может, что-нибудь осознают?

– Нам, кажется, тоже пора, – сказал Арсений.

– А те как же? – не скрывая своего недовольства, спросил Омельченко. – Заявятся, а вы тут один. Не очень равные силы.

– Я тут не один, – улыбнулся Серов. – Со мной двести шестьдесят три человека бывших заключенных, а сейчас и навсегда – бескорыстных и талантливых строителей далекого и, надеюсь, счастливого будущего. Да и стрелять, если что, я еще не разучился. Только вряд ли понадобится. Слышите?

Мы слышали далекий надсадный треск заводимого мотора.

– Вот и старенькие наши саночки пригодились. Оно и к лучшему – грех с души. А они за что боролись, на то и напоролись. Радовались, когда разыскали. Только Степаныч их нарочно чуть ли не на виду оставил.

– Зачем? – не выдержал я.

– Как надежду на спасение.

– А я бы их все-таки под суд, – проворчал Омельченко.

– Ну, насколько я в курсе, нынешний ваш суд еще между правдой и кривдой блуждает. А у майора еще и полномочия. Пусть лучше Бог судит. Так, Алексей?

– С нашей и вашей помощью, – пробормотал я, с трудом осознавая происходящее.

– Правильно. Бог-то Бог, да сам будь неплох, – снова улыбнулся Серов. – Уводи их, внучка. А то до утра не наговоримся.

Арсений поклонился старику, Пугачев пожал ему руку, Омельченко вытер заслезившийся подбитый глаз, тоже низко поклонился и вслед за Арсением, Ольгой и Караем, которого она позвала кивком головы, пошел к выходу.

– А ты, служивый, – придержал Серов Пугачева, – будет такая возможность, подсоби Донатосу. На Родине, в Литве ему не пригреться – кому он там нужен? А здесь ему цены не будет. Каждый камушек помнит и знает. Да и Родина та по отцу, а здесь по матери. Вдруг еще как надо все повернется, тогда ему вокруг самое место. Поможешь?

– Слово даю.

– Вот и ладно. Офицерское слово дорого стоит. А ты, Алексей, – повернулся он ко мне, – Бога своего береги и про комиссара моего не забудь. Бюстик или доску хотя бы памятную обиходь. Он большего, конечно, стоит, но пока и так ладно будет. Может, когда-нибудь и на этом месте памятник поставят. Не зря, мол, жили. – Он потрепал меня по плечу и подтолкнул к выходу: – С Богом!

Рыжий все-таки не выдержал, стал сгребать с полуразоренного стола какую-то еду, посовал в свою торбу, отправил туда же две бутылки.

– Хоть и сзади, да в одном стаде, – не удержался он на прощанье. – Если что не так, то пожрать с устатку не помешает. У Алексея паек на нас двоих, а тут такая орава заявится. Не пришлось бы за консервами нырять...

Картинно, по театральному поклонившись Серову, перекрестился на большой портрет Сталина, висевший над скамьей, на которой до этого сидел Серов, и пошел к выходу.

* * *

Если честно, я тоже не очень верил, что обещанный взрыв состоится. К стационару мы вышли под утро, полуживые от переживаний и усталости. Почти двое суток на ногах без еды и отдыха дали о себе знать. Птицын с отцовским револьвером в руке выбежал нам навстречу. Погода и впрямь утихомирилась. Когда мы остановились и замерли, словно в предчувствии, тишина окрест царила первобытная.

– Ну и что? – не выдержал наконец Омельченко. – Может, мне назад рвануть? Что, если эти козлы вернулись? Лично для меня предположение невыносимое.

– Много хочется, да не все может, – снова ни к селу ни к городу ляпнул Рыжий.

– Сможется, – зло возразил Омельченко, приняв замечание на свой счет. – Дорогу запомнил, на карачках поползу. Я этому гаду за все разом засчитаю.

– Я не про вас, Петр Семенович. Такое хозяйство взорвать не каждому души хватит. Может, передумал?

Припав к плечу Арсения, плакала Ольга.

Подошел Птицын.

– Степаныч сказал – с минуты на минуту. Так все рассчитано было.

– «Не думай о минутах...» – завел было Рыжий, пытаясь разрядить нарастающее с каждой минутой напряжение.

И тогда раздался взрыв. Впрочем, на взрыв это и похоже-то не было. Просто все вокруг тяжело вздрогнуло, земля под ногами качнулась, посыпались какие-то камни. Разом обрушились с окрестных деревьев тяжелые шапки снега, и снежная пыль на время скрыла от нас окружающую местность. А потом раскат за раскатом стали накатывать взрывные волны. Мы оцепенело смотрели друг на друга, не в силах сдвинуться с места. За рекой, на дальнем конце озера, где базировались и застряли сотрудники Пугачева, одна за другой стали взлетать ракеты. Карай, прижавшийся к ногам Омельченко, поднял голову и протяжно взвыл. Потом снова наступила пронзительная, бесконечная, на все бесконечное окружающее нас пространство, тишина... Мы продолжали стоять неподвижно, не в силах и даже без желания пошевелиться, что либо сказать, вздохнуть поглубже, чтобы стряхнуть с себя сковавшее нас оцепенение. Наконец,

Арсений встряхнулся и медленно стянул с себя шапку. Вслед за ним один за другим сняли свои шапки и остальные.

Неожиданно пронзительный не то вой, не то гудок буквально оглушил нас. Все в недоумении уставились на меня – оглушительный сигнал раздавался из моего рюкзака. Но даже я не сразу понял и вспомнил о небольшой коробочке якобы японского производства, которую при прощании в аэропорту вручил мне главный исполнитель всего случившегося с нами за последнее время с наказом, чтобы в случае критической ситуации я нажал небольшую красную кнопку. И тогда, мол, он придет ко мне на помощь. Все это путано, сбросив рюкзак и копаясь в нем, разыскивая непонятный прибор, я объяснял стоявшим неподалеку людям.

– Ты что, всерьез считаешь, что он поспешил бы к тебе на помощь? – засомневался Пугачев.

– Это у него сейчас критическая ситуация, не у тебя, – поддержал его Омельченко. – Выброси и забудь.

Прибор продолжал надрываться, даже уши заложило. Как выразился тогда его хозяин, действительно, мертвого разбудит. Наконец я добрался до него и, зажав в руке, вытащил из рюкзака. Тревожный вой стал еще громче.

– У нас это называется «Спасайся, кто может!» – объяснил Рыжий, отходя на всякий случай от меня подальше.

– Дай-ка мне, – подошел Птицын и, взяв прибор в руки, стал внимательно его разглядывать.

– Местная художественная самодеятельность, – почти сразу констатировал он. – К Японии не имеет ни малейшего отношения. А если еще вспомнить его непонятную дружбу с Воеводченко... Взрывник наш... То спасти тебя, кажется, никто совсем не собирался. Хотел быть уверен, что никто ему не помешает. Как говорится, на всякий случай.

Прибор внезапно смолк. Птицын, скорее инстинктивно, чем сознательно, отбросил его в сторону. К сожалению, не так далеко, как надо было бы. Несколько секунд стояла теперь уже оглушительная тишина, а потом раздался совсем небольшой, по сравнению с прежним, взрыв, меня что-то, вроде бы совсем не больно, ударило по голове, потом в спину, и я потерял сознание.

* * *

Не буду описывать все перипетии нашего спасения и того, как все мы выбрались наконец с этого таинственного места, где так удачно и так неудачно был расположен наш стационар. Удачно для всего чего угодно, кроме спокойных орнитологических наблюдений, к которым я так и не успел приступить. Не буду, потому что, честно говоря, ничего толком не помнил и не соображал до момента, когда меня понесли в прилетевший на выручку вертолет, из которого выскочил не дождавшийся окончательного приземления Дед – Юрий Борисович Стерхов – и, подбежав к носилкам, из всех сил сжал мою вялую руку и тихо сказал:

– Здравствуй, сын...

* * *

А в заключение несколько писем или, скорее, отрывков из них, которые я выучил буквально наизусть, пока лежал в областной больнице. Времени выучить, поразмышлять и обозначить для себя кое-какие очень важные решения у меня было более чем достаточно.

Первое письмо, прочитать которое, как бы странно это ни выглядело, у меня до этого не было ни малейшей возможности. Вплоть до того момента, когда я очнулся после взрыва в полутемном, жарко натопленном жилище стационара. Это было письмо от Ирины.

«Хочу попросить у тебя прощения за то, что так неловко, глупо, а, самое главное, непростительно преступно вторглась в твою жизнь. Подобное, как правило, не прощают. Но я почему-то уверена, что ты меня простишь. Потому что я нашла твоего отца. Это Юрий Борисович Стерхов, которого здесь все называют Дедом. Представляю, как ты сейчас удивлен. Но все по-порядку, хотя до отлета у меня осталось совсем немного времени. Когда после всего случившегося я наконец поняла, что меня обманули, использовали, подставили и вот-вот уничтожат, я в панике бросилась в аэропорт, чтобы улететь отсюда ближайшим рейсом. Но ты сам знаешь, какая тогда была погода. Как ни странно, именно это меня и спасло. Увидев и угадав мое отчаяние, Юрий Борисович напоил меня чудесным чаем по собственному

рецепту, успокоил, и я, неожиданно для себя, все-все ему рассказала. Просто я сразу почувствовала, какой он хороший и добрый человек. Он сразу все понял, потому что сам уже давно пытался разобраться во всем, что здесь когда-то случилось. И я, кажется, очень помогла ему в этом, рассказав, кто меня сюда вызвал. Он приютил меня, спрятал от всех, в том числе и от тебя с Птицыным. Я знаю, что вы меня искали, хотели спасти. Но искал и тот, другой человек, а это было очень и очень опасно. Я чувствовала, знала это наверняка. В общем, Юрий Борисович меня спас. А еще рассказал потрясающую, почти неправдоподобную историю об удивительном месте где-то в здешних горах, не очень далеко от вашего стационара, где ты сейчас находишься.

А теперь о самом главном. Главном для тебя и для него. Никакой мистики, никакой парапсихологии, на которую до сих пор я то и дело ссылалась. Все очень просто. Когда я смотрела твои документы – ты знаешь, когда и как, – в твоём бумажнике я увидела фотографию молодой, очень милой и симпатичной женщины с надписью на обороте: „Любимому сыну Леше. Всегда помни меня такой. Мама“. А когда Юрий Борисович рассказывал мне о своей жизни и показывал старые фотографии, я увидела среди них точно такую же фотографию твоей мамы. Я не выдержала и стала спрашивать, кто это. Сразу почувствовала, как это важно. Важно и для тебя, и для него. И еще почувствовала, как вы похожи друг на друга. Хотя, казалось бы, совсем не похожи. Глаза только. У тебя все время о чем-то спрашивающие, а у него очень мудрые, печальные и одинокие. И я ему все рассказала. Если бы ты видел, как... Впрочем, это надо самому увидеть, почувствовать, понять. Он очень любил твою маму. Но как-то так сложилось (может, люди, может, обстоятельства, он сам расскажет тебе), что им не дали, не позволили быть вместе. А о тебе он совсем не знал. Потом ему сообщили, что она умерла, и он перестал надеяться. На всю жизнь остался один. Теперь уже не один. Я так рада, что помогла вам. Может, хоть этим искуплю все те неприятности, которые невольно доставила тебе. Прощай, Леша. Я всегда буду хорошо и тепло вспоминать о тебе и о твоём отце.

P.S. А любовь у тебя еще обязательно будет. Не случайная и, извини, немного мальчишеская, а настоящая, на всю жизнь. Целую тебя. Еще раз прощай».

Письмо от Ольги Львовны и Арсения я получил из Москвы, куда они вместе улетели почти сразу. Арсений на операцию, а Ольга по каким-то своим, очень непростым делам. Ведь ее все эти минувшие годы считали пропавшей без вести, даже погибшей. Операция у Арсения, как мне недавно сообщили из нашего института, прошла на пять с плюсом. Нелегкие скитания Ольги Львовны по запутанным бюрократическим процедурам продолжаются, но, как сообщил в своей приписке Арсений, свет в конце тоннеля благодаря Пугачеву и его конторе все-таки обозначился, и уже можно надеяться на благополучный исход.

«Пусть это не покажется тебе, Леша, странным после того, что случилось со мной и со всеми нами, но я действительно благодарна жизни за тот тяжелейший урок и те невероятные события, через которые мне пришлось пройти. Когда-нибудь я попытаюсь написать об этом (все-таки по профессии я человек пишущий и обязанный писать). Но это при условии, что все точки над *i* в этой весьма запутанной и по всем параметрам почти фантазийной истории будут расставлены хотя бы приблизительно справедливо и, желательно, поточнее. Сейчас я очень скучаю по вечерним закатам за далекими сопками и нашим „местам силы“. Как бы они мне сейчас пригодились в этом бюрократическом бедламе и местной, какой-то всеобщей, жизненной неопределенности».

«Держись, Алексей, – приписал ниже Арсений. – Держись и изо всех сил выздоравливай. Мы с тобой еще обязательно обойдем и постараемся изучить эти места, которые я про себя называю „зоной обетованной“. Потому что зона эта из тех, которую многие ищут и надеются найти. Она способна научить и обязательно научит нас жить ради цели и смысла, а не просто прозябать абы как. Доберемся и до таинственного плато, и до укрытых сокровищ, и до „мест силы“, которые помогут нам осознать наше существование. А еще очень даже возможное существование Бога, в Которого я пока не очень верю, но в Которого веришь ты. Скорее всего, именно Он спас тебя. Обнимаю. Держись!»

Пугачев заглянул ко мне в палату самолично.

– Писать в состоянии? – с места в карьер поинтересовался он, с неудовольствием поглядывая на мою забинтованную голову.

– Только этим и занимаюсь, – улыбнулся я, показав на блокнот, лежавший рядом на тумбочке. – Восстанавливаю события.

– Это хорошо, – явно обрадовался майор. – Досконально восстановить события половина, если не больше в этом запутанном деле. Память не подводит?

– Пока не жаловался.

– Это хорошо, – снова повторил майор. – Особенно важно то, что Серов нам рассказывал. Многие не верят. Постарайся поточнее. Ты и Дед наши, можно считать, главные свидетели. Извини за Деда. Отец! Просто здорово, что так все у вас обозначилось. Руководству вашего института выдал полноценную справочку. Насчет, почему пришлось прервать научные исследования. У них никаких претензий. В общем – выздоравливай. От всех участников и соучастников большой привет и пожелания. От Кошкина персонально... – Он достал из кармана и протянул мне сложенный вчетверо листок бумаги. – По секрету: делом заинтересовались на самом... – показал глазами на потолок. – Не исключены масштабные мероприятия. Так что будь здоров и будь готов. Понял?

Он крепко пожал мне руку, подмигнул и вышел. А я развернул послание Рыжего – Кошкина и весьма удивился четкому и даже красивому почерку, каким оно было написано. Возможно, он писал его не сам, попросил кого-нибудь? Но прочитав до конца, понял, что все загадки моего бывшего подсобного рабочего мне еще придется разгадывать и разгадывать, хотя докопаться до настоящего Валентина Николаевича удастся еще не скоро. Если вообще удастся.

«Большой привет из весьма отдаленного, но хорошо теперь вам известного нашего месторасположения. У вас там, конечно, все умнее, но у нас зато веселее. Народ, судя по всему, ничего из происходящего толком не понял, зато нафантазировал вагон и маленькую тележку. Мало никакому Каляде не покажется – чернухи и мата до следующего Нового года не прочихаться. Плетут такое, что и пьяному ежику не приснится. Но недаром говорят, что дурь не зараза, а состояние организма. Лично мое состояние требует в недалеком будущем значительного улучшения как личной, так и всей остальной

окружающей жизни. Осознал на собственном трудовом и творческом опыте, что „так больше жить нельзя“. С помощью нашего общего товарища Пугачева Б.Б. и небезызвестного вам поэта и егеря Птицына в настоящее время временно возглавляю в ДК драматический кружок. Начинаем репетиции великого Александра Вампилова. Пьесу еще не выбрали, но на главную роль предлагаю себя самого из-за отсутствия у всех остальных серьезного театрального образования. Лично я с ролью подсобного рабочего в вашем, ставшем уже знаменитым на всю страну стационаре, кажется, справился. А вот с ролью шестерки у пиратов – на троечку. Прыгать в реку был явный перебор. Режиссер бы не одобрил. Хотя, смотря какой. Режиссеры, по моему выстраданному убеждению, почти все, как правило, полные дураки. Литературу не читают, авторский замысел игнорируют. Им интересен только собственный выпендрей – заставить актера правой ногой левое ухо чесать или сделать шедевр из голой задницы главной героини. Именно по этой причине пришлось в давно прошедшем времени с театром завязать. Но, как теперь оказалось, только временно.

Извините, шеф, отвлекся на посторонние темы. Теперь по главной тематике. Омонную шпану нашу с прииска, куда Донатос их благополучно доставил, также благополучно доставили в наше месторасположение. Одно только непонятно – что с ними по дороге произошло. Глаза у всех пустые, глядеть невозможно. Орут все, как один: „Мы ошибка жизни. Понимать ничего не умеем и не хотим. Жизнь умнее нас всех, вместе взятых, включая даже наше общее омонное руководство“. А то мы и без них этого не знали. В общем, полный абзац, как я говорил, изображая полупьяного бомжа. А что было делать? Как говорил великий Вильям Шекспир – весь мир театр, а мы все в нем актеры. Одни хреновые, другие получшей. Хорошо, если у тебя одна роль, а когда несколько? А ты, вдобавок, не народный и даже не заслуженный. Очень надеюсь, Алексей Юрьевич, что вы все боле-мене поняли, поэтому от дальнейших излиятий вас избавляю. Желаю, чтобы вы как можно скорее вошли в нормальное состояние и посетили наш будущий спектакль. С большим и искренним уважением. Пока.

Кстати. Нашел в нашей стационарной забегаловке консервную банку аналогичную знакомым мне раньше. Понял, что мы в состоянии

понять друг друга. Я прыгнул, а вы нырнули. Несмотря на отрицательную температуру и предостерегающие голоса.

Да, еще. Моих бывших работодателей пиратов доставили в поселок в полупридурочном состоянии. Объясняют, что выполняли ответственное задание бывшего начальника поселковой милиции. Но когда узнали, что Омельченко собственноручно предоставил органам известный вам рюкзак с золотишком, изъятом, соответственно, у Башки, скисли до полного ничего и публично зареклись на веки вечные приближаться к проклятым, как они выразились, местам. В крайнем случае, только на расстояние полета межконтинентальной ракеты.

В заключение сообщаю, что Хриплый изъявил желание поступить в руководимый мною драматический кружок. Наверное, вспомнил, что я всегда выражал ему искреннее сочувствие».

Письмо от Птицына было очень большим и очень личным. Прямо-таки небольшая повесть с серьезными раздумьями, как жить дальше и что делать. Не удержусь, чтобы не привести несколько написанных им строчек, уж очень совпавших с моими бессонными больничными раздумьями и моей сугубо личной болью.

Все-таки именно он первым догадался, «вычислил», как он выразился, где и у кого скрывалась бесследно исчезнувшая Ирина. Он пришел к Деду и заявил, что ее надо немедленно спасать. Причем самым ближайшим рейсом. Потому что по многим признакам и собственным догадкам, которым он безоговорочно доверял, чувствовал нарастающую опасность прежде всего для Ирины, в которую, как и я, влюбился буквально с первого взгляда. «Без крохи надежды», выразился он, сочтя свое внезапное чувство «даром, которого он ожидал всю предыдущую жизнь».

«Тут многие говорили и до сих пор говорят, что она похожа на Арсеньевскую Ольгу. Да нет, они очень разные, хотя именно за эту внешнюю похожесть ее и выбрали, предложив за большие деньги приехать на край света и назваться ее сестрой, чтобы стронуть наконец с места застрявшую в непонятках историю пропавшего золота и исчезнувшей вместе с ним женщины. Сыграли свою роль и кое-какие способности, которые у нее все-таки имелись: выбрали на какой-то „битве экстрасенсов“ или что-то в этом роде. В изворотливости и

безжалостности ума человеку, затеявшему все это, не откажешь. Дед меня кое в чем просветил касаясь этой личности. Не буду скрывать, сведения оказались для меня весьма шокирующим и на первых порах основательно сбили с панталыку. Почувствовал себя не егерем и следопытом, а продуманной подставой охотника до сих пор неизвестного мне калибра. Иру надо было срочно спасти, не теряя ни минуты».

Это ему, слава богу, удалось. Он раздобыл ей денег на обратный билет. Все деньги, которые у нее оставались, она вместе с известной нам запиской про невиновность Омельченко передала дежурному милиционеру, заскочила за своими вещичками и оказалась в совершенно безвыходном положении в самом центре разгулявшегося тогда ненастья. Если бы не отец и не Птицын, она бы погибла. Не думаю, что «инициатор» отпустил бы ее восвояси.

«Мы втайне ото всех устроили ее на ближайший рейс. Лично посадил в самолет. В самолете передала мне записку для тебя. Ты ведь тоже в нее влюбился – и тоже с первого взгляда. Она все беспокоилась, что ты выкинешь какую-нибудь глупость и ввяжешься из-за нее в нешуточную опасность. Что, к счастью для многих из нас, и случилось. Из самолета я сразу рванул к вам, на стационар. И только тогда, когда ты прочитал ее записку, узнал, что Дед, оказывается, твой отец, и ты всю жизнь его искал. А нашла его она. Низкий поклон ей за это. Согласен?»

Еще он написал о том, что Донатас с прииска в поселок не полетел, а пошел к побережью.

«Не знаю, сможет ли он добраться до своего Каунаса, но вернуться сюда, как надеялся его опекун и воспитатель Серов, кажется, все-таки собирается. Если вернется, буду считать, что взрыв зоны не ее конец, а ее будущее. Ведь и я, и ты, и все остальные наши живы. Говорят, прошлого не исправишь. А мы попытаемся. Согласен?»

С поэзией я, кажется, завяжу. Не к месту она сейчас. Нет в ней сейчас у людей особой нужды. Услышал недавно: „Писать, как Пастернак, как Бродский, можно научиться. А вот как Рубцов или Есенин – никогда“. Я, правда, всегда хотел писать как Птицын, получалось не очень. Ирине я прочитал свое последнее стихотворение:

Храню прощанье, как прощенье,
Конец один – сторает время,
И прошлое недавней раной
Саднит у сердца болью странной,
Печальной болью одиночества,
Когда не спится, как неможется,
Когда неможется, как спится,
И прошлое подбитой птицей
Глядит тревожно и сердито,
Нырря в серый сумрак сна,
А там...

Что там – промолчу. Может, когда-нибудь. Ей понравилось. Сказала, что знает. Пожалела, наверное. Ладно, до встречи. А в зоне мы еще побываем. Хочу увидеть то, что видели вы. Завидую вам и надеюсь на лучшее. Сергей».

От Петра Семеновича Омельченко принесли радиограмму.

«Все живы, здоровы, чего и тебе желаем. Надежда передает низкий поклон. Ожидаем в гости надолго. Карай опять исчез, но через неделю вернулся. С волчицей и потомком с черным пятном на лбу. Волчица на проживание оказалась не согласная, исчезла, а щенок остался, чему мы все очень рады. Птицын просит отдать его ему, решили, как получится. Летом все вместе двинем в зону. Надо обиходить могилки и по уму во всем разобраться. Кошкин твой завязал и замучил приглашениями на роль какого-то Алика. Послал его подальше. Егор Степанович пока притулился у меня. Идет на поправку. Ждет Арсения и Ольгу, хочет показать значку „генерала“, получить, если получится, паспорт и вернуться на зону. Сказал, что ему там очень надо побывать. Догадываюсь зачем, но пока промолчу. Тех, уехавших, искали с вертолета. Бесполезно. Места те малодостижимые и малопонятные. Есть мнение – с концами. Лично я с таким исходом не согласен. Надеюсь на „теплую дружескую“ встречу с ними. Карай и Егор мне помогут. Тогда и поговорим, что и почему.

Кончай быстрее со своими болячками – не по Сеньке шапка. Мы еще на твоей свадьбе плясать будем. Привет бате. Что-то он у тебя

застрял. Без него в нашем аэропорту почему-то постоянная нелетная погода. Возвращайтесь как можно скорее. Мы еще повоюем. Петро Омельченко».

Отцу оформили на работе отпуск без содержания, и он действительно, как выразился Омельченко, «застрял» около меня. Мы видались с ним подолгу каждый день, подолгу и откровенно разговаривали. Говорил в основном он, что меня устраивало более чем. Я с жадностью вслушивался в каждое его слово и все больше удивлялся тому, как много он видел и знает, как много пережил и сделал за свою непростую и не очень легкую жизнь. Когда-нибудь попробую рассказать об этом, это тоже целая эпопея.

О зоне он, оказывается, знал давно и достаточно подробно. Был одним из тех немногих, кто помогал им не терять связь с Большой землей. С Серовым не во всем был согласен, но относился к нему с пониманием и уважением. О будущем взрыве случайно узнал только от меня по рации. Слишком поздно. Считает, что мог бы отговорить. Это вряд ли. Тут не страхи и обиды, а идеология, выношенная всей жизнью, опытом, раздумьями и огромной созидательной работой сотен людей. И, конечно, неповторимыми, уникальными особенностями зоны, благодаря которым он многое понял и утвердился в своем намерении сделать то, что сделал. Отказаться от всего этого было для него невозможно. Одна только мысль о том, что все это попадет в чужие и очень грязные руки, убивала в нем страх и жалость. И он отодвинул будущее зоны на неопределенное время. Скорее всего, был прав.

Много и подолгу мы говорили о моей матери. Хотя что я мог рассказать, кроме своих детских впечатлений и рассказов тети Веры о том, как она мучилась от того, что у меня не будет отца. А когда узнала о своей неизлечимой болезни, попыталась отыскать его. Но было уже поздно.

– Меня в это время довольно основательно изолировали от окружающей вольной жизни. Помнишь, я тебе начал рассказывать об американце с какой-то базы на Аляске, который засек мое сообщение об аварии нашего самолета. Он был уверен, что мы затерялись в непроходимой безлюдной тайге, и предпринял массу усилий, чтобы нас искали и обязательно нашли. Считал, что обязан сделать все

возможное для нашего спасения. Наши координаты, которые он засек, из-за особенностей места, где мы так неудачно приземлились, сместились черт знает куда, к какой-то нашей очень секретной базе. Его попытки помочь сочли провокацией, а нашу аварию и бесследное исчезновение самолета с якобы секретными документами посчитали тонко продуманной шпионской операцией и намеренным предательством. Разобрались далеко не сразу, но, слава богу, в конце концов разобрались. Но меня «на всякий случай» на несколько лет лишили права выезда из наших краев и права переписки. Нина тоже сменила место жительства, а потом мне сообщили, что умерла и искать бесполезно. Но она, оказывается, еще жила несколько лет и, говорят, даже стала меня разыскивать. Но ей тоже сообщили о моей смерти. Не знаю, кому и зачем это было надо, но наша возможная семья тоже оказалась неизвестной зоной, которая вроде бы и была, но о которой никто ничего не знал. В том числе и мы сами. Надеюсь, ты понимаешь теперь, как я был счастлив, узнав о тебе, и как мне до сих пор обидно и горько за то, что так все случилось.

Я вглядывался в его лицо и мучительно искал черты сходства между нами. Иногда, казалось, нахожу: в каких-то чертах лица, невольных жестах, манере морщить лоб, когда что-то было непонятно, в модуляциях голоса и привычке отрицательно покачивать головой, когда с чем-то был не согласен. Уловить все это постороннему человеку вряд ли бы удалось. А вот она уловила, увидела, поняла.

– Знаешь, – вдруг сказал он, хотя до этого мы с ним ни разу не говорили об этом, – мне кажется, что ты в нее очень влюбился. По себе знаю. Когда я впервые увидел твою мать, я сказал себе – только она и никто больше. Странное чувство, что не ты, а кто-то другой сказал тебе об этом. У тебя было такое?

Я хотел промолчать, но не выдержал:

– Я сам себе сказал.

– Конечно сам, – после затянувшейся паузы согласился он. – Поэтому спроси себя об этом еще раз, и если ответ будет тот же, обязательно найди ее.

– Не знаю, – растерянно пробормотал я. – Где она? Что с ней? Она считает все это мальчишеством, случаем, блажью. Несерьезным.

Я поднял на него глаза и увидел, что он грустно и как-то очень потечески улыбается. Именно в это мгновение я узнал в нем себя.

Узнал, как говорят, с ног до головы, до морщинок у глаз и чуть дрогнувших в улыбке губ.

– Найдешь, – сказал он. – Не повторяй моих вольных и невольных ошибок. Найдешь обязательно, если действительно хочешь найти. И тогда у нас будет своя зона. Обетованная и единственная в мире. Так, кажется, говорил твой Арсений. Он свою нашел, найдешь и ты. Должен найти.